

Министерство культуры Тверской области
Тверской областной Дом народного творчества

Тверское фольклорное поле

Выпуск 1

Материалы научно-практической конференции
Сборник статей

Тверь 2024

ББК 82.3
УДК 398
Т26

Т26 Тверское фольклорное поле: Сборник научных статей. Вып. 1. — Тверь: ГБУК «ТОДНТ», 2024. — 344 с.

Редакционная коллегия серии

В. Е. Добровольская, Т.А. Золотова, С. Н. Лебедева,
Е. Г. Марина (ответственная за выпуск),
М. В. Строганов (председатель)

Составители П. А. Можаяева, Л. В. Калина

Сборник составлен по материалам научно-практических конференций «Тверское фольклорное поле», которые состоялись в 2013-2015 годах. В статьях освещаются вопросы современного состояния традиционной культуры Тверской области, вводятся новые материалы по фольклору и этнографии региона.

Для специалистов в области традиционной культуры, работников сферы культуры.

При перепечатке материалов сборника статей ссылка на сборник обязательна.

© Коллектив авторов, 2024

© Тверской областной Дом народного творчества, 2024

Содержание

<i>Предисловие</i>	5
<i>Календарь и обрядовые практики</i>	7
<i>Л.К. Королева.</i> Святки в Пеновском районе	7
<i>С.А. Ситникова.</i> Орехи, кресты и птюшки в ранневесеннем традиционном календаре. Экспедиционные материалы Осташковского района, 2011 2014 годы	15
<i>М.В. Строганов.</i> Календарные приметы Верхней Волги	20
<i>А.Б. Ипполитова.</i> Тверские заговоры в записях 1970-х годов (архивные материалы)	46
<i>В. Е. Добровольская.</i> Матримониальная магия в поселке Приволжский Кимрского района	53
<i>Н.В. Перцева.</i> Элементы свадебного обряда деревень Страхиново и Лбовские Хутора Кесовогорского района	65
<i>А.К. Конёнкова.</i> Образы странников в графике С. Т. Конёнков ...	69
 <i>Сказки и песни</i>	
<i>В. Е. Добровольская.</i> Образ инвалида в тверской сказке в контексте общерусской сказочной традиции	75
<i>О.М. Кузьмина.</i> Особенности музыкально-певческой культуры Тверского Волговерховья в начале XX века Традиции ржевских старообрядцев	84
<i>И.Н. Некрасова.</i> Народные исполнители из деревни Голузино Кимрского района	88
<i>С.Н. Лебедева.</i> Хранители и сподвижники. По материалам экспедиции в Рамешковский район 2014 года ...	93
<i>Т.А. Кулакова.</i> Воспитание подрастающего поколения на традиционной культуре Нелидовского района ...	101
 <i>Легенды, предания и народная молва</i>	
<i>В.А. Подрядчиков</i> Были и небыли Рамешковского края	114
<i>Н.Н. Лапин.</i>	
<i>В.В. Кузнецов.</i> Князь Владимир Ржевский: историческая личность — «народный» святой фольклорный образ	119
<i>В.В. Цыков.</i> Из опыта собирания Тверских легенд	138

<i>О.Л Францев.</i>	Памятник отмене крепостного права в деревне Трубино Новоторжского района. История и легенды	145
<i>А.П Монахова</i> <i>Н.П.Константинова.</i>	Хвостатые (из тверских воспоминаний) Подготовка текста и вступительная заметка Е.Н. Грачевой, А. В. Вострикова	149
<i>В.В.Коркунов.</i>	Фольклорные и диалектные особенности Кимрского края	172
<i>О.Л Францев.</i>	«Святые письма» и «письма счастья» на территории Тверского края	181
<i>М.В Строганов.</i>	Два дополнения к статье О. Л. Францева	192

Мастера традиции

<i>В.И.Ситников.</i>	Традиции резного декора в тверских деревянных жилых постройках	194
<i>К.В Бабковская.</i>	Куклы Тверской области	204
<i>М.И Сергеева.</i>	Печатный пряник в обряде тверской свадьбы...	211
<i>Н.Е Баринаова.</i>	Калязинские кружева. История и современность	215
<i>М.Г Весенкова.</i>	Гончарное ремесло в Оленинском районе	223
<i>А.Г Кулешов.</i>	О современной авторской игрушке. Новоторжские расписные глиняные фигурки-свистульки	229

Библиография тверской фольклористики

Тверская фольклористика: Материалы к библиографии. Составители <i>Н.Л Волкова, А.В.Кобызская, И.Ю Махотина, Л.В.Пазюк, Н.В. Романова, Е.Н Флегонтова</i>	232
Материалы по народной культуре на страницах газеты «Октябрь» Торопецкого района Великолукской области. 1948-1962 годы. Составительница <i>И.А Трифаженкова</i> ...	321

<i>Иллюстрации</i>	323
---------------------------------	-----

Предисловие

Первая конференция «Тверское фольклорное поле» была организована сотрудницами Тверского государственного университета О. Е. Лебедевой и С. Н. Лебедевой в 1997 г., однако сразу продолжения она не получила. Только с 2007 г. усилиями М. В. Строганова, который работал в то время в Тверском государственном университете, конференция «Тверское фольклорное поле» проводится ежегодно, и с 2007 по 2023 г. прошло уже семнадцать конференций. М. В. Строганов сразу же изменил формат мероприятия за счет активного сотрудничества с Тверским областным Домом народного творчества, хотя первоначально университетские исследователи играли в этом процессе лидирующую роль и в организации, и в научных исследованиях. Однако за истекшее время произошел ряд существенных изменений.

Прежде всего, конференция приобрела межрегиональный характер. Первыми к разработке темы и участию в конференции подключились сотрудники Государственного республиканского центра русского фольклора (Москва), и какое-то время конференция проходила под двумя грифами: Тверского областного Дома народного творчества и Государственного республиканского центра русского фольклора. И к настоящему времени в конференции активно участвуют исследователи из разных организаций Москвы, Петербурга, других городов страны.

Кроме того, с 2015 г. главным организатором (не только материальной, но и содержательной составляющей) конференции стал Тверской областной Дом народного творчества под руководством его директора Е. Г. Мариной. С 2018 г. конференции проходят при поддержке Государственного Российского Дома народного творчества им. В. Д. Поленова. В последние годы это связано также с описанием объектов нематериального культурного наследия области.

Наконец, не менее важной новацией стало регулярное проведение с 2014 г. одного из дней конференции в том или иной районном центре Тверской области с тем, чтобы привлечь фольклорные активы этого и близлежащих районов к собирательской и исследовательской работе. И данная инициатива имела свой результат: в настоящее время исследователи из разных районов области активно включились в собирательскую работу. Это направление деятельности следует еще более активизировать, используя современные средства телекоммуникации.

Все эти этапы нашли отражение в опубликованных обзорах конференций¹.

---

¹ См.: Конференция «Фольклорное поле — 2010» // Живая старина. 2011. № 4. С. 67–68; Конференция «Фольклорное поле — 2012» // Живая старина. 2013. № 3. С. 67–68; Конференция «Фольклорное поле — 2013» // Живая старина. 2014. № 4. С. 66–67;

Периодически материалы конференций публиковались не только в разных периодических изданиях, но и отдельными сборниками и тематическими блоками². Настоящее издание продолжает данную традицию и вместе с тем переносит издание в цифровой формат, делая его таким образом более доступным разным заинтересованным лицам.

---

¹ Конференция «Тверское фольклорное поле 2014 года» // Живая старина. 2016. № 1. С. 67-68; Конференция «Тверское фольклорное поле 2015 года» // Живая старина. 2016. № 3. С. 71-72; Конференция «Тверское фольклорное поле» // Живая старина. 2017. № 4 (96). С. 68-69.

² Тверское фольклорное поле 2007: Доклады и публикации. Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2009. 76 с.; Вестник Тверского государственного университета. 2010. № 4. Серия «Филология». Вып. 2; В памяти народной. Великая Отечественная война в фольклорных и непрофессиональных произведениях / 65-летию Победы посвящается. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2010. 204 с.; Тверское фольклорное поле — 2010: Доклады и публикации: Памяти Ю. М. Соколова. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2011. 160 с.; Тверское фольклорное поле: Материалы научно-практических конференций 2013—2015 годов: Сборник научных статей. Выпуск 6. Тверь: ООО «Оптима», 2018. 342 с.

КАЛЕНДАРЬ И ОБРЯДОВЫЕ ПРАКТИКИ

Л. К. Королева

Тверь

СВЯТКИ В ПЕНОВСКОМ РАЙОНЕ

Пеновский район расположен на северо-западе Тверской области в верховьях Волги, на юго-западных отрогах Валдайской возвышенности. Основной материал статьи собран в 2005 г. фольклорно-этнографической экспедицией Тверского музыкального училища им. М. Мусоргского (руководитель Л. К. Королева), использованы записи 1994 г., сделанные автором статьи. Несмотря на то, что экспедиция носила учебный, ознакомительный характер, в результате семи дней работы в Пеновском районе был собран богатый этнографический материал, свидетельствующий о некогда существовавшем здесь самобытном пласте традиционной культуры. В рамках данной статьи рассматриваются полевые записи, отражающие обрядовые действия, связанные со святочным периодом земледельческого календаря.

По мнению исследователей, на Святки приходится основной годовой ритуальный комплекс, отмечающий и оформляющий рубеж между старым и новым временными циклами.¹ Насыщенность многочисленными ритуальными действиями (ряжение, обходы дворов, гадания) делает эти две недели центром всего зимнего календарного периода.

Главный праздник святочного периода Рождество. В этот день жители варили овсяный кисель, выливали в «ночёвки» (деревянное корытце с 2 ручками), ставили за огород и говорили:

*Коляда, Коляда,
Поешь моего киселя.
Сама поешь
И малых детушек накорми.*

(И. И. Смирнов 1940 г. р., д. Малая Переволока Пеновского р-на)²

Одним из основных обрядовых действий на Святки было хождение по домам с исполнением колядных песен. Колядующие: женщины и молодежь — становились под окнами и пели колядные песни («кричали Коляду»):

*Приходила Коляда
Накануне Рождества.
Кто даст Коляды,
Тому двор животов,
А кто не даст Коляды,*

¹ Пащина О. Календарно-песенный цикл у восточных славян. СПб., 2006.

² Если собиратель не указан, записи сделаны автором статьи. При повторных ссылках паспорт информанта дан в краткой форме.

Тому двор чертей (И. И. Смирнов).

Хозяева одаривали обходчиков конфетами, лепешками, пирогами, салом, «сочниками», деньгами.

В народе Святки считались молодежным праздником. На протяжении всего святочного периода по вечерам молодежь собиралась на гуляния. В Пеновском районе такие собрания называли *вечеринками, беседами, посиделками*. Избу для гуляния откупали у одиноких старушек. За это хозяйке платили деньгами, либо помогали по хозяйству: «Пускали, пускали в избу. Ну, коль старушка пúстить, бывала, старушке ётай пол вымыишь» (зап. А. А. Терехов от А. П. Гусаровой 1933 г. р., д. Ворошилово).¹ На обычные беседы ходили с работой: пряли, вышивали, вязали, плели кружева. На святочные беседы девушки приходили нарядными — *сряжались*. Здесь уже не пряли, считалось, что если «в Святки попрядешь, то и прядок не найдешь».

На молодежных гуляниях пели песни, частушки, танцевали, плясали. В данной местности плясали русского, цыганочку, дрозда, левоницу, сербияночку, страдания, семёновну, барыню, кадрили. Популярными танцами были вальс, краковяк, яблочко, подэспань, полька, коробочка.

Ряжкой чертой святочной обрядности является ряженье, которое зафиксировано здесь во всех населенных пунктах. Ряженые участвовали в большинстве событий святочного периода. В Пеновском районе их называли *соряжённики, снаряжённики, святочники, святошники*. Группы ряженных могли, помимо колядовщиков, отдельно совершать обходы дворов. Молодые парни, девушки соряжённиками ходили по домам молодоженов, заходили в каждый дом, пели коляду, желали счастья, здоровья, хлебородного года, просили: «Дайте мясца с комариную лыточку!» (ляжка, *местн.*). За это хозяева давали сало, мясо, конфеты, лук, деньги, сахар.

Ряженые были непременно участниками святочных молодежных собраний-игрищ. Наиболее распространенными персонажами ряжения были «купцы», «поп с попенком», «цыгане», «черт», «лошадь», «медведь», «журавль», «ерш». Соряжённики надевали на себя плохую одежду, выворачивали шубу наизнанку, мазались сажей; чтобы изменить внешность, делали горб, зубы из картошки, различные маски из тыквы, овчины, кожи с рогами. Обычно наряжались парни, реже пожилые мужчины и женщины. Святошники с песнями ходили по деревне, веселили народ, приходили на гуляния. Туда приносили «покойника», одетого в белую одежду, «отпевали» и заставляли девушек его целовать. Церковь к ряженью относилась отрицательно, поэтому рядиться покойником соглашался не каждый: «Это раньше. Батюшка говаривал, что это худое дело. Это, в общем, как батюшка рассказывал, кто в карты проиграется, вот яму́ платить нечем, вот он на эту систему и идет. Его раздеют, передева́ют и нясут прям в избу» (зап. А. А.

---

¹ Поскольку все записи студентов сделаны во время экспедиции 2005 г. в Пеновском р-не, год и место записи нигде не указывается.

Терехов от С. И. Волкова 1929 г. р., д. Заселицы). Ряженые приносили с собой чугуны, напильники, пилы и заставляли присутствующих работать (лудить чугуны и точить пилы). Тех, кто отказывался, мазали сажей. Непременно приводили на гуляние ряженого «медведя», насыпали ему в рукава золу. «Медведь» плясал под гармонь, катался по полу, ходил на четвереньках, рычал, валял и пачкал девок.

Ряженые разыгрывали пародийную свадьбу — «венчали молодых»: водили со свечами из соломы вокруг ступы с пестом, где ступа играла роль аналая. В более позднее время эта забава в несколько редуцированном виде перекочевала на молодежное гулянье в клуб: «Падбирают нявесту, жениха и их сватают: и колокольчик под дугой, и всё, и на сцену их, и поют, выступают они все» (Т. А. Шаркова 1939 г. р., д. Поляна).

Распространенные персонажи ряженья — «цыгане», ряженный «конь»: «Я помню, когда мама моя была, они наряжались, ой как наряжались! Коня сделают — как натуральный конь: сделают просто палку, а на палке как у лошади морда. Между ног поставят и ездят, приезжают на лошади, приехали свататься» (А. В. Румянцева 1932 г. р., д. Поляна).

Бабы рядились «цыганкой», гадали:

*Я цыганка молодая,
Я гадаю без обмана.
Подари на эту ручку
Серебряную штучку,
В этой штучке есть обман —
Я кладу ее в карман* (И. И. Смирнов).

З. А. Михайлова из д. Заборье вспоминает, как на Святки наряжалась в «смерть»: оборачивалась в простыню и заходила в каждый дом, пугала народ.

Большое место в молодежных посиделках занимали разнообразные игры, направленные, в основном, на сближение, знакомство молодежи и выбор пары. Например, одна из игр носит название «свадьба»: девушки становятся в ряд и каждая загадывает имя парня. Гармонист играет русскую, на круг выходит парень, выводит одну из девушек, кружит ее, затем подает ей руку. Если девушка загадала его имя — она принимает руку, если нет, то показывает «редьку»: то есть мимикой, жестами, выражением лица дает понять парню, что он обратился «не по адресу». В данной местности во время сватовства в знак отказа сватам девушка выносит к столу рѣдчину. Так кружатся, играют до тех пор, пока каждый не найдет свою пару. Любимыми играми также были «ремешки», «в косую», «фанты», «в трубочиста», «в болвана», «блины».

В святочный период молодежь озорничала, *чудила* по деревне: заносили сани на крыльцо, разбирали дровни, закладывали трубу дровами, насыпали золой. Парни привязывали к окну веревку с каким-нибудь тяжелым предметом и постукивали им в окошко. Нина Моисеевна Богданова из д.

Лугово вспоминает, как на Святки ребята сделали чучело, одели его в мужскую одежду и положили в снег. Прохожие в деревне подумали, что человек замерз, и обратились в милицию: «Принесли эту чучалу, вроде мужик. Здеся капроновый чулок одели, глаз ня видна, а шапка-то одета. Он ляжит вниз лицом, ноги длинные. И выходит мужчина из деревни Заселицы и говорит: „Человек замерз этой зимой!“ Побяжал звонить к Генке. Прибжал, говорит: „Ген, замерзши кто-то у меня во дворе, замерзша!“ Побяжали смотреть, посмотрели, а это чучело. Ну, а потом эту чучелу взяли, к автобусной будке притащили и кинули эту чучелу. Он ляжит, ноги раскорячивши — такой длинный мужик. Позвонили в милицию, едет милиция. Как вылезли, они сразу смягнули: видят, что не мужик тут ляжит, а чучело ляжит» (зап. А. А. Терехов от Н. М. Богдановой 1929 г. р., д. Лугово).

Обязательным святочным действием были гадания. Большинство зафиксированных здесь гаданий можно отнести к общераспространенным, тем не менее встречаются характерные только для данной местности особенности. Жительницы пеновских деревень подробно и с удовольствием вспоминают, как гадали сами и их подруги, охотно рассказывают разные истории, связанные с гаданиями, и о том, какое это опасное занятие. Место для гадания выбиралось особое: гадали там, где любые звуки и проявления природы наполнялись «вещим» смыслом. Такими ритуально значимыми местами могли являться перекресток, хмельник, конюшня, баня.

На перекресток ходили «полоть снег». Девушки набирали в подол снег, трясли и приговаривали:

*Полю, полю снежок,
Полю, полю беленький.
Залай, залай собачка
На свекровам дворе.*

Девушка загадывает, где суженый-ряженный живеть, в какой стороне. Где-то собака залает или еще что-то» (В. П. Завьялова 1949 г. р., д. Ворошилово). Слушали, где зазвонят бубенцы — *шарки*: «Девки ходили, гадали. С шаркам гадали. Где слышит, то замуж в ту сторону выйдешь» (Н. М. Локина 1928 г. р., д. Ворошилово).

Собравшись небольшой группой, девушки в 12 часов ночи также отправлялись на перекресток дорог «обчерчиваться». Там по очереди становились на овечью шкуру и, очертив три раза обожженной с обоих концов лучиной-огарком защитный круг, произносили слова: «Черт в черти, три за чертой!» Варианты: «Свят в черте, черт за чертой»; «Черт за чертой, а ряженный в чарты». Затем все отходили назад на десять шагов и слушали, что послышится. Если зазвонит колокольчик — с той стороны будет жених, если молотки застучат, хлопнет дверь — к покойнику, бляние овец (скотины) — к хорошему, плач ребенка — родить в девках, если поезд услышишь, топот коня, скрип телеги — к отъезду, музыка, песни — к свадьбе.

Кроме перекрестка местом аналогичных гаданий являлся хмельник. «Приходишь в хмельник этот, в хмельник и становишься. Обчертятся огарком, скажут: „Черт в черти, три за чертой!“ Вот и слушай, что будет тебе» (зап. А. А. Терехов от В. К. Самойловой 1929 г. р., д. Ворошилово).

Основными участницами гаданий были молодые незамужние девушки. Но встречаются упоминания и о гаданиях парней. Например, Алёна Павловна Хрусталёва из д. Погорельцы вспоминает, как на Святки ее дядя ходил гадать в хмельник. «Вот, мой дядя с теткой пошли. Вот яны ходили, тетка как очертила дядю моего три раза огарком, ему сразу в ружье стали стрелять. Вот это зимой было, а весной его в армию взяли» (зап. А. А. Терехов от А. П. Хрусталёва 1925 г. р., д. Лугово).

Гадания с толкованием подслушанных слов, звуков здесь очень популярны. К этой группе относится записанное в данном районе гадание «ходить слушать коней»: «Ходили в конюшню, коней слушали. Как жа, говорили:

*Конь мыладой,
Вдарь копытой,
Тряхни уздой,
Выйду я замуж, или нет?*

И слушают — если конь цокнет копытой, то это значит, выйдет она замуж в этот год» (М. А. Новикова 1919 г. р., д. Ворошилово).

В Святки во всех деревнях Пеновского района девушки бегали под окна и спрашивали имя будущего супруга: «Станут под окном, спрашивают: Скажи, баба, суженого-ряженого. Ну, какого-нибудь им мужика скажут, — он твой» (К. В. Смирнова 1924 г. р., д. Ворошилово); «Под окном: скажите суженого-ряженого. Ну, возьмешь, скажешь ни такого. Ха-ха-ха, и побяжали!» (Н. М. Локина).

В ходе экспедиции зафиксированы гадания, основанные на поведении животных. Например, девушки ловили в 12 часов ночи курицу и приносили в избу. На пол ставили блюдечко с водой, с зерном, зеркало, кольцо, уголь и по поведению курицы смотрели, какого мужа им ждать в будущем: «Гадали на курят: ловили кур к двенадцати часам ночи. Дома смотрели, к чему подойдет курица. Зеркало — муж фарсистый будет, вода — пьяница, хлеб — обжорливый муж достанется, кольцо положено — скоро замуж выйдешь. Если поймают петуха — будешь вековухой» (Н. Н. Калинина 1924 г. р., д. Заборье); «Приносишь домой курицу, я сыплю зярно, ты кладешь уголь, третья кладет хлеб и воду. Ну и вот принесут эту курицу, вот за чей курица начнет сразу клявать, за воду начать пить, значит, мужик пьяницей будет, начнет уголь — бедный, за хлеб — богатый» (В. К. Самойловой).

Святочные гадания отличаются большим разнообразием. В Пеновском районе наиболее распространенными являются следующие виды:

- совали руку в баню (вариант: в овине выставляли наружу голую задницу) и ждали, какая рука погладит (голая — к бедности, лохматая — к богатству);

- гадали с зеркалом;

- обнимали частокол, брали охапку дров и считали количество обхваченных кольев или поленьев (четное количество знаменовало брак, нечетное — безбрачие в новом году);

- бросали снежные комки на озеро в воду (если комок зашипит, муж будет сердитым);

- кидали через забор валенок (куда упал носком, в той стороне и жених, а если к воротам, то еще год в девках сидеть).

Огромное значение придавалось сновидениям на Святки. Экспедиционные записки содержат многочисленные варианты гадания на вещий сон. Чтобы девушке приснился будущий муж, клали под подушку различные предметы: зеркало, мужские штаны, гребенку, ключ и замок, полотенце и т. п. Перед сном произносится приговор: «Суженый-ряженный приходи коня поить» (варианты: «замок отмыкать», «причешу меня» и т. д.). «Забралась на печку, мамка закрыла на замок: „Сужен-ряжен, приходи открывать мою дочку» (А. Т. Голубева 1926 г. р., д. Ворошилово Пеновского р-на).

Широко известно гадание, когда на ночь оставляли носок на ноге: «Носок на ноге оставляют, один отдають, а другой — на ноге своей:

*Сужен-ряжен,
Приходи ко мне,
Увидь меня, услышь меня
И давай, сними с меня носок.*

Ну, и придёт парень какой, за которого она замуж выйдет, и носок отдаёт» (М. А. Новикова).

Предметами для гадания могли служить зеркало и гребенка: «А загадывали так: ложится спать, такое зиркало и гребенку, было, яго под подушку клали и три раза приговаривали:

*Поснися мне во снах,
За кого я выйду замуж,
Поснися мне во снах.*

Ну вот, я и заснула, и снится мне, как будто это зиркала как вясить на стене (такое зеркальце как раз), и подходить парень етот, и в это зиркало смотрится и чешится» (М. А. Новикова).

Распространенный в фольклоре поэтический мотив перехода через мост, перевода девушки-невесты через реку символизирует брак. С этими представлениями связано гадание с изготовлением моста: «Вот спать ложисся, делаешь ны Каляду со спичек мостик, ну и загадываешь: „Суженый-ряженный, приходи на этыт мостик. Вот ко мне и пришел суженый-ряженный, вот этот мужик» (А. Я. Буянова 1929 г. р., д. Лебедево). Иногда вместо спичечного мостика делали колодец из лучины и клали под подушку.

В данной местности записан архаичный тип гаданий с выниманием наугад из блюда с водой предметов под специальные песни, получивший здесь название «обыгрывать воду». Жители отмечают, что гадали девушки, а вынимали предмет пожилые женщины. Такое распределение обязанностей в обряде гадания является знаковым. Так как любое гадание предполагает вступление в контакт с обитателями иного мира, то для осуществления такого контакта выбирался человек, так или иначе связанный с «тем» светом, в данном случае — старуха: «Чашку накрывали полотном, а рука под полотном, и она там водит, водит. Это делали пожилые старушки, а девушки только предметы бросали. И они знали песни, каждому предмету какая песня, и вот они вытаскивали». Затем воду, выступавшую своего рода медиатором между мирами, выливали на перекресток: «Выливали эту воду на росстанях и ложились, и ухом слушаешь: с какой стороны где какой звук, туда я замуж выйду. Ничего не говорили» (Н. Н. Калинина).

В исследуемом нами районе записано такое обрядовое действие на Святки, как «заметание жениха с другой деревни». Одна девушка ездил верхом на клюке, а другая следом за ней на метле — заметала жениха: «Ездили на метлы. На клюку садились, а другая — сзади метлой заметала жениха. Села и поехала в сторону, где есть ребята, туда и оттуда. Они с мятлой, с клюкой. Жениха заметать с другой деревни. Бывало, его, сестра сядет на клюку, а подружка следам. Сядут, побягут. На клюке ездил, как на коне» (Н. И. Тяблова 1933 г. р. д., Ворошилово).

Со святочным периодом связано огромное количество поверий и быличек, рассказывающих о контактах с потусторонними силами. Чаще всего, людям могло что-то слышаться, видеться — *вестить*. Само слово *вестить* — весть, означало предсказание чего-либо. Записан интересный рассказ о том, как вестило парням: «Идем с гуляния, вечером в час ночи, с нами ребята были. Слышим, кричат в лесу: „Ой, добрые людюшки, помогите!“ Мы испугались, побежали... и всё так: как хлопают руками, и приговаривают: „Ой, добрые людюшки, помогите!“ Когда петух пропел после часу, ну и всё. Девки говорят: „Кому-то вестит“. Парней, которые с нами тогда шли, посадили в тюрьму, за драку. Дали им по пять лет» (М. А. Матвеева 1929 г. р., д. Поляна); «Еще вестило перед войной, я помню. Ночью какие-то были столбы, ходили смотреть с родителями, на улице. Вот на небе столбы, ясные столбы стоят» (Т. А. Шаркова).

Завершались Святки праздником Крещения Господня. Жители обязательно посещали молебен и Водосвятье, затем окунались в прорубь, чтобы смыть с себя все грехи. На следующий день после Крещения хозяева домов рисовали углем крестики на окнах внутри и снаружи дома, закрепляясь таким образом от нечистых духов.

Данная статья дополняет публикации, представляющие традиционную культуру Верхневолжья. Территория, на которой расположен Пеннов-

ский район, является переходной зоной от новгородских культурных традиций к традициям центральных районов Тверской области. Отражая их историко-этнографическое единство, экспедиционные материалы свидетельствуют тем не менее о наличии здесь обрядовых комплексов, обладающих самостоятельностью и своеобразием.

**ОРЕХИ, КРЕСТЫ И ПТЮШКИ
В РАННЕВЕСЕННЕМ ТРАДИЦИОННОМ КАЛЕНДАРЕ
ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ МАТЕРИАЛЫ ОСТАШКОВСКОГО РАЙОНА
2011—2014 годы**

В основу статьи положен фольклорно-этнографический материал, полученный преподавателями и студентами Государственной академии славянской культуры (филиал в Твери) в Осташковском районе в ходе летних экспедиций 2011—2014 гг.

Ранневесенний календарь в Осташковском районе представляет собой комплекс празднично-ритуальных дат, которые сопровождались определенными ритуально значимыми действиями и приготовлением специальной ритуальной еды. Некоторые традиционные ранневесенние праздники имели своим главным обрядовым атрибутом особую фигурную хлебную выпечку.

Главными точками, на которые в Осташковской ранневесенней зоне приходится выпекание мелких обрядовых тестяных изделий, являются Сороки (9/22 марта) и Средокрестье (среда 4-й недели, то есть середина Великого поста). В этот период выпекали маленькие тестяные шарики — *орехи*, так называемые *кресты* и фигурную выпечку с птичьими названиями: *жаворонки*, *птюшки* и другие.

Орехи, то есть маленькие тестяные колобки в Осташковском районе выпекали на Сороки. Изготавливать их могли, разрезая тестяной жгут на небольшие кусочки, которые затем по одному скатывали в шарики между ладонями. Или нарезанные из жгута кусочки теста помещали в решето и вращали его до тех пор, пока все кусочки «сами станут круглыми». В Осташковском районе *орехи* готовили только на Сороки. Ни в Средокрестье, ни в другие календарные праздники эта выпечка не практиковалась.

Довольно часто сообщается, что выпекались *орехи* для ритуальных пророческих действий, а именно, чтобы определить окончание периода морозов и наступление теплой погоды для сева. Со дня Сорока мучеников после каждого мороза старший в семье откладывал один *орех* — он мог выбрасывать его за окно «морозу» или «птичкам», мог съесть сам или отдать на съедение своим детям. В некоторых осташковских селениях эта практика жива до сих пор: «Сороки святые — орехи катали, сорок орехов накаатают и откладáют их на Вяликий пост, <...> и вот потом считают». Должно с масляной сорок морозов пройтить. Как мороз, так орех убирают. Вот для чего раньше были старики, считали морозы. <...> И вот сколько морозов будет, то орех прочь, вот так отсчитывали. Когда съядят все, значит морозов больше ня будет <...>, ну убирают из этой кучки, из сорока штук. Когда морозы стоят, когда ня стоят морозы. Бывало, скажут: „О, осталось три или

четыре ореха“ . А эва-от нынче у нас мужик-от один говорит: „Три или четыре ореха оставши, не прошли морозы“ . Всѣ ждали в июне буде, но у нас бог миловал» (Антонина Николаевна Пушкина 1931 г. р., д. Лукьяново, 2014); «А почему сорок орехов, это делалось для того, чтобы узнавать, сколько будет морозов, чтобы считать морозы. <...> И вот после 23 марта считаем, сколько пройдет морозов. Каждый мороз съедали по ореху, хозяин съедал. С 23 марта по 1 мая должно пройти сорок морозов. Чтобы в мае не было морозов, вот что следили раньше, сажали огороды. Если не получится, то говорили: „Вот, орешки не кончились, морозов не было, значит будут в мае морозы, сажать опасно“» (Антонина Егоровна Рассадкина 1931 г. р., д. Гринино/с. Себрово¹).

Главным образом на Средокрестье в Осташковском районе пекли хлебные кресты, или крестики, — хлебную выпечку с изображением креста. Другой выпечки, кроме крестов, на Средокрестье в обследуемых селениях не отмечено: «Крясты пякли на перьялом, на серядину поста» (Римма Михайловна Кулинцева 1934 г. р., д. Кочище); «В Великий пост есть *средохрестная* неделя. Три с половиной недели прошло, четвертая неделя — середина поста. В среду обязательно надо печь кресты» (Анна Георгиевна Баранова 1928 г. р., д. Черный дор).

При изготовлении крестов формируются («выкатываются») круглые плоские булочки, которые иногда называют *лепёшки*. На них ножом надрезается крест. Как правило, такие кресты готовили по числу членов семейства: «Кресты — это булочки такие круглые. У нас семья, например, и столько мама делает таких булочек, на всех, и на них кресты ножом делает» (Екатерина Васильевна Давыдова 1932 г. р., д. Черный дор).

Чаще всего булочки готовились настолько маленькие, что умещались на ладони: «Крясты такие пякли круглые. <...> Сделают такой кругленькой и ножичком так крестик и вырежут» (Надежда Михайловна Никитина, 1937 г. р., д. Берёзово). Но иногда сообщается о крестах среднего и большого размера. В случае если выпекалась большая булка-крест, то ее ритуально делят (ломают или режут ножом) на каждого в семье: «Пякли такую каравашечку, колобу, на ней ножом крестик сделают... Крясты мы их называли. <...> Потом нарежут — сколько человек в доме, на столько кусков. Бывало, что и каждому по крясту сделают, можно по маленькой напечь» (Надежда Николаевна Степанова 1933 г. р., д. Рóги).

Несмотря на то, что хлебные кресты стойко ассоциируются в большинстве осташковских селений со Средокрестьем, нередко они выпекались и на Сороки, и в Пасху. К Пасхе в некоторых селеньях готовили куличи,

---

¹ Перед косой линией обозначен населенный пункт, в котором информант наблюдал сообщаемые факты, после косой линии отмечено место записи. Если назван один населенный пункт, значит, место наблюдения и место записи совпадают. В тех записях, которые сделаны в 2011 г., год не указывается.

которые формировались путем складывания друг на друга лепешек из сырого сдобного теста. На каждой лепешке ножом надрезался крест. Первая лепешка была самой большой по диаметру, а каждая последующая — всё меньше и меньше: «Мама пякла... паску, а паска — всё кресты, кресты, вот такую большую спячёт, сперва большие крестики, крестики, крестики. Она маленьким, маленьким, маленьким покрывает. Вернее, такая ляпёшачка — большая, сдобная, яю разрежешь ножом, так чтобы на чатыре, ну как крест делаешь, а потом еще намаслишь, яичком. Такая красивая эта паска. Сейчас куличи на Паску пякут, они хуже, тая лучше была. Ой, друг на дружку, на дружку, потом маленький, маленький и на конце такой и крестик. Моя мама была такая, она всё могла» (Антонина Михайловна Рыжкова 1930 г. р., д. Мосеевцы/д. Алексеевское).

В осташковской традиции кресты изготавливались к трем ранневесенним праздничным дням, оснащенным печеными хлебцами (Сороки, Средокрестье, Пасха), но только на Средокрестье отсутствовало разнообразие выпечки и бытовал один и единственный ее вид — кресты. Если же кресты выпекались на Сороки, то они всегда соседствовали с другой выпечкой, чаще всего с орехами.

Кроме крестов и орехов в осташковской ранневесеннем ритуале участвуют фигурные хлебцы с птичьими названиями *жаворонки*, *птюшки* и др. Время изготовления хлебных птичек в осташковской зоне ранней весны связано, прежде всего, с Сороками и значительно реже — с Пасхой: «В Великий пост птички пекли, в Сороки святые... Я помню, мама таких птюшечек понаделает с крылышками да с носиком. <...> Комочков таких разомнет, головку сделает, носик, а тут глазки проторнет спиченкой. А тут она как-то загибала сюда крылышки, а потом возьмет ножичком и хвостик на две штучки разделит, раздвоит как у ласточки, а головочку отдельно, кругленькая такая» (Прасковья Федоровна Иванова 1935 г. р., с. Большое Веретье/с. Святое); «В Сороки, помню, бабушка пякла птюшки. Пячёт и головку, клювчик сделает <...>, крылья ня делали» (Раиса Александровна Давыдова 1938 г. р., д. Берёзово); «Мама сделает такие кренделошечки, сверху пупончик поставит, маленькую загугуленку такую, как хвостик сделает, вот и птичка» (Анна Михайловна Мосягина 1928 г. р., д. Себрово/с. Святое); «Надо перышки разрезать, хвостик. Голова-то уж точно, так мама делала: тут глазки, тут клювик, тут гребешок и крылышки вот так кверху» (Анастасия Николаевна Узун/Сергеева 1929 г. р., д. Лукьяново); «На Сороки святые делали птюшачек с теста. <...> растолките тесто и сделайте вот такую ляпёшачку, раскатай тяперь, надо пошире яе. Теперь свярни, эту ляпёшачку свяртывай, свяртывай. Хвостик, хытянуть яго. Вярти теперь головочку, отдельно сделай, носик надо вытянуть. Здесь глазки проторнуть, углем глазки... Это вот в Лещине так делали» (Мария Михайловна Лазарева/Кудрявкина 1923 г. р., д. Лещины/с. Святое, с 1970).

Праздничная птичка в осташковской традиции изготавливается несколькими способами:

- из комочка: вытягиваются головка, хвостик, крылья; иногда крылья прилепляются отдельно;

- из лепешки: вытягивается головка, надрезаются крылья и хвост; лепешка сворачивается вчетверо, надрезаются хвост и крылья, головка прилепляется отдельно; лепешка сворачивается рулончиком из него формируется головка и выщипываются крылышки;

- из жгутика:

1) узелком: а) узелок плотный или свободный; б) из верхнего конца узелка формируется головка, из нижнего хвостик; в) из нижнего конца узелка формируется головка, из верхнего хвостик; г) из обоих концов жгута делаются крылья, а хвоста нет, головка прилепляется;

2) спиралью: а) внутренний конец жгута — головка, внешний хвостик; б) из внутреннего конца жгута формируется хвостик, а из внешнего — головка птицы; в) хвостика нет, формируется только головка и носик; спираль без специального обозначения головы, а хвост плотно прижат к спирали;

3) винтом: а) жгут сгибается пополам, и концы жгута несколько раз перевиваются, в середине обозначается головка; б) жгут сгибается пополам, и концы жгута налагаются один на другой, условно образуя крылья, в середине формируется клюв;

4) комбинирование переплетенного и прямого жгута; такой способ изготовления птицы характерен для выходцев с Украины.

Надо сказать, что все виды печеня, изготовленного из жгута, внешне очень напоминают змею, свернувшуюся клубком. Ученым известна обрядовая практика изготовления змееподобной выпечки с орнитоморфными названиями в период ранней весны. Она имеет свою географию распространения в славянской культуре, а ее происхождение и семантика требует специального изучения. Можно лишь отметить, что в Осташковской ранневесенней обрядности факты изготовления змееподобного хлебного печеня встречается в изобилии. И очевидно, что фольклористам они неизвестны. Об этом может свидетельствовать высказывание Т. А. Агапкиной: «Спиралевидных хлебов, которые чаще всего интерпретируются исследователями как изображения змеи (Смусин, 1979), в весенних хлебах, по-видимому, немного (у болгар и сербов известны так называемые „витые“ караваи — в качестве пасхальных рождественских хлебов), а у восточных славян (мы можем говорить об этом со всей уверенностью) просто нет».¹

Среди разных видов орнитоморфного печеня в ранневесенней традиции Осташковского района встретились птички с соломинкой в клювике.

Не редкостью в осташковской обрядовой практике зоны ранней весны является разновидность птичек с гнездом, наполненным яичками, на спине.

---

¹ Агапкина Т. А. Этнографические связи календарных песен. Встреча весны в обрядах и фольклоре восточных славян. М.: Индрик, 2000. С. 106.

Причем такие птички могут быть разными по величине. Они могут умещаться на ладони, а могут выпекаться на большой сковороде и быть соответствующего размера.

Зафиксирована в Осташковском районе и своеобразная традиция подвешивать на время праздника изготовленных птиц к потолку: «У нас было пять девчонок — у каждого своя птица была, мы птичку пякли. Вот когда испякут или бабушка, или мама, и дадут: это твоя, это твоя. А мы брали иголку, вдвляли нитку, завязывали узел, прокалывали эту птичку уже испеченную, намавленную и сюда к окошку вешали, чтобы прилятели вясной птички. Там вбит к потолку гвоздышек мой, туда я повешу. Это прилятала птичка ко мне. У других свое место, каждый к своему окну» (Екатерина Демидовна Ширяева 1935 г. р., д. Анушино/с. Святое); «Ну вот комочек, тяните теперь головку, и крылышки были... Потом испекут, даже к потолку подвешивали, на гвоздик, нитку пропустят и к потолку подвешат. Их три-четыре бывало, висит. Воздух же двигается, они висят и качаются. Какой-то обряд был. Висит-висит, бывало, надоест, возьмет и съест» (Анатолий Михайлович Колосов 1931 г. р., д. Себрово); «Птичек пекли, кто сколько спекёт. Потом под потолок подвешивали. Гвоздь и ниточку. <...> Пять-шесть птичек из теста приделывали. Когда и упадут. Но повисят! Красиво! Не знаю, где как, но у нас-то так делали!» (Антонина Михайловна Смирнова 1922 г. р., д. Себрово).

Кроме того, в Осташковском районе обнаружено редкое свидетельство о подвешивании к потолку птиц, изготовленных в период ранней весны (а именно, на Пасху) из скорлупы куриного яйца: «На Пасху, я помню, утром встанем, а у мамы птички из яиц сделаны, висят, к потолку приделаны. Мама возьмет, пробьет дырочки с двух сторон, яйцо выльет аккуратненько, потом сделает ножичком дырочки, где крылышки. Клювчик из газетки и крылышки по бѣу, и в зад перышки — это хвостик. Много таких птичек не делала, но штуки три подвесит. Сверху пробивается дырочка, туда спиченку или какую палочку с ниточкой, и подвесить. Где мама научилась? Это со старины уж идет» (А. М. Мосягина).

Вплетенность образа птицы в ранневесеннюю, в том числе великопостную и пасхальную, обрядность, вероятно, не является случайной. Передвижная христианская пасха и предшествующий ей Великий пост падают на тот период народного календаря, когда земледелец ждет наступления весны и прилета птиц, как зримого признака пробуждения всей природы.

Что касается всей хлебной выпечки в целом, то судя по ее участию в ритуалах, направленных на заклинание плодородия, на прогнозирование предстоящей погоды и определение времени сева, вся она была направлена на магическое обеспечение будущего урожая.

КАЛЕНДАРНЫЕ ПРИМЕТЫ ВЕРХНЕЙ ВОЛГИ

В настоящей публикации мы представляем все выявленные нами календарно приуроченные паремии: обозначения дней народного календаря и сельскохозяйственные приметы, которые были зафиксированы в 1970—2000-е гг. во время фольклорных практик студентами филологического факультета Тверского государственного университета.¹ Всего публикация включает 450 записей и 323 приметы.

Прежде чем представить материалы самого фонда, считаем необходимым сказать несколько слов о степени изученности примет (в том числе календарных паремий) как фольклорного жанра. С одной стороны, приметы с ранних лет изучения русской народности привлекали внимание исследователей фольклора и традиционной культуры,² в том числе исследователей народного естествознания.³ Более того, в настоящее время приметы не менее активно изучаются лингвофольклористами и лингвокультурологами⁴ и

---

¹ В настоящее время этот фольклорный фонд хранится в Государственном республиканском Доме народного творчества, фонд М. В. Строганова (полевые материалы 1970—2000 гг.).

² *Снегирев И.* Русские простонародные праздники и суеверные обряды. М.: Университетская тип., 1837—1839. Вып. 1—4; *Сахаров И. П.* Сказания русского народа / Сост., ред. О. А. Платонов: В 2 т. М.: Институт русской цивилизации, 2013; *Даль В. И.* О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. СПб.: Литера, 1996; *Забылин М.* Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М.: Изд. М. Березина, 1880; *Агринский К. Ф.* Русские народные приметы о погоде и их значения для практической метеорологии и сельского хозяйства. Саратов 1899; *Коринфский А. А.* Народная Русь. Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. М., 1901; *Бурцев А. Е.* Народный календарь примет, обычаев и поверий на святой Руси. СПб., 1911.

³ *Ермолов А. С.* 1) Народное погодоведение. М., 1995; 2) Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах: В 4 т. СПб., 1891—1905; 3) Народные приметы на урожай. СПб., 1903.

⁴ *Харченко В. К.* 1) Народные приметы в русской национальной культуре // Русский язык и литература в киргизской школе. 1991. № 1. С. 52—55; 2) Народные приметы в художественном тексте // Слово и предложение в структурно-семантической организации текста. Липецк, 1992. С. 20—23; 3) Экологическая функция народных примет // Экология в теории и практике: Материалы межвуз. научно-практ. конф. Ч. II. Белгород, 1993. С. 41; 4) Язык народной приметы // Русский язык в школе. 1992. № 1. С. 78—82; 5) Семантика фольклорного слова. Монография. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992; *Кулькова М. А.* Семантика и прагматика немецких и русских народных примет: Лингвокультурологический подход: Автореф. дисс... канд. филол. наук. Казань, 2005; *Иванова Н. Н.* Структурно-семантические особенности и лингвокультурологический потенциал приметы: Автореф. дисс. канд. филол. наук. Псков, 2005 (<http://www.dissercat.com/content/strukturno-semanticheskie-osobennosti-i-lingvokulturologicheskii-potentsial-primety>); *Алефиренко Н. Ф.* Язык, познание и культура (когнитивно-семиологическая синергетика слова). Волгоград: Перемена, 2006; *Тонкова Е. Е.* Народная примета с позиций лингвокогнитивистики

необычайно широко публикуются массовыми тиражами для удовлетворения спроса широких слоев населения.¹

Есть, конечно, и большая группа фольклорно-этнографических исследований, весьма подчас продуктивных.²

и лингвокультурологии: Автореф. дисс.... канд. филол. наук. Белгород, 2007 (<http://cheloveknauka.com/narodnaya-primeta-s-pozitsiy-lingvokognitivistiki-i-lingvokulturologii#ixzz3cxNOXz1a>); Чупрынина Е. В. Лингвокогнитология народных примет // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 9 (27). Ч. II. С. 210—213 (www.gramota.net/materials/2/2013/9-2/56.html); Фаттахова Н. Н., Кулькова М. А., Туғанова С. В. Словарь народных примет в разноструктурных языках (русский, татарский, английский, немецкий). Казань: Печать-сервис-XXI век, 2014; Фаттахова Н. Н., Кулькова М. А. Народные приметы: синтаксис и прагматика (на материале русского, татарского и немецкого языков): Монография. М.: Флинта; Наука, 2015; Фаттахова Н. Н. Семантика альтернативной мотивации в народных приметах // Филология и культура / Philology and culture. 2015. № 2. С. 122—127.

¹ Китиков А. Е. Марийские народные приметы. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1977; Марийские народные приметы / Сост. А. Китиков. Марийское кн. изд-во, 1989; Стрижев А. Н. Календарь русской природы. 3-е изд., перераб. М.: Моск. рабочий, 1981; Народный месяцеслов: Пословицы, поговорки, приметы, присловья о временах года и о погоде / Сост. Г. Д. Рыженков. М.: Современник, 1991; Коми народные приметы / Сост. В. М. Кудряшова. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993; Погодой год припоминается: Русский народный земледельческий календарь / Сост. Б. М. Ховратович. Красноярск, 1994; Круглый год: Русский земледельческий календарь / Сост., вступит. Статья и примечания А. Ф. Некрылова. М.: Правда, 1991; Аксенов А. П. 1) Злодеяния нечистой силы. Донецк: Сталкер, 1996; 2) Я знахарь. Колдовство — злой рок человечества. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996; 3) Краткая универсальная книга Знахаря XXI века. М.: ООО «Издательство «АСТ»; Донецк: Сталкер, 2002; Грушко Е. А., Медведев Ю. М. Словарь русских суевений, заклинаний, примет и поверий. Н. Новгород: Русский купец — Братья славяне, 1996; Стрижев Александр. Народные приметы. М.: Современник, 1997; Приметы на каждый день: Сборник / Сост. О. Торпакова. М.: Агентство «ФАИР», 1997; Рожнова П. К. Радоница: Русский народный календарь; Обряды; Обычаи; Травы; Обережные слова; Древо жизни. М.: Дружба народов, 1997; Власова М. Н. Русские суеверия: Энциклопедический словарь. СПб.: Азбука, 1998; Гадания. Заговоры. Приметы / Авт.-сост. С. Ф. Каратов. М.: Золотой теленок, 1998; Приметы на каждый день: Календарь. Словарь / Сост. И. И. Комарова. М.: Рипол Классик, 1999; Маслов В. М. Сам себе синоптик, или Как определить погоду по приметам. СПб.: ООО Изд-во «Полигон», 2003; Зед С. Приметы и суеверия. Полное руководство / Пер. с англ. СПб.: ООО Изд. «Диля», 2005; Русский народный календарь / О. В. Третьякова, Н. В. Тверитинова. М.: Метафора, 2006; Приметы древних славян / Сост. И. Чернова. М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2006; Большая книга примет / Авт.-сост. Е. Л. Исаева и др. М.: Эксмо, 2007; Панкеев И. А. Тайны русских суевений. 5-е изд., испр. и доп. М.: Олимп: Астрель: АСТ, 2007; Предостерегающие знаки, сны, приметы / Сост. В. Рощаль. М.: АСТ; СПб.: Сова, 2007.

² Якобсон Р. О русском фольклоре // Якобсон Р. Язык и бессознательное. М.: Гнозис, 1996. С. 97—104; Пермяков Г. Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда // Типологические исследования по фольклору: Сборник статей памяти В. Я. Проппа. М., 1975; Пермяков Г. Л. Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988; Павлова Е. Г. Опыт классификации народных примет // Паремиологические исследования: Сборник статей. М., 1984; Дивьян Т. В. Мифологическое программирование повседневной жизни // Этнические стереотипы поведения. Л.: Наука, 1985. С. 154—178; Остер Г. Детские

С другой стороны, мы фактически не имеем научно оснащенных изданий примет, где каждая полевая запись была бы строго паспортизирована, сопоставлена с целым рядом других (опубликованных и архивных) записей. Примета, которая строго приурочена к определенному времени и пространству, как ни странно, существует у фольклористов вне этих времени и пространства. Может ли она в таком случае считаться изученной? Ведь совершенно очевидно, что в разных местах, где живет русский народ: на Дону, в Курске, Твери и Архангельске — природные календари различаются весьма существенно, если не принципиально. Следовательно, и календарные приметы традиционной культуры, тесно связанные с церковным календарем, также будут существенно различаться. Но даже и на более близких расстояниях друг от друга земледельческие календари должны быть существенно различны. А в наших изданиях по-прежнему бытует некий «русский народ, который говорил...» — далее приводится некая паремия, якобы общая и для Архангельска, и для Кубани.

Представляя настоящую публикацию, мы, таким образом, преследуем две цели. Первая и легко исполнимая для нас самих цель состоит в том, чтобы представить фонд примет Тверского края, записанных в 1970—2000-е гг. Достижение второй цели собственным силам автора настоящей работы недоступно и видится ему как нечто коллективное и отдаленное. Это — создание сопоставительного свода примет разных регионов России с собственным русским населением, потому что любые сопоставления с фондом примет немцев, англичан и татар могут быть признаны адекватными лишь в том случае, когда имеется имманентное описание фонда.

Нам не хотелось бы обременять эту вступительную заметку научной полемикой, тем более что основная цель нашей работы скорее репрезентативная, нежели аналитическая. Однако несколько моментов нам придется отметить для адекватного понимания представляемого материала. Укажем

народные приметы и суеврия. Фрязино: Век-2, 1994; *Комадинич Г.* «Варовницы»: Народные предписания и запреты в Чачанском крае // Живая старина. 1996. № 4. С. 40—41; *Топорков А. Л.* Суевьерные приметы и мифология повседневности // Мифология и повседневность: Материалы науч. конференции. 18—20 февраля 1998 г. СПб.: РХГИ, 1998. С. 32—42; *Богданов К. А.* Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб.: Искусство—СПб, 2001; *Панченко А. А.* Фольклористика как наука // Первый Всероссийский конгресс фольклористов: Сборник докладов. М.: ГРЦРФ, 2005. Т. 1. С. 72—95; *Щепанская Т. Б.* Фольклор профессиональных сообществ: приметы // Первый Всероссийский конгресс фольклористов: Сборник докладов. М.: ГРЦРФ, 2006. Т. 2. С. 405—427; *Добровольская В. Е.* 1) Традиционные нормативы, связанные с народным календарем // Традиционная культура. 2008. № 3. С. 65—80; 2) Некоторые аспекты изучения социальных и эстетических нормативов // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 12: Социальные и эстетические нормативы традиционной культуры: Сборник научных статей. М.: ГРЦРФ, 2009. С. 18—33; *Назарова И. Ю.* Приметы, запреты, предписания: структура и контекст // Фольклор: текст и контекст: Сборник статей. М.: ГРЦРФ, 2010. С. 228—235.

при этом, что мы ведем речь пока только о календарных приметах и не распространяем свои наблюдения и выводы на социально-бытовые приметы. Прежде всего, мы не согласны с мнением О. Б. Христофоровой, что приметы всегда строятся по модели: *если..., то...* — и поэтому не могут быть односоставными.¹ Как мы полагаем, такие высказывания, как приводимые ниже: *Январь-ломанос: береги свой нос; Январь — весне дедушка; Сентябрь — хмурень; В сентябре и лист на дереве не держится*, — тоже являются приметами, хотя внешне принадлежат к односоставным. По сути же это двусоставные высказывания, которые легко разворачиваются в полные суждения: поскольку январь, то ломанос; поскольку январь, то весне дедушка; поскольку сентябрь, то хмурень (а каким же ему еще быть?); поскольку сентябрь, то и лист на дереве не держится. Иначе сказать, любые именованные дни календаря следует рассматривать как народную примету. И именно поэтому мы совмещаем в одном ряду и традиционно понимаемые приметы, и именованные календарных дат, видя в последних те же приметы.

Второе наше несогласие с О. Б. Христофоровой состоит в следующем. Исследовательница справедливо разграничивает правила (запреты и предписания) и приметы (собственно приметы и гадания) по тому, кем является человек в этих жанрах: адресантом или адресатом,² однако не учитывает того, кто является субъектом речи. С точки зрения современного человека, субъектом речи может быть только сам человек. Но если для человека традиционной культуры человек может являться адресатом, то из этого следует, что адресантом должна являться сама природа, «другой значимый» (если воспользоваться терминологией автора этой работы). *Рябина зацветает — пора сеять лен; Если ольха зацвела — сей гречиху*, — это говорит человеку природа, а не один человек другому, и каждый человек должен принять это в качестве неперемного предписания, нарушение которого грозит самой страшной карой: голодом и смертью. Иначе сказать, мы не смущаемся тем, что внешне многие наши приметы выглядят как запреты или предписания, потому что они именно таковыми и являются, если рассматривать с позиции говорящего субъекта, природы.

В таком случае то, что для человека является запретами и предписаниями, то для «другого значимого» (для природы) оказывается приметой, а то, что для человека представляется приметой, то в устах «другого значимого» (природы) есть или запрет, или предписание. Рассмотрим пример: *Лягушки, если убьешь — к дождю (д. Остров);³ Лягушку, ежа убьешь — к дождю (Самозапись)*. С точки зрения человека, данные высказывания являются правилами (запретами): нельзя убивать лягушку или ежа, поскольку

---

¹ Христофорова О. Б. Логика толкований: Фольклор и моделирование поведения в архаических культурах. М.: РГГУ, 1998. С. 61.

² Там же. С. 90—91.

³ Список сокращений см. в конце статьи.

этим действием ты спровоцируешь дождь. С точки же зрения природы, данные высказывания являются приметами: если выявлены убитые лягушка или еж, следует пролиться дождю.

Более того, от обоих (обеих групп) информантов эта примета/запрет сопровождается магическим действием. Итак, если человек нечаянно убьет лягушку или ежа, — что ему делать? Обе группы говорят: *Ну, монету бросишь — на хорошую погоду (д. Остров); Ну, монетку бросишь — на хорошую погоду (Самозапись)*. Здесь бросание монеты является, очевидно, компенсацией за нанесенный ущерб, при этом считается, что данной компенсации достаточно, чтобы восстановить в природе исходный баланс и отменить невольно спровоцированный дождь. В принципе, такого рода магия свойственна отношениям человека к природе: Чтобы получить богатый урожай, втыкают в поле березовые ветки (*Быкова*).

Кроме того, некоторые высказывания могут быть интерпретированы либо как приметы, либо как пословицы. Например: *До поры до времени не сеют семени (Игнатова)*. Это высказывание может быть интерпретировано либо как прямое руководство к севу, либо как метафора рационального, продуманного подхода человека к любым своим делам.

Эта недостаточная дифференцированность правил и примет (вполне естественная, разумеется, для фольклорного сознания) отчетливо проявляется в собирательской практике. Рассмотрим следующий фрагмент интервью:

С. А вот нет каких-то примет, когда вы выходите на рыбную ловлю? На червя там плюнуть? Нет?

И. Какую вы слышали примету?

С. Ну, вот если на червяка поплевать, рыба хорошо пойдет.

И. Ну, если ее нет, так откуда она наберется? Если, ну если есть, так берется. Понимаете? Штуки три, четыре. Бывает даже <...> Понятно, а вот, там допустим, я знаю, что нельзя в солнцестояние, ну не то чтобы в солнцестояние, вот в 12 часов, ровно в 12 часов, и говорят рыбаки-то, что нельзя выходить, там могут быть русалки или еще что-то.¹

Как видим, собиратель называет приметой правило (предписание магического характера), а исполнитель тем же словом называет запрет. Совершенно очевидно, что понять друг друга они не могут.

Еще одной важной чертой приметы как жанра является степень ее словесного оформления. Словесное оформление календарных примет (как, впрочем, правил и примет вообще) менее стабильно, чем словесное оформление таких жанров, как песни, сказки и тем более пословицы и поговорки. Иногда создается впечатление, что примета транслируется нулем словесного текста, неким «общим знанием», которое передается невербальным путем. Рассмотрим пример: «Пахота и весенний сев начинался между днем

---

¹ Зап. А. Богданова, К. Силина, К. Петрова, Н. Леонтьева от Михаила Семеновича Ковалева 49 лет, д. Подвойское Бельского р-на, 2.07.2008.

Бориса и Глеба и днем Егория. Существовала примета до начала сева овса: сев надо начинать тогда, когда зацветет одуванчик — севун. Пожилые крестьяне выбирали для поливки „легкий“ день, то есть вторник, четверг или субботу. За день до пахоты пахарь парился в печке и одевал всё чистое. В продолжение всего сева ему нельзя было париться. В некоторых семьях севцу вообще запрещали мыться во время сева, так как считали, что колосья будут пустыми».¹ Из этого рассказа (который можно подозревать в неаутентичности) совершенно не ясно, какими словами выражались собственно примета, что сев овса следует совершать, когда цветет одуванчик, и правила (предписание и запрет), что пахарь перед пахотой должен вымыться и надеть чистое белье, а потом всё время пахоты не мыться. Но очевидно, что каких-то специальных формул не существовало, что все эти приметы и предписания/запреты существовали на уровне первичных словесных жанров (М. М. Бахтин).

Именно в силу слабой словесной оформленности примета с большим трудом вычленяется из потока речи и с еще бóльшим трудом осознается носителем традиционного сознания как некий самостоятельный текст. Приведем несколько фрагментов интервью, в которых информанты отказываются сообщать приметы, ссылаясь на незнание их:

С. А может, приметы какие-нибудь знаете.

И. Неа. Я живу без примет без всяких. Ой, подорожник, вот как что-нибудь болит. Вот меня всю укусило тут. Пошла туда, шапка черная зараза. Какая плохая, они рассердились, в шапку как одно сюда сейчас я этой самой взяла травинкой держала. Ну, у меня опухнет, я уже привыкла. И 5 укусит, и 6 укусит за лицо, и то даже не опухает. Пошли, я вам покажу, где Катя Вачурина живет.²

Здесь приметой называется некое медицинское действие, использование народного препарата. И, наконец, самый показательный пример:

С. Так, а какие зимне-весенние приметы о будущем урожае, о погоде распространены у вас в местности?

И. Ой, это надо спрашивать тетю Олю Коняхину, она знает. А я не знаю, я приметы не знаю.

С. Ну, там, по инею, может быть...

И. По инею, по звездам, и всё. Вот Евдокию — день, если он теплый, все говорят, водичка — курочка напьется, овечка наестся травки. Это на Евдокию. А примет-то много, я их не знаю. Пока говорят, во как с тобой, — помню, а ушел — и не помню ничего. Памяти-то нету.³

---

¹ Зап. Е. Бондарева от Н. Н. Богаевой 1931 г. р., Спирово, 2006.

² Зап. О. Андреева, Е. Гончарова, М. Каракетова от Лидии Ерохиной 1923 г. р., д. Поповский участок Бельского р-на, 2008.

³ Зап. Н. Буланова от Нины Ильиничны Денисовой 70 лет, пос. Рязаново Калининского р-на, август 2006.

Исполнительница говорит, что примет существует много, и когда говорят о них, она их, оказывается, знает (по инею, по звездам, на Евдокию). Но когда ее просят сообщить приметы в изолированном виде, она их сразу же забывает.¹

Итак, ниже мы предлагаем тверские приметы, только календарного и сельскохозяйственного типа. Социально-бытовые мы предполагаем рассмотреть и систематизировать в следующей работе. Все приметы систематизированы по календарю. Сначала в пределах месяца идут приметы, приуроченные к определенным датам, потом следуют приметы, относящиеся к месяцу вообще, потом в отдельных местах сконцентрированы приметы, относящиеся к тому или иному сезону (в январе — зимние приметы, в августе, конце лета, — летние приметы). Все приметы сопровождаются сокращенным обозначением паспорта, расшифровку которых мы даем в конце публикации. Если какая-то примета повторяется буквально, текст ее не воспроизводится, но ссылка на второго информанта дается. Если же текст приметы варьирует (пускай даже незначительно), он приводится, а за ним указывается информант. Кроме того, мы приводим параллельные приметы из книги М. М. Забылина «Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия» (М.: М. Березин, 1880) с указанием страницы. Проблематичность авторства этого издания не предопределяет недостоверность представленного в нем материала. Поскольку это самое полное собрание календарных примет в XIX в., мы считаем возможным учитывать его в качестве фона.

Январь

Васильева ночь звездиста — лето ягодисто. *Томилин.*

Если на Новый год заряно ночью, то горох уродится. *Томилин.*

Вьюга в Васильев вечер обещает большой урожай орехов. *Томилин.*

Василий Великий, Васильев день. Если будет туман — к урожаю. *Томилин.*

На Васильев вечер дня прибывает на куриный шаг. *Калиткин.* На Васильев вечер день прибавился на куриный шаг. *Игнатьева.*

Крестьяне примечали: «1 января если до обеда будет пасмурно, а после обеда ясно — поздний сев лучше; если наоборот — хуже». *Томилин.*

Если на Новый год небо звездное — к урожаю. *Томилин.* На Новый год небо звездное — к урожаю. *Салова.*

¹ Ср. аналогичный случай с социально-бытовыми приметами:

И. А вот вы знаете приметы какие-нибудь?

С. Не приметы <...> у нас, не, не знаю. <...> Вот, между прочим, точно. Пошла я из дома и вернулась — лучше не ходить <...>. Чешется правая рука — и правда деньги. Думаю, ну откуда деньги — и вот что-нибудь. Вот что-нибудь, что-нибудь. Это абсолютно у меня (зап. от Любови Ивановны Данилушкиной 79 лет, д. Альшанники Бельского р-на, июнь 2008).

В Рождество день теплый — хлеб будет темный, густой. *Томили́н*. На Крещенье день теплый — будет хлеб темный. Забылин. С. 282.

На Рождество метель — пчелы хорошо роиться будут. *Томили́н*.

Если Рождество на новом месяце — год будет неурожайным. *Томили́н*.

Темные святки — молочные коровы, светлые — ноские куры. *Томили́н*.

Какая погода после Рождества, такая же будет и после Петрова дня. *Томили́н*.

На Рождество надевают новую рубаху, чистую (но не новую) нельзя, а то жди неурожая. *Томили́н*.

В Рождество лапти плести — родится кривой, шить — уродится слепой. *Томили́н*.

Ради большого приплода ягнят некоторые сажают на шубу первого гостя, пришедшего «славить» в день Рождества Христова. *Томили́н*.

На Рождество спутывают ноги столу, чтобы скот не бегал. *Томили́н*.

Звезды на Рождественский кутейник к урожаю черницы. *Томили́н*.

За сколько дней до Рождества случится иней, за столько дней до Ивана дня (21 мая) погода будет благоприятна для весенних посевов. *Томили́н*.

Если в Рождественское утро встретится женщина, то у коров (в народе говорят) будут телочки, если мужчина — бычки. *Лаговская*.

Если в Рождество кур кормят до восхода солнца, то они будут хорошо нестись. *Лаговская*.

На Рождество погода, снег — к урожайному году. *Томили́н*.

На Крещение снег хлопьями — к хорошему урожаю. *Петров*. На Богоявление снег хлопьями — к урожаю; ясный день — к неурожаю. *Калиткин*. Метет снег <на Крещенье> к урожаю. Забылин. С. 282.

Если в Крещение звезд на небе много — к хорошему урожаю. *д. Сеславье*. <На Крещенье> звездная ночь — урожай на горох и ягоды. Забылин. С. 282.

В Крещенье на полдень синие облака — к урожаю. *Калиткин*.

Если в Крещение выглянуло солнце — лето будет теплым. *д. Сеславье*. В Богоявленскую ночь, перед утреней, небо открывается. *Калиткин*.

Крещенские морозы. Трещи, трещи, пока не пришли водохреши. *Игнатьева*.

10/23 января — Григорий Нисский. Иней — к сырому лету, ветер с юга — к грозовому лету. *Мальшева*. На Григория Нисского иней в стогах — к мокрому году. Забылин. С. 282.

24 января / 6 февраля — день прп. матери Ксении. Если в этот день на рынках хлеб подешевеет, то и новый хлеб будет дешев. Если в этот день погода хорошая, то и весна будет красная. *Орлова*. Какова Аксинья, такова и весна придет. *Калиткин*. Забылин. С. 283.

25 января — Татьянин день. Солнце — к раннему прилету птиц, снег — к дождливому лету. *Мальшева*.

Татьяна Крещенская (Крещенские морозы). Если в этот день идет снег, то лето будет дождливое. *Игнатьева*.

Дым из трубы вверх — будет мороз, а если к земле стелется — оттепель. *Петров*. Дым из трубы столбом — к морозу. *д. Сеславье*. Дым столбом — к морозу или к ведру. *Забылин*. С. 288.

Дым из трубы стелется по земле без ветра — к снегу. *Никитина*. Когда дым без ветру бьет к земле, летом — к дождю, зимой — к снегу. *Забылин*. С. 288.

Облака плывут низко — будет стужа. *Никитина*.

Если закат красный — ночь морозная. *д. Сеславье*.

Чистый закат в морозную погоду — морозы не уступят. *Ульянова*.

Круг около солнца или месяца зимою предвещает продолжительные метели с морозами. *Вакутин*. Зимой вокруг луны круг — к морозу, ясные звезды — к теплу. *Л. Смирнова*. Появление туманного круга около луны — к метели. *Зорина*. Туманный круг около солнца — к метели. *Игнатова*. Кольцо вокруг луны — к ветру. *Забылин*. С. 288.

Солнце выходит столбом — к бурану. *Томилин*.

У солнца «уши» выросли — к холодам. *Томилин*. *Забылин*. С. 288.

Яркие звезды — к морозу, тусклые — к оттепели. *Петров*. Сильно блестят звезды зимой — к морозу. Если на небе звезд много — морозу быть. *С. Александрова*. *Забылин*. С. 288.

Если звезды резки, то и ягод мало будет. *Томилин*.

Если Млечный Путь на небе полон звезд и светел — к ведру. *Томилин*. Когда Млечный Путь светит, то будет хорошая погода. *Забылин*. С. 288.

Млечный Путь тусклый — к ненастью. *Томилин*.

Январь-ломонос: береги свой нос. *Зорина*. 18 января. На Афанасия-ломоноса — береги нос (морозы). *Забылин*. С. 282.

Луна синей — зёрна сильней. *Томилин*.

Если волки воют под домом — к морозу. *Абрамова*. Зайцы держаться около жилья — к морозам. *Томилин*.

Гусь стоит на одной ноге — к морозу. *Никитина*.

Гусь поджимает нос — к морозу. *Быкова*. Гусь прячет нос под крыло — к холоду. *Быкова*.

Быстрая оттепель — долгий мороз. *Никитина*.

Кукушка кукует на сухом дереве — к морозу. *Яковлева*.

Дрова горят с треском — к морозу. *Томилин*.

Воробы дружно собирают пух и перья около курятников, утепляют свои укрытия — через несколько дней наступят сильные морозы. *Томилин*.

Если кошка залезла в печь — жди мороза. *д. Сеславье*. Если кошка лезет в печку греться — к холоду. *Томилин*. Кошка в клубок — мороз на

порог. *Игнатова*. Кошка клубком — к морозу. *Никитина*. Кошка морду хоронит — к морозу, либо — к ненастью; в печурку садится — к морозу, непогоде. *Забылин*. С. 288.

Если в январе эхо далеко уходит — морозы крепчают. *Томилин*.

Треск деревьев в лесу усиливается зимой — к сильным морозам, осенью — к сухой погоде. *Зорина*.

Если сорока лезет по стреху летом — к дождю, зимой — к вьюге. Если садится на верхушки деревьев — к морозу, на нижние ветки — к ветру, на снег — к оттепели. *Зорина*.

Лес зимой чернеет — к оттепели. *Зорина*.

Январь — весне дедушка. *Зорина*.

Январю-батюшке — морозы, февралю — метелицы. *Зорина*.

Если в январе частые снегопады и метели, в июле частые дожди. *Вакутин*.

Сух январь — крестьянин богат. *Томилин*.

Серый январь — хлебам беда. *Томилин*.

Коли в январе март, бойся в марте января. *Томилин*.

В январе висит много частых и длинных сосулек — урожай будет хорошей. *Томилин*. Длинные сосульки — к долгой весне. *Салова*.

Дятел рано торчит (стучит), в январе еще — к хорошей весне. *Томилин*.

Снежная зима — к затяжной весне, к дождливому лету. *Зорина*.

Теплая зима — к холодному лету. *Зорина*.

Сухая и холодная зима — к сухому и жаркому лету. *Зорина*.

Снег глубок — год хорош. *Томилин*. *Лаврина*. д. *Гришино*.

Много снега — много хлеба. д. *Гришино*. *Н. Смирнова*.

Зима без снегу — не быть хлебу. *Томилин*.

Снег вьется до крыши — рожь будет выше. *Томилин*.

Сильные холода сулят урожай. *Томилин*.

Ясные дни — к хорошему урожаю. *Томилин*.

Зимой звезды блестящие — к холоду, летом — к жаре. *Зорина*. Сильно блестят звезды летом — к жаре, зимой — к морозу. Звездное небо зимой — к холоду, летом — к ясной погоде. *Зорина*. *Забылин*. С. 288.

Если снегирь чирикает под окнами — к оттепели. *Зорина*. Если синица чирикает под окнами — к оттепели. *Зорина*.

В печи, натопленной с вечера: если перед морозом — зола потухнет; если перед оттепелью — в золе будет жар. *Томилин*.

Иней на деревьях — к морозу, туманы — к теплу. *Л. Смирнова*. Пустышные иней — к ведру. *Забылин*. С. 288.

Закат в облаках — жди снегопада. *Никитина*.

Скоро рассвет занимается — непременно будет снег. *Томилин*.

Если в мороз вспотели оконницы и рамы окон — жди потепления. *Полунин*.

В морозный день пошел снег — к потеплению. *Никитина*.

Февраль

2/15 февраля. В Сретенье солнце на лето, зима на мороз. *Голубева*.

В феврале зима с весной встречается. *Рак*.

Какова погода на Сретенье, такова и весна будет. Если снег метет через дорогу, то будет поздняя весна, а коли не метет — ранняя. *Салова*. Забылин. С. 283.

На Сретенье утром снег — урожай ранних хлебов; если в полдень — средних; если к вечеру — поздних. *Калиткин*.

20 февраля — свт. Лев Катанский. На Льва Катанского не глядеть на падающие звезды. Кто в этот день заболит — умрет. *Калиткин*.

2/24 февраля — Трифон. Небо звездное — к поздней весне. *Малышева*. На Трифона звездно — весна поздняя. Забылин. С. 283.

29 февраля / 13 марта. Касьян на народ — народу тяжело; Касьян на траву — трава сохнет; Касьян на скот — скот дохнет. *Калиткин*.

Февраль солнце на лето поворотит. *Березкина*.

Февраль — месяц ветров и кривых дорог. *Рак*.

Февраль месяц лютый, спрашивает: как обутый? *Рак*. Февраль лютый, спрашивает: как обутый? *Игнатова*.

Февраль медведю в берлоге бок нагревает. *Рак*.

Теплый февраль обманет и принесет весну с заморозками. *Березкина*.

Силен февраль метелью, а март капелью. *Березкина*. Февраль силен метелью, а март капелью. *Рак*.

Если февраль холодный и сухой, то август будет жаркий. *Морозова*.

Март

1/14 марта — Евдокия. Евдокия красна, и весна красна. На Евдокию снег — к урожаю; теплый ветер — к мокрому лету; северный — к холодному лету. *Малышева*. На Евдокею снег — урожай; теплый ветер — лето мокрое; северно — холодное лето. Забылин. С. 283.

В Евдокию курочка напьется, в Егорий — барашек наестся. *Н. Смирнова*. В Евдокию — если курочка напьется, в Егорьев день — овечка наестся. *Голубева*. Как в Евдокию курочка на улочке водицы напьется, так в Егорьев день барашек травки наестся. *д. Гришино*.

Какова Евдокия, таково и лето. *Калиткин*. *Малышева*. С Евдокеи погоже — всё лето пригоже. Отколь ветер в Евдокеи, оттоль во всё лето. Забылин. С. 283.

4/17 марта — Герасим Грачевник. Кто на Грачевника в новые лапти обуется, у того весь день будет шея скрипеть. *Калиткин*.

9/22 марта. В день Святых сорока мучеников, в Севастийском озере мучившихся, полагают, что прилетают из-за моря жаворонки. На 40 мучеников день с ночью меряется, зима кончается, весна начинается. *Игнатьева*.

23 марта / 7 апреля — Благовещение Пресвятой Богородицы. Благовещенье — птиц на волю отпущенье. На Благовещенье весна зиму поборола. На Благовещенье под дымом не сидят (перебираются спать в сени и клетки). На Благовещенье медведь встает. На Благовещенье птица гнезда не вьет, а завьет — станет на всё лето песнею, как кукушка. На Благовещенье воры заворовывают для счастья на весь год.

Если на Благовещенье красный день, то год будет грозный и пожарный. *Игнатьева*.

С Благовещенья остается 40 морозов. *Зверева*. Весна на Благовещенье — много морозов (впереди). Забылин. С. 283.

Если на Благовещенье снег лежит на крыше, так будет лежать до Егория (6 мая). *Лаговская*.

Мокрое Благовещенье — грибное лето. *Петров. Калиткин*. На Благовещенье мокро — к грибам. Забылин. С. 283.

Если на Благовещенье ночь теплая, то весна будет дружная. *Лаговская*.

Если в Благовещенье хороший день, то и в Пасху хороший день. *Голубева*. Какого Благовещенье, таково и Светлое Воскресение. *Голубева*.

На Благовещенье дождь, родится рожь. *Голубева*.

Если в мартовские недели снег ложится на полях буграми, то хорошо родятся овощи и яровые хлеба. *Ульянова*. Если снег буграми, большой иней — к урожаю. *Зорина*. Если снег тает бугорками — к хорошему урожаю. *Зверева*. Коли в марте снежок за долинами — урожаем на огородицу и ярицу. Забылин. С. 283.

Март — протальник. *Березкина*.

Март февралю младший брат. *Березкина*.

В марте щука хвостом лед разбивает. *Березкина*.

Раненько март весну хватает — ненадежное тепло. *Березкина*.

Снег рано начинает таять — долго не растает. *Никитина*.

Апрель

1/14 апреля — день мученика Феодула. Феодула-ветреника.

Пришел Феудул — теплый ветер подул. На Феудула пораньше вставай и окошечко отворяй (т. е. рамы выставляет). Феудул избы надул (ненастье). На Феудула сверчки просыпаются. *Игнатьева*. Забылин. С. 283.

1/14 апреля — день Преподобной Марии Египетской. Марья — пустые щи (запас капусты вышел). Полагают, что в этот день просыпается домовой, и для него нужно обманывать друг друга.

Если в этот день вскрыется вода, то будет большая трава и хороший покос. *Игнатьева*. Забылин. С. 283.

4 апреля. День Святого мученика Василия Анкирского (Василия солнечника). Если в этот день, при восходе солнца, будут видны на небе красные круги, то этот год обещает плодородие. *Игнатьева*.

8/21 апреля — день Апостола Иродиона. Радивон-ледолом. Радивон воды принес, уставь соху перепахать овес. Полагают, что в этот день солнце встречается с месяцем и реки вскрываются. Коли встреча добрая — хорошее лето, а худая — плохое. *Орлова*.

23 апреля — Егорий Вешний, Георгий Победоносец. Ни в марте воды, ни в апреле травы. *Калиткин*. Забылин. С. 283.

Егорий с теплом, а Никола с кормом. *Голубева*. Забылин. С. 284.

Юрьева роса от сглаза, от семи недугов. *Калиткин*.

30 апреля. Звездные ночи в конце апреля — к урожаю. *Петрова*. Теплый вечер и звездная ночь — к урожаю и ведрому (сухому) лету. Забылин. С. 284.

Если у кого скотина не ко двору или не ведется, то полагают, что в этот день нужно водяному принести на жертву лошадь (утопить), чтобы умилостивить его: «Вот тебе, дедушка, гостинец на новоселье, люби да жалуй нас!» *Игнатьева*.

Апрель с водой, май с травой. *Калиткин*. Если апрель с водою, то май с травой. *Петрова*. Забылин. С. 283.

Мокрый апрель — хорошая пашня. *Березкина*. Если апрель мокрый, то будет хорошая пашня. *Морозова*.

Апрель — снегогон. *Березкина*.

Апрельские ручьи землю будят. *Березкина*.

Не ломай печи: еще апрель на дворе. *Березкина*.

Где в апреле река, там в июне лужица. *Березкина*.

В апреле зима прееет, ветрено и теплом веет. *Березкина*. В апреле земля прееет. Забылин. С. 283.

Ранняя весна — признак того, что летом будет много непогожих дней. *Вакутин*. Ранняя весна — летом будет много непогожих дней. *Никитина*.

Если встретить весной белого зайца — снег еще обязательно выпадет. *Вакутин*.

Дождивый год будет, если из березы весной течет много сока. *Баюшева*.

Май

5/18 мая — Ирина. Рассадницы, капустницы, лопатницы, сеют капустную рассаду. *Баюшева*. Ирины рассадницы. Забылин. С. 284.

9 мая — Никола Вешний, Николай чудотворец. Милость Божья, коли в Николин день дождик польет. *Абабкова*.

В Николу как дождь — будет хлеб и рожь. *д. Каликино*. Коли в мае дождь, будет и рожь. Забылин. С. 284.

До святого Николы не сей гречки, не стриги овечки. *д. Гришино*.

11/24 мая — Мокий. Если багряный восход — лето будет грозное. *Баюшева*. Восход солнца багряный — всё лето грозное. Забылин. С. 283.

11/24 мая — Мокий. Если мокро, всё лето мокрое, и наоборот. *Баюшева*. На Мокия мокро или туманно — всё лето мокро. Забылин. С. 284.

21 мая / 3 июня. Сей лен на Олён. *Кудряшова*. На Олену сей лен, ярицу, гречу, ячмень, сей огурцы. Забылин. С. 284.

Рябина зацветает — пора сеять лен. *Игнатова*.

Лен две недели цветет, четыре недели стоит, а на седьмую семя летит. *Игнатова*.

Если ольха зацвела — сей гречиху. *Баюшева*.

Лучший клев рыбы совпадает с цветением черемухи, сирени, яблони и рябины. *Баюшева*.

Май — соловьиный месяц. *Березкина*. 2 мая. Борис — соловьиный день. Забылин. С. 284.

Соловей появляется тогда, когда может напиться росы с березового листа. *Баюшева*.

Посадку картофеля начинают через неделю после разворачивания березовых листьев. *Быкова*.

Ласточки прилетают в пору цветения чистотела. *Баюшева*.

Май леса наряжает, лето в гости ожидает. *Березкина*.

Зацветание ивы-бредины указывает на начало сева редиски и моркови, лука и укропа. *Баюшева*.

Цветение фиалки указывает, что пришло время сеять морковь и петрушку. *Баюшева*.

Будет май — под кустом рай. А то май: коню сено дай, а сам на печь полезай. *Березкина*. В мае: коню сено дай, а сам на печку полезай. *Н. Смирнова*. Забылин. С. 284.

Дождь в мае хлеба подымает. *Вакутин*.

В мае два холода: когда черемуха цветет и когда дуб распускается. *Зорина*.

Май холодный — год хлебородный. *Зорина*. *Вакутин*. Забылин. С. 284.

Холодный и ветреный май полезен для урожая. *Баюшева*.

Ай-ай, месяц май: и тепел, и холоден! *д. Каликино*.

Одна майская роса коням лучше овса. *Березкина.*

Если гром коров застанет во дворе (не выпущенных с зимы), будут мало доить. *Зверева.*

Чем сильней первый удар грома по весне, тем лучше будет урожай. *Баюшева.*

Если первый гром с юга, то лето будет грозное. *Абрамова.* Если первый гром с юга, то грозное будет лето. *Гадухина.*

Если в середине мая солнце всходит ясно, то всему лету быть таким — ведренным. *Баюшева.*

Если дождей в мае много, то их мало будет в сентябре (и наоборот). *Баюшева.*

Много хруща весной — к засухе. *Баюшева.*

Если дикие утки строят свои гнезда у самой воды, лето будет сухое и жаркое, а чем дальше от воды, тем оно дождливее. *Баюшева.*

Чем раньше распухнет березовый лист, тем теплее будет лето. *Баюшева.*

Если береза перед ольхой и кленом лист распухнет — лето будет сухое, если ольха и клен наперед — мокрое, дождливое. *Баюшева.*

Береза распускается — сей овес. *М. Смирнова.*

Птицы выют гнезда на солнечной стороне — к холодному лету. *Баюшева.*

Когда распускается вишня, пора сеять укроп. *Баюшева.*

Поздний расцвет рябины — к долгой осени. *Баюшева.*

Если много комаров — быть хорошему овсу, комара нет — овса и трав не будет. *Баюшева.*

Комары появились — сей рожь. *М. Смирнова.*

Если у черемухи много цвета, лето будет мокрое. *Никитина.*

Если весной на елках много красных шишек — много огурцов будет. *Зверева.*

Хороший год по весне видно. *Вакутин.*

Весна да осень — на дню погод восемь. *Лаговская.*

Не сей пшеницу раньше дубового листа. *М. Смирнова.*

Земляника красна — сеять овес напрасно. *Абабкова.*

Если закуковала кукушка, то пора сеять ранние яровые. *Петрова.* Кукушка закуковала — пора лен сеять. *М. Смирнова.*

Если рассада пьет много поливки — к сухому покосу, а не выбирает поливку — мокрым будет покос. *Баюшева.*

Июнь

На второй день Троицы если хороший день, то и лето будет хорошее. *Голубева*. Каков Духов день, тако и лето будет. *Зверева*. Каков Духов день — таково лето. *Ханаев*.

16/29 июня — Тихон Тихий. Солнце движется медленнее всего на Тихона. *Болтова*.

На Тихона певчие птицы затихают. *Болтова*.

20 июня / 3 июля — Мефодий-перепелятник. На Мефодия дождь — будет идти 40 дней. *Зверева*. На Мефодия дождь может идти сорок суток. *Болтова*. Если с 3-го июля дождь пойдет, значит 40 дней будет поливать. *Н. Александрова*.

24 июня / 7 июля — Иван Купала. Много будет грибов, если в Иванову ночь звездно. *Болтова*.

Сильная роса на Ивана Купалу — к урожаю огурцов. *Болтова*. Сильная роса на Ивана — к огурцам. *Забылин*. С. 285.

27 июня / 10 июля — Самсон. На Самсона дождь — семь недель дождь. *Калиткин*. На Самсона дождь — через семь недель тоже. *Вакутин*. Если на Самсона дождь, то до бабьего лета дождь. *Мальшева*. На Самсона дождь — мокро до бабьего лета. *Болтова*. На Самсона дождь идет, продлится семь недель. *Петров*. На Сампсона-сеногноя дождь — семь недель дождь. *Забылин*. С. 285.

29 июня / 12 июля — Петров день. С Петрова дня красное лето. *Калиткин*. С Петрова дня красное лето — зеленый покос. *Забылин*. С. 285.

На Петров день и солнышко греет. *Голубева*.

Только до Петрова дня поет соловей. *Болтова*.

Если после Петрова дня не кукует кукушка — зима наступит рано. *Болтова*.

Если на Петров день идет дождь — мокрым будет сенокос. *Болтова*. Коли дождь на Петров день — сенокос мокрый. *Забылин*. С. 285.

Петр-Павел час убавил. *Голубева*.

Июнь — хлебобороб. *Березкина*.

Пришел июнь — на рыбалку плюнь. *Игнатова*.

Июнь с косою по лугам прошел, а июль с серпом по лугам пробежал. *Березкина*.

Июль

17 июля — Андрей Налива и Марфа. На Марфу овес в кафтане, а на грече и рубашки нет. *д. Каликино*. На Андрея озимые дошли, овес до половины дорос, а гречиха на всходе. *Болтова*.

19 июля / 1 августа — прп. Макрина. Если на Макриду мокро, вся осень будет мокрая. *Зверева*. Коли на Мокрину мокро — страда ненастная. Забылин. С. 285.

20 июля / 2 августа — Илья Пророк. Илья Пророк два часа уволок. *Голубева*

На Петров день — колос, на Ильин — колоб. *Зорина*.

Илья грозы держит. *Калиткин*.

Если в Ильин день сухо, то шесть недель будет сухо. *Болтова*. После Ильи не ходят в ульи. *Зверева*.

Пророк Илья лето кончает, жито зажигает. *Калиткин*. Илья жниво зачинает, лето кончает. Забылин. С. 285.

С дня Ильина лист желтеет, и вода остывает. *Болтова*.

25 июля. На Прокла ночью нет росы и не видно тумана — к ненастью. *Болтова*.

28 июля. Не жни на Кирика и Улиту — мороку увидишь. *Болтова*.

Июль — страдник. *Березкина*. Сенозарник, страдник. Забылин. С. 285.

Июль — хоть разденься, а все равно легче не станет. *Березкина*.

В июле на дворе пусто, да на поле густо. *Березкина*.

Не топор кормит мужика, а июльская работа. *Березкина*.

Если июль жаркий, то декабрь будет холодным. *Зорина*.

Июль косит и жнет, долго спать не дает. *Зорина*.

Хотя в июле и душно и жарковато, но расставаться с ним жалковато. *Зорина*.

Июль — грозник, молнии мечет, дубы калечит. *Зорина*.

Август

2/15 августа — Степан Сеновал. Каков Степан, таков сентябрь. *Болтова*.

4 августа — Мария Магдалина. На Марию выкапывают цветочные луковицы. *Болтова*.

6 августа — Борис и Глеб Летник. На Бориса и Глеба за хлеба не берутся. *Болтова*.

Спасовка — лакомка, а Петровка — голодовка. *Калиткин*.

6/20 августа — яблочный Спас. Каков второй Спас, таков и январь. *Зорина*. *Вакутин*. Сухой день на яблочный Спас — предвестник сухой осени. Ясный — предвещает суровую зиму. *Болтова*.

15 августа — Успение Богородицы. С Успенья ласточки улетают. *Болтова*.

Если рано ласточки готовятся к отлету, то осень будет холодная. *Болтова*.

12 августа — Сил (Силантий). Озимая рожь, посеянная на Силу, сильной родится. *Мальшева.*

10/23 августа — юродивый Лаврентий Калужский, свщмч. Лаврентий Римский. На Лаврентия смотрят в воду: коли тиха, то и осень будет тихая, а зима без вьюги. *Болтова.*

14/27 августа — Михей Тиховой. На Михея буря — к ненастному сентябрю. *Болтова.*

Август — жнивень. *Березкина.*

Август — разносол. *Березкина.*

В августе серпы греют, вода холодит. *Игнатова.* В августе солнце греет, да вода холодит. *Березкина.*

Если гроза в августе, жди долгой осени. *Болтова.*

У мужика в августе три заботы: и косить, и пахать, и сеять. *Березкина.*

В августе на дубе желудей много — год урожайный. *Болтова.*

Если летом ветер с запада, то к дождю, а если с востока, то у холоду.

Садовникова.

Туман среди лета — к грибам. *Березкина.*

Появились опенки — лето кончилось. *Березкина.*

Если в лесу дорожки покрылись плесенью, то будет много грибов. *Березкина.*

Можно идти за подосиновиками, если с осины пух полетел. *Болтова.*

Если аисты готовятся к отлету, осень будет холодной. *Вакутин.*

Если лес шумит без ветра, то жди дождя. *Болтова.*

Если очень сильно запахла цветы, то близок дождь. *Болтова.*

Перед дождем ноготки закрывают цветки. *Болтова.* Если полевой вьюнок плотно закрывает свой цветок, жди дождя, распускается — к теплу. *Болтова.*

Мухи больно кусают — к ненастью. *Болтова.* Мухи сильно гудят — к дождю. *Березкина.*

Если уж выползает на дорогу, греется — перед дождем. *Болтова.*

Если бросила рыба клевать, хорошей погоде не бывать. *Болтова.*

Перед дождем на траве появляются капельки росы. *Болтова.* Клен «плачет» за несколько суток до дождя. *Болтова.*

Слышишь близко шум далеко идущего поезда — к дождю. *Колесник.*

Пузыри на лужах во время дождя — к непогоде. *д. Сеславье.* Большие дождевые пузыри — к ненастью и пущему дождю. Забылин. С. 288

Если кошка, сидя на земле, прячет голову и лижет хвост — быть дождю. *Салова.* Кошка лижется — к ненастью. Забылин. С. 288.

Сильное мерцание звезд на рассвете — через два-три дня дождь. *Салова.*

Лошадь вытягивает шею и вынюхивает воздух — к дождю. *Полунин.*

Если лошадь вытягивает шею и вынюхивает воздух, то это к дождю. *Болтова.* Лошадь фыркает — к непогоде, ржет — к дождю. *Болтова.* Лошадь

храпит — к ненастью, фырчет — к дождю, трясет головой и закидывает кверху — к ненастью. Забылин. С. 288.

Галки стаями летят — к дождю. *Салова*. Грачи вьются высоко стаями и опускаются на землю — быть дождю. *Березкина*. Вороны в кучу собираются — к ненастью. *А. Смирнова*. Если вороны каркают всей стаей — к холоду, летят под тучи — к ненастью. *Зорина*. Вороны часто кричат — к дождю или бурной погоде. *Полунин*. Вороны часто кричат — к дождю. *Морозова*. Вороны в кучу собираются — к ненастью, купаются — то же; каркают стаями летом — к ненастью; зимой — к морозу. Забылин. С. 287.

Если петух запел раньше девяти часов вечера — к дождю. *Ульянова*.

Если солнце при восходе ярко-красное и вскоре заходит в облака или после восхода сразу зайдет за тучу — к дождю. *Зорина*. Красного цвета солнце на восходе — к большому ветру. Забылин. С. 287.

Если при восходе солнца душно, парит — к дождю вечером. *Зорина*. Солнце парит и тишина в воздухе — к большой грозе и дождю. Забылин. С. 287.

Если при закате солнца облака колечками — к дождю. *Зорина*.

Если летним вечером солнце зашло за тучу — росы не будет, жди дождя. *Зорина*. Солнце за тучу садится — к дождю. *Ульянова*. Если солнце садится в тучу, то на другой будет дождь. *Садовникова*. Солнце село в тучи — к ненастной погоде. *Колесник*. В тучу, темное облако <солнце> садится — к дождю. Забылин. С. 287.

Нет вечерней росы — будет ненастье. *Колесник*.

Если при закате солнца облака сгущаются и становятся темными, то ночью будет гроза. *Зорина*.

Если поземный туман, образовавшийся вечером, расходитя до восхода солнца, близится ненастье. *Баюшева*.

Двойная радуга — будет дождливая погода. *Зорина*.

Если радуга яркая — будет ненастье. *Зорина*.

Радуга утром — к дождю. *д. Каликино*.

Если звезды в тумане — к дождю. *Зорина*. Мало звезд на небе — к ненастью. *Томилин*. Черные круги около звезд — к дождю. Темные, зеленые и бледные круги — к дождю. Мало звезд видно — к пасмурной погоде и дождю. Забылин. С. 288.

Ласточки летают высоко — это к хорошей погоде, а низко летают, то к дождю. *Садовникова*. Ласточки низко летают — к дождю, а высоко — к теплу. *А. Смирнова*. Ласточки летают низко перед дождем. *д. Каликино*. Если ласточки летом низко летают — к дождю. *д. Сеславье*. Ласточки над рекой низко летают — тоже к дождю. *Самозапись*. Ласточки над рекой низко летают — тоже к дождю. *д. Остров*. Ласточки низко летают — к дождю. *Зверева*. Ласточки летают высоко — к вёдру, воробьи щебечут, сыч кричит по ночам — к дождю. *Полунин*. Ласточки низко летают — к дождю, а высоко — к вёдру. Забылин. С. 289.

Чайка бродит по песку — моряку сулит тоску. *Колесник*.
Лягушки расквакались — к непогоде. *д. Каликино*.
Муравьи прячутся в гнезда — к грозе. *д. Каликино*.
Если лошадь, когда пасется, выходит на бугор, — к теплу. *Болтова*.
Чайка села прямо в воду — жди хорошую погоду. *Колесник*.
Воробьи чирикают — к теплу. *Вакутин*.
Собака растягивается на земле — к теплу. *Никитина*.
Кошка крепко и долго спит — к теплу. *Никитина*. <Кошка> крепко спит — к теплу. Забылин. С. 288.
Вечером рыба играет — к хорошей погоде. *Зорина*.
Сильный треск кузнечиков в поле предвещает сухую погоду. *Березкина. Зорина*.
Много мошкеры вьется — к теплой погоде. *Соколова*. Комары роem — к хорошей погоде. *Березкина*.
С приближением туч пчелы не прячутся в ульи и продолжают работу — дождя не будет. *Зорина*.
Солнце закатывается большим и красным — к хорошей погоде. *Зорина*.
Если при восходе солнце белого цвета — к длительной ясной погоде. *Зорина*.
Если солнце восходит в тумане — к ясной, тихой погоде. *Зорина*.
Если туман быстро рассеивается в лучах солнца, хорошая погода устанавливается надолго. *Болтова*. Туман падает (не поднимается) — к ведру. Забылин. С. 288.
Чем сильнее роса, тем жарче будет следующий день. *Зорина*. Сильная роса — к ясному дню. *д. Каликино*. Тяжелые росы — к хорошей погоде. *Соколова*. Вечерняя роса — к ведру. Забылин. С. 288.
Туман в низинах — к теплой погоде. *Соколова*.
Дым столбом — к хорошей погоде. *Солдатова*. Дым столбом — к морозу или к ведру. Забылин. С. 288.
Радуга вечером — к хорошей погоде. *д. Каликино*.
Пчелы злее стали, чаще жалят — засуха близка. *Болтова*.
Смотрю на погоду: если переменчивая, то у кого сырая почва на огороде — урожай плохой будет. *Зинькова*.
Если звон колокола явственно раздастся, будет ясно, глухо — будет дождь. *Полунин*.
Ворона кричит на полдень — к теплу, на север к холоду. *Томилин*.
Паук плетет паутину к северу — жди холода, к югу — жди тепла. *Болтова*.
Если небо будет долгое время красным — к ясной жаркой погоде. А если заря быстро погаснет — к ненастью, возможен дождь. *Зорина*.
Если луна очень белая — к холоду, а красноватая — к ветру. *Зорина*.

Если во время полнолуния луна чистого цвета — к хорошей погоде, а темного и бледного — к дождю. *Зорина*.

Если на небе перистые облака, то к ясной, теплой погоде, а если плывут кучевые облака по небу — это к дождю. *Садовникова*.

Если в радуге больше красного цвета — к ветру. *Зорина*.

Когда видят радугу, ждут перемены погоды. *Зорина*.

Если корова вымнет с задних вымей — принесет бычка, если с передних — телку. *Абрамова*.

Если луна ясная и крупнорогая летом — к хорошей погоде, а зимой — к холоду. *Зорина*. Рога луны остры и яркие — к ведру. Круты — к морозу. Забылин. С. 288.

Лето собирает, а зима поедает. *Березкина*.

Что летом родится, то зимой пригодится. *Морозова*.

Урожайное лето предвещает холодную зиму. *Никитина*.

Лето бурное — зима с метелями. *Вакутин*.

Сырое лето и теплая осень — к долгой зиме. *Рак. Петров*. Если лето дождливое, то зима будет снежной, морозной. *Морозова*.

Если в конце лета ранние нивы, то следующий год будет урожайным. *Болтова*.

Бурьян вырос высоко — много снега. *Петров*.

Сентябрь

20 сентября / 3 октября — Евстафий Плакида. Астафьевы ветры: северный — стужа близко; южный к теплу; западный — к мокроте; восточный — к ветреной погоде. *Мальшева*.

Бабье лето ненастное — осень сухая. *Петров*.

Сентябрь — хмурень. В сентябре и лист на дереве не держится. *Березкина*.

Холоден сентябрь, да сыт. *Березкина*.

В сентябре одна ягода, и та горькая рябина. *Березкина*.

Много рябины — осень будет дождливая. *Хапаев*. Если много рябины, то в следующую осень будут дожди. *Садовникова*. Если ягод много на рябине, будет дождливая осень. *Соколова*. В лесу много рябины — осень будет дождливая, мало — сухая. *д. Каликино*.

Если осенью много рябины — к морозной зиме. *д. Сеславье*. Большой урожай рябины — к морозной зиме. *Никитина*. Большой урожай рябины — к тяжкому году, к морозу. *Попова*. Если много рябины — к холодному году. *Абрамова*. Ягоды остались на деревьях поздней — к суровой зиме. *Николаева*.

Много орехов, а грибов нет — зима будет снежная и суровая. *Никитина*. Если уродились орехи, а грибов нет, то жди суровую и снежную зиму.

Петров. Много желудей на дубу — к лютой зиме. *Рак.* Если дуб дает много желудей, зима будет долгой, а лето неурожайным. *Зорина.* Если много орехов, а грибов нет — зима будет снежная и суровая. Много желудей — к теплой зиме и плодородному лету. *Забылин.* С. 285, 288.

При неурожае сосновых и еловых шишек зима холодной не бывает. *Петров.*

Если кроты носят в норы много соломы — зима идет холодная. *Зорина.* Мыши, кроты отрывают норы на теплую сторону — к суровой зиме. *Болтова.*

Гром в сентябре — теплая осень. *д. Каликино.*

Если листья березы начинают желтеть сверху — жди ранней весны, осени. А снизу — осень поздняя и следующая весна поздняя. *Болтова.*

Раннее опадание листвы у деревьев гласит о ранней весне в следующем году. *Болтова.* Поздний листопад — к суровой и продолжительной зиме. *Рак.* Поздний листопад — на тяжелый год. *Забылин.* С. 286.

Если лист ложится на землю вверх изнанкой — к урожаю. *Полунин.* Лист ложится наземь вверх изнанкой (мохнатой стороной) — к урожаю. *Забылин.* С. 286.

Пока лист с вишен не опал, сколько бы снега не было — всё равно потаёт. *Лаговская.*

Если корова травину во рту домой несет, через месяц будет зима. *Зверева.*

Октябрь

1/14 октября — Покров. Лист с дуба или березы спадает чисто — к легкой зиме. *Мальшева.* Если останутся листья на деревьях, то зима будет теплой. *Соколова.* Лист нечисто опал — жди суровой зимы. *Петров.* Коли лист упал с дуба и березы чисто — легкий год, нечисто — к строгой зиме. *Забылин.* С. 286.

На Покров если снега не насыпало, значит, еще месяц его не будет. *Абабкова.* Не покрыт Покров снегом, не покроет и Рождество. *Забылин.* С. 286.

Если в Покров ветер дует с юга, то к теплой зиме, а если с севера, то к холодной. *Морозова.* Если на Покров ветер с востока или севера, то зима будет холодная, а если с юга, то теплая. *Салова.* Ветер с востока — зима холодная. *Забылин.* С. 286.

Если журавли улетели до Покрова — зима будет ранняя и холодная. *Лаговская.* 18 сентября. Коли журавли полетят, то будет на Покров мороз, а нет, то позже. *Забылин.* С. 286.

13 октября — день Преподобного Никиты исповедника. Водяной просыпается.

4 ноября — Казанская. До Казанской не зима, с Казанской не осень. Если на Казанскую небо заплачет, то за дождем весна придет. *Мальшева*.

Октябрь — позинник (свадебник). *Березкина*.

В октябре ни на колесах, ни на санях. *Березкина*. Октябрь — грязник, ни колеса, ни полоза не любит. Забылин. С. 286.

Октябрь землю покроем где слятком, где снежком. *Березкина*.

Октябрьский гром — к бесснежной зиме. *д. Каликино*.

Ранний снег — к ранней весне. *Зорина*.

От первого снега до санного пути — шесть недель. *д. Каликино*. Первый снег за сорок дней до зимы. Забылин. С. 286.

Ноябрь

11/24 ноября — Федор Студит. На Студита стужа что ни день лютей и хуже. *Л. Смирнова*.

29 ноября / 12 декабря — Парамон. На Парамона снег — быть метелям до Николы. *Мальшева*.

Ноябрьские ночи до снега темны. *Игнатова*.

Первый снег сухой — хорошее лето. *Никитина*.

Дневной снег не лежит, а первый надежный снег выпадет ночью. *Никитина*. Если снег выпал на сухую землю, то вскоре сойдет, а если на мокрую, то пролежит всю зиму. *Петров*. Первый прочный снег в ночи и на мокрую землю. Забылин. С. 286.

Ноябрь — сентябрей внук, октябрей сын, зиме родной брат. *Березкина*.

В ноябре зима с осенью борются. *Березкина*.

Если осень ненастная, будет весна дождливая. *Никитина*.

18 ноября / 1 декабря — мч. Платон. Каков Платон, такова и зима будет. *Калиткин*.

Декабрь

4/17, 5/18, 6/19 декабря. Варвара мостит, Савва гвозди острит, Никола прибывает. *Лапишихина*.

6/19 декабря — Николай Чудотворец. Каков день в Николу зимнего, таков и в Николу летнего. *Салова*.

Иней на Николу — к урожаю. *Салова*. 9 декабря. Опока на деревьях — к урожаю. Забылин. С. 286—287.

Сколько Никола зимний снегу даст, столько Никола вешний травы. *Салова*.

Коли на Николин день след заметает, то дороге не стоять. *Лапишихина*.
Коли в Николин день след заметает, дороге не стоять Забылин. С. 286.

От Николы осталось 12 морозов. *Абабкова*.

24 декабря. Коляда. Кутья. В этот свят вечер не едят до звезды. *Калиткин*.

Коли в кутью тропинки черны — урожай на гречу. *Томилин*. Тропинки черны — урожай на гречиху. Забылин. С. 287.

В начале декабря много снега, в начале лета — сильные дожди. *Зорина*.

Если в декабре снег привалит вплотную к заборам, то будет плохое лето. *Морозова*. Коли снег привалить вплоть к заборам — плохое лето; коли есть промежутки — урожайное. Забылин. С. 286.

Сухой декабрь — сухие весна и лето. *Зорина*.

Декабрь студен, на всю зиму землю студит. *Солдатова*.

Декабрь и загвоздит, и заморозит, и саням ход даст. *Солдатова*.

Год кончается, а зима начинается. *Калиткин*.

Список сокращений

Абабкова — Зап. О. Барина от С. Н. Абабковой 82 лет, д. Бузыково Кашинского р-на, август 2000.

Абрамова — Зап. М. Виноградова от К. М. Абрамовой 65 лет, д. Ивочеве Старицкого р-на, 2001.

Н. Александрова — Зап. Е. Урубьшева, О. Горбачева от Н. М. Александровой 48 лет, с. Никольское Торжокского р-на, 1998.

С. Александрова — Зап. К. Доманская, Е. Селезова, А. Губанова, Е. Абрамович от Серафимы Захаровны Александровой 79 лет, д. Егорье Бельского р-на, 1.07.2008.

Баюшева — Зап. Я. Рожкова, Л. Салепина, Л. Шутова от П. Ф. Баюшевой 72 лет, д. Чублово Конаковского р-на, 1987.

Березкина — Зап. М. Купцова от В. А. Березкиной 73 лет, д. Колеково Калининского р-на, 2000.

Болтова — Зап. О. Болтова от В. Г. Болтовой 73 года, д. Далекуши Кувшиновского р-на, 1999.

Быкова — Зап. Н. Федотова от Т. А. Быковой 48 лет, д. Березайка Бологовского р-на, 2003.

Вакутин — Зап. Р. Пожидаева от Е. Ф. Вакутина 83 года, д. Красная горка Тверской обл., начало 1990-х.

Гадухина — Зап. Ю. Иванова от З. Ф. Гадухиной 80 лет, Западная Двина, 2000.

Голубева — Зап. Е. Зилкина от Анны Дмитриевны Голубевой 75 лет, д. Рубцово Калининского р-на, б/д.

д. Гришино — Зап. Т. Цветова, д. Гришино Емельяновский р-н, б/д.

Зверева — Зап. Е. Лебедева от М. П. Зверевой 69 лет, д. Федорцево Максатихинского р-на, 1994.

Зинькова — Зап. К. Доманская, Е. Селезова, А. Губанова, Е. Абрамович от Марии Романовны Зиньковой 87 лет, Белый, 4.07.2008. Род. д. Подвойское, вышла замуж 25.12.1949.

Зорина — Зап. Л. Яковлева от М. И. Зориной 76 лет, д. Алёшино Рамешковского р-на, 15.07.2000.

Игнатова — Зап. Гаджидаева от Светланы Валентиновны Игнатовой 64 лет, д. Ново-Ямская Старицкого р-на, 2009.

Игнатъева — Зап. Е. Чухлиб от Надежды Ивановны Игнатъевой 71 год, с. Кушалино Рамешковского р-на, 8.07.2001. Образование среднее.

д. Каликино — Зап. Т. Морозова от детей 6—7 лет, д. Каликино Калининского р-на, б/д.

Калиткин — Зап. Ю. Потапова от А. М. Калиткина, д. Дятлово Вышневолоцкого р-на, ноябрь 1993.

Колесник — Зап. В. Колесник от А. С. Колесник 68 лет, Тверь, 1999.

Кудряшова — Зап. Л. Николаева от Т. К. Кудряшовой 73 лет, Спирово, 1980-е.

Лаврина — Зап. А. Веселова от Натальи Федоровны Лавриной 44 лет, пос. Вески Лихославского р-на, июль 2001. Род. д. Маханы Лихославского р-на. Образование техническое.

Лаговская — Зап. А. Зябкина от М. К. Лаговской 70 лет, с. Ильино Западнодвинского р-на, 2000.

Лапшихина — Зап. Н. Рудаева от Любови Ивановны Лапшихиной 34 лет, Вышний Волочек, 1976. Род. Пос. Осиновая Гряда Лихославльского р-на. Учитель русского языка и литературы; собирает старинные народные песни, сказки, пословицы, поет в фольклорном ансамбле.

Мальшева — Зап. Д. Сивирская, Г. Тарасова от Анны Егоровны Мальшевой 78 лет, д. Ключевая Лихославльского р-на, 2002.

Морозова — Зап. А. Тихомирова от В. Г. Морозовой 1952 г. р., пос. Селище Селижаровского р-на, 2008.

Никитина — Зап. О. Колеракова от Е. П. Никитиной 90 лет, д. Заречье Вышневолоцкого р-на, б/д.

Николаева — Зап. А. Круглов от Пелагеи Михайловны Николаевой 1923 г. р., д. Суково Ржевского р-на, 1995.

Орлова — Зап. Е. Чухлиб от Ларисы Игнатъевны Орловой 64 лет, с. Кушалино Рамешковского р-на, 12.07.2001. Образование среднее.

д. Остров — Зап. К. Шинаева, Н. Тиботкина от И. Серегина 13 лет, С. Белякова 12 лет, М. Назарова 9 лет, А. Шкалина 11 лет, д. Остров Краснохолмского р-на, июль 2002.

Петров — Зап. А. Зябкина от О. Т. Петрова 74 года, д. Брод Западнодвинского р-на, 2000.

Петрова — Зап. Е. Иванова от З. С. Петровой 70 лет, Удомля, 1994.

Полунин — Зап. С. Меркушов от Леонида Николаевича Полунина 73 года, Тверь, 3.06—14.09.2001.

Попова — Зап. Ю. Иванова от В. И. Поповой 76 лет, д. Ильино Западнодвинского р-на, 2000.

Рак — Зап. М. Бойкова от Григория Григорьевича Рака 67 лет, Кувшиново, 1987.

Садовникова — Зап. Е. Прокофьева от А. А. Садовниковой 73 года, Удомля, 2002.

Салова — Зап. П. Мещеряков от З. Н. Саловой 76 лет, д. Стояново Торжокского р-на, 3—18.07.2001.

Самозапись — Самозапись Татьяны Сергеевны Акимкиной 1984 г. р., Елены Вячеславовны Крайновой 1984 г. р., Татьяны Михайловны Поляковой 20 лет, студентки филологического факультета, Красный Холм, июль 2002.

д. Сеславье — Зап. Е. Алексева, д. Сеславье Калининского р-на, 2000.

Л. Смирнова — Зап. А. Веселова от Л. Ф. Смирновой 50 лет, пос. Вески Лихославского р-на, июль 2001.

М. Смирнова — Зап. В. Смирнова от М. Е. Смирновой 77 лет, д. Павиюки Ржевского р-на, 1988.

Н. Смирнова — Зап. Г. Матвеева от Натальи Александровны Смирновой 72 лет, д. Фофоново Хмелевского с/с, 1987.

Соколова — Зап. от Т. С. Соколовой, д. Лисишное Краснохолмского р-на, б/д.

Солдатова — Зап. Н. Сысоева от Е. И. Солдатовой, д. Мелентьево Селижаровского р-на.

Томилин — Зап. Е. Томилина от Владимира Васильевича Томилина 1930 г. р., д. Курганы Лихославльского р-на, б/д. Карельский земледельческий календарь.

Ульянова — Зап. П. Мещеряков от Анны Петровны Ульяновой 82 года, д. Стояново Торжокского р-на, 3—18.07.2001.

Хапаев — Зап. Е. Моисеенкова, Е. Николаева от Григория Васильевича Хапаева 73 года, Удомля, август 2005. Служил в ВВС, 10 лет провел в МЛС в Казахстане, пенсионер.

Яковлева — Зап. Ж. Шоколова от Н. А. Яковлевой 63 лет, д. Ивочево Старицкого р-на, 16.07.2001.

ТВЕРСКИЕ ЗАГОВОРЫ В ЗАПИСЯХ 1970-х ГОДОВ (АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ)

Самый ранний из известных заговоров Тверской губернии опубликован в сборнике Харьковского историко-филологического общества за 1892 г. среди различных украинских заговоров под заголовком «Заговор для Вабильщика» с пометой «При охоте на волков, записан в 1823 г. от доезжачего Забороцкого Тверской губ. <...> Доставлен М. Д. Линдой». Приведем текст этого заговора полностью: «Земной пророк лесной Царек идол волков обви и покажи раба *такого-то*, своих волков (отступи три раза назад). Замкну и заключу лютого зверя, окружу же остров три раза ивдоль ивпоперек, неудет наш волк (говорить трижды). Утверди и укрепи земной пророк замки и заключи лесной царек идол волков, от девяти волков завязаны девять ногтив в девяносто девять узлов (гов. трижды)». ¹ По всей видимости, заговор был рукописным, в процессе бытования каким-то образом попал на Украину, где его и обнаружили собиратели фольклора.

В 1903 г. была опубликована статья члена Тверского общества любителей археологии, истории и естествознания М. А. Плетнева о народных поверьях Тверского уезда. В статье приведен приговор на изгнание от клопов: «Надо срезать в лесу три ольховых палочки и положить их на печку, произнося следующие слова: „Тебе, ольха, дай Бог сохнуть, / А моим клопам издохнуть“». ²

Спустя десять лет в журнале «Тверская старина» вышла статья «Некоторые обычаи, обряды, поверья и суеверия в Старицком уезде», содержащая уже 5 лечебных заговоров и приговоров: от *усовья*, от ячменя, от зубной боли, от лишая, от насморка. ³

В сборнике «Фольклор Тверской губернии» Ю. М. Соколова и М. И. Рожновой, составленном по материалам экспедиций 1919—1926 гг., приводится 7 заговоров (присушка, от грыжи, от зубной боли, от боли в спине (*утир*), от лишая, чтобы ребенок хорошо спал, ребенку от болезни), записанных в Старицком и Вышневолоцком уездах в 1920 и 1925 гг. ⁴

---

¹ Сборник Харьковского историко-филологического общества. Харьков, 1892. Т. 4. С. 288. *Обви* — вероятно, правильно *объяви*.

² Плетнев М. А. Народные поверья, существующие в Тверском уезде // Сборник Тверского общества любителей археологии, истории и естествознания. Вып. 1. Тверь, 1903. С. 317.

³ С. У. Некоторые обычаи, обряды, поверья и суеверия в Старицком уезде // Тверская старина. Исторический журнал. 1913. № 5—6. Сентябрь-декабрь. Старица, 1914. С. 64—66. Автор — священник с. Юрьевского А. Д. Ушаков.

⁴ Фольклор Тверской губернии: Сборник Ю. М. Соколова и М. И. Рожновой. 1919—1926 гг. / Изд. подг. И. Е. Иванова, М. В. Строганов. СПб., 2003. С. 470—472, 617.

Из недавних публикаций отметим брошюру «Песни Пеновского района»,¹ в которую вошли 16 заговоров, записанных в 1994 г. от заведующего музеем и директора Дома культуры д. Ворошилово И. И. Смирнова, а также работу Т. В. Беловой и А. А. Петрова, в которой приводится 8 заговоров 1980—2000-х гг. из архива Тверского университета.²

Таким образом, публикаций тверских заговоров на настоящий момент имеется не очень много, причем большая их часть рассеяна по периодическим и местным труднодоступным изданиям. В этой связи особый интерес представляют архивные собрания фольклора, содержащие более массовый материал, нежели случайные публикации.

В фольклорном фонде Тверского государственного университета, хранящегося ныне в ГРЦРФ, находится значительное количество текстов заговоров, зафиксированных в ходе студенческих фольклорных экспедиций. Самые ранние записи заговоров относятся к 1970-м гг., самые поздние — к 2000-м гг.

В настоящей публикации мы ограничимся материалами 1970-х гг. В это десятилетие в городах Калинин, Вышний Волочек, на станции Старица, в Калининском, Кимрском и Калязинском районах было записано 20 заговоров, из них: 11 лечебных, 2 от сглаза и порчи, 4 любовных, 1 сельскохозяйственный и 1 на пропажу. Лечебные заговоры подразделяются на 6 функциональных групп: от ячменя (5), от лишая (2), от грыжи (1), от кровотечения (1), от боли (1), детский приговор на ушиб (1). Любовные заговоры представлены исключительно присушками (4).

Лечебные заговоры

1. От ячменя

*Ячень, ячень, на тебе кукишь,
Пойдешь на базар, что себе купишь?
Купи себе топорок, режь себя поперек.*

Заговор повторяется троекратно про себя, при этом мизинцем правой руки водится вдоль и поперек глаза с ячменем. После каждого повторения заговора сплевывается три раза, а в конце говорится «Аминь».

Зап. Г. Соколова от А. В. Ивановой 71 год, Калинин, 5.03.1977. Тетр. 67. Л. 2 об.

2. От ячменя

Сгибают указательный палец, водят 3 раза вокруг ячменя и говорят:
Житина, житина,

¹ Песни Пеновского района / Сост. Л. К. Королева. Тверь, 2009.

² Белова Т. В., Петров А. А. «Свое» и «чужое» болото в фольклорных текстах // Русское болото: между природой и культурой: Материалы международной конференции. Тверь, 2010. С. 52—59.

*Возьми мой топор,
Сруби себе голову.*

Зап. Т. Емельянова от А. Д. Удаловой 73 года, пос. Новая Орша Калининского р-на, 19.03.1976. Тетр. 58. Л. 14—15.

3. От ячменя

*Ячень, ячень, на тебе кукиш,
что хочешь, то купишь.
Купи себе топорок,
секи себя поперек.¹*

Зап. Т. Кононова от Е. К. Кононовой 66 лет, с. Высокое Кимрского р-на. Тетр. 38(2). Л. 6.

4. От ячменя

Перевязывают суровой ниткой два пальца: средний и безымянный противоположной руки к глазу (ячень на правой руке, перевязывают пальцы на левой руке и обратно). И при этом приговаривают:

*Ячень, ячень, на тебе дулю,
пойди на базар,
купи себе топорок,
сруби себя поперек.*

При этом плюют трижды на ячень.

Зап. Н. Пономарева от Л. П. Ивановой 86 лет, Калининская обл., 1970-е. Тетр. 1074. Л. 5.

5. От ячменя

*Житенка, житенка,
На тебя кукиш.
А на кукиш что себе купишь?
Поеду в городок —
Куплю топорок.
Секи эту житенку
Вдоль и поперек,
Вдоль и поперек,
Вдоль и поперек.*

Заговор произносится на закате, при этом ножом крестят вдоль и поперек три раза около ячменя.

Зап. Т. Чуб от П. Ф. Масловой 1907 г. р., Калинин, б/д. Тетр. 695. Л. 1.

---

¹ Этот заговор очень близок к тексту из Старицкого уезда (С. У. Некоторые обычаи, обряды, поверья и суеверия в Старицком уезде... С. 65).

6. От грыжи¹

Большое место завязывают чистой материей. Через некоторое время ее снимают, так как теперь вся болезнь находится в ней. Материю начинают грызть и произносят следующий заговор.

— *Что грызешь?*

— *Грыжу.*

— *Грызи ее больнее.*

Этот заговор могут исполнять только те люди, которые были первым или последним ребенком в семье.

Зап. Т. Бычкова, Ю. Судакова от Е. М. Цыгановой 66 лет, д. Сапково Калининского р-на, 1—15.07.1979. Тетр. 64. Л. 30.

7. От лишая

Водить березовым углем вокруг лишая и говорить:

Круг, круг,

Милый друг,

Возьми всех: живых и мертвых,

Сухих и мокрых.

Зап. Т. Емельянова от А. Д. Удаловой 73 года, пос. Новая Орша Калининского р-на, 19.03.1976. Тетр. 58. Л. 14.

8. От лишая

Этому дереву на корню больше стаивать, у рабы, у Марьи, больше не ббливать.

Зап. Л. Шапкова, Л. Беликова, д. Дмитровское Калязинского р-на, 1972—1973. Тетр. Шапкова, Беликова. Л. 61 об.

9. От детского ушиба

У кошки заболи, у собачки заболи, у мышки заболи, а у дочки заживи.

Зап. Т. Кононова от Е. К. Кононовой 66 лет, с. Высокое Кимрского р-на? 1974. Тетр. 38(2). Л. 6.

10. От кровотечения

Смотришь на кровавую ранку, раз плюнешь, и скажешь:

На острове Буяне,

На великом океане,

Стоит светлица.

В светлице три девицы:

Одна — шьет,

Другая — ниточку в иголочку вдевает,

Третья кровавую раночку зашивает.

Ты, конь, конь,

---

¹ Ср.: Фольклор Тверской губернии... № 633.

*Ты, конь, рыж,
А ты, кровь, не брызжь.
Ты, конь, конь,
Ты, конь, карь,
А ты, кровь, не крапь.*

Зап. Г. Матвеева от А. П. Матвеевой, М. Н. Родионовой, М. Л. Леоновой, ст. Старица Калининской обл, 1970. Тетр. 5. Л. 3 об.

11. От боли

Уходи, худая боль, из рабы Татьяны, из головы, из мозог, из живота, из кишок, из рук, из ног, со всего тела. За высокие горы, за темные леса, за горькую осину.

Зап. Н. Демьянова, Н. Давыдова от М. И. Кукушкиной 76 лет, Калинин, 1978. Тетр. 88. Л. 76.

12. От сглаза, порчи

От призора. Знахарка берет в посудину воду и заговаривает ее:

*Матушка царица-водица, святая источница,
Бежишь ты с востоку до западу,
Омываешь ты каменья, коренья.
Обмой хоть рабу (имя).
От притоков, от призоров, от упреков,
Чтоб не болело, не кололо,
Не щамило по сей день, по сей час.
От серого глазу и от черного,
По мое слово, аминь!*

Затем этой водой sprыскивает пострадавшего.

Зап. Н. Васильева от А. А. Меркуловой, Вышний Волочек 1975. Тетр. 49. Л. 7 об.

13. От сглаза, порчи

Заговор от дурного глаза, чтоб не сглазили, не накликали беды. Нужно плюнуть три раза через левое плечо и сказать:

*От меня, беда, уйди,
И к другой приди.
Кто несчастья мне желает,
Пусть сам его и получает.*

Зап. Л. Новик от Н. И. Смирновой 62 лет, Калинин, 1979. Тетр. 57. Л. 11об.

Любовные заговоры

14

Берутся карты одной винновой масти. Девушка надевает на себя черный платок и в 12 часов ночи в темноте садится на порог спиной к входной двери, в руках винновая масть карт, и начинает их перетасовывать, приговаривая:

*Ты, дама виной, не загуляй,
Ко мне милого засылай;
Ты, дама виной, не запивай,
Ко мне милого засылай;
Ты, дама виной, не заедай,
Ко мне милого засылай.*

Заговор повторяется три раза, а затем говорится: *Пошла к черту.*

Заговор повторяется в течение 10 дней каждый день, не пропуская, в 12 часов ночи.

Зап. Г. Соколова от А. В. Ивановой 71 год, Калинин, 5.03.1977. Тетр. 67. Л. 2 об. — 3.

15

*Сажусь за стол
За хлеб, за соль,
Поминаю раба божьего
Новопреставленного Ивана.
За упокой не в земле лежащего,
По земле ходящего,
Чтобы тело его не тлело,
Ретивое сердце болело, шумело,
Кипело обо мне, Марши.*

Зап. Т. Емельянова от А. Д. Удаловой 73 года, пос. Новая Орша Калининского р-на, 19.03.1976. Тетр. 58. Л. 15.

16

Стану я, раба Божья, перекрестясь, пойду из ворот в чисто поле. Сидит в чистом поле пресвятая Богородица, Матерь Божья. Как она стелет и плачет по своему сыну, так и по рабе Божьей (свое имя) раб Божий (имя любимого) стелет и болел, и не мог бы он и не жить, и не быть, и не пить, и не есть, не дышать. И быть так всегда и во веки веков. Аминь.

Зап. Н. Поповская от П. Н. Артамоновой 69 лет, д. Устье Калининского р-на, июль 1975. Тетр. 48. Л. 40—41. Заговор-присушка. Наговаривается на пищу, которую дают жениху.

*Раб Божий,
 Пришейся ко мне кожей.
 Арц! Арц! Арц!
 Кто железный штык лбом пробьет,
 Кто медные ленты языком пролижет,
 Кто сорок тысяч замков кулаком собьет,
 Тот раба божьего возьмет.
 Аминь!*

Зап. Т. Калашникова, Г. Кутакова от М. А. Кочуриной 80 лет, д. Орудово Калининского р-на, 15.02.1976. Тетр. 55. Л. 33.

Сельскохозяйственный заговор

18. На урожай ржи

Заговор произносится в праздник Вознесения, который наступает в первый¹ четверг после Пасхи. В этот день все выходят на ржаное поле, подкидывают вверх яичко и произносят заговор.

*Рожка-рожка, вырасти с окошко.
 Какой пирожок — такой колосок,
 Какое яичко — такое зернышко.*

После этого яичко съедают, а скорлупу разбрасывают по всему полю.

Зап. Т. Бычкова, Ю. Судакова от Е. М. Цыгановой 66 лет, д. Сапково Калининского р-на, 1—15.07.1979. Тетр. 64. Л. 29.

Прочее

19. Приговор от пропажи

Если в квартире пропала какая-либо вещь или ее куда-либо положили и не помнят, для этого обвязывают носовым платком ножку стола, и платок сворачивают с угла на угол в виде треугольника и при этом приговаривают:

Шутник, шутник, пошуту да отдай!

Трижды плюют через левое плечо. Так повторяют трижды, и вещь нередко сразу же находится.

Зап. Н. Пономарева от Л. П. Ивановой 86 лет, Калининская обл., 1970-е. Тетр. 1074. Л. 6.

¹ Ошибка собирателя. Вознесение приходится на 40-й день после Пасхи и всегда выпадает на четверг.

МАТРИМОНИАЛЬНАЯ МАГИЯ В ПОСЕЛКЕ ПРИВОЛЖСКИЙ КИМРСКОГО РАЙОНА

Магические действия, направленные на удачное замужество, широко распространены в русской фольклорной традиции. Прежде всего, это и обряды, связанные с повышением славетности девушки. С повышением привлекательности, прежде всего сексуальной, активизацией некой «таинственной» физиологической силы в период полового созревания, усилением привлекательности и обаяния, сохранением безупречной репутации связано много магических действий как в северо-русских,¹ так и в карельских² традициях. Несмотря на то, что тверская традиция, безусловно, испытывает определенное как северное, так и карельское влияние, понятие о славетности и влиянии на нее с помощью магии на данной территории не зафиксировано. В то же время в тверском материале XIX — начала XX в. встречаются указания на то, что для удачного замужества было важно, чтобы девушка обладала целым рядом характеристик. Многие из них соответствовали тем, которые формировали понятие славетности: «... в невесте, прежде всего, ценится способность к работе и дородство, но обращается немалое внимание на ее нравственные качества, особенно послушливость, непорочность, а также на имущественный достаток, красоту и породу».³

На удачное замужество могли повлиять и магические приемы, направленные на приворот одного человека к другому. Заговорно-заклинательные действия, целью которых было приворожить к себе молодого человека, фиксировались на территории Тверской области.⁴

---

¹ *Бернштам Т. А.* 1) Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX в. Л., 1988. С. 24—41; 2) Девушка-невеста и предбрачная обрядность в Поморье в XIX — начале XX в. // Русский народный свадебный обряд. Л., 1978. С. 49—71; *Логинов К. К.* Девичья обрядность русских Заонежья // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 65—70 и др.

² *Винокурова И. Ю.* Традиционные праздники вепсов Прионежья. Петрозаводск, 1996. С. 60—64; *Иванова Л. И.* Народные представления и обряды, связанные с лемби // *Kuldazet kukkizet da kaunehet kanazet.* Магия поднятия лемби и свадьба в карельской народной культуре. Juminkeko, 2014. С. 11—107; Корельская девушка и ее лемби // Олонечские губернские ведомости. 1892. № 95—96; *Конкка А. П.* О заговорах «поднятия лемпи» из собрания Фольклорного архива Финского литературного общества // Методика полевых работ и архивация фольклорных, лингвистических и этнографических материалов. Петрозаводск, 2013. С. 88—104 и др.

³ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 1: Костромская и Тверская губернии. СПб., 2004. С. 466. № 394.

⁴ См. например заговор из книги: Фольклор Тверской губернии. Сборник Ю. М. Соколова и М. И. Рожновой. 1919—1926 гг. СПб., 2003. С. 470. № 632. Серия «Литературные памятники».

Бытуют они и настоящее время, но надо отметить, что большинство исполнителей рассматривают привороты не как матримониальное средство, способствующее свадьбе, а как порчу, которая разрушает взаимоотношения людей и не способствует удачному замужеству. Если приворот и приводит к свадьбе, то считалось, что молодые живут плохо, постоянно ругаются и изменяют друг другу.

Отдельные магические действия были направлены на сохранение и усиление красоты девушки. Так, считалось, что нужно умываться «с серебра» в Чистый четверг, чтобы кожа была чистой, нужно расчесывать волосы на Вознесенье, чтоб они были густыми. Необходимо было соблюдать целый ряд предписаний, которые гарантировали удачное замужество, покладистый характер муж, спокойную семейную жизнь: после сватовства ничего не давали из дома, «чтобы молодые не перестали любить друг друга»;¹ на свадьбе молодым запрещали шептаться — «дети умирать будут».² Наконец, на данной территории существовал развернутый комплекс гаданий. Их целью было узнать о своем будущем замужестве, о характере супруга и т. д.

Необходимо отметить, что в Тверской губернии были широко распространены посиделки, после которых «девушки, целые ночи проводят в обществе парней, позволяющих себе всякие вольности. Это вовсе не считается предосудительным, наоборот, девушка, не посещающая поседелки, бывает на плохом счету, ее подозревают в какой-нибудь болезни или говорят, что она „в каком-либо деле не доступна“».³ Считалось, что подобная форма общения способствует удачному браку, а девушки, не ходящие на посиделки, рисковали остаться старыми девами. В традиции были распространены также масленичные смотрины потенциальных невест, гостевания у родственников на протяжении нескольких дней, во время которых молодежь знакомилась друг с другом и т. п.

Таким образом, система магических и бытовых приемов, которые способствовали счастливому и выгодному замужеству были широко распространены на территории Тверской области. Не была исключением и территория Кимрского района. Безусловно, данная традиция имела свои особые локальные черты. Так, при наличии разнообразных приемов, направленных на осуществление матримониальных планов девушек, особое значение в данной традиции придавалось гаданиям. На территории Кимрского района зафиксирована разветвленная система гаданий. Эти гадания имеют как календарную (Святки, Средокрестье, Троица), так и окказиональную (при первом громе, при ночевке на новом месте, при неожиданном звуке и т. д.) приуроченность. Рассмотрим особенности данной локальной традиции на материале, собранном в поселке Приволжском во время фольклорно-этнографической экспедиции ГРЦРФ в Кимрский район в октябре 2015 г.

---

¹ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Т.1. С. 440. № 226.

² Фольклор Тверской губернии. С. 474. № 28.

³ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Т.1. С. 518. № 390, 391.

Надо отметить, что поселок Приволжский представляет собой тип съезжего села. Он расположен на левом берегу реки Хотчи, выше ее впадения в Волгу, в 15 километрах от города Кимры. До 1961 г. поселок имел другое название — Гадово. Под этим названием он известен с XVII в. как сельцо Гадово. Село принадлежало дворянскому роду Костомаровых, затем Дохтуровых. Усадьба в селе называлась Камерталь (Кумерталь), в конце XIX в. ее купил купец Зызин и построил там спиртовой завод, на котором работали жители окрестных деревень. Постепенно вокруг завода стал возникать поселок. На протяжении всего XX в. завод был главным предприятием в округе, и постепенно жители деревень, работавшие на нем, начали переселяться в поселок и стали его жителями. В результате такой миграции к середине 1940-х гг. традиции разных деревень соединились в некий единый комплекс. Обычно население съезжего села формируется за счет приезжих из разных мест. В Приволжский съезжались преимущественно жители близлежащих деревень. В большинстве своем эти населенные пункты принадлежали к Белгородской волости Калязинского уезда и входили в приход церкви Иерусалимской Божьей Матери в Белом городке. Таким образом, традиция была единой изначально, и за XX в. изменилось только ее географическое распространение.

В поселке Приволжском зафиксирована богатая система святочных гаданий. Другие календарные гадания сохранились в памяти исполнителей, но уже и в 1940—1950-е гг. о них рассказывали преимущественно старшие родственники наших информантов. Если наши собеседники и говорят о том, что они в молодости гадали не на Святки, то отмечают, что делали это только по указанию старших членов семьи.

Святочные гадания активно бытовали на данной территории до 1960-х гг. Впрочем, отдельные элементы этой системы гаданий функционируют в поселке и сейчас, хотя в настоящее время большинство обрядовых действий сохранились только в памяти людей. Отдельные гадания до сих пор знают молодые жители поселка, но эти ритуальные действия утратили связь с календарными датами и сместились преимущественно к Новому году. Гадания утратили и свою обрядовую сущность, превратившись в одно из молодежных развлечений на зимних праздниках.

Пожилые исполнители уверенно говорят, что в 1920—1950-х гг. гадания были разнообразными. Они были связаны как с определением будущего семейного статуса гадающего, так и со здоровьем и финансовым благополучием членов семьи. Гадания требовали соблюдения целого ряда правил и имели жесткую временную приуроченность.

На данной территории гадания в период своего активного функционирования могли осуществляться на протяжении всех Святков, однако пожилые исполнительницы утверждают, что обрядовые действия были приурочены в основном к празднованию Старого Нового года, который в данной

традиции назывался либо Новый год, либо Васильев день, реже вечер. Главной темой гаданий было замужество, поэтому участниками гаданий были девушки (вполне возможно, что гадали и парни, но сведения об этом нами не зафиксированы). Взрослые люди тоже стремились узнать свою судьбу на будущий год, но гадания о судьбе не являются предметом данной статьи. Укажем только, что, в отличие от девушек, взрослых людей волновали преимущественно финансовое благополучие семьи и виды на урожай. Так, хозяин или хозяйка на Старый новый год брали веник и считали, сколько на нем листьев. Существовало мнение, что сколько на венике листьев, столько в доме будет денег. Существовала и несколько иная форма этого гадания. Хозяин или хозяйка должны были взять не свой веник, а украсть веник в чужом доме. Именно ворованный веник и становился объектом гадания. Вечером перед сном хозяева подбрасывали зерна разных культур над столом, а утром собирали их. Верили, что растение, зерно которого будет найдено первым, даст в наступающем году самый большой урожай, а найденное последним указывало, что данная культура не уродится. С изменением социального уклада именно гадания подобного рода быстрее всего исчезли из жизни и о них вспоминают только наиболее пожилые исполнительницы, и то как о действиях, которые они помнят по своему детству и которые совершали преимущественно их бабушки и дедушки.

В основе многообразных способов гадания лежат представления о том, что при соблюдении определенных условий, девушка может получить знаки, которые укажут на ее будущего мужа. В роли таких знаков может выступать нечто увиденное или услышанное, определенное тактильное ощущение, четное или нечетное число объектов, поведение животных и т. д. Типичный ритуал гадания состоит из подготовки к ворожке, самого гадания и толкования полученных знаков.

Обычно подготовка к гаданиям сводилась в данной традиции к тому, что девушки собирались в группы. В зависимости от типа гаданий в такой группе могло быть 3—5 человек, если гадали в доме, или большая группа, если гадали с обувью на перекрестке.

Наиболее распространенными было несколько типов гаданий.

Особой популярностью пользовались гадания по звукам. На данной территории зафиксировано несколько типов гаданий «на выслушивание». Прежде всего, это гадание, основанное на истолковании речи людей, не адресованной гадающему. Так девушки ходили слушать под окнами чужих домов. Считалось, что если в доме говорили о деньгах, то жених будет богатым; если о работе — работающим и т. п.

Иногда девушки выходили на окраину деревни или на перекресток и «слушали жениха», то есть старались услышать звуки, которые предвещали свадьбу. Такими звуками были лай собаки, крик петуха, звон колокольчика и т. п.

Другой вариант гадания «на выслушивание» был основан на толковании не случайных звуков, а тех, которые провоцировались гадающими самостоятельно. Девушки аукались или стучали, чтобы услышать эхо; считалось, что именно с той стороны, где слышны ответные звуки, нужно ждать жениха. Они могли кричать на перекрестке дорог или у колодца. Иногда кричали в колодец, но чаще просто стояли у него.

Довольно часто целью гадающего было получение ответа на вопрос. Часто девушки приходили под окна и спрашивали хозяев дома: «Как жениха зовут?» или «Как женишка звать?» И хозяева называли то или иное имя. Например: «Приходим к дому, стучим: „Скажите, как женишка звать?“ И вот в трех домах кричат: „Сережа!“ А был не Сережа, а Володя».¹

Но был и другой вариант этого гадания. Девушка входила в дом и молча вставала под потолочной балкой (*половницей* / *потолочной*). Она должна была стоять до тех пор, пока хозяева не назовут имени жениха: «Войти в чужой дом, встать и молчать, но встать надо под половницей, встать под потолочной и стоять до тех пор, пока не назовут какое-нибудь мужское имя. А я взшла в тот дом, в котором были дядя Вася, Толька и Володька. Два сына у дяди Васи. Тетя Дуня была. Я взшла и стою, а Володька меня теребит. Тетя Дуня догадалась, что я не с пустом пришла. Я молчу. Он: „Зой, ты чего?“ Я молчу всё равно. А дядя Вася: „Володь, да отстань ты“». Значит, первое имя Володя. Володя, значит, будет. За Володю и вышла».² Иногда, хозяева подшучивали над гадающей, и долго не называли имя, но чаще шутка заключалась в том, чтобы назвать какое-нибудь «смешное» имя, например Федул.

В то же время бывали случаи, когда хозяева называли имя парня, с которым девушка «дружила» / «гуляла», а иногда, напротив, в шутку, зная о реальном женихе, называли другое имя. Одна из наших исполнительниц рассказала, что за ней ухаживал парень по имени Владимир, и это было известно, но соседи, когда она гадала на имя жениха, постоянно называли другое имя.

Были гадания, основанные на принципе «высматривания».

Одной из разновидностей таких гаданий является вещей сон, для обеспечения которого под подушку клали либо элементы мужской одежды (брюки, пояс), либо складывали из лучины (а позднее из спичек) колодец. Перед сном иногда произносили магическую формулу, призывающую же-

---

¹ Зап. В. Е. Добровольская от Раисы Федоровны Смирновой 1928 г. р., уроженки д. Сенькино. В настоящее время проживает в пос. Приволжском. Архив Государственного республиканского центра русского фольклора (Далее — АЦРФЭ). АЦРФЭ. Коллекция 2015-69-14. В дальнейшем имя собирателя и место хранения материала не указываются. Имена исполнителей и сведения о них при повторном упоминании приводятся в краткой форме в тексте статьи в скобках.

² Зап. от Зои Тимофеевны Соболевой 1930 г. р., уроженки д. Скнятино. В настоящее время проживает в пос. Приволжский.

ниха придти «подпоясаться», «приодеться» и «колодчик открыть, воды испить». Так, было известно гадание, когда девушка произносила перед сном просьбу, адресованную потенциальному жениху придти к ней во сне и расчесать ей волосы: «Гадала „Суженый-ряженный, расчеши мне голову“. Как сейчас помню, легла к двери ногами, легла, там не кровать была, а сундук большой, постелила чего-то и легла на этом сундуку и загадала: „Суженый-ряженный, расчеши мне голову“. И снится мне мой ненаглядный, падла. Приснился, за него и вышла» (зап. от З. Т. Соболевой).

Но чаще считалось достаточным просто положить в головах ту или иную вещь, что должно было позволить гадающей увидеть во сне жениха.

Особую группу гаданий «на высматривание» составляли гадания с блином или пирогом, с которым девушка выходила на крыльцо или на дорогу. Там она смотрела на то, кто покажется первым: мужчина или женщина. Появление мужчины указывало на скорое замужество, а появление женщины на продолжение девичества. Имя мужчины должно было совпадать с именем предполагаемого жениха. Иногда блин клали на голову, а сверху повязывали платком: «Блин на голову кладут, повяжутся и выходят на улицу. Кто попадется: мужчина или женщина. Мужчина — выйдешь замуж» (зап. от Р. Ф. Смирновой).

На данной территории зафиксированы гадания «на высматривание» жениха в кольцо. В традиционной культуре кольцо символизировало замужество. Девушки клали кольцо в воду, зажигали свечи и, накрывшись платком, смотрели внутрь кольца, полагая, что там покажется суженый. Это гадание было широко известно и не считалось опасным. Совершенно другое отношение было к гаданию с зеркалом. Это считалось одним из самых точных и в то же время одним из самых страшных гаданий. Девушка садилась перед зеркалом, ставила за спину другое зеркало, зажигала две свечи и в их свете, в образовавшемся зеркальном коридоре пыталась увидеть жениха. Гадание считалось опасным, так как верили, что жених может выйти из зеркала и задуть любопытную невесту.

Еще одной разновидностью гаданий «на высматривание» можно считать гадания с бумагой. Девушки сминали газеты в плотный комок, а затем поджигали его. После того как переставал гореть огонь, гадающие внимательно смотрели на очертания тени, которую отбрасывала на стену сгоревшая бумага. Бумагу сжигали на чугунной сковородке или «железном листе» (противне). Наиболее правильным считается смотреть не на тень на стене, а на стенку печи: «самое верное видишь». Считалось, что силуэт церкви, цветов, кольца и т. п. свидетельствовали о скором замужестве; о нем же свидетельствовал силуэт тройки коней или машина, но они могли означать и дальнюю дорогу. А могила, крест, гора предвещали неудачу, одиночество и даже смерть.

В поселке Приволжском были распространены и гадания воском или легкоплавкими металлами (оловом и свинцом). Олово, свинец и воск во

время гадания растапливали и быстро выливали в холодную воду. Получившийся сгусток, подвергался тщательному осмотру. Церковь или кольцо предвещали скорую свадьбу, а могила — смерть.

Особой разновидностью являются гадания, основанные на толковании поведения птиц. В отличие от других регионов, для гадающих было совершенно не важно, кого в темноте схватил гадающая девушка: курицу и петуха. Так, в Волгоградской и Ростовской областях пойманный гадающей девушкой петух указывал на то, что ее женихом будет «другоженец», то есть человек вступающий в брак повторно; во Владимирской области, довольно часто гадать можно было только с петухом, пойманная курица указывала на предстоящее гадающей девичество, хотя иногда петух был знаком того, что мужем будет вдовец.¹

Пойманная птица свидетельствовала о том, что гадающая выйдет замуж в наступившем году. Важным было поймать птицу в темноте. Однако гадание имело и продолжение. По поведению пойманной птицы судили о характере будущего мужа. Перед птицей ставили различные предметы, чаще всего воду, зерно (или хлеб), зеркало. По тому, к какому предмету подходила птица, судили о характере будущего мужа: «Курей таскали с наше-ста. Зеркало поставишь, насыпишь <зерна>, нальешь водички. Какой он будет: пьяница или обжора. Куды клюнет. Курица выйдет и начинает или воду пить, или клевать, или в зеркало глядится. Значит: модный будет мужик, или пьяница, или богатый, если хлеб-то клюет».²

Еще одним типом были гадания, основанные на принципе чет-нечет. В этом случае существенным оказывалось четное или нечетное количество захваченных наугад предметов. Наиболее часто в качестве считаемых предметов выступали кольца забора. Во время этого гадания участница должна была с разбега обхватить широко расставленными руками кольца забора и затем сосчитать их количество: «Забор обхватывали. Разбежимся и сколько обхватим. Это на Новый год. Считали, сколько колец парных. По две. Если одна останется, то не выйдешь» (зап. от Р. Ф. Смирновой). Согласно другим толкованиям, это гадание указывало на возраст, в котором девушка выйдет замуж, или на то, сколько лет ей осталось до замужества.

Очень часто во время гаданий девушки пытались с помощью различных предметов определить, откуда приедут сваты или место, где живет жених. Для этого в двенадцать часов ночи они бегали на перекресток и, сняв

---

¹ Подробнее об этом см.: *Власкина Н. А.* Тексты о гаданиях как источник изучения межэтнического взаимодействия и локальных типов культуры донских казаков // Народы Кавказа в пространстве российской цивилизации: исторический опыт и современные проблемы. Ростов-на-Дону, 2011. С. 304—309; *Добровольская В. Е.* 1) Календарные обряды Судогодского края // Фольклор Судогодского края. М., 1999. С. 25—124; 2) Гадания // Традиционная культура Гороховецкого края: Экспедиционные, архивные, аналитические материалы. Т. 1. М., 2004. С. 62—69.

² Зап. от Татьяны Дмитриевны Муромцевой 1932 г. р., уроженки д. Савкино. В настоящее время проживает в пос. Приволжский.

валенки, кидали его через голову. В какую сторону указывал носок валенка, в той и находился дом будущего мужа: «А еще бегали мы на перекресток, к двенадцати часам бегали. Вот прибежим, и валенки давай скидывать. Сымим с ноги и вот кидаем. Куда носом попадет. Куда носом ляжет, значит, в той стороне будет жених».¹ Был и еще один вариант гадания с брошенным валенком. Считалось, что чей валенок дальше улетит, та из гадающих скорее выйдет замуж.

Отдельную группу составляли гадания, основанные на принципе «получится — не получится». Они не очень характерны для тверских локальных традиций, но являются довольно популярными в ряде других областей Центральной и Южной России.² Этот вариант гадания в Приволжском проводился следующим образом. Кто-нибудь из девушек или старшая родственница прятала во дворе дома квашню, а гадающая девушка с завязанными глазами должна была ее найти. Если ей это удавалось, то считалось, что она выйдет замуж в наступившем году, в противном случае она останется незамужней еще год: «Квашню — это обязательно. Вынесли квашню и спрятали где-то. Завязали глаза, покрутили-покрутили меня: „Ну, теперь иди ищи“. И надо же, наткнулась на нее, на квашню. Значит, выйдешь замуж» (зап. от З. Т. Соболевой). Важным в данном случае является и предмет для гадания. Квашня, связана со сферой женских занятий — приготовление теста. И хотя в XX в. тесто замешивали и девушки, тем не менее считалось наиболее правильным, чтобы и в этом случае у дежи находилась женщина (замужняя, вдова, солдатка). Квашня осмыслялась как атрибут женщины, отчасти как некое одушевленное существо женского пола, так как именно в ней замешивается тесто, которое увеличивается в объемах (растет). Именно как женский атрибут квашня и выступает в святочном гадании.³ И хотя уже к 1940-м гг. квашня практически исчезла из быта (тесто предпочитали замешивать в глиняных горшках, а затем в эмалированной посуде), но в гаданиях она использовалась до 1970-х гг. Более того, данное гадание считалось наиболее точным и «верным».

Существовали и другие типы святочных гаданий, но они не были столь популярны, как рассмотренные выше. Например, в 1950—1960-х гг. здесь гадали с помощью книги. Это гадание восходит к древнему способу ворожбы по письменному тексту.⁴ Суть гадания по книге заключается в тол-

---

¹ Зап. от Валентины Алексеевны Зиновьевой 1934 г. р., уроженки д. Глазово. В настоящее время проживает в пос. Приволжский.

² Добровольская В. Е. Гадания. С. 62—69.

³ Подробнее об этом см.: *Топорков А. Л.* 1) Домашняя утварь в поверьях и обрядах Полесья // Этнокультурные традиции русского сельского населения XIX — начала XX в., М., 1990. С. 67—135; 2) Дежа // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под общей ред. Н. И. Толстого. М., 1999. Т. 2. С. 45—49.

⁴ Белова О. В., Турилов А. А. Гадательные книги // Славянские древности. Т. 1. М., 1995. С. 486.

ковании случайно найденного предложения применительно к сформулированному гадающей вопросу. Книга раскрывалась наугад, а иногда для этой цели использовали иглу или ножницы, которые втыкались в корешок книги. Некоторые исполнители говорят о том, что для верного гадания в данном случае нужно использовать Псалтырь,¹ но большинство указывает на то, что брали любую книгу, где и находили ответ на вопрос о будущей судьбе.

Зафиксированы сведения о гадании на картах и о спиритических сеансах. Вероятно к этой же группе нужно отнести гадания, с написанными на бумажках именами, которые выбирались с помощью «волчка». Имена приклеивались на стенки таза с водой, а раскрученный волчок-кораблик упирался носом в одну из них. Имя, написанное на этом листочке, считалось именем будущего мужа.

Святочные гадания были широко распространены, и вера в правдивость ритуального действия была столь велика, что в традиции активно функционировали рассказы о сбывшихся гаданиях, в которых рассказывается как о самом гадании, так и о подтверждении того, что результат магического ритуала оказался верным, а предсказанное событие — сбылось. В то же время в XX в. гадания постепенно приобретали черты молодежного развлечения. Они теряли временную приуроченность, постепенно девушки начинали гадать не только на Старый Новый год, но и на Новый год, на Рождество и даже Крещение, хотя в данной традиции, наиболее точным днем для гаданий считался именно вечер Васильева дня. Помимо шуток, которые соседи осуществляли над гадающими (назвать смешное имя; молчать, пока девушка стоит под потолочной балкой), осуществлялись и действия, связанные с мистификацией чуда. Так, парни могли пугать гадающих девушек, а могли имитировать ожидаемые ими звуки. Например, когда девушки выходили «слушать жениха», парни могли позвонить в колокольчик, раззадорить собаку, чтобы она залаяла, или разбудить петуха. Однако шутки могли быть и злыми; например, гадающие девушки могли услышать стук топора или стук досок, что предвещало скорую смерть.²

Надо отметить, что отличительной особенностью святочных гаданий в данной традиции является их тесная связь с бытовыми и магическими действиями, направленными на защиту возможных брачных партнеров от девушек из других населенных пунктов. Наши исполнительницы говорили о том, что очень часто они не только гадали на жениха, но и совершали определенные действия, призванные защитить их матримониальные интересы.

Иногда эти действия имели бытовой характер. В конце XIX — начале XX в. девушки гуляли артелями, которые формировались по возрастам.

---

¹ *Сперанский М. Н.* Из истории отреченных книг. 1. Гадания по Псалтыри. СПб., 1899.

² Подробнее о способах «мистификации чуда» см.: *Морозов И. А.* Мистификация чуда (о способах поддержания веры в чудесное в традиционной культуре) // Славянская традиционная культура и современный мир: Сборник материалов научно-практической конференции. Вып. 3. М.: ГРЦРФ, 1999. С. 63—76.

Обычно артелей было три: «В младшей артели находятся девочки с 8-летнего возраста и лет до 13-ти; с 13 лет и до 17-ти они составляют среднюю артель, а с 17-ти и до самого замужества они принадлежат уже к старшей артели».¹ Однако наши исполнительницы гуляли уже двумя артелями. В старшей артели были девушки-невесты, то есть те, которых можно было сватать, а в младшую артель входили все остальные.

Так, девушкам из младшей артели могли вымазать лицо сажей, прогнать с поседок / бесед. Эту «бытовую защиту» поддерживали и родители: пока дочка не начинала ходить в старшую артель, о ее нарядах заботились только очень обеспеченные по деревенским меркам родители, в то время как плохая или просто скромная одежда девушки из старшей артели осуждалась, а родители порицались обществом: «Парни пришли к ним на поседки, они танцуют, а мы тоже <хотим>. Они решили, как будто мы у них парней уводим. Мы пришли, и парни все за нами уйдут. Вот уж они заставят хозяйку, у кого поседки, вот нас и намажут сажей» (зап. от В. А. Зиновьевой).

Но были действия, имевшие магический характер. Так, девушки могли после или перед гаданием забить в крыльцо соперницы деревянные клинья, чтоб она не вышла замуж. Иногда действия были направлены не на одного человека, а на девушек-ровесниц всей соседней деревни. Так, девушки брали замок, раскрывали его и обегали с ним соседнюю деревню. После возвращения на исходное место, замок закрывался на ключ, а затем ключ и замок выбрасывались. Считалось, что после этого парни не будут ходить в соседнюю деревню, а девушки оттуда не будут представлять угрозу: «А потом запирали деревню. Я вот от сундука брала свой замок. И вот с этим замком с подругой своей (тоже Зоей) и кругом-кругом обежим чужую деревню, всю кругом с отпертым замком, а потом у входа щелк и запрем. Это значит, что мы заперли деревню, чтоб парни сюда больше не ходили, чтоб они ходили только к нам» (зап. от З. Т. Соболевой).

Были и другие варианты магических действий. Девушки, отправлявшиеся гадать на перекресток, брали с собою труп кошки, которую нужно было обязательно пронести на груди под одеждой. Девушки вырывали ногами яму и клали туда труп животного. Яму делали либо на околице соседнего села, либо на дороге к нему. Верили, что это действия защитит девушек от прихода нежелательных конкуренток: «Это кошку дохлую надо было с собой прихватить. В чужую деревню надо было идти. Вот придем. Я помню мне дали кошку дохлую, драную, тухлую, а пришлось всё равно за пазуху ее сунуть, вот так за курточку, и тащить. И в чужой деревне надо ногой где-нибудь, пяткой, раскопать ямку какую-нибудь, кошку туда сбросить, спустить и закопать. Это для того, чтобы парни здесь не гуляли» (зап. от З. Т. Соболевой).

---

¹ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Т. 1. С. 485. № 410.

Наконец, еще одним магическим действием было не устранение соперниц, а приманивание потенциальных женихов. Для этого девушки выходили на околицу деревни с мужскими штанами. Штаны брались так, чтобы ширинка была направлена на деревню, из которой ждали кавалеров. Стоя лицом к другой деревне и размахивая штанами, девушки кричали «Парни к нам, парни к нам!» Это должно было обеспечить им множество женихов: «В нашей деревне свадьба была на том конце, мы на этот пришли, откуда парней ждали, с Заборщины считалось, с Райкиной стороны, они к нам редко ходили, очень даже редко, а отсюда, с Устинова это наши парни были. Вот мы с этой стороны, взяли по штанам, мотней вперед, тут канава такая, деревня кончается, канава начинается. И мы этими штанами: „Парни к нам! Парни к нам!“ Чтоб они шли к нам» (зап. от З. Т. Соболевой). Зная об этом, парни обычно караулили девушек и на магический призыв могли ответить: «Уже идем!» И этим ответом, естественно, сильно пугали ворожащих.

Надо отметить, что магические действия, направленные на отваживание конкуренток и приманивание женихов, могли совершаться и летом, чаще всего на Троицу. Но считалось, что их правильнее совершать на Старый Новый год, так как в это время они являются наиболее эффективными. Когда обряд проводили летом, то полагали, что он не очень действен и рассматривали его отчасти как молодежное развлечение. Святочная магия рассматривалась дело серьезное, а не как юношеское увеселение. Вероятно, это связано с представлениями о Святках, как о некоем времени разрушения границ и проникновения в «иной мир».¹ Именно с этими представлениями связаны гадания и магические действия, связанные с устранением конкурентов, результат которых во многом зависел от проникновения за границу реального мира и связи с «иным миром». Представления о связи Троицы с разрушением границ к началу XX в. еще сохранялись, но скорее в аспекте связей с миром мертвых и с культом растительности. Оставаясь девичьим и женским праздником, она была скорее ориентирована на плодородие, а не на взаимоотношения полов (отчасти потому, что эта сторона прочно закрепилась за Ивановым днем).² В то же время в данной традиции Святки и Троицкая неделя являются парными датами календаря, противопоставленными друг другу в годовом цикле, поэтому в эти периоды могли совершаться сходные ритуальные действия, что, собственно, и произошло с рассматриваемыми магическими практиками. Надо отметить, что постепенно такая любовная магия потеряла временную приуроченность и к 1970-м гг. стала частной магической практикой, совершавшейся той или иной девушкой по потребности.

---

¹ Виноградова Л. Н., Плотникова А. А. Святки // Славянские древности. Т. 4. С. 584—589.

² Агапкина Т. А. Троица // Славянские древности. Т. 5. С. 320—325.

Итак, в поселке Приволжский Кимрского района зафиксирована разнообразная система святочных гаданий. Наиболее широко в данной традиции представлены гадания по поведению птиц, по принципу «чет-нечет», гадания «на высматривание», на определение направления, откуда появится жених. Девушки также гадали на имя будущего жениха, на возраст, когда они выйдут замуж, на характер суженного и т. д. Необходимо отметить, что в данной традиции гадания на суженного были тесно связаны с магическими действиями, направленными на отваживание парней от девушек чужой деревни, на «замыкание» ограды от нежелательных соперниц и т. д. Кроме гаданий матримониального характера, в данной традиции на Святки гадали и на семейное благополучие и здоровье родственников.

ЭЛЕМЕНТЫ СВАДЕБНОГО ОБРЯДА ДЕРЕВЕНЬ СТРАХИНОВО И ЛБОВСКИЕ ХУТОРА КЕСОВОГОРСКОГО РАЙОНА

Из семейной обрядности русского крестьянства лучше всего сохранились фрагменты свадебной, занимавшей в прошлом приоритетное место в семейной и общественной жизни русской деревни. Богатый и сложный обряд уходит в далекое прошлое, отголоски которого дошли и до наших дней. Обряд складывался из множества эпизодов, каждый из которых сопровождался песнями, причитаниями, присказками и другими ритуальными действиями. Некоторые элементы свадебного обряда, характерного для Кесовогорского района, записаны мной от местных жительниц: Веры Михайловны Житновой из д. Страхиново и Екатерины Петровны Андреевой из д. Лбовские Хутора.

Вера Михайловна Житнова, родившаяся в 1935 г., росла без отца (умер он рано). Кроме нее, в семье было еще три старших сестры. Замуж вышла относительно поздно — в 27 лет, и встречалась до этого со своим суженым целых пять лет: ждала, когда замуж выйдут старшие сестры. «Как мама говаривала: „Через сноп не молотить!“»

Как известно, свадебный обряд представляет собой большое действие, сопровождающееся различными ритуалами. В рассказе Веры Михайловны прослеживаются несколько этапов: это сватовство, сговор (паек за молодую жену, которой предстояло жить в доме мужа — в данном случае это шесть пудов хлеба), отвоз приданного (*коробый*) в дом жениха накануне свадьбы, выкуп невесты, свадебный поезд, венец, встреча молодых с караваем, свадебный пир.

Девичника в их деревне перед свадьбой не собирали, поэтому некоторые элементы обряда прощания невесты с девичьей волей проходили непосредственно в первый день свадьбы. Это и расплетание косы девушки задушевной подругой, и покрытие невесты платком («от сглазу»), и посадка невесты на шубу (чтобы шума не было, молодые жили богато и дружно), и причитания невесты и ее матери. Изготовление красоты — елочки — здесь не бывало.

Накануне свадьбы крестная мать невесты отвозила коробью — сундук с приданным — в дом родителей жениха. Во все четыре угла сундука сыпали пшено («на богатую жизнь»), сверху приданное покрывалось домотканой постилкой, под которую клали иконку.

Избы жениха и невесты перед свадьбой украшались стеновыми новинными полотенцами с узорами по кругу.

Так как в семье невесты не было отца, в свадебном обряде прослеживаются фрагменты ритуала, присущие свадьбе девушки-сироты: покрытие головы черным платком, исполнение песни «Ты река ли моя реченька», в которой поется о сиротской доле:

*Чтобы встал родимый батюшка
На мою свадьбу горькаю,
Свадьбу горькаю, сиротскую...*

Когда девушку везли к венцу, покрывали шалью, украшенную черным бантом. Если девушка не была сиротой, бант был красного цвета. Непременным атрибутом свадебного наряда невесты являлась фата, или *дымка*, — прозрачная шелковая ткань, украшенная восковыми цветами.

Перед венчанием все родные невесты собирались в доме ее родителей. Мать благословляла дочь иконой Богородицы. Певчие исполняли сначала величальную невесте «Ты река ли моя реченька». Во время исполнения песни невеста и ее мать плакали и причитали. Затем исполнялись величальные гостям — родственникам невесты. Каждому гостю исполнялась своя величальная; например, молодой паре пели «Яблоньку», вдове — «Уж ты вдовушка, сиротушка», шаферу — «Уж вы шафер хорошенькай», и так далее. Мотив величальных песен схожий. Гости одаривали песенниц деньгами. Поблагодарив, певчие исполняли общую величальную всем гостям:

*Уж вы гости хорошие,
Уж вы гости пригожие,
Вам спасибо на большом дару,
Мы приняли ваши дары,
И честь вам отдали.*

После этого родные невесты угощались за столом.

В доме жениха также пелись величальные песни. Первая — жениху, «Благослови, боже»:

*Благослови, Боже,
Заиграем свадьбу
У Ивана в доме,
У Васильева подворья;
С(ы)варим мы пиво,
Созовем мы гостей,
Не пей, не пей, дитяtko,
Из первого ковша,
Вылей, вылей, дитяtko,
На доброго коня.
Чтобы добрый конь весело бежал,
Чтобы буйну голову бодро держал.*

Затем припевают всех гостей. Каждому гостю подносят чарку вина или пива, певчих одаривают деньгами.

По приезду жениха в дом невесты ему преграждался путь, с требованием выкупа (по обычаю — деньгами). После откупа жених с гостями проходили в дом, где их угощали родители невесты.

При отъезде к венцу невесте исполняли прощальную песню «Дорогая наша гостенька». Песня передавала чувства невесты и ее родных. Она выстроена в форме диалога:

*Дорогая наша гостенька,
Погости у нас немножечко.
Я бы рада погостила,
Не гостят сваты приезжие,
Они чуют пут(и) дороженьку,
Пут(и)-дороженьку дальнюю,
Не стоят(ы) кони добрые...*

Интересны также сведения о свадебном поезде. Обычно он состоял из пятнадцати-шестнадцати повозок. В церковь брачующихся везли в санях, украшенных домоткаными коврами, нарядными дугами с колокольчиками, яркими лентами, полотенцами, поясами, которым придавалось значение оберегов. Возглавлял свадебный поезд *новиншик*. Через плечо он был перевязан новинным (то есть ни разу не бывшим в употреблении) полотенцем, под которым находился образ святого Николая-Чудотворца. По дороге в церковь он останавливал свадебный поезд и обходил его с иконой, «сколько бы сугробов ни было», чтобы уберечь от злых сил; и только после этого поезд трогался в дальнейший путь.

А в деревне Лбовские Хутора, по рассказам Екатерины Петровны Андреевой, родившейся здесь в 1925 г., свадебный поезд возглавляла сваха. Также очень часто на свадьбу специально приглашали «авторитетных» колдунов, которые оберегали свадебный поезд и молодых от порчи и сглаза.

После венца родители встречали молодых с караваем, хлебом-солью, благословляли их, а гости осыпали их зерном. Певчие исполняли величальную «Прилетала голубка, со своей сторонки на чужую сторону». На свадебном пиру также исполнялись величальные песни молодым и гостям: «У голубя золотая голова», «Уж ты гостенька хорошая» и т. д.

Если гости певчих не одаривали, исполнялись песни-корилки, в которых, часто хоть и в шуточной форме, но прослеживались угрозы:

*Ни свечи бы тебе, ни ладана,
Ни попа бы тебе, ни дьявола,
С горы бы тебе под гору,
Разбить бы тебе толсту голову...*

В этот день исполнялось много ритуалов, связанных с различными поверьями: осыпание зерном, усаживание на вывернутые мехом наружу шубы, с приговорами: «Шуба мохната — жить богато», «Осажу на шубу, чтобы не было шуму».

Свадебный стол требовал больших материальных затрат, поэтому готовился заранее. Пеклись пироги, лепешки, ватрушки. За столом гости одаривали новобрачных под пение величальных песен.

Обычно свадьба продолжалась три дня. На второй день гости в шуточной форме испытывали трудолюбие, хозяйственные навыки молодой жены: подметать пол с осколками битых горшков с монетами, горохом и т. д. Так же широко бытовал обряд ряжения. Третий день назывался «девичье почестие». Гуляние проходило в доме невесты, куда родители невесты приглашали родственников жениха.

В течение всего года сельчане внимательно следили за жизнью молодых супругов. Молодые муж и жена становились полноправными членами взрослого крестьянского мира.

ОБРАЗЫ СТРАННИКОВ В ГРАФИКЕ С. Т. КОНЁНКОВА

В творческом наследии С. Т. Конёноква есть несколько тем, над раскрытием которых он трудился в течение всей своей жизни, постоянно возвращаясь к ним. Среди них — образы странников.

Странничество как явление русской религиозной жизни слабо изучено как в дореволюционной, так и в современной литературе. Более всего она была разработана в русской религиозной философии конца XIX — начала XX в. В трудах русских философов «странничество представлено в контексте национальной идеи России как духовный феномен, обнаруживаемый в различных слоях народа и выражающий сокровенные черты характера русского человека».¹ Б. В. Раушенбах относил странничество, наряду со старчеством, к уникальным явлениям русской культуры, называя его тонким институтом нравственности.²

Странниками, каликами переходными назывались паломники по святым христианским монастырям, создатели и исполнители духовных стихов и легенд.³ В Древней Руси каликами становились люди всех сословий. Они путешествовали по бесконечным дорогам, большакам и поселкам святой Руси, «от преподобного Сергия шли в Саров и на Валаам, в Оптину и к киевским угодникам, ходили и к Тихону и Митрофанию, бывали и в Иркутске у святителя Иннокентия, доходили до Афона и до Святой Земли».⁴ «Странники несли в народ культуру и нравственность. Они вели индивидуальную работу с людьми, вероятно, странники проповедовали милосердие, благотворительство».⁵

Исполнением древних духовных песен они передавали «комплекс символов и образов», замечает К. Т. Мяло, который считает культуру странничества древней и глубоко народной, которая находилась в постоянном живом и органическом контакте с большой культурой, однако сама оставалась замкнутой в собственных границах, пребывая как бы вне потока исторического времени.⁶

---

¹ *Коровин В. Ю.* Нравственные основания русского странничества: Автореф. ... канд. филос. н. Воронеж: Воронежская гос. лесотехническая академия, 2009. С. 5.

² *Раушенбах Б. В.* Рациональное и иррациональное в современной жизни // Культура и судьбы мира. Универсализм регионального. М.: АСК, 1997. С. 36.

³ Восточнославянский фольклор: Словарь научной и народной терминологии / Отв. ред. К. П. Кабашников. Минск: Навука і тэхніка, 1993. С. 108.

⁴ *Киприан*, архимандрит. Предисловие // Откровенные рассказы странника духовному своему отцу. М.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1991. С. 10, 11.

⁵ *Раушенбах Б. В.* Рациональное и иррациональное в современной жизни. С. 36.

⁶ *Мяло К. Т.* Космогонические образы мира: между Западом и Востоком // Культура, человек и картина мира / Ред. А. И. Арнольдов, В. А. Кругликов. М.: Наука, 1987. С. 295.

В своей книге «Мой век» Конёнков вспоминает о том, что странники часто шли через деревню и почти всегда это были слепые, их вели поводыри — мальчики или девочки. Странники, играя на трехструнной лире, пели, а поводыри зычно подпевали. Они исполняли песни о Лазаре, Егории и блудном сыне, о том, как «в славном городе Риме жил-был пресветлый царь Хведор». Эти песнопения внимательно слушали притихшие жители деревни и все — дети и женщины — плакали.¹ Слепцов почитали в народе, считалось, что от них скрыто явное, но им доступно тайное, незримое.

Образы этих странников были сильными впечатлениями детства Конёнкова. Такие впечатления, как правило, в ярких образах сохраняются всю жизнь в душе каждого человека. В творчестве скульптора они нашли отражение в цикле деревянных скульптур и графике.

В последние века русской истории звание калик-перехожих закрепилось за нищими, убогими, бродячими слепцами, исполнявшими на папертях церкви, на ярмарках духовные песнопения.² Эти песнопения производили сильное впечатление на Конёнкова. Он вспоминал, что незрячие лица слепых почти не отражали никаких чувств. Но когда они исполняли песни, то заставляли плакать слушателей и их лица преображались: «Чем пристальней вглядывался я в лица слепых, тем явственней становилось мне, что их отрешенные от мира лица способна оживить только музыка. Я видел, как их песни о рабе божьем Алексее, о Лазаре всякий раз вызывали у крестьян слезы и как в эти минуты и на бесстрастных лицах слепых отражались музыкальные переживания. Это было дивное открытие: музыка творится душой, живет в душе человека, исторгаемая из души поющего слепца. Она, музыка, заставляет трепетать сердца».³

Стараясь найти адекватные художественные средства для воплощения этой мысли, Конёнков течение нескольких лет лепил слепых, пластически изучая их лица. Особенно много он работал над этой темой в 1909 г. во время поездки на родину в деревню Караковичи: «В то жаркое лето, живя в родном доме, я увлеклся слепыми. Целыми днями слушал я пенье слепых под аккомпанемент лиры. Я лепил их из глины, вырезал из дерева. Часами разговаривал с ними, слушал их рассказы. Кормил и обхаживал их как сирых детей. Добром за добро платили мне слепые-нищие. Один из них даже подарил мне свою лиру. До сих пор она при мне».⁴ Свое художественное исследование Конёнков продолжил далее: после поездки в Караковичи, снял дачу в Суханове, вблизи Екатерининской пустыни, куда «по вековому российскому обыкновению за „исцелением“ и милостыней стекались слепые и увечные люди»,⁵ и там продолжил работу над образами слепых. Эта

---

¹ Коненков С. Т. Мой век: Воспоминания. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1988. С. 16.

² Восточнославянский фольклор. Словарь научной и народной терминологии. С. 108.

³ Коненков С. Т. Мой век. С. 164—165.

⁴ Там же. С. 164.

⁵ Там же. С. 166.

работа была связана также с его поисками в области пластического выражения музыки, завершившихся позднее созданием образа Баха (1910): «Я лепил слепых, в который раз проверяя свою догадку, просил их петь и, внимая словам песнопения „О Лазаре, сиром у бога человеке“ <...> непостижимым для житейской логики путем приближался к образу, погруженного в музыку Баха».¹

В итоге Конёнков выполнил из дерева целую серию скульптурных изображений слепых: «Слепец»,² «Молодой слепой» (оба 1910),³ «Слепая» (1911),⁴ «Маша поводырь»,⁵ «Ваня-поводырь»,⁶ «Слепцы» (все 1913).⁷ Свое логическое завершение тема слепцов получила в скульптурной группе «Нищая братия» (1917).⁸ В процессе работы были выполнены также два подготовительных гипсовых этюда.⁹ В первоначальном варианте скульптура называлась «Слепые певцы». Хотя оба персонажа скульптурной группы — это слепцы и Конёнков лепил их в своей мастерской на Пресне с конкретных людей,¹⁰ но он создал в этом произведении обобщенный образ «силы и мудрой простоты», который запечатлелся у него в памяти как образ русского человека.¹¹

Конёнков писал, что идея этой скульптуры зародилась у него еще в 1909 г. во время работы в Караковичах.¹² Подтверждением этих слов являются два рисунка под общим названием «Нищая братия», которые исследователи датируют 1910-ми гг. Эти рисунки представляют собой наброски будущей скульптурной композиции, они находятся в настоящее время в Мемориальном музее «Творческая мастерская С. Т. Конёнкова» в Москве.¹³

---

¹ Там же. С.167.

² Дерево. 52x39x37. ДВ СХ СССР. Данные приведены по изд.: Сергей Коненков: Альбом / Авторы статей В. Н. Петров, И. Н. Банковская. Авторы-составители Е. В. Савелова, И. Н. Банковская. М.: Советский художник, 1978. С. 253, № 92.

³ Дерево, 49x26x27. ГТГ (№ 4440). Данные приведены по изд.: Сергей Коненков: Альбом. С. 253, № 88.

⁴ Дерево. Местонахождение неизвестно. Данные приведены по изд.: Сергей Коненков: Альбом. С. 255, № 99.

⁵ Дерево, подцв. кар. 130x56,5x41. Музей скульптуры С. Т. Коненкова. Смоленск. № С-36.

⁶ Дерево, подцв. кар. 126x32,5x29. Музей скульптуры С. Т. Коненкова. Смоленск. № С-35.

⁷ Дерево. Местонахождение неизвестно. Данные приведены по изд.: Сергей Коненков: Альбом. С. 261, № 140.

⁸ Дерево. 192x100x55. ГРМ. № Ск 917. Данные приведены по изд.: Сергей Коненков: Альбом. С. 271, № 216.

⁹ Серпуховский историко-художественный музей. № 611, 452. Данные приведены по изд.: Сергей Коненков: Альбом. С. 271, № 214, 215.

¹⁰ Коненков С. Т. Мой век. С. 200.

¹¹ Там же. С. 7.

¹² Там же. С. 200.

¹³ Опубликованы в изд.: Сергей Коненков: Альбом. С. 332, № 36, 37. Ил. 3, 4.

Там же находится еще несколько рисунков этого периода творчества скульптора: «Ярмарка» (1894),¹ «Слепые» (1890-е), «Музыканты (слепые)» (1910-е).² Эти рисунки были подробно рассмотрены И. Л. Арустамовой.³

Так как рисунки для С. Т. Конёнкова никогда не были самоцелью, он не придавал им особенного значения и создавал их только как подготовительный материал к будущим скульптурным работам. Поэтому графика Конёнкова почти не сохранилась. Рисунки находились в личном архиве скульптора, и их основное собрание хранится в Мемориальном музее «Творческая мастерская С. Т. Конёнкова» в Москве. Несколько рисунков находится в коллекции семьи Конёнковых-Робиновых. Среди них акварель «Странники» (бумага, граф. кар., цв. кар., акв. 34,6x22,8), относящаяся к рассматриваемой теме. На небольшом листе изображена группа из четырех человек, трое из которых слева, несомненно, странники-слепцы. Как и в рисунках, находящихся в Мемориальном музее «Творческая мастерская С. Т. Конёнкова», лица слепцов даны контуром и цветовым пятном, сквозь которое проступают нарисованные тонкой линией черты лица. Эскиз выполнен в коричневых тонах, с прорисовкой отдельных деталей синим карандашом и голубой акварелью. Необычным кажется странник справа, лицо которого выполнено тщательно графическим карандашом и отдельными чертами напоминает лицо самого автора. Он изображен как часть этой группы, одет также в зипун и шапку, обут в лапти. При подробном рассмотрении рисунка создается впечатление, что лицо этого странника прорисовано карандашом позднее, поверх уже законченного рисунка. Сам рисунок, относится, вероятно, к раннему периоду творчества. Он выполнен цветными карандашами и акварелью, цвет наложен плотно, складки одежды прорисованы жесткими вертикальными штрихами.

В таком же стиле и в таком же колористическом решении выполнен рисунок, изображающий первую жену С. Т. Конёнкова Татьяну Яковлевну Коняеву с сыном Марком, который также находится в собрании семьи Конёнковых-Робиновых (бумага, кар., акв., белила, 31,5x25), который можно датировать 1907—1908 гг.⁴ Возможно, что рассмотренный рисунок с изображением странников относится к этому же времени.

Оба рисунка хранились вместе с работами, привезенными С. Т. Конёнковым из Америки в 1945 г., но были выполнены еще до его поездки.

---

¹ Опубликовано в кн.: *Арустамова И. Л.* Сергей Тимофеевич Коненков. Творчество 1892—1923 годов. М.: Сканрус, 2009. Ил. 98.

² Опубликовано в кн.: Сергей Коненков: Альбом. С. 332, № 35, 40. Ил. 5. С. 333. Ил. 35.

³ См.: *Арустамова И. Л.* Сергей Тимофеевич Коненков. Творчество 1892—1923 годов. С. 221—228, 259—264.

⁴ Рисунок впервые был показан и атрибутирован в докладе А. К. Коненковой «К вопросу атрибуции рисунка С. Т. Коненкова из частного собрания» (Международная научно-практическая конференция, посвященная 120-летию со дня основания двух старейших музеев Нижнего Новгорода, 5—7 октября 2016 г.).

Возможно, что скульптор берег их в своем архиве как частичку России, о которой он постоянно тосковал, находясь за рубежом. Об этом состоянии скульптора писала его крестница Наталья Петровна Кончаловская, которая встречалась с четой Конёнковых в Нью-Йорке: «Все, кто встречал Конёнкова в Америке, должны были заметить постоянную угрюмую встревоженность Сергея Тимофеевича. Со мной он часто шутил и смеялся, но я была для него кусочком родной земли».¹

В собрании семьи Конёнковых-Робиновых находятся еще два рисунка «Слепые с поводырем» (бумага, граф. кар. 32,7x20,5) и «Три странника» (бумага, граф. кар. 30x21,5). Оба рисунка выполнены тонким графическим карандашом в одном стиле, отличающемся от рассмотренного первого рисунка, и кажутся фрагментами задуманной единой композиции. На первом рисунке изображены два странника с посохами, идущие осторожной поступью незрячих людей. Их ведет мальчик-поводырь, нарисованный слева. На втором рисунке изображены три странника: двое слева беседуют, а третий справа, повернутый к зрителю спиной, к ним прислушивается. Лица всех пяти странников портретны и сделаны с конкретных людей, хотя и по памяти. Мальчик-поводырь изображен обобщенно, его лицо напоминает черты созданных Конёнковым многочисленных детских образов. Позы всех персонажей схвачены очень верно и точно, почти без поправок, лишь кое-где видны следы стертых линий. Фигуры кажутся объемными, но объем создается не штрихами, а много раз повторенной по силуэту тонкой линией. В обоих рисунках линия очень нервная, тонкая, извилистая, мягко формирует складки одежды, очень верно передает впечатление лохмотьев домашних рубашек и портов, сношенных лаптей, всклокоченных волос, лохматых голов странников.

Из всего сохранившегося графического наследия Конёнкова с этими рисунками можно сравнить датированные и подписанные самим автором рисунки 1949—1950-х гг., находящиеся в Мемориальном музее «Творческая мастерская С. Т. Конёнкова» в Москве, особенно они близки по стилю двум рисункам, названным автором «У Лукоморья дуб зеленый».

Образы странников, путников сопровождали пейзажные зарисовки Конёнкова и в 1954—1955 гг. во время его путешествия по Карелии. В хранящемся в Мемориальном музее «Творческая мастерская С. Т. Конёнкова» путевом альбоме этого времени на одном из набросков Сергей Тимофеевич зарисовал деревянную церковь в Кондопоге с идущим по дороге странником с посохом.

Обращение Конёнкова в 1950-е гг. к теме странничества — образам иного, давно ушедшего времени, несомненно, свидетельствует о том, что они сложились в его памяти как образы дорогие и важные. Большой друг Конёнкова Народный художник СССР скульптор Екатерина Федоровна Бе-

---

¹ Цит. по кн.: *Бычков Ю.* Коненков. М.: Молодая гвардия, 1982. С. 229.

лашова в предисловии к воспоминаниям С. Т. Конёнкова «Мой век» написала, что он «кровь от крови русского народа и несет в себе, в душе своей, народные идеалы».¹ Образ русского человека в памяти Конёнкова прочно соединился с образами земляков, которых он хорошо знал и любил. Их колоритные красочные образы постоянно встречаются и в его воспоминаниях, и в его произведениях: «Я помню одного из рода Самсоновых — могучего человека с лохматыми рыжими волосами и большой бородой. Он запечатлелся идущим по деревне босиком, в длинной холщовой рубахе и холщовых портах. Этот человек навсегда остался в моей памяти как образ силы и мудрой простоты».²

---

¹ *Белашова Е. Ф.* Народный художник // *Коненков С. Т. Мой век.* С. 3.

² *Коненков С. Т. Мой век.* С. 7.

СКАЗКИ И ПЕСНИ

В. Е. Добровольская
Москва

ОБРАЗ ИНВАЛИДА В ТВЕРСКОЙ СКАЗКЕ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕРУССКОЙ СКАЗОЧНОЙ ТРАДИЦИИ¹

Образ человека физически или психически больного в русской фольклорной традиции привлекал внимание исследователей. В основном они рассматривали какую-то одну форму инвалидности, чаще всего слепоту,² реже глухоту³ или немоту.⁴ Основное внимание в этих работах обычно сосредотачивается на мифологической и религиозной народной прозе, на предписаниях и нормативах, а также на паремических перформативах. В несказочной прозе слепота или глухота может стать отличительной чертой мифологического персонажа, его своеобразной характеристикой.⁵ В то же время физический недостаток рассматривается как результат проклятья или нарушения запрета,⁶ как наказание за некий неправильный поступок⁷ или

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Репрезентация инвалидности и людей с ограниченными возможностями здоровья в России» (РГНФ, № 16-01-00145а / РФФИ, 16-01-00145-ОГН).

² Толстая С. М. Почему слепой не видит? (к этимологии слав. *slǽp-) // Словенска утимогија данас / Уредник А. Лома. Београд, 2007. С. 409—419; Михайлова К. О семантике странствующего певца-нищего в славянской народной культуре // Язык культуры: семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения Никиты Ильича Толстого (1923—1996) / Ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2004. С. 132—156.

³ Невская Л. Г. «Слепота» и «глухота» в балто-славянской традиционной культуре и языке // Этническое и языковое самосознание / Ред. В. П. Нерознак. М.: Институт народов России, 1995. С. 106—107; Толстая С. М. Глухой и слепой // Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. С. 134—174.

⁴ Агапкина Т. А. Молчание // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Ред. Н. И. Толстой. Т. 3: К (Круг) — П (Перепелка). М.: Международные отношения, 2004. С. 292—296.

⁵ Неклюдов С. Ю. О кривом оборотне: (к исследованию мифологической семантики фольклорного мотива) // Проблемы славянской этнографии: К 100-летию со дня рождения Д. К. Зеленина / Ред. А. К. Байбурун, К. В. Чистов. Л.: Наука, 1979. С. 133—141; Неклюдов С. Ю. Слепота демона и ее литературные перспективы // Сила взгляда: Глаза в мифологии и иконографии / Ред. Д. И. Антонов. М.: РГГУ, 2014. С. 125—147; Махова А. Е. Слепота и зрение // *Hostis antiquus*. Категории и образы средневековой христианской демонологии: Опыт словаря. М.: Intrada, 2013. С. 335—340.

⁶ Ясинская М. В. Запреты, связанные со зрением, в традиционной культуре славян // III Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире»: Труды и материалы / Ред. М. Л. Ремнева. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 594—596.

⁷ Амосова С. Н. «...Ну посыпать ей глаза»: Мотив наказания слепотой за работу в неурочное время // Сила взгляда: Глаза в мифологии и иконографии / Ред. Д. И. Антонов. М.: РГГУ, 2014. С. 306—316.

святотатство.¹ Болезнь может быть вызвана порчей, которую наводит колдун чаще всего по просьбе позавидовавшего человека. Это наказание не за греховное поведение, а скорее за вольное или невольное участие в некой конфликтной, спорной ситуации (портят одну из двух девушек, потому что именно ее предпочел парень; хорошую работницу, потому что она постоянно отмечается начальством и т. п.). И хотя в этом случае излечение возможно, но «отблеск» физического и особенно психологического недуга может сохраняться до самой смерти человека.

В народном мировоззрении отношение к физическим недостаткам именно человека (а не мифологического персонажа) имеет двойственный, амбивалентный характер. С одной стороны, физическая ущербность рассматривается как некий знак избранности, указание на принадлежность человека к группе «знающих». В этом случае, инвалидность говорит о том, что человек связан с «иным миром», наделен особыми, сакральными знаниями. Именно к нему в случае необходимости будут обращаться за помощью и советом. Не случайно считалось, что наиболее точные предсказания делают слепые предсказатели, лучше всего лечат люди с физическими недостатками и так далее. Такое отношение закреплено в пословицах «Умудряет Бог слепца», «Слепец духом прозревает» и т. д. Способностью к прорицанию в русской традиции наделяются «Божьи люди», необычный внешний вид (телесные аномалии) и поведение (психические аномалии) которых выступают своеобразным указанием на то, что данный человек предсказывает судьбу.²

---

¹ *Добровольская В. Е.* 1) Несказочная проза о разрушении церквей // Русский фольклор. Материалы и исследования. Т. XXX / Ред. А. Н. Розов. СПб.: Наука, 1999. С. 500—512; 2) Несказочная проза о разрушении церквей // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 2 / Сост. В. Е. Добровольская. М.: ГРЦФ. 1997. С. 76—88; *Шеваренкова Ю. М.* Нижегородские христианские легенды / Сост., вступит. статья и комментарии Ю. А. Шеваренковой. Нижний Новгород: КиТиздат, 1998; *Мороз А. Б.* Устная история русской церкви в советский период (народные предания о разрушении церквей) // Ученые записки Российского православного университета ап. Иоанна Богослова. Вып. 6. М., 2000. С. 177—185; *Фадеева Л. В.* Рассказы о разорении святыни в современной устной традиции Пинежья (к проблеме специфики сюжета и жанра) // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера / Ред. Т. Г. Иванова. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2003. С. 123—126; *Петров Н. В.* Каменная Зоя: слух, легенда, история // Механизмы культурной памяти: от фольклора до медиа / Сост. О. Б. Христофорова, Д. И. Антонов, М. В. Ахметова, Н. В. Петров. М.: РГГУ, 2014. С. 103—109.

² *Иванова А. А.* Легенды о прозорливых Уржумского края // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып. 3 / Ред. А. А. Иванова. М.: Изд-во МГУ, 2004. С. 187—199; *Фадеева Л. В.* Рассказы о блаженных и прозорливых в Инзенском районе Ульяновской области: Катенька Пятинская // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып. 3. С. 200—217; *Шеваренкова Ю. М.* Знаменитые блаженные Дивеевской земли // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып. 2 / Ред. А. А. Иванова. М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 247—254; *Добровольская В. Е.* 1) Народные представления о колдунах в несказочной прозе // Мужской сборник. Вып. 1: Мужчина в традиционной культуре: Социальные и профессиональные статусы и роли. Сила и власть. Мужская атрибутика и формы поведения. Мужской фольклор / Сост. И. А. Морозов. Ред. С. П. Бушкевич. М.:

В рассмотренных фольклорных жанрах инвалидность всегда реальна: ее можно устранить, или она остается с человеком на всю жизнь, она может привести его к вере, стать причиной смерти, физических и духовных мучений. Совершенно иначе реализуется мотив инвалидности в волшебных сказках. Рассмотрим это на примере текстов тверской сказочной традиции.

Любое несоответствие физиологической норме у персонажей сказки, имеющих мифологическую природу, является своеобразным указанием на их «иномирное» происхождение, наличие волшебных качеств. Такое физическое уродство не является результатом болезни персонажа — это исконное качество. Более того, даже меняя свой облик, мифологический персонаж сохраняет свой физический недостаток. Так, в сказке «Девушка-уточка» (СУС — 402***), вариант которой записан в Твери от Т. Н. Михайловой, сообщается: «Жили-были дед да баба. Пошли они как-то в лес по грибы и нашли уточку. А уточка та кривая была». Как только старики уходят из дома, уточка превращается в девушку, но при этом сохраняет свою хромоту: «У вас тут кривенькая девушка воду носила».¹

Совершенно иначе обстоит дело с теми персонажами, которые согласно сказочному канону считаются представителями «этого» мира, территории обычных людей. В данном пространстве герои могут иметь определенные телесные и психологические изъяны. Мы остановимся на тех случаях, когда герой / героиня получают или имитируют определенные недуги, то есть когда речь идет об инвалидности.

В тверских волшебных сказках инвалидность может быть реальной и мнимой. Инвалидность может стать средством маскировки героя. С этим типом мнимой инвалидности мы встречаемся в сказках нескольких сюжетных типов. Наиболее ярко она реализуется в сказках сюжетного типа СУС 532 («Незнайка»). В сказках данного сюжетного типа герой имитирует некую полу-немоту, умственную неполноценность. Кроме того, он с помощью внутренностей животных, смолы, сена, мусора и других средств имитирует кожные заболевания, которые должны, с одной стороны, вызвать к нему сострадание, но с другой — заставить окружающих дистанцироваться от него.

Так, в сказке «Про Зеленого», записанной от Николая Сидоровича Сидорова, Иван — купеческий сын одевает на голову свиной пузырь: «Одел тот пузырь — голова стала, как у тельца, лизанная, не видать ничего». После этого герой надевает странную зеленую одежду и «и стал как дурак». Меняет герой и свое поведение. На все вопросы окружающих он произносит

Лабиринт, 2001. С.95—105; 2) Термин «местнотимый» в фольклорной традиции Северной Великодержавии // Культура Русского Севера в преддверии третьего тысячелетия / Сост. О. Г. Севан, Г. В. Судаков. Вологда: Легия. 2000. С. 137—152.

¹ Т. Н. Михайлова, 61 год, Калинин, 1986. Полевые материалы, записанные в Тверской (Калининской) области, собраны в 1970—2000-е гг. и в настоящее время хранятся в Государственном республиканском Доме народного творчества, фонд М. В. Строганова (далее — ТО). Тетр. № 147.

только одно слово: «зеленый». Окружающие считают его дурачком и сторонятся его. На самом деле герой маскирует свой необычный облик, которым его наделили чудесные помощники: лев и конь. Конь велел ему потерять волосы его раззолоченным хвостом, и они стали золотыми, а лев велел потерять их его кудрявой гривой, и «у него завилась барашком вся голова».¹ Герой скрывает свой истинный облик под странной одеждой, его поведение является имитацией умственной неполноценности. Никто не ждет, что проstack и недотепа, который на все вопросы отвечает «Зеленый», окажется царским сыном и прекрасным воином.

Подобная инвалидность помогает герою скрыть и свое истинное происхождение, и свои особые внешние данные (золотые кудри), и свою необыкновенную силу. Обыденное сознание позволяет считать, что у такого героя не может быть никаких необычных способностей, но логика сказочного повествования, напротив, указывает на то, что именно такой «ущербный» герой обладает целым рядом необычных качеств, имеет чудесного помощника, связанного с «иным» миром и способен совершать подвиги. Именно это и увидела в Незнайке любимая царская дочь.

Аналогичный пример есть и в другой тверской сказке. Героиня скрывает свою красоту под маской Маши-дурочки. Сестра просит мать не пускать Машу на смотрины, говоря: «Мама, не пушай ее. Вон у ей сопли-то, — грит, — только будут смеяться». Но во время пути именно Маша оказывается самой доброй и отзывчивой, она откликается на просьбы всех, кто просит ее о помощи и в награду получает необыкновенную красоту, которая скрывалась за грязной внешностью героини: «...слуги пришли, Машу в бане вымыли, вычистили и одели всю в шелке. Красавица Маша, ох, какая красавица, такой нету».² Получает героиня и возможность стать женой царя.

Другим вариантом мнимой инвалидности является сюжет СУС 361 («Неумойка»). В этом случае герой заключает договор со своим противником (чертом) на соблюдение особого поведения, которое можно рассматривать как вид психического отклонения.

Так, в сказке, записанной в д. Ручьи Конаковского района от М. Н. Черкасовой, возвращающийся со службы солдат получает от таинственного старичка предложение «службу сослужить». Эта служба заключается в том, что «в течение целого года нельзя ни мыться, ни бриться, ни стирать одежду»³. Окружающие должны воспринимать его как человека, чье поведение не соответствует общепринятой норме. (Неряшливость считается одной из патологий психического здоровья. Для обозначения психического расстройства, проявляющегося в пренебрежении гигиеническими нормами, используется психиатрический термин-эпоним синдром Диогена.) Тверской

---

¹ Гончарова А. В. «Золотые зерна»: сказки, легенды, предания, мемуарные рассказы Тверского края. Тверь: Русская провинция. 1999. С. 52.

² М. А. Максимова 83 лет, д. Любегоще Весьегонского р-на, 1987. Архив ТО.

³ Н. М. Черкасова 64 лет, д. Ручьи Конаковского р-на, 2000. Архив ТО.

вариант занимает некое промежуточное между сказкой и быличкой. Собственно традиционный сюжет в данном варианте никак не разворачивается. Обычно, солдата сторонятся, но золото черта делает его сначала привлекательным для разорившегося царя, который согласен отдать за него одну из дочерей. Старшие дочери, увидев «страшилище, волоса всклокочены, ногти не выстрижены, сопли не вытерты», отказываются от брака, а младшая соглашается. По истечении срока договора солдат после ряда магических манипуляций становится красавцем. В данном случае инвалидность играет роль своеобразного двойного испытания: герой оказывается достаточно упрямым, чтобы выдержать условия договора, а царская дочь достаточно доброй, заботливой и покорной (не столько отцу, сколько Божьей воле): «Видно, судьба моя такова! Иду за него замуж, а там что бог даст!»,¹ — чтобы помочь царю-батюшке поправить финансы.

В тверском варианте солдат пытается жениться и сватается к трем сестрам: «Старшая дочь, увидев солдата, разозлилась, средняя — рассмеялась, а младшая — согласилась выйти замуж за солдата». Никаких финансовых вливаний в семью жены солдат не делает. Да и кто такой старичок, сделавший солдату предложение, — не ясно до конца сказки. По истечении срока договора солдат возвращает себе исконный облик и получает деньги: «Солдат вышел из бани помолодевшим на 20 лет, красивым. Жена повезла показывать мужа своей семье». Сестры жены от зависти вешаются, и только тут сказочник дает намек на то, кто такой старичок и зачем ему нужна была солдатская служба: «Старик засмеялся вдруг зловещим голосом и сказал: Так ты же мне двух хороших кобылок подарил. Теперь-то я на них поезжу!!!» В самом тексте сказки сказочница только делает намек на демоническую природу старичка, однако в комментарии добавляет: «Раньше считалось, что удавленницы и утопленницы попадали в ад, становились нечистыми духами».² Добавим, что в тверской традиции (как, впрочем, и в ряде других) очень часто души умерших неестественной смертью становятся ездовыми животными черта. В таком случае совершенно очевидно, что старичок — это черт, и он получает две души в свое безраздельное пользование.

Мнимые увечья исчезают у персонажей сказок, как только в них отпадает необходимость, с реальной инвалидностью сказочных героев ситуация иная.

Реальная инвалидность может быть вызвана совершенно обычными причинами, например старостью персонажа. Она важна для сказочного повествования не сама по себе, а как повод для отправления героя в путешествие. Так, в сказке СУС 551 («Молодильные яблоки») царь, отец героя, слепнет и стареет. Иван-царевич и его братья отправляются за целебным

---

¹ Русские народные сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. / Изд. подгот. Л. Г. Бараг и Н. В. Новиков; Отв. ред. Э. В. Померанцева, К. В. Чистов. М.: Наука, 1985. Т. 2. № 278. Серия «Литературные памятники».

² Н. М. Черкасова 64 лет, д. Ручьи Конаковского р-на, 2000. Архив ТО.

средством, которое должно вернуть отцу зрение и молодость. Собственно сказочное повествование возвращается к старости и немощи отца героя только в самом конце, когда обманувшие героя братья привозят яблоки, которые не могут вернуть отцу зрение, а герой — действительно волшебные плоды. В тверском варианте¹ ситуация несколько иная: чудесные предметы нужны как бы про запас, и их добывание — это своеобразное испытание героев. Средство устранения инвалидности становится знаком истинного героя, совершившего подвиг.

Иная ситуация со сказкой «Синие цветы», являющейся, с нашей точки зрения, вариацией сюжетного типа СУС 480А*. В ней дети отправляются за чудесными синими цветами, растущими у избушки Бабы-Яги, с помощью которых рассчитывают вылечить мать. Во время пути они ласково обходятся с уточкой и котом, получают искомое и спасаются от Яги не только с помощью благодарных животных, но и с помощью бросания чудесных предметов. В этой сказке у героев заболевает мать: «Жили они очень дружно, но случилась у них беда: заболела у них мать — ничего не ест, не пьет и день ото дня сохнет. Никакое лечение не шло ей впрок». Достав чудесные цветы, дети возвращаются домой. Отец «сделал отвар. Напоил им мать, а она уже было совсем силы потеряла. И вдруг щеки ее покрылись здоровым румянцем, села она на постели и зовет к себе детей. А отец в это время испек лепешки и раздал их матери и детям. Мать стала есть и приговаривать: „Какие вкусные лепешки!“ Обрадовались дети, что мать повеселела и стала поправляться. И снова стали жить они поживать да добра наживать».² Болезнь ликвидирована, и физическая ущербность устранена. Таким образом, в этих двух сказках, инвалидность становится лишь средством для отправки героев из дома, приемом, формирующим развитие сказочного сюжета.

В сказках встречается и другой тип инвалидности. Она может быть мезьтю со стороны противников или завистников героя. В сюжете СУС 613 («Правда и Кривда») герой лишен зрения своим другом или братом из зависти и зловредности: «...у правдивого не было хлеба, он очень хотел есть, и он попросил у Кривды кусочек хлеба. Кривда согласился, но за это он выколет один глаз у правдивого. Тот согласился, и Кривда дал ему маленький-маленький кусочек, да правдивый остался с одним глазом. Правдивому еще больше захотелось есть, он опять попросил. Кривда опять согласился, но, я, говорит, выколю тебе тогда второй глаз. Правдивый наелся и остался слепым». В большинстве вариантов слепой герой излечивается, подслушав чертей, один из которых сообщает, как можно вернуть зрение. В тверском варианте герой слышит не чертей, а некий голос, который обращается непосредственно к нему и велит ему идти к источнику: «Пошел слепой, вымыл

---

¹ Гончарова А. В. «Золотые зерна»... С. 23—29.

² М. М. Бабарыкина 75 лет, д. Камучи Калязинского р-на, 1986. Архив ТО.

глаза и опять прозрел».¹ В данном случае средством излечения является вода, но в большинстве других вариантов герой излечивается росой, которой нужно просто помазать глаза. Выбор росы как чудесного лечебного средства не случаен. В фольклорной традиции роса — это небесная влага, которая излечивает болезни, придает силу, здоровье и красоту.² Сказочная фантастика усиливает магические свойства росы и превращает ее в волшебное средство возвращающее зрение.

А вот вода, как чудесное средство исцеления, появляется еще в одном сюжетном типе сказок — СУС 706 («Безручка»). В этом сюжете инвалидность является результатом мести со стороны врага героя. В большинстве вариантов этой сказки муж героини по наущению своей сестры отрубает руки жене, привязывает к ней ребенка и выгоняет из дома. Героиня, скитаясь с ребенком по лесу, очень хочет пить и, наклонившись над колодезем (рекой, ключом), роняет ребенка. Дальше в сказке обычно реализуется принцип спасения младенца, характерный для легенды. В тверском варианте ситуация несколько иная. Оклеветанная женой брата девушка лишается рук и три года бродит по лесу, где ее находит «барский сын». Он женится на безрукой красавице, но его забирают в солдаты. У безрукой женщины рождается сын, но свекровь решает ее известить: «Как же она будет ходить за ребенком? Давайте сделаем бочку и пустим ее в море, пока его нет». Попав вместе с сыном на остров, она встречает старичка, который велит ей напоить ребенка, мальчик падает в воду и, доставая его, «сделались у ней руки». Надо отметить, что обычно в этом типе сюжета женщина возвращается домой и рассказывает о своих злоключениях. Но в данном варианте этот мотив отсутствует, и устранение инвалидности не провоцирует дальнейшее развитие сюжета. Старичок говорит женщине: «Ну вот, — говорит, — и ступай теперь, — говорит, — своей дорогой».³ Отметим, что в описываемом сюжете вода становится лечебным средством, но в данном случае важна скорее всего не она, а некая сила, олицетворением которой в данном случае является старичок. В ряде вариантов этой сказки у источника появляется Николай Угодник или Богородица. Заметим, что сходный мотив появляется руки в воде есть и в народных легендах о возникновении иконы «Троеручица»:⁴ «Что такое Троеручица? Щас скажу. Богородица со своим ребенком плыла по реке. В одной-то руке она держит ребенка, а одной-ти гребет. Тонет, тонет она, погибает. Ей же неловко — вот представь! Ты одной рукой умеешь

¹ Гончарова А. В. «Золотые зерна»... С. 204.

² Виноградова Л. Н., Толстая С. М. Роса // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Ред. Н. И. Толстой. Т. 4: П (Переправа через воду) — С (Сито). М.: Международные отношения, 2009. С. 470—474.

³ Гончарова А. В. «Золотые зерна»... С. 261.

⁴ В православном каноне появление этой иконы связано с житием прп. Иоанна Дамаскина: Бенчев И. Икона Богоматери Троеручицы в Хиландарском монастыре на Афоне // Византия и византийские традиции / Ред. Л. Немчинова. СПб: Изд. Государственного Эрмитажа. 1996. С. 175—183.

плавать? Она и говорит: „Господи, погибаю! Хоть бы мне еще одну руку!“ Значит, она одной-то его прижала, а другой гребет. Ей Господь дал третью».¹

***

Как видно из рассмотренных выше материалов, в сказках репрезентация инвалидности отличается от отношения к телесным и психическим недугам в фольклорной традиции в целом. Для народного мировоззрения физическая ущербность довольно часто становится неким знаком избранности, указанием на принадлежность человека к группе людей, наделенных особыми сверхъестественными способностями. В то же время инвалидность опасна для окружающих, поскольку может быть наказанием за грехи.

Устранение инвалидности в большинстве случаев связано с Богом, святыми угодниками или Божьей матерью. Они помогают человеку вернуть зрение или слух, реже ликвидировать отсутствие конечностей, излечиться от паралича, неврологических и психических заболеваний. В большинстве фольклорных жанрах инвалидность всегда реальна: ее можно устранить, или она остается с человеком на всю жизнь; она может привести его к вере, стать причиной смерти, физических и духовных мучений.

В сказочном тексте отношение к инвалидности иное. В сказках инвалидность бывает не только реальная, но и мнимая. С помощью мнимого недуга сказочные герои скрывают свой истинный статус. Ложная болезнь может выступать как своеобразное испытание героя. Необходимость в имитации инвалидности пропадает тогда, когда герой достигает желаемого результата. С реальной болезнью ситуация иная. Она может быть результатом «обыденной жизни» героев сказки, но чаще является результатом действий антагониста героя или героини. Но чем бы не была вызвана инвалидность в сказках, она всегда ликвидируется чудесным способом с помощью различных волшебных средств (воды, яблок, росы и т. п.). Причем в отличие от христианских легенд в сказочных текстах помощь Бога и святых встречается нечасто, в основном излечение связано с категориями добра и зла.

В тверской сказочной традиции мы наблюдаем целый ряд сюжетных вариаций, связанных с темой инвалидности. Так, прежде всего, в тверском корпусе текстов отсутствует ряд популярных для русской традиции сюжетов, где реализуется данный мотив. Здесь не зафиксирован сюжет «Звериное молоко» (СУС 315), где симитированная болезнь является поводом для отсылки героя из дома для того, чтобы он погиб. Нет сюжета «Братья-вороны» (СУС 451), где имитация недуга направлена на спасение заколдованных

---

¹ Фольклор Сосновского района Нижегородской области / Сост. А. Н. Караулов, И. А. Фалькова, К. Е. Корепова, Н. Б. Храмова, Ю. М. Шеваренкова; Ред. К. Е. Корепова. Нижний Новгород: Растр-НН, 2013. С. 263. «Фольклорное наследие Нижегородского края». Т. 1.

персонажей. Отсутствует в тверских записях и сюжет «Слепой и безногий» (СУС 519), в котором инвалидность является результатом мести героини. Помимо этого, те сюжеты тверского репертуара, в которых зафиксирован мотив инвалидности или ее имитации, в ряде случаев имеют свою специфику. Так, в сказке «Молодильные яблоки» мотив инвалидности отсутствует, хотя для большинства вариантов этого сюжетного типа он является устойчивым. Своеобразно реализуется мотив инвалидности и в сказке «Безручка». Весьма оригинально решен мотив болезни и излечения от нее в сказке про синие цветы, которую следует считать вариацией сюжета СУС —480А***, относительно редкого в русской сказочной традиции. Чрезвычайно интересен сюжет «Неумойка», находящейся на границе сказки и не-сказочной прозы. Однако в ряде случаев тверские сказки соответствуют общерусской сказочной традиции, и мотив инвалидности реализуется в них весьма традиционно.

**ОСОБЕННОСТИ МУЗЫКАЛЬНО-ПЕВЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
ТВЕРСКОГО ВОЛГОВЕРХОВЬЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА
ТРАДИЦИИ РЖЕВСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ¹**

*Кто не знает раскола в России,
тот не знает совсем народа нашего.
А. Ф. Писемский*

Среди всего многослойного жанрового разнообразия его городской музыкальной культуры Ржева, первого города Верхней Волги, остановимся лишь на одном исключительном и уникальном явлении локального художественного пространства, на старообрядческой общине, музыкальные традиции которой получили новое развитие в начале XX в.

Старообрядчество — это не некий застывший исторический «раритет»,² остающийся только видом исторической памяти. Старообрядчество как вид духовной конфессии — живая и развивающаяся в условиях современности культурная традиция со своими законами и обычаями, самобытностью и уникальностью.

Уже в 1721 г. старообрядцы Ржева числом и активностью привлекают внимание Святейшего Синода, который особым распоряжением принимает решение о посылке в город своих миссионеров. Однако, эта назначенная экспедиция так и не состоялась, поскольку в самом Ржеве не отыскалось «надежных людей»: настолько сильна и велика была приверженность старой вере на Верхней Волге. К середине XIX в. по официальным данным число старообрядцев по Тверской губернии составляло 19 900 человек, из них в Ржеве было 11 683 человек, и еще 593 человек проживало в Ржевском уезде, то есть 62 % или почти 2/3 от общего состава тверских староверов.

Старообрядцы сохранили многие виды древнерусской культуры, в том числе традиции церковного пения и чтения, духовного стиха.³ Современное музыковедение уже доказало, что церковно-певческой культура

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Администрации Тверской области в рамках научно-исследовательского проекта «Музыкальная культура провинциального регионального центра России. Ржев на рубеже XIX—XX вв.» (№ 14-14-69008 а/р).

² *Денисов Н. Г.* Стрельниковский хор Костромской земли: традиции старообрядческого церковного пения. М.: Прогресс-Традиция, 2005. С. 16.

³ См.: Русские письменные и устные традиции и духовная культура. М.: МГУ, 1982; *Рудиченко Т. В.* Духовные стихи донских казаков // Христианство и христианская культура в степном Предкавказье и на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону, 2000. С. 165—193; *Полозова И. В.* Традиции литургического пения старообрядцев поморского согласия За-

старообрядцев является важным и самобытным направлением русского музыкального искусства. Это культура имеет особую ценность и значимость в духовной истории России и во многом определила дальнейший путь ее развития.¹ Более того, такая вокальная традиция может рассматриваться «не как один из источников в изучении древнерусского пения», а как самостоятельная и самодостаточная художественная культура.²

Хоровое унисонное пение в старообрядческих храмах — одно из ярчайших явлений в истории всей музыки. Само обучение вокальной старообрядческой традиции построено на изустном показе, «от учителя — головщика хора — к ученикам хористам».³ Попевки-крюки выучиваются «с голоса» на память, а их число доходит до нескольких сотен. В хорах раньше пели только мужчины в один голос. Это создавало мощное звуковое резонансное полотно, сфокусированное на единстве «круговой» молитвы и духовного устремления. Начинаясь в нижнем голосовом регистре и постепенно по нарастающей ступенной амплитуде двигаясь к верхнему диапазону, весь звуковой объем к своей кульминации приобретал общую силу воодушевления и порыва, после которого медленно следовало неспешное звуковое и эмоциональное затухание музыкально окрашенных чувств.

В начале XX в. эстетика певческих традиций старообрядчества претерпела изменения: в богослужбных песнопениях стали участвовать женские и детские голоса. Значительный толчок для организации хорового дела во Ржеве дал концерт знаменитого Морозовского старообрядческого хора. История этого коллектива, собранного из фабричных рабочих, примечательна. Он был создан при Богородско-Глуховской мануфактуре Московской губернии (теперь г. Ногинск). Его содержал на собственные средства А. И. Морозов. Благодаря инициативе и финансовой поддержке мецената, хор снискал славу образцового хора в разных уголках России, в том числе в обеих столицах.

Морозовский старообрядческий хор приезжал в 1910 г. на Тверскую землю по случаю освящения храма во имя Покрова Пресвятыя Богородицы. Концерт Морозовского хора в Ржеве состоялся 28 марта 1910 г. под руководством П. В. Цветкова — его главного регента. Это выступление стало, по сути, стартом новых ржевских традиций.

падной Сибири: Автореф. дисс.... канд. искусствоведения / Новосибирская гос. консерватория им. М. И. Глинки. Новосибирск, 2000; *Панченко Ф. В.* Рукописное наследия Выговских мастеропевцев: история, традиция, творчество: Автореф. дисс.... канд. искусствоведения. Санкт-Петербургская гос. консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова. СПб., 2002.

¹ *Денисов Н. Г.* Старообрядческая богослужбно-певческая культура (к проблеме типологии): Автореф. дисс.... доктора искусствоведения. СПб., 2010. С. 3.

² Там же. С. 16.

³ Там же. С. 19.

Уже в этом же году при Покровской общине Ржева был организован детский хор из 15 мальчиков — учеников старообрядческой школы. Им руководил учитель пения И. П. Долгополов. О пении этого детского хора сохранились отзывы даже в столичной газете «Церковь»,¹ которая отличала его вокальные качества как «чистые, нежные и стройные».²

После удачного дебюта детского хора обучаться по крюкам пожелали «несколько взрослых прихожан» и «старообрядческие девицы». Немного позже образовался и взрослый хоровой коллектив, который сложился довольно быстро. Затем численность его значительно выросла, и он преобразовался вскоре даже в смешанный состав (женские и мужские голоса). К 1911 г. при Покровском храме существовало уже два отдельных любительских хора — мужской и женский. Ими руководил И. К. Сергеев — учитель пения.

Пример Морозовского хора стал на долгие годы эталоном вокально-хоровой деятельности ржевских хористов Покровского храма. Для работы с местным хоровым коллективом во Ржев приглашается и приезжает сотрудничать регент А. В. Краснова, обладающая высокой певческой культурой опытная солистка Морозовского хора — «головщица», регент его женского отделения. Можно предположить, она сохранила всю вокально-хоровую методику обучения пению, которую она в совершенстве изучила в Морозовском хоре. В настоящее время пока еще не сложилась полная картина жизни А. В. Красновой. Но известно, что уже в 1907 г. она состояла ведущей солисткой (контральто) Морозовского женского хора. А. В. Краснова была ученицей и подвижницей великих хоровых мастеров Морозовского хора — И. А. Фортова и П. В. Цветкова, заветом которых стала истина, что «пение только тогда будет хорошо исполняться, если, совместно с хорошими головами, хор имеет талантливого, энергичного и образованного руководителя».³ После кончины регента Морозовского хора П. В. Цветкова (1911) А. В. Краснова была избрана на управление женским хором и частью подготовительного отделения Морозовского хора.

В программу занятий входили следующие уроки: постановка голоса (теория и практика); изучение крюков, лиц, фит; способы их преподавания; изучение демественного пения и способы его преподавания; элементарная теория музыки; слуховые упражнения: сольфеджио, диктант; краткие сведения о формах гласового пения; краткая история церковного пения в России; обучение игре на фисгармонии или скрипке (по желанию). Обучение велось регулярно и ежедневно не менее 3 часов. Кроме того, обязательными

---

¹ См.: Церковь. 1910. № 16. С. 420; 1910. № 35. С. 882.

² Цит. по: *Дынникова И. В.* Морозовский хор в контексте старообрядческой культуры начала XX в. М.: Индрик, 2009. С. 104.

³ См.: *Шанский Л. Т.* На могилу П. В. Цветкова // Старообрядческая мысль. 1912. № 3. С. 330.

были практические занятия на общих спевках, во время богослужения, на концертных выступлениях.

Добротная Морозовская выучка вокального исполнительства не преминула дать свои плоды. Так, периодическое издание «Старообрядческая мысль» (1910. № 10. С. 689) сообщало, что солистка Морозовского хора А. В. Краснова «подняла пение» в общине Ржева. Всячески поддерживал организацию ржевских хоров епископ Петроградский и Тверской Геронтий. Отзыв газеты (1916): «5 февраля, проездом из г. Ржева в Петроград, нашу общину посетил преосвященный Геронтий, епископ Петроградский и Тверской... За богослужением пел местный любительский женский хор. Литургия была пропета демественным роспевом. Богослужение было очень торжественное... Отметил владыка стройность пения любительского хора и благодарил хор за труды».¹

К 1920-м гг. хоровое пение в старообрядческих церквях на Верхневолжье было в примерном состоянии. Кроме Покровского, славился во Ржеве и далеко за его пределами церковный хор Троицкого храма.

В заключение следует отметить, что в начале XX в. в Ржеве действительно складывались самобытные тенденции музыкально-певческой культуры. Пример тому — художественные традиции старообрядческой общины.

Но необходимо подчеркнуть еще одну первопричину обращения к данной теме. Сегодня уже остро ощущается постепенный процесс угасания этой интереснейшей страницы музыкальной культуры (не только периферийного масштаба), который, прежде всего, обусловлен историческими событиями последнего ушедшего столетия, повлекшего за собой утрату многих художественных укладов в общем списке отечественного достояния. Безусловно, требуются срочные меры и усилия по ограждению, сохранению, изучению и популяризации старообрядческой музыкальной культуры — одному из видов нашей общей наследственной художественной памяти.

---

¹ Старообрядчество в Ржеве; <http://rzev.ru/modules/myarticles/print.php>. Дата обращения 20.03.2014.

И. Н. Некрасова
Тверь

НАРОДНЫЕ ИСПОЛНИТЕЛИ ИЗ ДЕРЕВНИ ГОЛУЗИНО КИМРСКОГО РАЙОНА

Выражение «живое бытование фольклора» содержит ключевое слово живое. За ним стоит сама жизнь — история деревень, сел, судьбы исполнителей, простых людей, наделенных каждого своей долей, но обладающих общим даром — народной памятью прошлых поколений. Они носят в себе огромное богатство: знания, мудрость, опыт, позволяющие восстановить утраченное и забытое из сохранившихся воспоминаний. Это — носители традиций, и общение с ними порождает преемственность, восстанавливает духовную связь поколений.

Фольклорные мероприятия любого толка, будь то научно-практическая конференция, исполнительский конкурс или концерт фольклорной музыки оживают, приобретают глубину и, одновременно, иллюстративность, если в них принимают участие народные исполнители.

В этом году творческим подарком для участников двух больших областных мероприятий IV открытого конкурса по традиционной пляске «Молодо-зелено — погулять велено» и научно-практической конференции «Фольклорное поле 2014», стало выступление народных исполнителей, мастеров пляски из деревни Голузино Кимрского района Нонны Ивановны Денисовой и Ирины Ивановны Тереховой.

Первая наша встреча с этими исполнителями состоялась в 2002 г. по инициативе студента Тверского музыкального училища Алексея Терехова. Его мать Ирина Ивановна Терехова (1937—2015) со своими старшими сестрами Нонной Ивановной Денисовой (1934 г. р.) и Риммой Ивановой Усковой (1930 г. р.) хорошо помнили, как раньше плясали местную кадрили. И мы отправились в д. Голузино с целью записать фигуры танца и провести экспедиционную разведку в сельском округе.¹

Приехав на место, наша группа остановились в доме Денисовых. Здесь во всём чувствовался традиционный деревенский уклад: крепкое крестьянское хозяйство, распорядок дня, когда встать надо так рано, чтобы у тебя первой закурился дымок из трубы, и в деревне знали — в этом доме уже начался новый день. А самое главное — отношения внутри семьи: забота, помощь, поддержка и радость совместного праздника.

В девичестве сестры носили фамилию Галкины. Отец Иван Алексеевич первоначально жил с семьей в деревне Негощи Кимрского района, на Волге. Когда же началось строительство канала им. Москвы, жители дере-

---

¹ Экспедиционная группа Тверского музыкального училища им. М. П. Мусоргского работала в составе: Л. К. Королева, И. Н. Некрасова, А. А. Терехов, А. В. Кузнецов.

вень, попавшие в зону затопления, были вынуждены покинуть родные места. Так Негощи перестали существовать на земле и на карте, а семья Галкиных переселилась в Голузино, где, не лишним будет заметить, жил двоюродный брат отца, известный в округе гармонист.

Сестры вспоминали, что песня в семье звучала всегда, кроме того отец хорошо плясал и учил этому девочек. «Вот паровоз в гору едет: „Ох, ус-та-(а)л, ох, ус-та-(а)л“, — выбивал он ровные, ритмичные удары: левая нога, правая, левая, правая. А потом с горы: „Не до-го-нишь, не до-го-нишь, не до-го-нишь, не до-го-нишь!“ — и выстукивал при этом мелкую частую дробь».

Умение петь и плясать всегда ценилось в деревне, особенно среди молодежи. Старшие рассказывали, как ходили летом на «плешку», так называлось место на берегу реки Малой Пудицы, выбранное молодежью для гуляния, «там и плясали, там и пели, там и танцевали, и влюблялись, всё там». А зимой было принято «отводить беседы» по очереди в избах, домах, где девушки, «вошли в возраст». На гуляния собиралась местная молодежь, нередко приглашали и парней из соседних деревень. Посмотреть, как кто пляшет, приходили зрители — «здешние женщины, ребятишки». Главное место на беседе отводилось танцам и пляске: начинали и заканчивали гулянье кадрилиями, между ними заводили цыганочку, русского, елецкого, семеновну.

В ходе общения с исполнительницами выяснилось, что все трое прекрасно знают местные традиции и обычаи, все трое хорошо поют, замечательно пляшут. Каждая из сестер демонстрировала в пляске свой характер. «Коронный» выход Риммы Ивановны под цыганочку — россыпь частых ударов-шагов; ноги лучше языка выговаривали дробную ритмическую тираду. Она вспоминала: «Как только гармонь на беседе заиграет, так — по всей избы россыпью, из одного угла в другой». Цыганочка Ирины Ивановны совершенно другая — томная, дробь в ногах с оттяжкой; проходка мелкой дробью — удар, подскок и отход в «отвёртку», касаясь носками пола, засурдиненная манера пения частушек. Нонна Ивановна плясала елецкого, цыганочку и русского, выговаривая музыку ногами, а частушку пела сердцем, вкладывая в каждое слово смысл и особую интонацию. Живо и точно изображала, как кто плясал в деревне, демонстрируя манеру и выходку каждого из односельчан.

Во время проведения сеанса, когда речь шла о святках, о том, как раньше ходили колядовать, как чудили, сряжались под Новый год, Нонна Ивановна отлучилась и через некоторое время возвратилась переодетая в мужчину, на ней были надеты брюки, рубашка на выпуск и шляпа. Артистка сразу завладела нашим вниманием и, по-волжски окая, заодно начала:

Здравствуйте, товарищи!

Это я явилса.

А сейчас я расскажу,

*Как я раз женился.
И я пошел...*

Нонна Ивановна прошла дробной проходкой под «русского» по кругу, остановилась и продолжила рассказ:

*Познакомился с одной
Я замужнею женой.
Я к ней в гости прихожу,
Во все стороны гляжу.
И я пошел....*

Настроение и состояние незадачливого ухажера исполнительница вкладывала в слова рефрена «И я пошел», интонация произнесения слов менялась в зависимости от событий, происходящих по ходу повествования: то веселая и задиристая, самодовольная и нагловатая, трусливая и испуганная, несчастная, назидательная:

*Мы сидели с ней в тиши,
Толковали от души.
А когда мы пили чай,
Муж явился невзначай.
И я пошел...*

*Она двери открывать,
А я забился под кровать.
Под кроватью было пыльно,
Мне чихать хотелось сильно.
Я тихонько привздохнул
И раза три подряд чихнул.
И я пошел...*

*Муж к кровати подошел,
Меня бедного нашел.
Выволок меня на свет,
Он думал, я смеяться буду, да уж нет,
Какой тут смех!
И я пошел...*

*Раза три огрел поленом,
Сковородой охоботил
И вниз по лестнице спустил.
И я побрел...*

*До сих пор болят все кости,
Позабыл ходить как в гости.
Мужики, советую и вам*

*Не любить замужних дам.
И я пошел...*

Каждый раз после слов «И я пошел...» Нонна Ивановна начинала забористо дробить и, пройдя круг, декламировала очередной куплет.

Ее выступление живо напомнило традиционную пляску с частушками под русского, елецкого, соломушку, цыганочку, где пение частушки чередуется с проходкой по кругу. Только в данном случае сольная традиционная пляска приобрела черты некоторой сценичности, а текст городского происхождения, заменивший частушку, преобразился благодаря пляске и стал куда более привлекательным, чем широко бытовавшие в послевоенное время сатирические куплеты.

Очевидно, что такая поэтично-музыкально-хореографическая форма миниатюры с традиционной пляской и элементами ряженья позволяет рассмотреть этот сценический номер как фольклорное явление с присущими ему признаками бытования. Нонна Ивановна переняла эту сценку-пляску в соседней деревне Слезино от балагура и плясуна Василия Шустрова по прозвищу Рыжий и впоследствии уже сама плясала «И я пошел» на деревенских вечерах и собраниях.

Задавшись вопросом о распространении этой песни в других местах, мы нашли варианты ее в двух типах. Один вариант бытует как шуточная песня в Архангельской области:

*Познакомился с одной,
Братцы, с мужнею женой.
Ой, калина, ой малина,
Братцы с мужнею женой.¹*

Другой — на хуторе Кубанском в Краснодарском крае:

*Познакомился весной
Ну да, ну да, ну да,
Братцы, с друговой женой
Да, да, да, да!²*

Приведенные выше примеры аналогичны по тексту, но значительно отличаются от голузинского «И я пошел» по жанру, хотя все три имеют пусть и разные, но образующие форму припевы: «И я пошел», «Ой, калина,

---

¹ См. варианты этого типа: Городские песни, баллады, романсы / Составление, подготовка текста и комментарии А. В. Кулагиной, Ф. М. Селиванова. Вступительная статья Ф. М. Селиванова. М.: МГУ, 1999. С. 523—524; В нашу гавань заходили корабли. Вып. 3. М.: Стрекоза, 2000 (<http://a-pesni.org/dvor/rasskazusej.php>).

² См. варианты песни этого типа в исполнении государственного ансамбля казачьей песни «Криница» (Краснодар, обработка В. А. Капаева. Режим доступа: <http://www.krinitza.ru/lyrics/Poznakomilsja%20vesnoi.html>. Дата обращения: 25.05.2017); и русского народного хора «Раздолье» (Казань. Режим доступа: <https://sites.google.com/site/razdoliekazan/home/lyrics/poznakomilsa-vesnoj>. Дата обращения: 25.05.2017).

ой, малина» и «Да, да, да, да». К сожалению, проведение подробного анализа музыкального и поэтического материала выходит за рамки данной статьи, а вопросы о происхождении жанра и сферы его бытования безусловно требуют более тщательного рассмотрения и отдельного исследования.¹

Интересно наблюдать, как фольклорные произведения преобразуются с течением времени, как они живут и меняются вместе со своими исполнителями под воздействием увиденного, услышанного и пережитого. Спустя 13 лет, в 2015 г. на открытии конкурса по русской традиционной пляске Н. И. Денисова показала «И я пошел» совсем по-другому. Текст претерпел ряд изменений, как это обычно бывает в устной традиции. Появились новые подробности в сюжете: так, муж, «вернувшийся невзначай», был сначала отправлен в Ленинград, в связи с этим повествование расширилось, и рефрен «И я пошел» разбил поэтический текст в новых местах, да и сама пляска выглядела иначе.

Первый вариант исполнения, записанный в 2002 г., благодаря экспедиционным записям получил известность и популярность. Он и сейчас бытует в нескольких прочтениях. Мы видели эту пляску на областном конкурсе «Молодо-зелено» и всероссийском конкурсе «Перепляс» в исполнении студента музыкального колледжа Павла Арламова, несколькими годами раньше ее плясал выпускник колледжа Иван Белоусов, свою версию пляски предложил через интернет участник историко-этнографического клуба «Белый волк» Антон Кузнецов. Пляска живет, обретая новую жизнь с новыми исполнителями, в новой, уже современной молодежной среде XXI в.

Нам посчастливилось застать живое бытование фольклора, почувствовать глубину традиции, получить бесценный опыт общения с ее носителями, воспринимая красоту национальной культуры на уровне живой передачи.

---

¹ См. также: *Некрасова И. Н.* Голузинская кадрили. К вопросу об этических и эстетических нормах мужского поведения на беседах // «Мужское» в традиционном и современном обществе: Материалы научной конференции. М., 2003. С. 53—54.

ХРАНИТЕЛИ И СПОДВИЖНИКИ ПО МАТЕРИАЛАМ ВЫЕЗДА В РАМЕШКОВСКИЙ РАЙОН В 2014 ГОДУ

На современном этапе собирательская деятельность чаще всего направлена на фиксирование не артефактов как таковых, а воспоминаний о существовании этих артефактов. Всё чаще в фольклорных и этнографических экспедициях собиратели записывают не самих исполнителей, а воспоминания об этих исполнителях людей более позднего поколения. Тем не менее такие записи также могут составить представление о традиционной культуре того или иного региона.

В июле 2014 г. во время пребывания на фестивале «На стыке трех культур» в Рамешковском районе мы провели мини-экспедицию в деревню Медведиха данного района (все материалы этой экспедиции хранятся в личном архиве автора статьи). Целью выезда была встреча с Александрой Андреевной Каменцовой (в замужестве Нечаевой), одной из исполнительниц знаменитого в прошлом Медведихинского хора. Данный хор является одним из старейших в области, ему около 90 лет. Александра Андреевна поет в хоре с 1982 г. Отец и мать ее пели на клиросе, то есть певческая культура всегда была неотъемлемой составляющей ее жизни.

В свои 88 лет Александра Андреевна прекрасно владеет голосом. Она упомянула несколько песен, которые особенно любил ее отец. Это три песни про заключенных, которые воспроизвести она не смогла, а также «Тройка мчится», «В далеких степях Забайкалья».

Александра Андреевна имела «ведущую партию второго голоса». Она вспоминает: «Я считаю, я вторым голосом пою. Запевала. Все хоровые песни я запевала. Много песен у хора» (все приводимые записи хранятся в личном архиве автора статьи). Одна из самых любимых песен «Как на этой на долинке». Александра Андреевна отмечает, что это песня из репертуара старого хора, которую исполняли уже в сценическом варианте в хороводе. К сожалению, аутентичный вариант хореографии этого хоровода утрачен, так как он сильно адаптирован для сцены. Другая любимая песня «Мил плакать не велел» является местным вариантом любовной лирической песни романского склада.

Разговор с исполнительницей был посвящен разным темам. Всего в беседе с Александрой Андреевной мы смогли затронуть около десяти разных тем. Среди них выделяется рассказ о ритуале сватовства, который осуществлял брат ее будущего мужа. Приводим здесь ее описание:

«Дед сватал. Пришел из армии. Брат его сосватал. „Телка у вас продается, — кричит с порога. Телка у вас есть в продаже?“ А я ему по-свойски:

„Что т' разорался-то? У нас и коровы-то нету“. А отец-то догадался, да и говорит: *„Есть, есть“.* Ну, слезай тогда с печки. Бутылку ставят на стол, договариваться. А ему сказал (брат. — С. Л.): *ты пока на крыльце постой, как услышишь, что мы договариваться стали, так и заходи. Стали договариваться, ну, и договорились. Потом спать легли. Утром бригадир приходит. А я его одеялом накрыла».* Как видим, обряд сильно разрушен, но семантика его полностью сохранена.

Информантка рассказала также рецепт приготовления местного пива: «Пиво варили. Сначала зерно выращивали, потом в корчаги и в печку, чтобы набухло, потом уже кипятком заливают, уже это сусло. Песню пели „Ой, не пора ли нам, ребята, пива наварити“».

Вспоминая детские годы, Александра Андреевна упоминает две самые популярные у них игры: в «криночку» и в «колечко». Так как игра в «колечко» достаточно известна и маловариативна, приводим здесь описание игры в «криночку»: «В детстве играли в „криночку“. Мы сидим, как криночки. Кот должен прийти и слизать сметану, а другой человек должен этого кота отгонять. А как он слизывает, ну, мы вот так завалимся, как криночки, а тот отгоняет и нас поправляет, чтоб ровно сидели». Как можно догадаться, смысл игры в том, что если водящий не уследил за котом, то водящий меняется.

Интерес представляет также регламент проведения вечерки. Информантка упоминает самую важную должность на вечерке — порядчик (распорядчик). «Распорядчика выбирают парни сами между собой», - отмечает Александра Андреевна. Во всех играх, танцах, порядчик играет очень важную роль, например, в игре в «кружку» может устроить так, чтобы не обидеть девушку отказом в поцелуе: «Если девчонка не нравится, он мотает головой, мне ее не надо, и порядчик (распорядчик) ему подсказывает, мигает. А если уж попадет, то убежать нельзя, ремнем догонит». Другой пример беспрекословной подчиненности распорядчику: «Мы идем, разговариваем, договариваемся, кто к кому садится. Если распорядчик распорядился, то парень должен был смириться и подчиниться».

Среди жанров песенного фольклора, исполняемого на вечерках, информантка упоминает «страдания», исполняемые друг перед другом наперебой, а также «подъязычные страдания» — «тирликанье». Когда собирались на вечерки и шли рядами по деревне, пели «частушки с возгласами».

Парни заканчивали каждую возгласом «рррро» или «ooo». Девушки заканчивали свои возгласом «эээх»: «Парни с одной стороны, девушки с другой стороны идут.

*А по деревне шла и пела
Девка здоровенная. — оoo
Она за угол зацепила,
Заревела бедная. — рро*

*Поиграйте, поиграйте,
Серые глазеночки,
Серые глазеночки
На сердце у девчоночки. — эээх (ишх)*

*Не гляди, теща, в окошко,
Твоя щучья голова. — рро
Твоя дочка согрешила,
Мне на праздничек дала. — ооо*

Среди песен, исполнявшихся на вечерках, Александра Андреевна упоминает известный романс «В низенькой светелке». Эта песня также входит в репертуар Медведихинского хора наряду с такими, как «Комара муха любила», «Было у тещи пятеро зятей», «Разыграемся, девушки, вдоль по лугу шаром», «Вдоль по морю», «Дуня моя, Дуня», «Калинка-малинка». Александра Андреевна также исполнила наигрыши *русского, круковьяк, цыганочка*, заметив при этом: «у нас как на *елецкого*. Иногда я у них на хоре пою, с выходом, с подружкой мы пели, я играла, она пела, подружка померла. На гармошке маленько пиликаю».

Таким образом, от Александры Андреевны Каменцовой было записано семь песен разных жанров, рассказы о двух детских играх, три наигрыша на балалайке в «гитарушном» (термин исполнительницы) строе, частушки «с возгласами» и «подязычные» страдания.

Некоторые тексты песен приводим ниже. Повторяющиеся стихи выделены курсивом.

1
*Комара муха любила,
Комара муха любила,
Самогонкой напоила — пьян!*

*Полетел комар в лесочек,
Полетел комар в лесочек,
Сел на тоненький сучочек — спит!*

*Поднялась большая буря,
Поднялась большая буря
И комарика-то сдула — пал!*

*Он лежит и еле дышит,
Он лежит и еле дышит,
Ручкам-ножкам не колышет — сдох!*

Прилетели тут две мухи,

Прилетели тут две мухи
И комарика под руки — унесли!

*Хоронили при дороге,
Хоронили при дороге,
Видно руки, видно ноги — весь на виду!*

2

Было у тещи пятеро зятей.

Мишка — зять,
Никишка — зять,
Макарка — зять,
Захарка — зять,
А Роман — любимый зять!

Стала их теща в гости звать.

Мишка — приди,
Никишка — приди,
Макарка — приди,
Захарка — приди.
А Роман — давно в гостях!

Стала их теща блинам угощать.

Мишке — блин,
Никишке — блин,
Макарке — блин,
Захарке — блин,
А Роману — всю квашню!

Стала их теща вином угощать.

Мишке — стопку,
Никишке — стопку,
Макарке — стопку,
Захарке — стопку,
А Роману — четвертной!

Стала их теща спать укладывать.

Мишку — на лавку,
Никишку — под лавку,
Макарку — на печку,
Захарку — за печку,
А Романа — на кровать!

Стала их теща с утра поднимать.

Мишка — вставай!

Никишка — вставай!

Макарка — вставай!

Захарка — вставай!

А Роман — пускай поспит! (исполнен позже)

Стала их теща домой провожать.

Мишку — палкой,

Никишку — скалкой,

Макарку — ухватом,

Захарку — прялкой,

А Романа — кочергой!

3

Разыграемте, девушки,

По лугу шаром.

Ой, калина моя,

Ой, малина моя.

А мы по лугу шаром,

Вдоль по улице пройдем.

Ой, калина моя,

Ой, малина моя.

Мы заглянемте, девушки,

Под белый шатер.

Ой, калина моя,

Ой, малина моя.

Шатер, девушки,

Размолодушки.

Ой, калина моя,

Ой, малина моя.

По зеленой по траве

Ехал Ваня на коне.

Ой, калина моя,

Ой, малина моя.

Что не белый снег напал,

Со коня Ваня упал.

Ой, калина моя,

Ой, малина моя.

Он упал да лежит,
Никто к Ване не бежит.
Ой, калина моя,
Ой, малина моя.

Сударушка увидала,
Скорешенько подбежала.
Ой, калина моя,
Ой, малина моя.

Скорешенько подбежала,
На коня Ваню сажала.
Ой, калина моя,
Ой, малина моя.

Она сажала-сажала,
Наказывала.
Ой, калина моя,
Ой, малина моя

Она наказывала,
Наговаривала.
Ой, калина моя,
Ой, малина моя

Что поедешь, моя радость,
Во Медведиху-село.
Ой, калина моя,
Ой, малина моя.

Во Медведихе-селе
Не загуливайся.
Ой, калина моя,
Ой, малина моя.

На хороших да пригожих
Не заглядывайся.
Ой, калина моя,
Ой, малина моя.

А хороши да пригожи

Ваню высушили.
Ой, калина моя,
Ой, малина моя.

Без морозу, без ветру
Сердце вызнобили.
Ой, калина моя,
Ой, малина моя.

4
Расхороший, раскрасивый мой Иван!
Для тебя надела красный сарафан.
Калинка, калинка моя,
В саду ягода малинка моя!

Ты тряхни своей кудрявой головой,
Развеселу хороводную запой.
Калинка, калинка моя,
В саду ягода малинка моя!

<не помнит>
У гармошки мех широко растяни
<не помнит>

5
Вдоль по морю, вдоль по морю,
Вдоль по морю, морю синему.

По синему, по синему,
По синему, по Волынческому.

Плывет лебедь, плывет лебедь,
Плывет лебедь, лебедушка белая.

Плывши лебедь, плывши лебедь,
Плывши лебедь окунулася.

Под ней вода, под ней вода,
Под ней вода всколыхнулася.

Негде взялся, негде взялся,
Негде взялся млад охотник со ружьем.

Подбил он ей, подбил он ей,
Подбил он ей право крылышко.

Пустил он кровь, пустил он кровь,
Пустил кровь он по синему по морю.

Развеял пух, развеял пух,
Развеял пух по крутому бережку.

Негде взялась, негде взялась,
Негде взялась красна девица — душа.

Сбирает пух, собирает пух,
Сбирает пух, приговаривает.

Милу дружку, милу дружку,
Милу дружку пуховик сошью.

А мне молодой, а мне молодой,
А мне молодой на перинушку.

Негде взялся, негде взялся,
Негде взялся красный молодец — душа.

Давай сойдемся, давай сойдемся,
Давай сойдемся, обнимемся.

Обнимемся, обнимемся,
А потом и поцелуемся.

ВОСПИТАНИЕ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ НА ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ НЕЛИДОВСКОГО РАЙОНА

Сегодня многие педагоги, руководители детских творческих объединений признают, что занятия в коллективах фольклорной направленности являются одними из самых развивающих. Синкретический характер — особое свойство музыкального фольклора. Здесь в единстве выступают разные стороны исполнения: пение, музыкальное сопровождение, танец, элементы актерской игры. Немаловажную роль играет народный костюм, а также соответствующие обстановке, специфике народного праздника или обрядового действия атрибуты. Всё вышесказанное позволяют комплексно развивать музыкальные и вокально-хореографические данные детей, способствуют воспитанию художественного вкуса.

Немало фольклорных коллективов существует у нас в России. И особенно отрадно заметить, что участниками их являются достаточно молодые юноши и девушки. Еще совсем недавно, каких-то 15 лет назад, существовал коллектив женщин пожилого возраста в д. Кривцово Нелидовского района. Хотя и далека эта деревня от стольных городов, но известны были кривцовские бабуленьки широко за ее пределами: гости из Твери, Москвы, Петербурга, Франции приезжали. Искусство народных певиц привлекло внимание любителей фольклора, этнографов. Выступления ансамбля записывались на фирме «Мелодия», о нем снят документальный фильм «Песня», а также телефильм телеканала «Культура». А бабуленьки никакой тайны из своего таланта и не делали, делились всем: песнями, танцами (плясали русского, цыганочку, барыню, заливочку), озорными частушками и припевками. И, конечно же, всё это перемежалось с рассказами о трудной жизни в юности, о военных невзгодах. Говор у бабушек интересный. Есть что-то белорусское и в *яны* (они), и в звонком *ч*.

Коллектив объединил пять жительниц деревни, которые собирались по-соседски попеть свои любимые песни и отдыхали душой:

Волкова Антонида Малофеевна 1918 г. р., д. Жеребцово, главная «заводила»;

Спиридонова Александра Федоровна 1923 г. р., д. Прошесть;

Царева Ефросинья Никитична 1925 г. р., д. Жеребцово;

Елисеева Пелагея Сидоровна 1916 г. р., д. Федино;

Боселова Александра Родионовна, заведующая клубом.

Участником ансамбля являлся скрипач-самородок Михаил Викторович Медведкин. Какое-то время в ансамбль входила цыганская семья: отец играл на инструменте, мать пела, дочь танцевала. Заведующий отделом

культуры Нелидово Виктор Ильич Леваньков явился организатором концертной деятельности ансамбля в районе и в областном центре. Коллектив сразу же становится широко известным.

Названия у ансамбля певуний не было, наверное, не было модно. Просто собирались по-соседски и отдыхали душой в песне. Были у них и аккомпаниаторы, в основном мужчины. Играли на баяне, скрипке, гармошке. К сожалению, до сегодняшнего дня многие бабуленьки не дожили, а кто жив, тот уже не поет: возраст берет свое. Но живы их дети, внуки, которые очень трепетно относятся к памяти своих родителей, хранят фотографии, старинные вещи той поры. А главное — живы песни кривцовских бабулечек, которые являются бесценным богатством для истинных ценителей традиционной народной культуры.

Духовно-нравственное воспитание любого человека формируется через опыт ближайших родственников. Так же происходит и в нашем конкретном случае. Через традиции нашей семьи: песни, игры, пляски, которые с самого раннего детства доводилось слышать и принимать во всех этих действиях непосредственное участие, происходит обогащение культурными традициями, опытом предшествующего поколения. Музыкальные корни уходят глубоко в прошлое: бабушки, дедушки не были профессиональными музыкантами, но с огромным удовольствием пели, плясали и как могли, по слуху играли на балалайке, гармошке. Поэтому огромной радостью для всех стало появление в Нелидовской детской школе искусств фольклорного ансамбля «Горлица», а впоследствии и фольклорного отделения.

Мы с ребятами с огромным удовольствием занимаемся изучением местных фольклорных традиций для того, чтобы привить с самого малого возраста любовь и уважение к своей истории, своим корням.

Так как нотного материала для работы очень мало, то его поиски происходят во время экспедиций по деревням; встреч с людьми старшего поколения, интервью с ними. Затем эти песни, наигрыши расшифровываются и разучиваются с детьми.

В нашем ансамбле три группы: младшего, среднего и старшего возраста. В ансамбле уже прослеживаются семейные династии: старшие братья и сестры приводят младших. Все дети с огромным удовольствием занимаются, ведь в «Горлице» не только поют, но и танцуют, плетут пояса разными техниками, изучают обрядовую культуру, слушают сказки на местном диалекте.

В декабре 2015 г. ансамбль отметит десятилетний юбилей. Фольклорный ансамбль является участником всех праздничных мероприятий города и района. «Горлица» принимает также активное участие и в областных, всероссийских и международных фестивалях и конкурсах. Репертуар, который исполняет «Горлица», берется из разных источников: собственные экспедиции по району, семинары-практикумы, организованные филиалом Государственной академией славянской культуры в Твери. Замечательно, когда не

только руководитель, но и сами дети окунаются в атмосферу поиска музыкального и устного народного творчества. Ведь вживую услышанное исполнение той или иной песни или танца крепче отложится в сознании ребенка.

Для того чтобы не терялась связь поколений, необходимо пропагандировать свою народную культуру, традиции как среди молодежи, так и среди детей школьного и дошкольного возраста. Не зря говорят: «Чтобы знать, как жить в будущем, надо знать, как жили предки».

Репертуар фольклорного ансамбля с. Кривцово

Календарно-обрядовые песни

«Святковские»

Шел кузнец да из кузницы (подблюдная)

Как пришла Коляда

Масленичные

А мы масленицу прокатали

А мы масленицу дожидали

Как у городе Ярославле

Троицкие

За горою каменной

Мы пойдем, девки, во луги гулять

Святой Дух да(й) Троица

Ну-ка, кумушка, мы покумимся

Пойдем, девки, в зеленую рощу

Ей, ты, кумушка, сизая голубушка

Как у лесе, лесе

Свадебные

Как(ы) по мосту, мосту

При в боре сосёнка

Мы тебе, Варенька, всё говаривали

Во дворе частый дождь барабанивает

Ай, умен, Ванюшка, умен

Леночка у родного батьки

Понаехало полный двор гостей

Ей, лужком, бережком

Ты ня стой, верба

Ягода с ягодой сокатилися

Как крякнула сера утица

Ездил, ездил Васенька вдоль по улице

А мужик богатый шаль купил

А сват свата просит

В лугах калина кружками

Плясовые и хороводные

А мой милый запивака

В нас на горе калина

Вдоль да по (в)улице
Я подставила кросна
Как за речкой, за рекой
В хороводе были мы
Лирические
Уж, я думала, гадала
Куда милый скрыл(ы)ся
Ты рябинушка, ты кудрявая
Комарики безулётные»
К(э)рывать моя, к(э)рватушка
Ой, да ты, калинушка

Расшифровки песенных образцов

Уж я думала, гадала

*Уж я думэлэ, гэдала, красная девка,¹
Весь свой (в)ум, весь свой разум(ы) пытиряла.
Пытирять ни пытиряла, сгэрювала,
Сгэрювала, сыскупчала на милому.
Где ж ба, где ж ба м(ы)не милова увидати,
Где ж ба, где ж ба м(ы)не яво славецка услыхати.
Я ж ба пташкой, кынарейкый туда пылитела,
Я пыд правью ручоначку(й) ба села.
Пра всё горе, пры нищастя я ж ба рыскызала,
Как ты клялся, плут(ы), божилыся не спакинуть,
А типерь жа, плут, разбойник, спакидаешь.
В чужу дальнюю старонку уезжаешь,
Зыкатилысь ясныя солнушка зарею.
Зылилася красныя девица слязою,*

При в боре сосёнка

При у бори сасонка, при у бори сасонка,
Зилян(а) зилиненька, зилиян(а) зилиненька.
А у Генки жанушка, а у Генки жанушка
Маладым(а) мыладенька, маладым(а) мыладенька.
Генка сваю жану, Генка сваю жану
У пир сыбираеть, у пир сыбираеть.
Карету спрувляеть, карету спрувляеть.
Карета нывая, карета нывая,
Кони выраные, кони выраные.

---

¹ Повторяющиеся строчки выделены курсивом.

Слуги мыладые, слуги мыладые.
Генка сваю жану, Генка сваю жану
С пиру дыжидаеть, с пиру дыжидаеть.
У жане патаеть, у жане патаеть.
Где была жанушка, где была жанушка,
У пиру пирувала, у пиру пирувала.
У биседе сидела, у биседе сидела.
К тибе, друг, хотела, к тибе, друг, хотела.

Как за речкой, за рекой

*Как за речкой, за рякой вутица гуляла,
На меня на к(ы)расну дев(ы)ку напрасну сказала.
А я красныя деучон(ы)ка всю ночку не спала,
Я всю ночуш(ы)ку не спала, друга нарижала.
Я дружочка нарижала, шляпу нашивала,
А я на шляпу пухавую ленту галубую.
Он за лен(ы)ту галубую пять раз пацалуеть,
Па большой па улице девушки гуляли.
Ани правыми руками ребят падзывали,
Вы пажалуйте, ребята, с нами пагуляти,
А вы с нами пагуляти, в карагот(ы) играти.*

А мы масленцу прокатили

А мы масленцу прыкытали,
Прыкытали, душа, прыкытали.
Сыру з маслым не видали,
Не видали, душа, не видали.
Мы думали, масленце семь ниделек,
Семь ниделек, душа, семь ниделек.
А ж нэ масленца семь динёчкыв,
Семь динёчков, душа, семь динёчкыв.

А мы масленцу дожидпли

А мы масленцу дэжидали,
Дэжидали, дуца, дэжидали.
Мы на горушке побували,
Побували, душа, побували.
Сыром горушку укльдали,
Укльдали, душа, укльдали.
Маслым горушку пэливали,

Пэливали, душа, пэливали.
Наша горушка катлива,
Катлива, душа, катлива.
Наши девушки гулливы,
Гулливы, душа, гулливы.
Нэ гору гулять ходили,
Ходили, душа, ходили.
А нас масленица пэдманила,
Пэдманила, душа, пэдманила.
На Вяликий Пост пэсадила,
Пэсадила, душа, пэсадила.
Дэ(й) на горькэю на редьку,
На редьку, душа, на редьку.
Дэ(й) на кисленький квасочек,
Квасочек, душа, квасочек.
На оставленный кусочек,
Кусочек, душа, кусочек.
Мы думали, масленца семь няделек,
Семь няделек, душа, семь няделек.
А масленица семь дянёчкыв,
Семь дянёчкыв, душа, семь дянёчкыв.
А нас масленица поддела,
Поддела, душа, поддела.
Блины и масло поела,
Поела, душа, поела.

Как(ы) ехали купцы

Как(ы) ехали купцы, как(ы) ехали купцы
Из-за морья, из-за морья.
Станавилися купцы, становилися купцы
При у дароге, при у дароге.
А навстречу купцам, а навстречу купцам
Красные деуки, красные деуки.
Уж вы, красные деуки, уж вы, красные деуки,
Атгадайтя, атгадайтя.
А што ж тако:
Зеляно взышло,
Паперёк талсто,
На канце вастро,
Глубако ушло,
Харашо пришло?
Атгадайтя, атгадайтя.

Как(ы) красные деуки, как(ы) красные деуки
Ня дгэдали, ня дгэдали!
Как(ы) ехали купцы, как(ы) ехали купцы
Из-за морья, из-за морья.
Станавилися купцы, станавилися купцы
При у дароге, при у дароге.
А навстречу купцам, а навстречу купцам
Мэладухи, мэладухи.
Мэладья мэладухи, мэладья мэладухи,
Атгадайтя, атгадайтя.
А што ж тако
Зеляно взышло,
Паперёк талсто,
На канце вaстро,
Глубако ушло,
Харашо пришло?
Атгадайтя, атгадайтя.

Мэладья мэладухи, мэладья мэладухи,
Ня дгэдали, ня дгэдали!
Как(ы) ехали купцы, как(ы) ехали купцы
Из-за морья, из-за морья.
Станавилися купцы, станавилися купцы
При у дароге, при у дароге.
А навстречу купцам, а навстречу купцам
Старые бабы, старые бабы.
Уж вы, старые бабы, уж вы, старые бабы,
Атгадайтя, атгадайтя.
А што ж тако
Зеляно взышло,
Паперёк талсто,
На канце вaстро,
Глубако ушло,
Харашо пришло?
Атгадайтя, атгадайтя.

Как(ы) старые бабы, как(ы) старые бабы
Атгэдали, атгэдали.
А што ж тако
Зеляно взышло,
Паперёк талсто,
На канце вaстро,

Глубако ушло,
Харашо пришло?
Это морква, это морква!

Комарики, комары

Кэмарики, кэмары же безулё...
Ой, безулё...отные были.
Безулётные были, да усю но...
Ай, усю но...очку прэбыли.
Усю ночку прэбыли, да мне спако...
Ой, мне спако...ою не дали.
Мне спакою не дали, да как с пад зо...
Ой, как с пад(ы) зорьки, с пад(ы) зари.
Как(ы) с пад(ы) зорьки, с пад зари, да шёл дети...
Шел детина мэладой.
Шел детина мэладой, да нежена...
Ай, неженатый, хэластой.
Неженатый, хэластой, да не спазна...
Ай, не спазнавши ни с какой.
Не спазнавши ни с какой, да ни с харо...
Ай, ни с харошей, ни с плахой.
Ни с харошей, ни с плахой, да хэрашо
Ой, хэрашо таво любить.
Хэрашо таво любить, да кто уме...
Кто умеет гэварить.
Кто ж умеет гэварить, да чиста, шшо...
Эх, чиста, шшогэльна хадить.
Чиста, шшогэльна хадить, да нарыспа...
Эй, нарыспашку пинжачок.
Нарыспашку пинжачок, да чёрну шля...
Да чёрну шляпу нэ бачок.

Скажи, голубь

Скажи, голубь, скажи, сизый,
Каму воля, каму нега?
Деукам(ы) воля, красным нега.
Мэладухам воли нету.
Свёкар(ы) лютый, муж рявнивый.
Не пускает пагуляти.
Сам же пустит — наблюдает,
С кем жена, шельма, гуляет.

*Не стаит ли с милым другам,
Не гаворит речи тайны?
Речи тайны, пытайные?
Не хатят ли мужа убити?*

Я поставила красна

*Я пыдставила красна нэ дивятя весна,
Ай ли, ай лёшеньки, нэ дивятя весна,
Ны дисятэй пер(е)вярнула, я красёнки тыканула,
Ай ли, ай лёшеньки, я красёнки тыканула.
Мья курка-самаседка у ниту гнездо звила.
Ай ли, ай лёшеньки, у ниту гнездо звила.
У ниту гнездо звила, мэладёжи навела.
Ай ли, ай лёшеньки, мэладёжи навела.
Мэладёжи навела, да и всё петушочки,
Ай ли, ай лёшеньки, да и всё петушочки.
Да и всё петушочки, всё красные грибяшочки,
Ай ли, ай лёшеньки, всё красные грибяшочки.
Как адин жа петушок пы стану ходя, паёть,
Ай, ли, ай лёшеньки, пы стану ходя, паёть.
Пы стану ходя, паёть, мне с милым спать не даёть,
Ай, ли, аё лёшеньки, мне с милым спать не даёть.
Как вазьму я петушка за правыя крылышка,
Ай, ли, ай лёшеньки, за правыя крылышка.
Вот табе, петушок, за вчарашний вичарок,
Ай, ли, ай лёшеньки, за вчарашний вичарок.*

В хороводе были мы

*В хараводе были мы,
Ай, люли, были мы,
Там парачку видели,
Ай, люли, видели.
Встань-ка, пара, приубодришь,
Ай, люли, приубодришь.
Ручки в бочки убопрись,
Ай, люли убопрись.
Туда-сюда павернись,
Ай, люли, павернись.
Хоть немножка пратанцууй,
Ай, люли, пратанцууй.
Каво любишь, пацелуй,*

Ай, люли, пацелуй.

Как(ы) по мосту, мосту

Как(ы) по мэсту, мэсту пэ калинавыму,
Как(ы) по мэсту, мэсту.
Ой, там бягутъ коники вэроны,
Там бягутъ коники.
Ой, там блешшат(ы) падковы ал(ы)вянные,
Там блешшат(ы) падковы.
Ой, там вязут(ы) разлуку великэю,
Там вязутъ разлуку.
Ой, разлучил ты меня с роднэй маменькэй,
Разлучил ты меня.
Ой, ты сумел(ы) разлучить, ты сумей приучить,
Ты сумей приучить.
Ой, приучу я тебя лучше маминова,
Приучу я тебя.

Куда милый скрылся

Куда милый скрыл(ы)ся,
Ай, куда зэпрапал?
Эй, ни в моря ввалився,
Ой, ни к другой папал.

Ой, я ж этага горя
Ой, пайду в нову горницу.
Пайду в нову горницу,
Ой, сяду я ны лауку,
Ой, рэствэрю акно.

Ой, гляну я в дарожку
Ой, разлучистью.

Ой, едет мой любезный,
Ой, мил на троечке лихой.
Ой, на троечке лихой
Ой, верна, с душечкай другой.

Ой, са мной пэрывняюся,
Ой, мил картузика не снял.
Ой, па прежней любви,

Ой, здраствій, сволочь, не скызал.

*Ой, я ж с етэй дысады,
Ой, пайду в зелен сад.
Ой, сяду я пад вербу
Ой, пад ветвистую.*

*Ой, пэд вербой я сидя,
Ой, зальюсь горькими слезам.
Ой, салетайтесь, пташки,
Ой, са разных старон.*

*Придита, падружки,
Ой, ка мне кучею.
Ой, скажита, падружки,
Ой, как мне жить одной.*

*Ой, как мне жить в народе
Ой, ни в ком правды нет.
Ой, каго я любила,
Ой, ни в чём счастья нет.*

Шел кузнец из кузницы

*Шел кузнец да из кузницы
Свят вячор!
Нес кузнец залатой вянец,
Свят вячор!
Каму паём, дэ(й) таму дабро,
Свят вячор!
Правда сбудетца, не минуетца,
Свят вячор!*

*Кыпалась курычка на завалинке,
Свят вячор!
Выкэпала курычка дэ(й) буйное зерно,
Свят вячор!
Каму паём, дэ(й) таму дабро,
Свят вячор!
Правда сбудетца, не минуетца,
Свят вячор!*

Ай, саначки, мылюваначки,

Свят вячор!
Тока сестъ на их, дэ(й) пасхати,
Свят вячор!
Каму паём, дэ(й) таму дабро,
Свят вячор!
Правда сбудетца, не минуетца,
Свят вячор!

Вилась кишка дэй круг_ом гыршка,
Свят вячор!
Ва той кишке, дай у этым гыршке,
Свят вячор!
Каму паём, дэ(й) таму дабро,
Свят вячор!
Правда сбудетца, не минуетца,
Свят вячор!

Ай венічки, пашумельнічки,
Свят вячор!
А яшша павісят, да яшшо пашумят,
Свят вячор!
Каму паём, дэ(й) таму дабро,
Свят вячор!
Правда сбудетца, не минуетца,
Свят вячор!

Кыла речки хажу, я халстинки белю,
Свят вячор!
Я ещѐ пахажу, я ещѐ пабелю,
Свят вячор!
Каму паём, дэ(й) таму дабро,
Свят вячор!
Правда сбудетца, не минуетца,
Свят вячор!

Хадила карова па репищцу,
Свят вячор!
Набила трѐбло да темищца,
Свят вячор!
Каму паём, дэ(й) таму дабро,
Свят вячор!
Правда сбудетца, не минуетца,
Свят вячор!

Э, шел тыркан пэ зэвалинке
Свят вячор!
Тянул дабро нэ мэчалинке
Свят вячор!
Каму паём, дэ(й) таму дабро,
Свят вячор!
Правда сбудетца, не минуетца,
Свят вячор!

Сидел варабей на тычининке,
Свят вячор!
Скланил галаву на чужу старану,
Свят вячор!
Каму паём, дэ(й) таму дабро,
Свят вячор!
Правда сбудетца, не минуетца,
Свят вячор!

ЛЕГЕНДЫ, ПРЕДАНИЯ И НАРОДНАЯ МОЛВА

В. А. Подрядчиков, Н. Н. Лапин
Рамешки

БЫЛИ И НЕБЫЛИ РАМЕШКОВСКОГО КРАЯ

Даже маленькая деревня имеет свою большую историю, а что же говорить о целом районе? Рамешковский район состоит из десяти сельских поселений, одного городского и включает в себя 306 населенных пунктов, и это только те, которые официально существуют на сегодняшний день, а сколько их ушло в былое, превратившись в урочища и пустоши. Почти в каждом населенном месте есть свои легенды, байки, и даже совсем фантастические, а порой сказочные истории, но в некоторых нет и капли вымысла. Нам бы хотелось сообщить вам то, что довелось услышать или прочитать.

В легенде о граде Китеже мифический чудесный город спасся от войск Батия во время татаро-монгольского нашествия в XIII в. благодаря чудесному свойству быть невидимым. При приближении неприятеля город якобы исчез и опустился на дно озера. В Рамешковском районе есть подобные легенды об исчезнувших городах.

Первая легенда относится к месту на берегу Медведица, называемым Кидомля. Недалеко от деревни Жихнево Застолбского сельского поселения на противоположном берегу реки якобы находился город, который в одночасье ушел под воду. Немым напоминанием о существовании города осталось множество курганов. Как рассказывает один из местных краеведов, Виктор Алексеевич Шаляпин, 1952 г. р.: «Мне один житель рассказывал, фамилия его Тимофеев, Василий Иванович... Говорил: Виктор, напротив был город, и город этот в одночасье ушел под землю. Ты запомни, мне об этом говорили бабушки, и я тебе об этом говорю. Поэтому вот это вот предание, оно о Кидомле, оно осталось, ну и все подтверждают, что там был город...»

Вторая легенда о городе Рахманец. Так же как и Кидомля, он находился на берегу реки Медведица, но выше по течению, в районе деревень Слободиха, Ловцово, на границе сельских поселений Высоково и Никольское. «Есть еще одно предание. Если проехать на село Никольское километров двадцать, то там можно услышать легенду о городе Рахманец... что вот он в одночасье ушел под землю или его смыло... не говорят... а вот еще во многих преданиях говорят, что вот во дворе есть какая-то бездонная яма, то есть обязательно место, где глубину не могли достать, как бы ни меряли... То есть есть какие-то вот такие колодцы, а происхождения их никто не знает. Вот рядом, в Жихнево, есть такое место, вот мне один местный житель рассказал, то же самое в районе Никольского, там Ильино, то же самое

все говорят о таком же месте, и вот предание о пропавшем городе и предание о бездонной яме оно, как бы, существует».¹

Как говорит Виктор Алексеевич, легенду о Рахманце записала Т. Н. Кременецкая. Вот как она сама рассказывает о ней в своей документальной повести «В Тверском углу», в главе посвященной деревне Слободиха: «Деревня с этим названием существовала издревле, судя по сохранившемуся преданию. С преданием ознакомил бывший житель, уроженец деревни, а ныне житель Твери Михаил Гаврилович Моисеев. О своем роде Моисеевых он собрал сведения за 3 века. Свой рукописный труд назвал: „300 лет рода Моисеевых“. Деда и прадеды Моисеева передавали из поколения в поколение предание о существовании в районе деревни Слободихи городка Рахманец, который в одну из ночей ушел под землю в результате провала. На месте провала образовалось озеро благодаря протекавшей под городком реке Медведице. Часть городка, в котором была и своя церковь, уцелела. Это одна из его слобод, которая и получила название Слободиха, став деревней. Почти напротив этой деревни, на другом берегу другая деревня — Ловцово. Ее название по преданию происходило от слова *ловить*. Жители, спасавшиеся от постигшей городок катастрофы, якобы ловили пловыши по Медведице бревна разрушенных домов городка, построив ниже по течению от Рахманца деревню Ловцово».²

По мнению Т. Н. Кременецкой, данная катастрофа вполне могла произойти в те далекие времена. Дело в том, что на территории Рамешковского района в земле очень много известняка. Видимо, промоины подземных рек образовали пустоты, которые могли вызвать провал, обрушение земли. В подтверждение этого местные жители рассказывают, что недалеко есть место *Бездонник*, названное так из-за глубоких пещер. Якобы в них в период Великой Отечественной войны местные жители прятались от возможных бомбежек. Кроме того, недалеко есть такое место, называемое *Каменный яр*, будто бы там есть булыжная мостовая, которая осталась от разрушенного города.

Весной 2014 г. члены клуба любителей Рамешковской старины провели разведку этих мест. В результате этой разведки в районе д. Григорково, на противоположном берегу реки Медведицы мы действительно обнаружили мостовую, обрывающуюся на крутом берегу реки. Кроме того, в районе д. Денисово Никольского сельского поселения мы обнаружили остатки полуразрушенных курганов.

Что касается места *Кидомля*, то первое упоминание об этом урочище принадлежит Ф. Н. Глинке. В статье «Мои заметки о признаках древнего быта и камнях, найденных в Тверской Карелии, в Бежецком уезде», опубликованной в «Русском историческом сборнике» (1837) он пишет: «...все

¹ Зап. д. Медведица Рамешковского р-на, 2014. Архив С. Н. Лебедевой.

² *Кременецкая Т. Н.* В Тверском углу. Жуковский: изд-во МИМ «ЛИНК», 2000; <http://kremeneckaya.narod.ru/index/0->

местные обстоятельства, взятые в совокупности, ведут к уверенности, что на месте недавно бывшего Каменного стана существовал давно древний Гард Скандинавов, может быть следовавших на север за полубаснословным Одином, или великий Град Славян, приходивших (как полагает Г. Ходаковский) из Индии. — Может быть, между этими многочисленными капищами, с их тайниками и подземельями, находились и капища древнего неизвестного народа». В примечании Ф. Н. Глинка пишет: «Разные вещи находили также на пустоши Кидомля при слиянии Каменки с Медведицей. Там, как говорит предание, был некогда большой город, „вольное место“, как выразился один из крестьян, говоря со мной о пустоши Кидомля».¹

В этом предании есть упоминание о существовании древнего города, но нет и намека на то, что он исчез в результате какого-либо катаклизма. Возможно, что эти два предания говорят об одном и том же городе. Да и вообще — был ли город? Ведь на территории Рамешковского района, в отличие от других районов Тверской области, нет не одного города, кроме городского поселения Рамешки, получившего этот статус уже в наше время.

Городом в древнерусских источниках до XVI в. назывались огражденные населенные пункты и крепости, независимо от их экономического значения. Современные исследователи дают такие определения: «Древнерусским городом можно считать постоянный населенный пункт, в котором с обширной сельской округи-волости концентрировалась, перерабатывалась и перераспределялась большая часть произведенного там прибавочного продукта»;² «Основным отличительным внешним признаком городского поселения, видимо, было лишь наличие укрепления, крепостного сооружения, вокруг которого концентрировалась собственно „городская жизнь“. При этом в сознании жителей Древней Руси город отличался от пригорода, также окруженного „городскими“ укреплениями».³

Иначе сказать, городом мог быть назван даже небольшой населенный пункт, но имеющий укрепления, крепостное сооружение, служившие в случае какой-либо опасности защитой для жителей близлежащих населенных пунктов, в которых жил простой люд, гончары, кузнецы, охотники и другие. То есть город выполнял функцию защиты и административно-хозяйственной деятельности в отношении сельской округи, волости.

Мы полагаем, что Городец-Палец необходимо искать в районе реки Медведицы. Существует несколько фактов, которые говорят в пользу этой

---

¹ См.: <http://www.omtv.ru/publ/publicistika/1/12-1-0-21>. Годом ранее Глинка писал о том же в статье: О древностях в Тверской Карелии. Извлечение из писем Ф. Н. Глинки к П. И. Кепену. [Отдельный оттиск] из 5-й книжки Журнала Министерства внутренних дел. 1836. СПб.: В тип. медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1836.

² Куза А. В. Древнерусские поселения // Древняя Русь: город, замок, село. М., 1985. С. 52.

³ Паламарчук Максим. Феномен города в России // Rocznik Instytutu Polsko-Rosyjskiego. 2011. № 1 (1). S. 77.

версии. Во-первых, об этом свидетельствует территориальное расположение археологических памятников в бассейне рек Мологи и Медведицы. Все они входили в границы бывшего Каменного стана Бежецкого Верха. По мнению А. С. Уварова, в древние времена первоначальное деление земель происходило с сохранением по возможности границ еще более древних,¹ поэтому можно предположить, что границы Новгородской волости Городец-Палец послужили основой для становления границ Каменного стана Бежецкого Верха, о чем и писал в свое время А. И. Михайлов.²

Во-вторых. По поводу плотности заселения вновь открытых памятников археологии в 1986 г. на территории Бежецкого района. На довольно большой площади, в результате разведки обнаружено всего четыре селища и десять небольших курганных комплексов, состоящих в сумме из 170 курганов (самый большой комплекс Михалево 1 насчитывает 102 насыпи). В то же время на территории Рамешковского р-на в бассейне р. Медведица в урочище Кидомля, в 1984 г. обнаружено два селища (одно из которых имеет признаки местного металлургического комплекса, то есть самостоятельная выплавка металла из местного сырья) и три курганных группы. Кидомля 1 насчитывает 48 насыпей, Кидомля 2 насчитывает 239 насыпей (по другим данным 500), Кидомля 3 насчитывает 160 насыпей. В районе д. Святое и д. Баскаки 2 селища и один курганный комплекс, насчитывающий 44 насыпи. В районе д. Кузнецово две курганные группы, одна группа насчитывала от 40 до более 100 насыпей, другая — Бабушкин лесок — так же более 100 насыпей. Деревня Каменка — одна курганная группа, насчитывающая 160 насыпей. Получается, что на площади в два раза меньшей, чем в бассейне р. Мологи, мы имеем 4 селища, 1 городище в районе д. Городок (к сожалению не исследовано и в настоящее время практически утрачено) и 7 курганных комплексов, в сумме насчитывающие около 1162 насыпей. И это только то, что удалось зафиксировать и внести в археологическую карту Тверской области.

Таким образом, есть все основания полагать, что в границах бывшего Каменного стана Бежецкого верха, на берегах р. Медведицы в середине XIII в. находился крупный административно-хозяйственный центр Новгородской волости Городец-Палец. Так что легенды о существовавших на территории Рамешковского района города Рахманец и «Вольного города» в пустоши Кидомля имеют под собой историческую основу. Возможно, были и другие крупные населенные пункты, входившие в границы самостоятельной Новгородской волости Городец-Палец, о которых мы, к сожалению, ничего не знаем. Ученые почему-то обходят стороной Рамешковский район. Для них более привлекательны раскрученные исторические бренды. А ведь

---

¹ См. об этом: Уваров А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам. М., 1872.

² Бежецкий край: историко-краеведческий альманах / Гл. ред. В. В. Козырев. Вышний Волочек: Ванчакова линия, 2011. Вып. 1: Михайлов А. И. Очерки по истории Бежецкого края: Новгородский период. 2011. С. 58—64.

эта земля хранит в себе много интересного. Конечно, что-то безвозвратно утрачено в ходе хозяйственной деятельности. Например, весной 2014 г. члены клуба любителей Рамешковской старины исследовали участок в районе д. Малая Горка и Мужево с/п Алешино, где по рассказам старожил, на берегу р. Березайки, впадающей в р. Ивицу, было множество курганов. В 1980-х гг. при строительстве грунтовой дороги для обслуживания газопровода, проходящему по Рамешковскому району, в этом месте был разработан песчаный карьер. В результате весь культурный слой и курганы были уничтожены, и никем не учтенный памятник археологии был стерт с лица земли. Но нам всё же удалось найти осколок жернового камня и навесной замок, датируемый примерно XVI—XVII вв.

В результате разведки в районе д. Денисово мы обнаружили остатки курганов, которые на сегодняшний день еле заметны, а пройдет пару лет и от них, возможно, тоже нечего не останется. Камни, которыми обложены эти холмики, могут быть растащены ни о чем неподозревающими дачниками для благоустройства своего участка. Так же в районе д. Мохнецы мы обнаружили остатки курганного комплекса, в котором четыре кургана раскопаны, а большая часть перепахана в период деятельности подсобного хозяйства какого-то тверского предприятия. Лишь по счастливой случайности в густой траве и буреломе олешника сохранились чуть заметные холмики.

**КНЯЗЬ ВЛАДИМИР РЖЕВСКИЙ:
ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ — «НАРОДНЫЙ» СВЯТОЙ —
ФОЛЬКЛОРНЫЙ ОБРАЗ**

В городе Ржеве издавна как святые почитались князь Владимир, который считался покровителем города, и его жена Агриппина. Бытописатель и собиратель фольклора И. Красницкий записал о нем следующее предание. «Князь Владимир после смерти постоянно являлся на белом коне, вооруженный одним белым платком, и этим оружием защищал охраняемую им сторону от нападения Литвы. Появление князя на высоком холме и махание платком на осаждающих не только что ослепляло их, но и заставляло обращаться в бегство, причем и конь князя до того производил громкое ржание, что ослепленная и испуганная Литва стремительно бросалась с крутизны прямо в Волгу, где и находила себе верную смерть, не достигая противоположного берега.

Эта защита города заставила благодарных жителей ставить каждый день в находившуюся до 1746 года в соборе палатку, сооруженную над местом погребения князя, новые сапоги красного сафьяна, а ставили их потому, что князь в мирное время также охранял город, обходя его каждую ночь пешком, и поэтому поставленные сапоги, оказывались на другое утро изношенными и заменялись новыми.

Как-то раз жители города за неимением новых сапог или увлекаемые скупостью, решили починить старые и подкинули (то есть пришили. — *В. К.*) к ним подметки, а затем починенную обувь поставили на место новой.

Но когда пришли на другой день, то починенная обувь оказалась нетронутую. Такое явление до того перепугало жителей, что они раскаиваясь в своей скупости с омерзением выбросили противные сапоги и заменили их новыми, но и эти на другой день остались целы и невредимы, затем следовали вторые, третьи, но все оставались нетронутыми. Ржевцы, сознавая свою скупость и неблагодарность, решили, что они жестоко оскорбили своего покровителя князя, переселившегося куда-то в другое место, но куда неизвестно.

„Обидели мы батюшка своего родимого князя, — передала мне девяностолетняя старушка. — Неприлично ему было ходить в починенных сапогах, вот он разгневался на нас грешных и ушел в Новгород“». ¹

---

¹ *Красницкий И.* Очерк Тверской губернии. Вып. I: Город Ржев. СПб.: Тип. Скарятинна, 1874. С. 14.

Аналогичные тексты приводятся в «Странствователе по Тверской губернии», в исследовании Н. Д. Квашина-Самарина и в записках И. Ф. Тюменева.¹ Все они станут предметом нашего исследования.

1.1

С именем героя этого предания связывалось старое название Ржева — Ржева Володимирова (Ржев Володимеров). Впервые оно встречается в 1572 г. в завещании Ивана Грозного² и бытовало до конца XVIII — начала XIX в.

В качестве претендентов на роль исторического прообраза князя Владимира Ржевского разными исследователями рассматривались Владимир Рюрикович (1187—1239), Владимир Всеволодович (1192—1227), Владимир Андреевич Храбрый (1353—1410). Однако первые два князя никак не связаны с Ржевом: Владимир Рюрикович из смоленского княжеского дома княжил последовательно в Переяславле, Смоленске и Киеве, Владимир Всеволодович — в разных городах Владимиро-Суздальского княжества и похоронен в Успенском соборе города Владимира. Серпуховской князь Владимир Андреевич Храбрый, оставил определенный след в истории Ржева: в конце XIV — начале XV в. город находился в составе его владений.³ Однако он не может быть отождествлен с героем ржевского предания, поскольку его жену звали Еленой, а не Агрипиной, и погребен он не в Ржеве, а в Серпухове — столице своего удела.

По наиболее обоснованному мнению Н. Д. Квашина-Самарина, поддержанному другими исследователями, ржевский князь Владимир происходил из рода смоленских князей и был сыном князя Мстислава Ростиславича Храброго (ум. 1180).⁴ Эта точка зрения основывается на первом упоминании Ржева в летописях под 1216 г., которое связано с войной между переяславским князем Ярославом Всеволодовичем и Новгородом. В ее ходе Владимир и его брат Мстислав Удачный (Удачливый), выступавшие на стороне новгородцев, избавили Ржев от осады войском князя Святослава Всеволодовича,

---

¹ Странствователь по Тверской губернии. СПб., 1879. С. 15; *Квашин-Самарин Н. Д.* Исследование об истории княжеств Ржевского и Фоминского. Тверь: Тип. Губернского правления, 1887. С. 14—16; *Тюменев И. Ф.* В верховьях Волги: путевые наброски // Исторический вестник. 1894. Т. 56. № 6. С. 705.

² Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. № 104. До этого Ржев именовался Ржевкой, Ржевой или Ржовой (там же. № 61, 71, 88, 89, 98).

³ См.: *Борзаковский В. С.* История Тверского княжества. Тверь: ЛЕАН, 1994. С. 47—48; *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 г. по 1505 г. М.: ТЕРРА, 1998. С. 79, 92.

⁴ См.: *Квашин-Самарин Н. Д.* Исследование об истории княжеств Ржевского и Фоминского. С. 5—13; *Жизневский А. К.* Описание Тверского музея. М.: Синодальная тип., 1888. С. 65; *Голубинский Е.* История канонизации святых в русской церкви. М.: Университетская тип., 1903. С. 459.

брата и союзника Ярослава: «Осел Святослав Ржеву, городець Мьстиславль, с полкы въ 10 тысяць, Мьстислав же с Володимиром со Плесковьским поиде в борзехъ въ 5 сот: толко бо всех вои бяшетъ; и пригони до них, ани побегли бяху прочь».¹

Впервые в летописях Владимир Мстиславич упоминается в 1210 г., когда он вместе с новгородцами участвовал в отражении набега литовцев. В этом походе Владимир, скорее всего, командовал псковской ратью, поскольку в следующем 1211 г. он упоминается как князь псковский. В 1213 г. он был изгнан из Пскова, однако, по-видимому, в 1215 г. вернулся на псковский стол, поскольку в приведенном выше летописном отрывке он называется псковским князем. В 1214 г. вместе с Мстиславом и другим братом Давидом Владимир участвует в походе новгородцев на финское племя чудь, а в 1217 г. возглавляет новгородский поход на Медвежью Голову (Оденпе).² Таким образом, Владимир был активным участником новгородских событий и какое-то время занимал псковский стол. Однако ни Псков, ни Новгород не могли быть его наследственным уделом, поскольку являлись боярскими республиками, приглашавшими и изгонявшими князей в соответствии со своими интересами. Как показали исследования В. Л. Янина,³ отчиной Владимира и его братьев была Торопецкая земля, в состав которой входил Ржев. В сообщении Новгородской четвертой летописи под 1213 г. об изгнании Владимира из Пскова он называется князем торопецким.⁴ Его последнее упоминание в летописи под 1226 г. связано с отвоеванием у Литвы именно Торопецкой волости, здесь же говорится о гибели «князя Торопчьскаго Давыда», брата Владимира и Мстислава.⁵ Вероятно, где-то после 1226 г. совместное владение сыновей Мстислава Храброго было разделено на два удела — Торопецкий и Ржевский, который получил Владимир. В нем он прожил до своей кончины и в его столице был погребен.⁶ Таким образом, Владимира Мстиславича следует признать первым ржевским князем. По всей видимости от Владимира Мстиславича происходят два ржевских князя: Федор, упоминающийся в летописях под 1314—1316 г., и Иван, упомянутый в 1364 г. Это привело В. Л. Янина к важному для нашей темы заключению: «Почитание Владимира Мстиславича и его жены Агриппины в Ржеве находит объяснение как родительский культ их потомков — князей Ржевских».⁷ Известно, что Владимир Мстиславич был женат на немке,

---

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 55, 255. Далее НПЛ.

² См.: НПЛ. С. 51—53, 55—57, 249—251, 255—258.

³ Янин В. Л. Новгород и Литва: Пограничные ситуации XIII—XV веков. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. С. 49—51.

⁴ ПСРЛ. Т. IV. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 184.

⁵ НПЛ. С. 64, 269.

⁶ Квашин-Самарин Н. Д. Исследование об истории княжеств Ржевского и Фоминского. С. 13.

⁷ Янин В. Л. Новгород и Литва. С. 51.

племяннице рижского епископа Альбрехта, однако имя ее ни в одном источнике не упоминается.¹ Очевидно, что оно было изменено при переходе из католицизма в православие.

Итак, наиболее вероятным историческим прототипом Владимира Ржевского следует считать сына Мстислава Ростиславича Храброго Владимира. При этом, однако, следует иметь в виду замечание Н. Д. Квашнина-Самарина: «Конечно, всё это только вероятно и не может быть названо несомненным. История Ржева за XIII столетие так темна, что всегда можно предположить существование какого-нибудь иного Владимира Ржевского, вовсе неизвестного по летописям».²

1.2

Почитание Владимира и Агриппины как святых имеет ряд существенных особенностей. Неизвестно, когда оно началось, хотя считалось, что это произошло в давние времена, время их кончины также неизвестно, жития ржевских святых не существуют. День памяти Владимира и Агриппины 15 июля совпадает с днем памяти св. равноап. князя Владимира. В этот день в ржевском Успенском соборе над гробницей князя и его жены совершался молебен и отправлялась служба, которая была дословным повторением службы свв. Петру и Февронии Муромским.³

Примечательно, что в Успенском соборе, где покоились мощи Владимира и Агриппины, не было придела в их честь, как это имело место в тех церквях, где имелись мощи почитаемых святых, зато был придел в честь св. равноап. князя Владимира, «вероятно, потому, что в честь сего Владимира ржевский князь при св. крещении был назван Владимиром».⁴ Последнее замечание особенно важно для прояснения процесса возникновения церковного почитания князя Владимира и для последующей интерпретации его образа как героя предания. Если погребенный в ржевском Успенском соборе князь — это исторический прототип героя ржевского предания Владимир Мстиславич, то он не мог быть назван в честь св. равноап. князя Владимира Святославича. В домонгольский период, когда жил Владимир Мстиславич, Владимир Святославич не был официально причислен к лику святых. Его сравнение с апостолами и особое благочестие отмечается лишь в книжной традиции того времени, но и для нее более значима деятельность Владимира как правителя Руси и его родство со славными предками — князьями (языч-

---

¹ Журнал 73 заседания ТУАК. 28 февраля 1900 г. С. 3—4.

² *Квашнин-Самарин Н. Д.* Исследование об истории княжеств Ржевского и Фоминского. С. 13—14.

³ *Голубинский Е.* История канонизации святых в русской церкви. С. 456, 457; Тверской патерик: Краткие сведения о тверских местно чтимых святых. Казань: Центральная тип., 1907. С. 30—31.

⁴ Тверской патерик. С. 31.

никами!) Игорем и Святославом, а также с его бабкой Ольгой, первой представительницей княжеского рода, принявшей христианство («Слово о законе и благодати» митрополита Киевского Иллариона», 1049; «Память и похвала князю русскому Владимиру», 2-я пол. XI в.).¹ Хотя, несомненно, что среди русских князей Владимир Святославич пользовался особым почитанием, — имя его рассматривалось как мирское, а не как крестильное².

В честь какого же Владимира, в таком случае, был наречен будущий ржевский князь?

В роду Рюриковичей существовало правило наречения новорожденного в честь умершего предка. Это означало, что он рассматривался как преемник своего деда или прадеда, преемник их княжеских полномочий. Князь, выбирая имя для своего наследника, выражал свой некий стратегический замысел относительно будущей судьбы своего ребенка. Ближайшим предком Владимира с таким именем был брат его деда — Владимир по прозвищу Мачешич. При этом Владимир Мстиславич был полным антропонимическим повторением своего предка — у них совпадали не только личные имена, но и имена отцов.³ Это означало, что Владимир Мстиславич должен был предельно полно воплотить какие-то качества Владимира Мачешича как князя, которые считались наиболее существенными и полезными для рода.

Владимир Мачешич княжил во Владимиро-Волынской земле, а затем стал великим Киевским князем. Однако, скорее всего, не эта или не столько эта сторона его деятельности была актуальна для его рода. Вероятно, большее значение имело то, что он был сыном Мстислава Великого, долгое время княжившего в Новгороде и пользовавшегося большой популярностью у новгородцев, и дочери новгородского посадника Дмитра Завидича. В этом контексте значительная активность Владимира Мстиславича в новгородско-псковских землях указывает на то, что в его имени нашли отражения претензии его отца Мстислава Храброго на Новгород, в котором он благополучно прокняжил один год.⁴ Не поэтому ли в предании именно в Новгород уходит Владимир Ржевский?

Владимир Мачешич был назван в честь своего деда Владимира Мономаха,⁵ прямым потомком которого был и Владимир Мстиславич. В свою очередь Владимир Мономах был наречен в честь Владимира Святославича,

---

¹ См.: *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. Т. I. 1-я пол. М.: Университетская тип., 1880. С. 207—214; *Агентьев К. К.* «Слово о Законе и Благодати» Иллариона Киевского. Древнейшая версия по списку ГИМ Син. 591 // *Византинороссика: Труды Санкт-Петербургского Общества византино-славянских исследований.* Т. 3. СПб.: Византинороссика, 2005. С. 122—151.

² *Литвина А. Ф., Успенский Б. Ф.* Выбор имени у русских князей в X—XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М.: Индрик, 2006. С. 231.

³ Там же. С. 13, 433—434, 500, 675; Экскурс 1. Табл. № 15, 16.

⁴ Там же. С. 373, 296—308.

⁵ Там же. С. 28, 93, 95.

который приходился ему прадедом и у которого с ним было одинаковое крестильное имя Василий. Поэтому весьма вероятно что Мономах видел в себе его прямое подобие. Неизвестно, в какой мере в роду смоленских Рюриковичей, из которого происходил Владимир Мстиславич, культивировалось родство с Владимиром Святославичем, но совершенно определено, что все предпосылки для этого в антропонимической традиции русской княжеской династии существовали. Имя новорожденного уподобляло его не только прямому или близкому предку, в честь которого он был наречен, но и более отдаленному родственнику, носившему то же имя. Это знаменовало замещение умерших предков их живым потомком и одновременно олицетворяло символическое бессмертие рода.¹ Отсюда следует, что родовым и династическим прообразом Владимира Мстиславича мог считаться не только его ближайший родственник Владимир Мачешич, но и дальние предки — Владимир Мономах и Владимир Святославич. Однако если Владимир Мстиславич и мог восприниматься как родовое повторение Владимира Святославича, то не как святого равноапостольного крестителя Руси, а как своего прославленного князя-предка.

День памяти князя Владимира Святославича впервые появляется в церковных месяцесловах в 1330-х гг., а святым равноапостольным крестителем Руси он начинает именоваться с начала XV в.² К этому же времени, согласно заключения В. Л. Янина, следует относить возникновение родительского культа ржевских князей — начало почитания Владимира Мстиславича и Агриппины. Это обстоятельство, а также тождество имен ржевского князя и равноапостольного святого, скорее всего, и предопределило церковное почитание Владимира Ржевского именно в день памяти Владимира Святого.

Тождество имен двух Владимиров должно было приобрести особую значимость в XVI в., когда формировалась идеология единого Российского государства и св. равноап. князь Владимир стал считаться первым православным русским самодержцем, родоначальником всех русских князей. К тому времени род ржевских князей угас, а вместе с ним угасла и память о том, что покоящийся в Успенском соборе Ржева князь Владимир — это их предок Владимир Мстиславич, потомок князя Владимира Святославича. Имя *Владимир* — это единственное, что как-то актуализовало память о древнем князе в сознании ржевитян, с одной стороны связывая его со святым равноапостольным тезкой, а с другой — с останками в городском соборе. Формой сохранения этой памяти стало как предание о князе Владимире, так и церковное почитание Владимира и Агриппины. Привлечение для этого службы свв. Петру и Февронии Муромским могло произойти не ранее XVI

---

¹ Там же. С. 13—14, 16, 29.

² Лосева О. М. Русские месяцесловы XI—XIV веков. М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 91—92.

в., после того, как на соборе 1547 г. было установлено их местное почитание.¹ Таким образом окончательное оформление церковного почитания Владимира и Агриппины произошло не ранее второй половины XVI в. В этой связи стоит отметить, что именно в это время впервые появляется название *Ржева Володимирова*, древнейшая икона свв. Владимира и Агриппины также датируется XVI в.²

Отсутствие жития Владимира и Агриппины было обусловлено тем, что ко времени церковного оформления их почитания достоверные сведения о жизни ржевского князя и его супруги уже не были известны, и функцию жития выполняло рассматриваемое предание. Описанное в нем явление умершего Владимира как защитника Ржева и его ночные обходы города очевидно расценивались как посмертные чудеса, наличие которых было признаком святого и главным условием канонизации. В случае с Владимиром и его женой следует говорить об их народном или церковно-народном почитании, для которого совсем необязательны ни точные сведения о времени жизни, ни точные даты канонизации (как и самой официальной канонизации), ни наличие жития. Вероятно, в этом кроется главная причина официального запрета почитания Владимира и Агриппины. В 1745 г. комиссия Тверской духовной консистории вскрыла их гробницу и не признала обнаруженные там останки нетленными мощами.³ Вероятно, это событие нашло отражение в предании: в нем говорится, что Владимир покинул город в 1746 г. Впрочем, не исключено, что это вставка публикатора.

2

Переходя к рассмотрению предания как произведения устного народного творчества, нельзя не отметить его типологическую близость к одной особенности культа бога Сентовита (Святовита) у балтийских славян, которую зафиксировал в «Деяниях данов» (конец XII в.) датский летописец Саксон Грамматик: этому богу, который считался первым среди богов, был посвящен белый конь, и славяне «верили, что на этом коне Свентовит ведет войну против врагов своего святилища; это следовало из того, что конь, ночью стоявший в стойле, часто утром был покрыт пеной и грязью, как будто он воротился из дальней дороги».⁴ Белый конь связывает Свентовита с культом солнца, а его главный атрибут меч характеризует его как бога войны. На это же указывает и этимология имени божества. Первый элемент (*свент-*, *свят-*) связан с обозначением света, святости, а второй, скорее всего, восходит к слову *витязь*. Это позволяет считать имя *Свянтовит* опи-

---

¹ Голубинский Е. История канонизации святых в русской церкви. С. 101.

² Жизневский А. К. Описание Тверского музея. С. 67.

³ Там же. С. 454—457.

⁴ Цит. по: Фаминцын А. С. Божества древних славян. СПб.: Алетей, 1995. С. 28.

сательным эпитетом ‘святой, светлый воин’, что предполагает его глубинную первоначальную связь с богом-громовержцем Перуном, в функции которого особо выделяется воинская функция.¹ Разумеется, образ князя Владимира нельзя считать генетически родственным образу Свентовита. Однако, набор семантических признаков, который характеризует ржевского князя в предании, довольно близок к элементам обрядово-мифологического комплекса, связанного с почитанием этого божества. Поэтому, понимая миф как ориентированный в прошлое способ описания действительности, есть основание полагать, что оба эти персонажа имеют близкие мифологические истоки.²

Образ Владимира как защитника и покровителя Ржева сложился на основании по крайней мере двух преданий (условно 1 и 2), позже объединенных в одно, возможно, вследствие их авторской обработки публикаторами.

2.1

Предание 1. Владимир защищает город от нападения литовцев. Он появляется на высоком берегу Волги (там, где находился Ржевский кремль), на белом коне, машет платком, от чего литовское войско слепнет, обращается в бегство, тонет в Волге.

Сюжетная параллель этого предания обнаруживается в новгородском сказании об освоении новгородцами земель, населенных финно-угорским племенем чудь: «При нападении чуди, когда новгородцы молились в часовне св. Георгия, на ее кровле явился воин, который сидел на белом коне и копьем грозил своим осаждавшим. При другом нападении той же чуди тот же воин с копьем явился стоявшим на полугоре».³

Схожие предания также известны в землях, сопредельных Ржеву. Св. Аркадий Вяземский и св. Михаил Тверской выступают как защитники города, появляясь в виде грозных призраков и предотвращают нашествие литовцев.⁴ Было бы весьма заманчиво предположить, что ржевское предание

---

¹ Иванов В. В., Топоров В. Н. Свентовит // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М.: Эллис Лак, 1995. С. 349; Иванова-Богучанская Ю. В. Plattes Land: Символы Северной Германии (славяно-германский этнокультурный синтез в междуречье Эльбы и Одера). СПб.: Наука, 2006. С. 47—49.

² См.: Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Восточная литература, 2006. С. 164—262; Левинтон Г. А. Предания и мифы // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. М.: Советская энциклопедия, 1988. Т. 2. С. 332—333.

³ Калинин И. П. Церковно-народный месяцеслов на Руси. М. Художественная литература, 1990. С. 120.

⁴ См.: Тверской патерик. С. 100; Слово об обретении честных мошей благоверного и великого князя Михаила Ярославича Тверского // Михаил Тверской: Тексты и материалы / Сост., вступ. ст., перев., подгот. текстов, прим. М. В. Строганов, О. М. Левша. Тверь: ТвГУ, 2002. С. 209.

появилось под влиянием народнопоэтических традиций соседних территорий. Однако более вероятно, что сюжетная близость подобных текстов является следствием близости культурно-исторических традиций различных областей России.

Образы вышеупомянутых святых представляют собой воплощение некоего инвариантного образа святого защитника и покровителя города. Поскольку в средние века функция военной защиты городов принадлежала князьям, то и источник этого образа следует видеть в св. Георгии Победоносце — покровителе всех русских князей. В честь этого святого война были названы многие представители рода Рюриковичей, его почитание культивировалась даже теми из них, которые не носили его имя.¹ Кроме того, для рассматриваемой темы важно подчеркнуть, что св. Георгий крайне популярен в народной культуре. Именно здесь наиболее отчетливо проявилась змееборческая ипостась его образа, которая нашла отражение в древнерусской книжности, апокрифах, духовных стихах, заговорах, иконописи и повлияла на сюжеты русских былин о богатырях-змеборцах.² Это заметно выделяет св. Георгия среди других змееборцев: Архангела Михаила, Феодора Тирона, Ильи-пророка.

Мотив змееборчества, характерный для образа св. Георгия в народнопоэтической традиции, позволяет рассматривать его как трансформацию образа славянского бога-громовержца, поединок которого со змеевидным противником составляет сюжетную основу «основного» мифа славянской мифологии. Во время этого поединка бог грозы находится наверху, на горе, а змей — внизу, в воде.³ Отсюда крыша часовни, полугора, на которых в новгородских преданиях видят Георгия Победоносца, и крутой берег Волги, где находился Ржевский кремль и появляется князь Владимир, суть частные случаи мифологической горы, с которой бог-громовержец поражает своего змеевидного противника. В свете этого главные особенности ландшафта Ржева (обрывистый берег Волги, противопоставленный реке и противоположному, низинному берегу) предстают как пространственное воплощение

¹ См.: *Литвина А. Ф., Успенский Б. Ф.* Выбор имени у русских князей. С. 118—122.

² См.: *Бессонов П.* Калики переходные: Сборник стихов. Ч. I. Вып. 2. М.: Тип. А. Семена, 1861. № 98—120; *Киртичников А. И.* Святой Георгий и Егорий Храбрый // ЖМНП. 1879. Ч. ССІ. № 1. С. 36—64; *Веселовский А. Н.* Разыскания в области духовных стихов: II. Св. Георгий в легенде, песне и обряде. СПб.: Тип. Имп. АН, 1880. С. 2—172; *Протт В. Я.* Змееборство Георгия в свете фольклора // Протт В. Я. Фольклор. Литература. История: (Собрание трудов). М.: Лабиринт, 2002. С. 92—114; *Иванов В. В.* Мотивы восточнославянского язычества и их трансформации в русских иконах // Иванов В. В. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 4: Знаковые системы культуры, искусства и науки. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 402—403.

³ *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М.: Современный писатель, 1995. Т. 1. С. 358—365; Т. 2. С. 205—206, 264, 300—301; *Иванов В. В., Топоров В. Н.* 1) Славянские языковые моделирующие семиотические системы (древний период). М.: Наука, 1965. С. 12, 21—22; 2) Исследования в области славянских древностей. М.: Наука, 1974. С. 5, 19, 138. Табл. 1.

семантической оппозиции персонажей «основного» мифа, соотнося их с персонажами ржевского предания: верх, гора — громовержец = князь Владимир / низ, вода — противник громовержца = враги, осаждающие Ржев, их низвержение с горы = низвержение противника громовержца. Белый конь, на котором появляется Владимир, является атрибутом св. Георгия (ср. икону «Чудо Георгия о змие») и бога-громовержца. Белая масть коня в народнопоэтической традиции связана с темой добра, блага; доброй приметой в народных поверьях является конское ржание.¹ Громкое ржание коня Владимира, оглушающее врагов, также объединяет ржевского святого и бога-громовержца. «Мифический конь Перуна <...> почуя приход бога-громовника разбивает зимние оковы и начинает ржать на все царство, т. е. издает потрясающие звуки грома».²

Таким образом, в основе образа Владимира — защитника города, каким он рисуется в предании 1, лежит мифологический образ громовержца-змееборца, а архетипической основой этого предания является поединок громовержца со своим змеевидным противником.

Пространственная мифологическая оппозиция верх / низ, применительно к ее конкретному воплощению в мотиве низвержения Владимиром литовцев с крутого берега Волги, может быть связана с противопоставленными абстрактного характера: доля / недоля, правда / кривда, добро / зло. Подобное соотнесение тем более оправдано, что эти бинарные оппозиции являются частными проявлениями главного противопоставления, связанного с прагматическими целями коллектива, — различие положительного и отрицательного по отношению к коллективу и человеку.³ Отсюда вытекает возможность выявить в воинских функциях князя Владимира как защитника города не только черты мифологического бога-громовержца и змееборца, но и признаки хранителя и защитника морально-этических основ социума. По всей видимости, их проявлением является мотив ослепления литвы. Его можно было бы поставить в один ряд с мотивом избавления от антагонистов посредством магической силы в результате свершившегося чуда, распространенным в произведениях сказочной прозы. Однако в преданиях, в которых присутствует этот мотив (Р-1и), ослепление врагов не связано с действиями какого-либо персонажа.⁴ В ржевском же предании литовцы слепнут при появлении Владимира, что обнаруживает именно у него способность лишать их зрения. Скорее всего, аналог этого мотива ржевского предания

¹ Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. С. 81—82; Петрухин В. Я. Конь // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Ред. Н. И. Толстой: В 5 т. М.: Международные отношения, 1995. Т. 3. С. 590—592.

² Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. С. 316—317.

³ Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (древний период). С. 63; Толстой Н. И. Верх — низ // Славянские древности. Т. 1. С. 345.

⁴ Криничная Н. А. Предания русского Севера. СПб.: Наука, 1991. С. 159—161, 170—171, 177, 191—192, 289; № 284, 285, 288, 290, 291, 312. 324, 354.

следует искать в легендарных преданиях о борьбе с внешними врагами, в которых они лишаются зрения вследствие воздействия чудодейственной силы, проистекающей от иконы того или иного святого, что в реалиях народного мировосприятия равнозначно действию самого святого.¹ Таким образом, в мотиве ослепления Владимиром литовцев проявляется характерное для церковной традиции совмещение понятий святости и света (светоносности); ср., например, фразу: «Праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их» (Мф. 13, 43). Максимально эта идея выражена в евангельском описании Преображения Господня. Связь понятий *света* и *святости* имеет особенное значение в русской духовной культуре, она прослеживается даже на уровне языка и имеет широкий индоевропейский контекст.² Так этот мотив становится средством выражения в образе Владимира признаков святого, придавая всему преданию некоторый оттенок житийности. Вместе с тем этот же мотив в сочетании с чертами бога-громовержца представляет Владимира как святого (светоносного) воина, что сближает его с богом Свентовитом в поверье балтийских славян.

Способность ослеплять врагов представляет ржевского князя обладателем качеств солнца, которое в народнопоэтической традиции является олицетворением «правды-истины», «судьей-карателем всякой темной силы-нечести и всех ее пресмыкающихся по земле слуг, нечестивых приспешников кривды»,³ тех качеств солнца, которые отражены в присловьях и поговорках: «Вор на солнце не взглянет, а взглянул — так и глаза вытекут!»; «На солнышко, что на смерть, во все глаза недобрый человек не взглянет!»; «У того совесть не чиста, кто не взглянет прямо в глаза солнышку!»⁴ В основе образа князя Владимира присутствуют черты персонажа солярных мифов, хранителя моральных устоев миропорядка. Подробнее об этом будет сказано далее.

2.2

Предание 2. Каждую ночь Владимир охраняя Ржев, обходит его. Об этом свидетельствуют изношенные сапоги, которые каждое утро жители города обнаруживают на могиле князя и заменяют их новыми. Однажды ржевляне вместо того, чтобы поставить новые сапоги, пришли к старым новым подметки. Это обидело князя, он прекратил свои ночные обходы и

---

¹ Соколова В. К. Русские исторические предания. М.: Наука, 1970. С. 45—47, 277; Штырков С. А. Наказание святотатцев: фольклорный мотив и нарративная схема // Труды факультета этнологии Европейского университета в Санкт-Петербурге. Вып. 1. СПб., 2001. С. 198—200.

² См.: Топоров В. В. Святость и Святые в русской духовной культуре. Т. 1: Первый век христианства на Руси. М.: Гнозис, 1995. С. 441—490.

³ Коринфский А. А. Народная Русь. Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. Смоленск: Русич, 1995. С. 44.

⁴ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. С. 35—36.

ушел Новгород.

Мотив ночного обхода города находит параллель в предании о муромских святых: «Каждую полночь из врат Благовещенского монастыря в золоченой карете, запряженной тройкой белых коней, выезжают в дорогих одеждах святые князья Константин, Михаил и Федор. Они едут к собору Рождества Богородицы, где их встречают Петр и Феврония, а затем тихо, плавно все вместе объезжают град Муром, незримо храня его».¹

Возможно, что этот эпизод ржевской легенды появился под влиянием муромского предания. Познакомиться с ним ржевляне могли из так называемых Муромских сборников, включавших разножанровые литературные тексты (в том числе основанные на произведениях устного народного творчества), посвященные муромским святым. Сборники бытовали вплоть до середины XIX в. и «служили излюбленным чтением не только муромцев, но и всех русских людей того времени».² Отчасти это могло бы объяснить, почему церковной службой Владимиру и Агриппине стала служба свв. Петру и Февронии Муромским.

Мотив смены сапог, вероятно, является рефлексом особой символики, которой в некоторых славянских обычаях и обрядах наделяется старая и новая обувь. В новой обуви полагалось хоронить умершего, поскольку ему предстоял долгий путь в загробный мир, а при помощи старой обуви можно было прекратить хождение не успокоившегося мертвеца.³ Отсюда смену старых сапог на новые в ржевском предании можно рассценивать как символ ежедневного оживления почившего древнего хранителя города, а уход Владимира, вызванный тем, что жители предложили ему старые сапоги, как его символическую смерть в качестве их защитника.

Предание 2 находит почти точное соответствие в обычае, связанном с почитанием св. Спиридона Тримифунтского. В православной традиции он известен как «ходящий святой». Считается, что он странствует, помогая всем, кто нуждается в помощи. Несколько раз в год бархатные сапожки, надетые на его ступни, изнашиваются и их заменяют на новые, а изношенные разрезаются и раздаются верующим.⁴ Рассказ об этом приводится в записках русских паломников конца XII — начала XV в., поклонявшимся мощам св. Спиридона в Константинополе.⁵ Однако затруднительно сказать,

---

¹ Суханова О. Легенды и были седого града // Памятники Отечества. Страна городов. № 54. [Б. м.], [Б. г.]. С. 112. Упомянутые в предании святые — князья Константин († 1129), с которым связывают утверждение христианства в Муроме, и его сыновья Михаил и Федор.

² Суханова О. Легенды и были седого града. С. 105.

³ Виноградова Л. Н., Толстая С. М. Обувь // Славянские древности. Т. 3. С. 477—478.

⁴ Святитель Спиридон епископ Тримифунтский. Акафист, житие, чудеса. М., 2010. С. 76.

⁵ Жития святых святителя Дмитрия Ростовского. Месяц декабрь. М.: Сибирская благовонница, 2008. С. 350. Прим. 1. Описанный обычай существует на острове Корфу, где с 1460 г. находятся мощи святого, и в наше время.

в какой степени он мог повлиять на появление ржевского предания.

Большое значение для понимания глубинной сущности образа князя Владимира является его имя. В народной этимологии оно интерпретируется как ‘владеющий миром’. Именно на ее основе было построено официальное, государственное объяснение происхождения имени *Владимир* применительно к князю Владимиру Святославичу во время формирования его образа как святого равноапостольного самодержца в XVI в. Показательно в этом отношении свидетельство Степенной книги: «Почто же наречется Владимир? Владычское бо имя прменито есть всякому имяни, понеже един Бог — влады миром видимым и невидимым и всею тварию. Дивно имя Владимир, Божияго звания тезоименитое наречение; таковым именованем преже сего Владимира не получи никто же именоватися <...> Божия Промысла последуя и в лепоту Владимир наречется, яко да влады миром и побеждая супостаты».¹

Как видно из этого отрывка народная этимология имени *Владимир* в ее государственной перцепции сделала его носителя князя Владимира Святославича тезоименным Богу. Думается, что черты божественного миродержца вполне закономерны и у его тезки Владимира Ржевского. Генетически имя *Владимир* восходит к праславянской двусложной форме *Voldimigrь. Первый его элемент связан с обозначением владения, обладания, власти; второй этимологически тождественен слову *мир*.² Второй элемент включает имя ржевского святого в *mir*-текст праславянской мифологической системы, который объединяет в себе все смыслы, содержащиеся в семантике двусложных имен со вторым формантом *-мирь*.³ По мнению В. Н. Топорова, «*mir*-текст исходно представлял собой одну из проекций так называемого „основного“ мифа, существенной и определяющей чертой которой можно считать конечный результат событий, развертывающихся в этом мифе, — мир как итог победы Громовержца, выступающего в качестве вождя-воина, над своим противником».⁴

Очевидно, что элементы образа Владимира как защитника Ржева, входящие к функциям славянского бога-громовержца и змеборца, хорошо

---

¹ ПСРЛ. Т. 21. Ч. 1. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1908. С. 59, 60.

² Древнерусскую форму имени *Володимир* (Ржева *Володимерова*) объясняют из древнегерманских языков как ‘великий власть’: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. СПб.: Терра-Азбука, 1996. Т. I. С. 326; *Топорова Т. В.* Культура в зеркале языков: древнегерманские двучленные имена собственные. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 64, 205. Однако это значение было рано переосмыслено в русле древнерусской этимологии, отразившейся в форме *Володимир*. См.: *Тушиков Н.М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. М., 2004. С. 87. Мы будем рассматривать форму *Владимир*, которая используется в предании.

³ *Топоров В. Н.* Праславянская культура в зеркале собственных имен (элемент **mir-*) // Топоров В. Н. Исследование по этимологии и семантике. Т. 2: Индоевропейские языки и индоевропеистика. Кн. 2. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 11—141.

⁴ Там же. С. 71.

вписываются в указанные содержательные особенности *mir*-текста. Главной целью и конечным результатом действий бога-громовержца является «преодоление того, что мешает этому миру, состоянию мира, „мирности“ и исходит из самого мира, нахождение такого выхода из „мирового“ кризиса, который восстановил бы находящуюся под угрозой утраты <...> „космологичность“ мира, мир-покой, мир-примирение, мир-согласие».¹ Сохранение «мирности», мира-покоя, мира-согласия просматривается в мотиве ночного обхода Ржева Владимиром. Его глубинные истоки обнаруживаются в историческом тождестве славянского слова *мир* и имени индоиранского мифологического персонажа Митры.² Это тождество (как и весь славянский *mir*-текст) следует рассматривать в контексте древнейших славяно-иранских языковых схождения, значительная часть которых относится к мифологической и религиозно-этической сфере.³ Митра связан с идеей договора, его соблюдения (само его имя буквально значит ‘договор’, ‘согласие’), он почитался как устроитель социального и природного космоса, а также как бог солнца.⁴ Среди функций Митры, отраженных в посвященных ему текстах, присутствуют такие, которым точно соответствуют функции Владимира Ржевского в предании: Митра не смыкает очей, озирает людей = Владимир днем и ночью охраняет город; кто почитает Митру, того не достигнет беда, Митра ему помогает = почитание Владимира — условие защиты города. В митраистических текстах существует формула «Митра пасет (охраняет, стережет)», которая «обозначает соединение с Митрой через связь с ним неким обязательством, „упряжкой“, которую нужно тянуть, чтобы сохранить верность, — *мирское тягло*».⁵ Содержанию этой формулы полностью соответствует мотив смены сапог. Их ежедневное обновление — это символическая связь ржевитян с князем Владимиром, часть негласного договора, обязывающего их принять на себя определенные обязанности в обмен на гарантию сохранения мира-безопасности и мира-согласия в мире-общине.

Этимология первого элемента имени *Владимир* указывает на определенную территорию, которой владеет (< прасл. *vold-) мир-община. В сочетании с атрибутом *Ржевский* он локализует приведенные выше особенности *mir*-текста и митраистические мотивы, присутствующие в образе ржевского князя, связывая их с конкретным городом. Праславянский корень

---

¹ Там же.

² *Топоров В. Н.* Об иранском мифологическом элементе в древнерусской культуре (киевская ситуация и проблема «хорезмийского» вклада) // *Топоров В. Н.* Исследование по этимологии и семантике. Т. 3: Индийские и иранские языки. Кн. 2. М., 2010. С. 359.

³ Этот факт отражает определенную религиозно-мифологическую и культурную общность иранцев и славян, что хорошо согласуется с данными истории культуры и археологии. См.: *Зализняк А. А.* Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода // *Вопросы славянского языкознания.* М., 1962. Вып. 6. С. 41—42.

⁴ *Топоров В. Н.* Митра // *Мифы народов мира: Энциклопедия.* Т. 2. С. 154—156.

⁵ *Топоров В. Н.* Об иранском мифологическом элементе в древнерусской культуре... С. 363—364.

*vold-, восходит к индоевропейскому *uel-/uol-, который связан с обозначением как власти, обладания, так и воли (прасл. *vel-/vol-). В контексте семантики второго элемента имени *Владимир* он отсылает к одной из фундаментальных оппозиций, которая пронизывает всю русскую культуру — воля / мир: «Воля всегда экстенсивна, дика, своенравна <...> Воля обычно означает разрыв с миром как конструктивно-смысловым принципом бытия, творческим началом культуры и Богом (счастьем, благой долей)». ¹ В ржевском предании жители города проявили свою волю, *своеволие*, не поставив на гробницу Владимира новые сапоги. Этим они нарушили свои обязательства и разорвали негласный договор со святым князем, что лишило город его покровительства.

Таким образом, на уровне этимологии и семантики, имя *Владимир Ржевский* представляет собой свернутую мифологическую идею, которая отсылает к древнейшим (праславянским и индоевропейским) истокам русской культуры. Разверткой этой идеи, ее нарративным воплощением является рассматриваемое предание, мотивы которого находят точное соответствие в семантике имени ржевского князя. Он предстает как князь-воин, хранитель мира-согласия в мире-обществе, его морально-нравственных основ. Эти элементы образа Владимира выражают его солярную семантику. Подобно тому, как солнце днем совершает свой путь по небосводу, освещая мир и наблюдая за делами людей, Владимир ночью обходит Ржев, охраняя мир-покой его обитателей, то есть он ночью выполняет ту же функцию по отношению Ржева, что и солнце по отношению ко всему миру днем. Солнечная природа Владимира проявляется и при защите города — враги при взгляде на него слепнут.

Все описанные выше характеристики образа Владимира Ржевского сближают его с Владимиром *Красное Солнышко*. В русских былинах это «идеальный князь, правитель, объединяющий вокруг себя всё лучшее. Он ко всем равно приветлив, заботлив, терпелив, гостеприимен, мягок. В этом смысле именно он наиболее ярко противопоставлен темным хтоническим силам, обычно существам змеиной природы, и „солярность“ эпитета имени Владимира — не просто оценочное слово, но актуализация солнечной темы». ² Традиционно считается, что историческим прототипом этого былинного персонажа является князь Владимир Святославич. ³ Отсюда вполне правомерно можно заключить, что единая архетипическая основа образа героя ржевского предания и мифологизированного образа русского князя и предопределила их полное отождествление в церковно-народной традиции, что выразилось в церковном почитании Владимира Ржевского в день памяти св. равноап. князя Владимира.

---

¹ Там же. С. 367.

² *Протт В. Я.* Русский героический эпос. М.: Лабиринт, 2006. С. 114 и след.

³ *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Владимир Красное Солнышко // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. С. 93.

Однако однозначно и безоговорочно принять это заключение нельзя в виду следующих соображений.

Имя *Владимир* в силу содержащихся в его семантике мифологических мотивов *mir*-текста само по себе имплицитно некий инвариантный образ абсолютного правителя, вневременного властителя-миродержца, божественного хранителя морально-нравственных основ общества. Наиболее отчетливо и полно это свойство имени *Владимир* проявилось в «Голубиной книге» — духовном стихе, который «представляет собою своего рода энциклопедический компендиум по мифологической космогонии» (определение В. Н. Топорова). Один из ее главных персонажей называется «Володимер царь Володимирович» («Володимер князь Володимирович»):¹ именно он вопрошает о тайнах мироздания, его составе и творении. В вариантах стиха этот персонаж носит имя «Волотомон царь Волотомонович, «Волотомер царь», «Волот Волотович».² Последнее имя совершенно определенно указывает на источник этих вариантов: волотами (велетями) в памятниках устного народного творчества называются великаны доисторического (и доэпического) прошлого,³ что подтверждает вневременную и нечеловеческую сущность этого персонажа. «Володимер царь Володимирович» задает свои вопросы об устройстве мира-вселенной как глава всего мира-общества, представители которого собираются у Голубиной книги. В разных вариантах это «сорок царей со царевичем», «сорок королей с королевичем», «сорок князей со князевичем», «много князей со боярами», «сорок калик со каликою», «сорок попов, сорок дьяконов», «могучие богатыри», «много народу, людей мелких». В некоторых вариантах «Голубиной книги» «Володимер» рассказывает о своем сновидении, в котором в символической форме выражается извечное противоборство в мире Кривды и Правды, что свидетельствует об обладании им знаний о глубинных морально-нравственных основах мироздания.

Образ мифологического властителя-миродержца, заключенный в имени *Владимир* (и приложимый к любому его носителю), может иметь различные актуализации в различных дискурсах. Как его частные манифестации следует расценивать и св. равноап. князя Владимира Святославича в церковной и книжной традиции, и былинного Владимира Красное Солнышко, и князя Владимира Ржевского в предании.

Образ древнего князя — защитника и хранителя Ржева — сгенерирован преданием, основанном на мифопоэтических представлениях. По сути, он представляет собой пучок различительных признаков, по некоторым из которых его можно сопоставить определенным мифопоэтическим образам (Свентовит, св. Георгий, Владимир Святой), а по другим противопоставить

---

¹ Бессонов П. Калики переходные. Сб. стихов. Ч. I. Вып. 2. № 76—79, 82, 83, 85, 86, 88.

² Там же. № 80, 81, 84, 89, 92.

³ Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. I. СПб.: Общественная польза, 1861. С. 456—463.

им.¹ При этом имя, которым обозначен этот образ, в принципе, не имело бы особого значения, если бы предание не было формой хранения памяти о реальной исторической личности — князе *Владимире* Мстиславиче. Его имя спровоцировало соотнесение обозначенного им персонажа предания с образом князя Владимира Святого в церковно-книжной и фольклорной традициях. Поэтому предание о Владимире Ржевском не имеет никакого отношения к установлению дня его памяти в день памяти св. равноап. князя Владимира, что, в общем-то, вполне закономерно, поскольку этот день понадобился только для того, чтобы придать ржевскому «народному» святому, фольклорному образу Владимира черты святого церковно-канонического. Образ же былинного Владимира Красное Солнышко вообще вряд ли был актуален для народнопоэтической традиции Ржева. Иными словами, подобно тому, как имя *Владимир* сделало князя Владимира Мстиславича династическим воплощением его далекого предка — князя Владимира Святославича, впоследствии объявленного общерусским святым, так же это имя позволило уподобить образ Владимира Ржевского мифологизированному (в том числе и в государственно-книжной традиции) образу русского князя, генетически и типологически с ним никак не связанному.

Рассмотрим теперь роль, которую предание отводит жене князя Владимира *Агриппине*. На первый взгляд, эта роль никакая. В предании (в том виде, в котором оно было опубликовано) Агриппина вообще не упоминается. Какие-либо исторические сведения о ней отсутствуют. Однако высказывалось мнение, что Агриппина — это Аграфена (Агриппина), «дочь Александра Патрикиевича, литовского князя в Стародубе Украинском, родного праправнука Гедиминова. О времени и месте ее рождения сведений нет; привезена в Москву отцом своим в 1397 г.; выдана за князя Андрея в Москве, 8 октября 1403 г., родив в течение 29-летнего брака сыновей: Ивана, князя Можайского, Михаила, князя Верейского и дочь Анастасию, за Борисом Александровичем, великим князем тверским, овдовела 9 июля 1432 г.; упоминается живущей при дочери, великой княгине тверской в 1434 г. Дальнейших известий о ней нет, кроме того, *то тело ее погребено в Ржевском городском соборе, где оно в прежнее время почиталось св. мощами*».² На чем основано это суждение неизвестно. В этом же источнике Владимир Ржевский соотнесен с князем Владимиром Мстиславичем,³ что никак не позволяет отождествить эту Агриппину (Аграфену) с его женой. Однако если допустить, что сведения об Агриппине Патрикиеве соответствуют действительности и ее останки ржевском соборе действительно почитали как святые мощи, то тогда появление в ржевских преданиях у князя Владимира жены, является поздней попыткой объяснить их почитание, установив меж-

---

¹ См.: Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. С. 233.

² Хмыров А. Д. Алфавитный перечень удельных князей русских и членов царствующего дома Романовых. 1-я пол. СПб.: Изд. В. Е. Генкеля, 1871. С. 7—8.

³ Там же. С. 77—78.

ду ними супружескую связь.

В таком случае в интерпретации останков князя Владимира и Аграфены Патрикеевой как мощей древней княжеской четы главную роль сыграла не только и не столько их находжение под сводами одного храма, сколько особенность мифопоэтических коннотаций семантики их имен. Подобно тому как имя *Владимир* объединяет мифологизированный образ Владимира Святославича с образом покровителя Ржева, имя *Агриппина* объединяет ржевскую княгиню и святую Агриппину Римскую. В день ее памяти 23 июня начинались купальские празднества, а сама она в народнопоэтической традиции известна как Аграфена Купальница.¹ Купальская обрядность связывает Аграфену Купальницу с Иваном Купалой, которому в народном календаре посвящен следующий за днем памяти св. Агриппины день 24 июня. Отсюда можно заключить, что за парой ржевских святых просматривается пара персонажей купальских обрядов. Общими элементами, объединяющими эти пары, являются имя *Агриппина-Аграфена* и солярная семантика образа Владимира Ржевского и купальских обрядов. В основе купальского обрядово-мифологического комплекса лежит древний ритуал очищения двух близнецов — брата и сестры, совершивших инцест. Один из купальских обрядов восходит к оргиастическим ритуалам групповых совокуплений.² В этом свете Аграфену Купальницу и Ивана Купалу можно рассматривать и как близнечную пару, нарушившую запрет на брачную связь между братом и сестрой, и как персонификацию всех женщин и всех мужчин, участвующих в групповых соитиях купальской ночи.

Однако считать Ивана-Купалу и Аграфену Купальницу архетипической основой образа Владимира и Агриппины не позволяет как отдаленность дня памяти Владимира Ржевского и его жены (15 июля) от дня купальских праздников,³ так и отсутствие тождества или схожести имен героя ржевского предания и персонажа купальских обрядов. Более правильным будет полагать, что связь образов ржевских святых и купальских персонажей строится на основе их семантической инверсии. На следующий день после купальских праздников (25 июня) отмечается день памяти свв. Петра и Февронии Муромских, с которыми связывается понятие о христианском браке и благочестивой супружеской паре. Представляется, что именно в этом причина того, почему церковная служба муромским святым была

---

¹ *Калинский И. П.* Церковно-народный месяцеслов. С. 134—135.

² *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. С. 224—225, 348—349; *Калинский И. П.* Церковно-народный месяцеслов. С. 136; *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. С. 217, 225—231; *Агапкина Т. А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М.: Индрик, 2002. С. 517—539.

³ О связи народного календаря, народнопоэтической образности и народных обрядов см.: *Аничков Е. В.* Народная поэзия и древние верования славян // Народная словесность: Сборник статей. М.: Крафт+, 2002. С. 77—83; *Калинский И. П.* Церковно-народный месяцеслов. С. 10—22.

переделана в службу святым ржевским, став, тем самым, богослужебной основой их церковного почитания.

Возможно, правомерным будет заключение, что семантика образа ржевских святых в своем предельном выражении имплицитно символизирует преодоление человеческих инстинктов, к которым так или иначе апеллировали языческие ритуалы, и торжество идеалов православного благочестивого брака, выражая тем самым идею победы духа над плотью, а в метафизическом смысле — победу жизни над смертью, добра над злом. Не является ли материальным воплощением этой идеи белый платок — оружие князя Владимира, при помощи которого он отгоняет врагов, спасая жителей Ржева от смерти? Платок — это непременный элемент костюма замужней женщины; в иконописи белый плат (убрус), в котором иногда изображается св. Агриппина Ржевская и очень часто ее римская тезка, символизирует духовную чистоту, целомудренность святых жен.

Резюмируя изложенные в статье наблюдения, можно сделать следующие выводы.

Возникнув не ранее XIV в. как родовой культ ржевских князей, почитание князя Владимира Мстиславича и его жены Агриппины подверглось мифологизации под воздействием мифопоэтических представлений. Это привело к появлению предания, в котором образ Владимира утратил всякую связь с реальной исторической личностью. Латентное почитание в Ржеве древнего князя, в какой-то период закрепленное его народной канонизацией, проявилось во второй половине XVI в. в официальном названии города Ржева Володимерова и тогда же получило церковное оформление в виде дня памяти, церковной службы и икон свв. Владимира и Агриппины. Предание усвоило функции отсутствующего жития ржевских святых.

В предании Владимир Ржевский выступает как воин-защитник и покровитель города, как хранитель и гарант морально-нравственных основ жизни городской общины, согласия и мира среди ее членов. Мотив всеприсутствия — защита города внутри ночью и извне днем — дает возможность проецировать функции ржевского святого в изначальном значении его образа не только на мир-общину, но и на мир-космос. Это позволяет выделить в его образе черты мифологического демиурга, миродержца, характерные для бога-громовержца и солярного божества славянской мифологии. Именно эти черты образа ржевского князя отражены в семантике его имени. Причастность ржевского князя к сохранению морально-нравственных основ жизни городской общины просматривается в благочестивости супружеской пары Владимира и Агриппины. Это нашло отражение в оформлении их церковного почитания через связь с образом пары благочестивых супругов — свв. Петра и Февронии Муромских, вплоть до фактически их полного отождествления.

Из опыта собирания тверских легенд

1. Монголо-татарское нашествие в народных легендах нижнего Полавья

Материал для данного исследования собирался в населенных пунктах, тяготеющих к бассейну реки Кава, небольшой реки в Тверской области, левого притока реки Тверцы, которая в свою очередь является левым притоком Волги.

По берегам Кавы сохранились остатки культуры финно-угорских племен. Это погребальные курганы в районе села Ивановское¹ и деревни Протасово, городище раннего железного века, культовый гранитный валун в районе устья реки. Все эти памятники народная традиция непротиворечиво увязывает с монголо-татарским нашествием.

В феврале 1238 г. монголо-татары, взяв и разграбив после непродолжительной осады Тверь, обращают свое внимание на Новгородские земли. В те времена они начинались практически под Тверью. Поскольку в зимнее время замерзшие реки были наиболее удобными путями сообщения, то историки не сомневаются, что на ближайший город Новгородской земли Торжок монголо-татарское войско двинулось по замерзшей Тверце и, следовательно, никак не могло миновать устья реки Кавы.

Деревня Протасово до 1857 г. располагалась при слиянии рек Кавы и Тверцы на их левобережье, на расстоянии 70 м от Тверцы и 50 м от Кавы. В этом месте Кава делает изгиб и, соответственно, получалось, что деревня с трех сторон была окружена водой, а во время половодий ее совсем отрезало от большой земли. По сообщениям информантов, это и стало причиной ее переноса на современное место. По одной из версий название *Протасово* появляется потому, что деревню «протащили» на новое место. Но эта версия поздняя и несостоятельна уже хотя бы потому, что в сохранившихся писцовых книгах деревня упоминается с XV в. уже как Протасово. По данным археологической разведки, основанной на визуальном исследовании рельефа и подъемного материала, можно утверждать, что на этом месте поселение возникло уже в XII в. Детали же рельефа (мысовое расположение в петле реки, с трех сторон защищенное водой, предположительно остатки рва и обваловки) позволяют выдвинуть версию, что в этом месте некогда располагалось укрепление, контролировавшее устье Кавы. И в связи с этим нам гораздо более интересна вторая версия происхождения названия деревни, связанная с монголо-татарами. Согласно ей название деревни *Протасово* происходит оттого, что ее жители «против татар стояли» (Алексей

---

¹ Археологическая карта Тверской области. М., 2005. Ч. 1. С. 52.

Петрович Миронов 1922 г. р., д. Протасово). Затем монголо-татары подошли к деревне Олбово. Местное население часто называет ее Влобово. Название объясняют тем, что «здесь татар в лоб встретили» (Александр Иванович Черный 1931 г. р., д. Олбово). Деревни Устье и Куство в данной легенде не упоминаются, «потому что их тогда не было» (он же).

Далее, согласно народным легендам, действие перемещается к деревне Великое Село. Название объясняют следующим образом: «Видишь, деревенька кака маленька, а Великое Село, битва тут страшная была тыщу лет назад, с татарами, вот деревня потому Великое Село» (Николай Игнатьевич Репкин (Михайлов) 1912 г. р., уроженец д. Великое Село, в 1950-е переехал в Протасово).

Но, по-видимому, остановить здесь неугомонных монголо-татар не удалось, и они подошли к деревне Бойково. Объяснение этого названия следующее: «Бой здесь был с татарами, вот и Бойково» (Галина Анатольевна Воронина 1937 г. р., уроженка д. Бойково, в 1959 переехала в Протасово).

Большой бой был и у деревни Палагино, где, по словам информанта, «все полегли». Одни информанты считают что полегли «татары» и даже рассказывают о находках в окрестностях большого количества «татарских черепов» (Александр Михайлович Воронин 1938 г. р., уроженец с. Теблещи, с 1950 по 1959 проживал в Трестино). Другие считают, что полегли русские.

Деревня Давыдово из легенды тоже выпадает. Зато со следующей деревней Дьяково связана крайне интересная легенда: «Дьяк там жил из Садыковской церкви, татары хотели у него кобылу отобрать, а он богатырь был, бревно схватил и давай их навораживать» (Сергей Игнатьевич Савёлов 1941 г. р., д. Бойково). Данная версия интересна тем, что близко перекликается с событиями антиордынского восстания 1327 г. в Твери, которое, согласно источникам, началось именно с попытки монголо-татар отобрать у дьяка Дудко упитанную кобылу.¹ Впрочем, при первом, хотя и очень поверхностном, обследовании, проведенном 10 лет назад, автору зафиксировать данную легенду не удалось, что может свидетельствовать о позднем заимствовании сюжета с кобылой как причиной конфликта. Сведения же о богатыре-дьяке фиксировались и ранее.

Далее легенда упоминает деревню Киёво. Здесь версия происхождения названия следующая: «Крестьяне там с татарами дрались, а у них какое оружие дубьем били киями разными» (Афанасий Сергеевич Быстров 1921 г. р., д. Киёво). *Кий* — местное название кола, их изготавливались специально для драки на полметра длиннее трёстки.

Далее, согласно народной легенде, монголо-татары подошли к селу Садыково. Объяснение названия следующее: «Их там, татар, встретили и давай стрелами садить, много положили» (Наталья Федоровна Шувалова 1927 г. р., д. Садыково). Подойдя к деревне Жирносово, монголо-татары устроили обед: «Татары скотины много всякой нахватили, стали ее резать да

---

¹ См.: ПСРЛ. СПб., 1863. Т. XV. Стлб. 416.

варить, да ее столько было, что всё не поели, много выбрасывали, потом оттуда долго жир носили» (Михаил Андреевич Карасев 1946 г. р., д. Жирносово). Есть и другая версия: «Татары, они всё жирное любят, вот и стали варить, а как пожирнее скотину увидят, орут своим: жир неси! жир неси!» (Николай Андреевич Карасев 1950 г. р., д. Жирносово).

После привала под Жирносово монголо-татары, видимо, уже не ожидавшие сопротивления, попадают в засаду под селом Теребино не на реке: «Они и не ожидали, а наши их там здорово потеребили» (Алексей Сергеевич Быстров 1924 г. р., с. Теребино).

Очевидно, преследуя нападавших, монголо-татары оказываются под деревней Трестино. Нам известны три версии происхождения этого названия. Согласно первой версии, «наши их там трёстками били и с коней стаскивали» (А. М. Воронин). Трёстками называют палки двух видов: 1) деревянная обожженная палка с резным орнаментом или 2) металлические прут, заточенный с одного конца и загнутый с другого. В данном случае речь идет о металлическом оружии. По второй версии, «дрались так, что черепа трескались, только треск стоял» (Мария Филипповна Егорова 1920 г. р., уроженка д. Трестино, в 1940 переехала в Протасово). Третья версия совмещает в себе обе предыдущие, поскольку в ней слово *трескали* под влиянием слова *трёстка* получает необычную огласовку: «Трёскали там друг друга по чём попало» (Николай Егорович Денисов 1925 г. р., д. Трестино).

Дальше монголо-татары, видимо, не пошли, хотя несколько раз встречалось упоминание о том, что деревня Большая Переходня называется так потому, что монголо-татары переправились там на другой берег. Но это объяснение выключает из стройной легенды большой куст деревень, да и по сравнению с вышеприведенными легендами является малоупотребительной. Правда в курганной группе, расположенной под селом Иваново, находящегося рядом с Большой Переходней, народная традиция видит «татарские могилы».

Подобные микрорегиональные комплексы топонимических легенд — довольно распространенное явление, особенно если они привязаны к рекам. Все данные комплексы непротиворечиво увязывают между собой заведомо разновременные и разнохарактерные объекты и памятники.

2. *К вопросу о «святых» местах Торжокского района*

Материалы о «святых» местах Торжокского района этнографические экспедиции Всероссийского историко-этнографического музея собирают на протяжении уже многих лет. Постоянно ведется работа по их систематизации и уточнению комплексов сакральных и бытовых легенд, связанных с данными местами. В августе-сентябре 2014 г. я провел полевые выезды в следующие населенные пункты района: Абабково, Крюково, Костешино, Костино, Захожье, Ерино, Трестино, Подберезье, Алексеевка. Проверке

подлежала, в первую очередь, информация о «святых» местах, связанных с родниками и небольшими ручьями. В ходе полевых выездов была получена следующая информация.

«Провалившаяся» церковь

«И. А раньше, это ишо мене не было. Там, значит, ишо была татарская, татарская война, война, и это, вот отсюда, вот отсюда, вот там, на горушке Горицы такие есть и там такая, знаешь, низменность, лес и поле, и там есть святой колодец, святой колодец. Он и сейчас святой колодец, туда ходят за водой за чистой. Это летом, летом, час-то холодно — сейчас не ходят. Ну вот, и вот этот святой колодец, от этого святого колодца стояла, метрах в 50-ти, церква и она провалилась, провалилась туда на дно. Ну вот, а колодец остался. И вот, яво все и говорят: «Пойдем за водой на святой колодец». Ну вот, а куда там, эта, а за рощей, там стоит такой березнячок посреди поля. Ну и там, вот раскапывали вот такие кости длинные, ну тогда люди-то были большие, сильные. Ну вот, и там хоронили, там хоронили. И вот так оно и осталось, такие могилочки зарослые, но видно, что могилочки. Вот, а церква там провалилася. Там это действительно всё под ней сыпло.

К. А почему?

И. Ну, почему. Это Господь показал, что вот чаво может Господь сделать, даже церкву, церкву. Это что-нибудь, что-нибудь тоже от Господа Бога не пошла церква на, эту, на пользу. Что-нибудь, от, она не так сделана. Может, место и то, ну, что-нибудь тама, в церкви, ня то было, и Господь ее уничтожил, вот» (Марья Ефимовна Ершова 1928 г. р., д. Абабково, конец сентября 2014).¹ Сюжет о «провалившейся» церкви довольно широко распространен в народной традиции нашего района, но обычно исчезновение церкви объясняют тем, что она таким образом прячется от подступивших врагов. Данный сюжет интересен своеобразной трактовкой, в которой, причина — в самой церкви.

Родник под Костешинским дубом

«И. «Мы еще маленькие были, всё бегали туда, в этот дуб играть... Бегали, играли. Ну, я домой приходила, мамке говорю: „Ма, — говорю, — вот и поле называется Дубицей, — говорю, — вот из-за этого дуба?“ Она говорит: „Да, вот из-за дуба“. Ну нас много ребятешек собиралось, может быть, человек 18, может, больше. И вот так мы за руки бралися и чтоб нам, нам его обнять, вот так вот. Сколько же человек, вот я-то хорошо не могу помнить... Ну, и не меньше, чем человек 18. Так вот примерно. Мы за руки бралися и его вот так обнимали. Ну, а внутри дуба, там такая была площа-

---

¹ Архив ВИЭМ. Далее время записи и место хранения не указывается.

дочка, такая большая. Ну, видно... сердцевина сгнила там, сгнила там сердцевина. Мы там играли... Вот мы однажды, мы однажды приходим, я и говорю: „Ма, ну почему там какая-то висит иконка?“ — говорю. Она мне и говорит: „Вот мы на этой, на Дубнице, работали, — говорит, — ну и одна женщина пошла туда“.

К. К дубу?

И. В дуб, внутрь дуба пошла туда, где мы играли. Вот. И вдруг ей ночью снится сон: „Он святой дуб. Мол, иди и повесь туда иконку“. И эта женщина, вот я не помню кто, и мама теперь уже не помнит. Но она повесила туда икону, вот эта икона всегда там была, всегда там была эта икона. Но потом, когда загорел, значит, естественно икона сгорела. Но народу к нему, конечно, приезжало, я даже не знаю, откуда, уже не помню...

К. А он от грозы сгорел или подожгли?

И. Да, в первый раз от грозы горел, а потом кто-то его зажег, зажег кто-то.

К. А зачем народ приезжал?

И. А народ приезжал, почему-то фотографировали его и туда... Он такой был ветвистый, такой ветвистый, и на ветви забирались, видно как это, может, местность фотографировали... И за водой ездили, родник под дубом был, теперь-то нету...» (Лидия Михайловна Сверская 1933 г. р., д. Костешино).

Ивановский ключик

«*И.* Вот, в Захожье. Ивановский ключик. Так и называли его — Иван Предтеич. И там, видишь, бил ключик из земли. И кто там уж, это давно дело было, конечно, и там нашли иконку Иван Предтеича. И так называли — Ивановский ключик. И там сделали такой сруб на этом ключике, поставили часовенку, и каждый год в Иванов день они праздновать этот праздник стали, и ходили туда. Там такую ярмонку устроили, вот, большая ярмонка, все торговали там всем. И я была маленькая с отцом, с матерью ходила туда, вот. И лапти продавали, вы понимаете, лапти! Это как раз дело-то, время-то — сенокос. Ведь раньше с Иванова дня начинали косить-то. И брусья, и лопатошники — это вот куда брус пихать — продавали, и косы, косьевища, и семечки. Вот как шас и помню, семечки продавали, вот. Мне мама много семечек купила, целый карман. Вот именно что, вот в этот ключ кидали деньги. Только вот не знаю, говорят, серебряные толе.

К. Только серебряные?

И. Да, да. И набирали там водички в кувшинчик, брали с собой. Туда выходил багюшка. Там служба была обязательно. Он святит эту воду, в этом ключике. И все брали эту святую воду такую. Обязательно была служба. Мамка говорила: „Так это чо? Город?“ Ничего не понимала, ничего. „Нет, это Ивановский ключик“. Сруб этот уплыл, а ключик до сих пор ключик.

Коровы ходят туда, сгоняют стадо. Так что он не высыхает, он же ключик, бьет. Да, да, там у них такая, такая речка течет, ручеек такой течет. Вот такое вот заболоченное место, потому что там всё время бьет ключик. Там не высыхает» (Наталья Николаевна Соловьева 1924 г. р., д. Костино).

Часовня с родником

И. Это вот под Верховным, помню, ночью стояла часовенька, и там водичка такая, знаете, чистенькая. Идет прохожий, ну, напиться заходит туда. Это бывало как святая вода.

К. Там родник был или колодец? И почему там часовню поставили?

И. Родничок. А там стояла вот такая часовенька, а почему, я помню» (Андрей Григорьевич Сорокин 1924 г. р., д. Ерино).

Камень с «Божьим» следом

И. В Трестине камень, и такой камень теперь, конечно, может быть, его и не найти, но мы всё время ходили и пробовали след. Ну, действительно, вмятины: пяточки, как будто пальчики. Мол, у кого этот след подойдет, тот самый счастливый человек. Так мы, у нас уже ноги переросли, там совершенно такой небольшого, помню, следок в кустах, а всё бегали мы туда, ну девчоночки, ну что, годов по семь, наверное.

К. А не говорили, чей это след?

И. Все говорили, что это Бог.

К. Божий след?

И. Да, сказали, что это когда-то в свое время, мол, камни были мягкие, что Он наступил, вот» (Анна Михайловна Большакова 1934 г. р., д. Трестино).

«Святой» ключик

И. Недалеко ключик-то. Вот тут у нас, бывало, попа привозили. Святили воду у этого ключика, и все вот глаза у кого болят, глаза. Пойдут, в бидон водицы подденет. Глаза помогают, глаза станут и получше.

К. А как этот ключик называется?

И. Как его звали? Пойдемте к ключику за водой.

К. А как его называли?

И. Да просто ключик, святой, говорили, ключик» (Иван Сергеевич Дёмкин 1928 г. р., д. Подберезье).

Верховой родник

«И. Во, когда ехали, вот когда едешь туда, вот я забыла. Алексеевка вон деревня. Кручок такой там стоит, копь деревни. Я думаю, деревня Алексеевка. Между нас, нас вот, как нас вот. И, не бежавши нас, по одному боку такие горы. А по другому боку вот крышку всё. Говорят, что вот это вот он сам сделался, там этот колодец. А я не знаю.

К. А что значит: сам сделался?

И. Ну вот родничок вышел, и вот они сделали там.

К. Местные жители?

И. Да, деревенские, с приходом» (Зоя Ивановна Горина 1930 г. р., д. Алексеевка).

«Святы» места — одни из интереснейших объектов этнографического исследования. С ними, как правило, связаны целые комплексы сакральных, топо- и гидронимических, а также бытовых легенд, которые требуют тщательной фиксации и изучения.

ПАМЯТНИК ОТМЕНЕ КРЕПОСТНОГО ПРАВА В ДЕРЕВНЕ ТРУБИНО НОВОТОРЖСКОГО РАЙОНА ИСТОРИЯ И ЛЕГЕНДЫ

В моей статье «Памятники отмены крепостного права. Региональные различия» был упомянут памятник, посвященный отмене крепостного права, в деревне Трубино Торжокского района Тверской области.¹ Согласно местному преданию, записанному торжокским краеведом А. Сусловым, во времена крепостного права деревня принадлежала помещику, увлекавшемуся карточной игрой. Однажды он выиграл в карты у одного польского помещика его крепостного Ивана Шаманского, владевшего мастерством обработки камня. Поселившись в Трубино, Шаманский стал работать каменотесом, здесь его и застала реформа 1861 года. Свое освобождение он решил ознаменовать сооружением памятника.²

В сентябре 1999 г., в ходе этнографической экспедиции научного отдела ВИЭМ, в деревне Трубино от местных жителей была записана легенда, что памятник «был поставлен в честь освобождения от крепостного права. Установил его местный польский работник П. Шамайский, которому в ходе игры в карты со своим хозяином, удалось выиграть и получить себе вольную». Участники экспедиции предположили, что это искаженная легенда, «поскольку на фотографии памятника четко видна надпись, повествующая о том, что он был поставлен Шамайским конкретно в честь своего освобождения, а не общего исторического события».

Памятник представляет собой прямоугольную каменную колонну с фигурным верхом и вырубленным в верхней части углублением для иконы и лампы. Внешне он напоминает надгробие, какие устанавливались на дворянских и купеческих могилах того времени. На поверхности памятника была высечена надпись, содержание которой уже в 1960-е гг. прочитать было очень сложно из-за значительного выветривания поверхности монумента.

Таким образом, согласно преданию, сохранившемуся у местных жителей, памятник представлял собой плод индивидуального творчества местного крестьянина в память о своем освобождении от крепостной зависимости. Однако дальнейшее изучение памятника показало, что эта легенда не соответствует действительности.

---

¹ Францев О. Л. Памятники отмены крепостного права. Региональные различия // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 17: Фольклорные традиции в политкультурных зонах России: сб. научных статей. М.: ГРЦРФ, 2015. С. 163—173.

² Сулов А. Торжок и его окрестности. М.: Московский рабочий, 1970. С. 135—136.

11 мая 2015 г. в ходе экспедиции в деревню Трубино сотрудники ВИЭМ произвели чтение надписи на памятнике, для чего пришлось выделить контуры букв мелом. Ее содержание оказалось следующим, орфография сохранена: «В память убоенію цацаго императора александра николаевича 1881 г марта 1 за освобожденіе крестьянь 1861 г 19 февроля оть опчества диревни трубина мастирь ивань яковлевъ шамайской 1885 г».

Возникает вопрос, каким образом памятник, установленный в память убийства народовольцами царя Александра II, уцелел в годы советской власти? Почему в памяти жителей деревни Трубино он оказался связан не с царем Освободителем, а с их односельчанином? Краевед А. Суслов собирал сведения о достопримечательностях Новоторжского района в 1950—1960-е гг., и уже тогда этот памятник никак не связывался с памятью о царе Александре II.

Часовни, поставленные крестьянами в память трагической гибели царя Освободителя, нередко встречаются в описаниях епархиальных сборников. «Тверской епархиальный статистический сборник» упоминает часовню в деревне Ряхово Тверского уезда и молитвенный дом в деревне Клевищах Бежецкого уезда «во имя святого благоверного князя Александра Невского», построенные соответственно в 1887 и в 1886 гг. «в память мученической кончины императора Александра II». ¹ Известно, что Александр II был крещен в честь святого князя Александра Невского. После прихода к власти большевиков эти часовни, равно как и памятники царю Александру II, были уничтожены.

Этот памятник имеет аналоги среди мемориальных сооружений того времени, фактически он представляет собой часовню или поклонный крест. Так А. А. Панченко отмечает: «...не менее важно понять, почему, появляясь в XII веке в разных землях Древней Руси, каменные кресты позднее приживаются и получают распространение только в западных регионах». ² Действительно, «в XVII веке на смену поклонным крестам приходят небольшие часовни, стоявшие на перекрестке дорог или отмечающие памятные события. Возможно, это было связано с тем, что одиноко стоящий крест стал у большинства жителей ассоциироваться с могилой. При сооружении в 1830-е годы мемориальных памятников, посвященных войне 1812 года, был выбран проект чугунной колонны, увенчанной золотой церковной главкой с крестом. По сути это было возвращение, на новом художественном уровне, к идее поклонного памятного креста. Увенчанная церковной главкой колонна представляет собой часовню без здания, то есть тот же поклонный крест». ³

---

¹ Тверской епархиальный статистический сборник / Сост. И. Добровольский. Тверь: Типо-литография Ф. С. Муравьева, 1901. С. 51, 134.

² К вопросу о распространении каменных крестов Древней Руси. Режим доступа: http://www.countrysite.spb.ru/Library/Ancient_cros.htm. Дата обращения: 15.05.2017.

³ Поклонные кресты — памятники. Режим доступа: <http://симпобедиши.рф/poklonnye-kresty?start=2>. Дата обращения: 15.05.2017.

Однако «Тверской епархиальный статистический сборник» 1901 г. не упоминает о существовании часовни в деревне Трубино, хотя она была поставлена еще в 1885 г., как гласит надпись на памятнике, в отличие, скажем, от деревянной часовни во имя Архистратига Михаила в селце Глухове этого же прихода.¹

Можно предположить, что местные крестьяне и приходское духовенство, посылавшее сведения епархиальному начальству об имеющихся часовнях, этот памятник не воспринимали как часовню. Традиция считать часовней только здание продолжала сохраняться в народном сознании. Фотография такой часовни-здания, ранее находившейся в городе Полтаве, сохранилась на почтовых открытках того времени.

Необходимо отметить, что памятники, подобные памятнику из деревни Трубино, сохранились в других регионах России. Один такой памятник находится в московском музее-заповеднике Коломенское. Памятник был перевезен из подмосковной деревни Шайдорово в 1980 г. Он представлял белокаменный столб с фигурным завершением — усеченной пирамидой, имеющей с четырех сторон барельефные изображения всевидящего ока в лучах. В прямоугольных нишах верхней части столба, расположенных с четырех сторон, ранее располагались, видимо, иконописные изображения, в прямоугольных гранях нижней части — текстовые надписи с конкретно-историческим содержанием. Ранее памятник был аннотирован как межевой столб. Но анализ результатов историко-архивных исследований выяснил, что памятник был установлен в благодарность царю Александру II за освобождение от крепостного права. В 2005 г. была проведена реставрация памятника.²

Таким образом, памятник отмене крепостного права в деревне Трубино представляет часовню, установленную в память об убийстве царя Александра II народолюбцами. По воспоминаниям местных жителей, до Великой Отечественной войны в нише памятника находилась «икона с женщиной» и висела лампадка. Часовня была, видимо, посвящена преподобной Евдокии, мученице первых веков христианства. Холмский митрополит Евлогий упоминает о подобной часовне в городе Житомире: «Заключительный молебен мы отслужили перед кафедральным собором у часовни преподобной мученицы Евдокии. В день ее памяти 1 марта был убит царь Александр II, почему она и была поставлена».³

Другое объяснение, почему данный памятник уцелел в годы советской власти и потерял в памяти местных жителей историю своего настоящего предназначения, заключено, видимо, в особенностях нанесения надписи на его поверхности. Надпись на памятнике делится на два фрагмента. Один

---

¹ Тверской епархиальный статистический сборник. С. 591.

² Памятный столб-часовня. Режим доступа: <http://smorodina.com/objects/pamyatnyy-stolb-chasovnya>. Дата обращения: 15.05.2017.

³ *Евлогий, митрополит. Путь моей жизни.* М.: Московский рабочий, 1994. С. 230.

фрагмент дугообразно располагается в верхней части памятника над нишей для иконы: «В память убоению цацаго императора алексан». Второй фрагмент высечен в нижней части памятника: «дра николаевича 1881 г марта 1 за освобождение крестьянь 1861 г 19 феврьолья отъ опчест» — сторона под нишей для иконы, а на оборотной стороне: «ва диревни трубина мастирь иванъ яковлевъ шамайской 1885 г» (см. рис. 2, 3, 4).

Первая часть надписи вырезана в камне неглубоко и некачественно и плохо сохранилась. Местные жители, которые наблюдали за нашей работой по пересъемке надписи на памятнике, считали, что это не буквы, а орнамент. Участники этнографической экспедиции ВИЭМ 1999 г. тоже ошибочно отмечали, что надпись занимает только нижнюю часть памятника и даже отметили это на его схеме-зарисовке.

Вторая часть надписи сохранилась лучше. Особенно хорошо читаются имя отчество и фамилия мастера, изготовившего этот памятник. Информанты вспоминали, как они еще детьми, натирали надпись на памятнике (его нижнюю часть) снегом и водой, чтобы прочесть буквы. Им удавалось разобрать имя отчество и фамилию мастера, а также дату. На этом основании они делали вывод, что памятник был установлен местным мастером Иваном Яковлевичем Шаманским в память о своем освобождении от крепостной зависимости в 1861 г.

Суммируя всё вышесказанное, можно сделать вывод, что этот памятник не воспринимался местными жителями и не упоминался в церковных документах как часовня, а значит, не мог пострадать во время большевистских гонений на церковь.

В памяти местных жителей сохранилось, что памятник был изготовлен крепостным крестьянином, а связь монумента с памятью о царе Освободителе была утеряна. С течением времени это трансформировалось в легенду, что памятник был поставлен местным крестьянином в память о своем освобождении от крепостной зависимости. Надпись на памятнике, ввиду ее обрывочного прочтения, подтверждала эту легенду, а в более раннее время она, видимо, не была прочитана из-за неграмотности местных крестьян. Всё это придало памятнику после 1917 г. важное пропагандистское значение как напоминание о временах «проклятого прошлого». Поэтому памятник был взят под охрану местными властями и восстановлен по инициативе комсомольцев после того, как в годы Великой Отечественной войны он упал из-за просадки грунта. Эти причины и позволили памятнику, поставленному в память убийства революционерами царя Александра II, уцелеть в годы советской власти.

А. П. Монахова, Н. П. Константинова

**Хвостатые
(из тверских воспоминаний)**

*Подготовка текста и вступительная заметка Е. Н. Грачевой,
А. В. Вострикова (Санкт-Петербург)*

Публикуемый текст сохранился в составе семейного фонда Монаховых-Константиновых в домашнем архиве Л. Л. Марченко.

Александра Петровна Монахова (урожд. Константинова; 1887—1960/1961) родилась в театральной семье. Отец П. А. Константинов (1859—1906), был танцовщиком, а с 1895 г. скрипачом-репетитором при балетной труппе Мариинского театра;¹ мать Ю. А. Константинова (урожд. Юносова, 1860 — не ранее 1913) была артисткой русской оперной труппы (меццо-сопрано) того же театра.² После окончания балетного отделения Театрального училища (в 1905 г.) А. П. Константинова выступала на сцене Мариинского театра (впоследствии Государственного академического театра оперы и балета) до 1928 г. В 1909 г. вышла замуж за танцовщика той же труппы Александра Михайловича Монахова (1884—1945),³ у них родились дети: Валентина (1911/1912 — сер. 1960-х) и Михаил (1913—1941/1942). После войны А. П. Монахова работала делопроизводителем в ленинградской средней школе № 243.⁴

Нина Петровна Константинова (1896—1942) — младшая сестра А. П. Монаховой; тоже окончила балетное отделение Театрального училища (в 1913), но на сцене не выступала; жила с семьей сестры; сведений о месте работы найти не удалось. Умерла в блокадном Ленинграде.⁵

---

¹ См.: Материалы по истории русского балета: 200 лет Ленинградского государственного хореографического училища. 1738—1938. Л.: Ленингр. гос. хореографич. училище, 1938. Т. 1. С. 276—277; см. также: Петербургский балет. Три века: Хроника. Т. 3: 1851—1900. СПб.: Академия Русского балета имени А. Я. Вагановой, 2014. С. 398.

² См.: *Пружанский А. М.* Отечественные певцы. 1750—1917: Словарь. Ч. 2. М.: Композитор, 2000. С. 166.

³ Об А. М. Монахове см.: Балет: Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1981. С. 352 (статья В. И. Зарубина); эта же статья воспроизведена в изд.: Русский балет: Энциклопедия. М.: БСЭ; Согласие, 1997. С. 306; см. также: Материалы по истории русского балета: 200 лет Ленинградского государственного хореографического училища. 1738—1938. Т. 2, по указателю имен.

⁴ О театральной деятельности А. П. Монаховой см.: Материалы по истории русского балета: 200 лет Ленинградского государственного хореографического училища. 1738—1938. Т. 2. С. 169—170. Биографические сведения дополнены Л. Л. Марченко (урожд. Тильман) по личным и семейным воспоминаниям: Тильманы с 1930-х гг. жили с Монаховыми-Константиновыми в одном подъезде; семьи дружили, ходили друг к другу в гости; с начала блокады жили вместе в одной коммунальной квартире.

⁵ См.: Блокада, 1941—1944, Ленинград: Книга Памяти. Т. 15. СПб.: Селеста, 2004.

В 1931 г. А. М. Монахов оставил семью и переехал в Москву и выступал на сцене Большого театра, а затем был там балетмейстером-репетитором; в 1936 г. ему было присвоено звание заслуженного деятеля искусств РСФСР.¹ Александра Петровна с сестрой и детьми осталась в Ленинграде; жили вчетвером в трехкомнатной квартире на третьем этаже дома 158 по набережной Канала Грибоедова. Это была по-настоящему культурная семья: в доме много читали (к сожалению, обширная библиотека впоследствии погибла во время блокады), играли на рояле, рисовали. Сестры были очень дружны между собой; одним из их совместных занятий было создание рукописных книг. Две такие книжки — иллюстрированные стихотворные сказки — были подарены Л. Л. Марченко еще до войны и сохранились в ее архиве.

После войны, унесшей жизни Нины Петровны и Михаила, Александра Петровна с Валентиной остались вдвоем в одной комнате своей бывшей квартиры, ставшей коммунальной; жили довольно тяжело в материальном отношении, часто болели: сказывались последствия блокады. После смерти А. П. Монаховой в начале 1960-х гг., а затем, спустя несколько лет, и В. А. Монаховой близких родственников не нашлось; комната отошла государству. Из кучи мусора, предназначенного на выброс, соседи извлекли около двадцати общих тетрадей, содержащих поэтические и прозаические произведения, в том числе и публикуемый текст.

Отличие от других произведений сестер, «Хвостатые» основаны на реальном материале — рассказах, слышанных в селе Кунганово Тверской губернии.² В этом селе в простой крестьянской семье родился и провел детство А. М. Монахов,³ там жили его родители и родственники. В начале 1910-х гг. на родине мужа побывала А. П. Монахова (воспоминания об этой поездке дали «Хвостатым» обрамляющий сюжет и образ автора); вероятно, бывала там и Н. П. Константинова. Основной материал был собран, вероятно, во время поездки А. П. Монаховой, но он мог быть впоследствии дополнен и откорректирован. Очевидна, на наш взгляд, серьезная литературная работа с текстом: с композицией, стилем, введением этнографических деталей и диалектных слов. Прояснить обстоятельства этой работы сейчас не представляется возможным, а окончанием ее, по всей видимости, следует считать сохранившийся беловой автограф, написанный рукой Н. П. Константиновой в 1920—1930-е гг. Заглавие и подзаголовок указаны дважды: в начале текста и на специальной бумажной наклейке на обложке. Автор не указан — так же, как и во всех остальных сохранившихся тетрадях и рукописных книгах, написанных и проиллюстрированных сестрами. Вероятно,

---

¹ По-видимому, отъезд А. М. Монахова сопровождался разводом с женой.

² Д. Кунганово — ныне Торжокский р-н, 35 км к югу от Торжка на левом берегу Тьмы, Высоковское с/п; в конце XIX — начале XX в. село, 96 дворов, центр прихода Дарской вол. Старицкого у.

³ В указанной выше словарной статье село ошибочно названо *Кунгашево*.

это следует считать осознанным выражением авторской воли.

Беловая рукопись находится в общей тетради в линейку без полей, размером 21х17 см, в мягкой клеенчатой обложке; страницы пронумерованы от 1 до 54; чистые листы удалены.

При подготовке публикации орфография и пунктуация приведены к современным нормам с сохранением просторечия и местного говора.

Публикаторы выражают глубочайшую признательность Людмиле Людвиговне Марченко за предоставление рукописи для публикации, сообщение сведений о семье Монаховых-Константиновых и возможность ознакомиться с их домашним архивом. И в первую очередь за то, что она более полувека бережно хранила архив Монаховых-Константиновых.

Сижу в огороде, полю лук. Вдруг через забор:

— Здравствуй, барыня, не рзаная — пасеничная, сахарные твои ручки!

Оборачиваюсь — вижу старуху, взьерошенную, с носом, наводящим на грустные размышления о невоздержании рода человеческого.

— Здравствуй, барыня, заграничные твои глазки, сударушка, здравствуй! Аль не знашь? Хавроньей прозываюсь, и все Хавронью знают, потому Хавронья всяку правду как на блюдечке выкладет! Вот и вижу — барыня питерская, не то что здешние! Здешние-то, сударушка, под коровьим хвостом выросли, под коровьим хвостом и жить им. А в Питер поехали да вернулись — окромя сапог о восемнадцать пуговиц что привезли? А уж фанаберии-то! И то, одно сказать — фортóвые! А все рзаные, а не пасеничные, а ты и не цваньчива дрянно,¹ сразу видно — барыня настоящая. Мне пташечки-то про тебя давно рассказали.

— Здравствуйте, бабушка! — говорю.

— А тебе, милуша, — вот не быть мне царства небесного, коли правды тебе не выложу, только завари ты Хавронье цайку покрепче, а больше ничиво Хавронье не надо!

Знаю, что это за Хавронья. Была замужем за пьяницей, схоронила пьяницу, чаркой помянула — к чарке потянуло. Махнула рукой, вышла вторично, тоже за пьяницу, вместе пили. Схоронила и этого. И пошла Хавронья газетой бродячей от шинка в шинок, из избы в избу. Придет, всякие новости свои «выкложет», а бабы и рады слушать: «Ахти батюшки. Дрянно мудрено-то!» — Где поврачует — на уголек да глинку, либо на травку поплюет, где просто разложит колоду карт, такую же трепаную, как она сама, а уж нигде не забудет выпросить «цайку покрепче».

Единственный способ отвязаться — выслушать ее вранье и утолить ее чаевой голод.

---

¹ *Дрянно* — очень, весьма (Словарь русских народных говоров. Вып. 8. Л.: Наука, 1971. С. 230—231. Далее ссылки на это изд.: *СРНГ* с указанием выпуска, года и страниц).

Конечно, в дом я ее вести не рискнула (как раз ложек не досчитаешь!), а повела ее в сторожку, к Федоровне, большой охотнице до всяких чудес.

Сторожка, приземистая, маленькая, стоит под нависшими яблонями, точно спряталась и шурит на свет свои любопытные глазки. Войдя в светелку, моя спутница помолилась на божницу, поклонилась на все четыре стороны, повела носом, как гончая, и только тогда обратилась к хозяйке, как раз сидевшей за чаепитием.

— Мир всем крещеным! Здравствуй, Федоровна! Вот и я, коли не прогоните! А вы и цайком балуетесь, тоцно и нарочно Хавронью поджидали.

Федоровна, держа блюдечко всей пятерней и усердно дуя на него, кивнула своей восковой головою.

Но прежде несколько слов о Федоровне.

Представьте себе семидесятилетнюю старуху, очень худую, очень высокую семидесятилетнюю «векоушу», в черном, почти монашеском платье, в черном платке, из-под которого застенчиво выглядывает тоненькая, как комариный писк, косица с выцветшей, когда-то красной, ленточкой — неизбежный придаток каждой векоуши. Нигде никогда не была, к «машине»¹ близко не подходила, на работу лихая, а рассказчица — каких мало. Живет у брата-вдовца, ведет его хозяйство. Кроме того, на ней лежит обязанность «окачивать ножки Христу».

Не знаю, каким образом и с каких пор рядом с белой сельской церковью приютилась католическая на вид часовенка. Фигуры святых — статуи. Распятие, а по бокам краснощекие Дева Мария и Магдалина. Темно по углам, пахнет сыростью. Никто туда не приходит молиться, само время не заглядывает туда, только имеет право доступа векоуша. Войдет с ковшечком воды (а воду надо брать из ключа, что у реки, и непременно ставить ковш по течению, а не напротив), с другим пустым ковшечком. Пустой поставит Христу под ноги, сольет по ногам его водицу ключевую в этот ковшечек и снова запрет за собою ветхую дверь. Водица эта считается врачебной «супротив всех замираний».

Итак, Федоровна кивнула головою.

Как выгнать дешевую ходячую газету, когда сама грамоте не умеешь? Газета всё расскажет, что на свете творится, про все те уголки, куда еще и машину не провели и куда грязные проселки все-таки заводят Хавроний.

После неизбежного цайку на стол из-за пазухи появилась засаленная колода. Тут-то началось, но не стану распространяться об этом вранье. Достаточно сказать, что явился и король в «особом почете, в Питере», и кралята, видимо, в проекте, и всяки-разны земли ханинейские. Горы золота и счастья сулили мне эти грязные вину и буби, но что испытывать судьбу? Пока я сидела в сторожке под яблоней, на столе кипел самовар, а в окно лился аромат едкого молочая и череды, смешанный с гудением пчел. Федоровна, кончив

---

¹ *Машина* — железная дорога (СРНГ. Вып. 18. 1982. С. 57).

пить, перекувырнула чашку на блюдечке и на доньшко положила «остатний» кусочек сахару.

Хавронья мялась. Видимо, чего-то не решалась попросить, но наконец она не выдержала.

— Краля-то ты моя, не рзаная — пасеницная, уж дай ты Хавронье двугривенник.

И она терла нос сморщенной рукою. Дала двугривенный.

— Вот и видно сразу, что пасеницная, а и ружки с цистого сахару! Уж дай ты мне заварочку!

Дали и заварочку.

Небо синело в просветах зелени, пологом опускаясь на этот затерявшийся в глуши уголок суеверий. Вот мы три: питерская — я, глаза у меня заграничные, по «машине» приехала; вот передо мною бездетная бродяга, вся как есть «рзаная, а не пасеницная», обветренная, замасленная, завравшаяся, как ее спутник — карты; вот Федоровна, строгая и прямая, с косицей хвостиком, а над нами, в углу, божница, в божнице «богородица и несть числа им». Все разные, и «христосики» разные, тоже не перечесть. В особом почете Казанская и Тихвинская, что сейчас же видно по неугасимой лампаде перед ними. Знаю, что они обе окутаны фимиамом поверий, хочется знать о них подробнее. А кто, как не векоуша Федоровна, может знать их?

И мерно плывет ее рассказ под шипение самовара и гудение пчелы... Только изредка причмокивает Хавронья, вливая в свое лоно едва ли не десятую чашку чая.

— Обе Владычицы, Казанския и Тихвинския, явили себя. В те святые праздники работать нельзя,¹ а особо в Тихвинскую по грибы аль по ягоды ходить. Оно, конечно, печьку стопить либо корм задать скотине — кто говорит? Ну а другое что, так дрянно лучше сиди да разговаривай али в гости идти тоже можно. Но по ягоды ходить али работать — лучше и не думай.

Прежде что? Прежде не то, что нонче. Прежде кто бы в `избу вошел да шапки не снял? А тут как раз в канун Казанския Владычицы выборные и стуцат по окнам: «Работать-де завтре, рабочий день завтре!» Одно слово — одолели их хвостатые!

А день-то выдался, Пятровна! Небушко-то цистое, что синий камушек в сережке, ни облачка не видать. Только собрались тут крикуны, что на сходках горла поболе всех дерут. — «В Питере, — говорят, — работа, ну и у нас работа!» — Да и пошли они на загувенник, сено ворошить. Только это они зачали сено ворошить, откуда не возьмись вихорь, да такой вихорь, веришь ли, Пятровна, сено-то в комья скатал да в реку так и гонит. А на

---

¹ Праздник Казанской иконы Божией Матери отмечается дважды в году: 21 июля (8 июля ст. ст.) и 4 ноября (22 октября ст. ст.); праздник Тихвинской иконы Божией Матери — 9 июля (26 июня ст. ст.).

Гнилице¹ о ту пору девки в избы <!> платья к Пророку Илие² шили — тоже нынешние были. Как блеснет молонья, прямо в ту избу гром-то и ударил. Девоч-то опалили, насилу выходили. А вот не работай в святой день Владычицы.

— А изба так и сгорела?

— Не, не попустил Господь, простоквашей да молоком залили, отстояли. Как ударил сполох, бабы-то с молоком как побегут... А огонечки-то синеньки по избе-то так и бегают, так и бегают... После что собак да ребят набезало! Молока-то много разлили, так все тут пили. А всё не попустил Христос, только пострадал маленько!

— А простокваша тут при чём?

— А при том, что грозу простоквашей да молоком зальешь, а водой ни-ни. Вот еще творогом закидывать можно.

— А теперь как же, работают в Казанскую?

Федоровна машет рукой:

— И-и! Какое тут! Одно сказать — одолели хвостатые! Тогда спужались, ну а хвостатые и на душу влезут, не только что в щелоцку, на то и хвостатые.

— Вот и правду сказать, Федоровна, — подхватывает Хавронья, — уж коли Бог пострадает, так уж тому и след быть. А вот коли человек, того и гляди греха наберется. Я дельце-то расскажу, а мне еще, буде милость, чайку кашецку.

Чай наливается.

— В Ременьеве³ было. Жила матка с доцкой, Манькой доцку-то звали. Ну, дело молодое. Парни с девками вецерком-то гулять ходят, а у Маньке-то свой краль был. А матка-то думает: «Отуцу я доцку гулять». Парни-то с девками по трахту мимо погоста ходят. Вот взяла матка простынищу да в простынище и села на погосте на могилу. Как доцка-то поравнялась, как матка-то в простынище выскоит да как загудет: «У-у-у!!!» Краль-то Манькин бежать, чуть портки не потерял, а Манька грянулась óземь, да так и осталась. Сказать вам, сударушки, немой с ты поры осталась и ногами не владела, а годка три после того и Богу душу отдала.

Но я еще прошу Федоровну рассказать про Тихвинскую.

— В Тихвинскую, Петровна, сказала, работать нельзя. Сиди, говори, но нипочем не работай! А тут девки собрались по ягоды идтить. «К обедне, — говорят, — поспеем». — Матка и пусти их: «Идите», — говорит. Ну и пошли. Только это они, знашь, ушли, матка-то стала печьку затоплять. Только это положила она хворосту да огня, как из печи-то фукнет! Зеленый язык, да саженный, с целую овчину, да как залетает по горнице, да как залетает! То там прилипнет, то там... Эдак-эдак и гудёт. Тут-то матка поняла:

¹ Д. Гнилицы около д. Новинки, ниже по Тъме от Кунганова.

² День памяти Святого Пророка Божия Илии — 2 августа (20 июля ст. ст.).

³ Ременево — деревня Торжокского р-на, Высоковское с/п.

согрешила, значит, девок в грех ввела, — ей и ответ держать. И ну творить молитву Владычице. Тольки стала она молитву творить, а язык-то как фукнет, да в печь обратно, да как завоет!

— Ну и что ж?

— Так и улетел. Вот дельце-то какое, матушка!

Вечереет.

Хавронья собирается в путь. За неизменным «Спасибо всем хрещеным» она оправляет клетчатый платок рукою, страшно сведенной ревматизмом, и уносят ее в путь неизменные старческие ходули.

Вот мелькнул еще раз ее платок из-за забора.

Ушла. Далека перед ней дорога. Грязная канава бежит по обе стороны. А за пазухой, рядом с колодой карт, мой двугривенный и заварочка «цайку»... До первого шинка, который покосится на нее своими оскаленными точно глазами... Скучно и противно!

Из-под платка выбилась прядь седых волос и треплется на ветру...

***

Хвостатые! Да и как не завестись хвостатым? Поганых мест вдоволь. Есть водяная мельница, а мельница всегда место нечистое; есть недалеко от плотины бучило, а в бучиле утопленник; в овинах овинщики, в лесах — полесовики, в домах — домовые, да и не перечесть этой нечисти!

Есть в полуверсте от села ультра-поганое место. Это овраг, а в овраге маленькая речонка — Ольшанка,¹ — курам вброд перейти. Трава там не родится, никто там не селится, всякую падаль зарывают там. Кое-где можно встретить лошадиные да еще «чьи-то» кости. Обходи Ольшанку за версту, а если уж перейти надо — осени себя крестным знаменьем. Не любят Ольшанки крестьяне, особливо в ночную пору. Все-таки, оказывается, с хвостатыми можно жить и в мире, особливо с овинщиками да домовыми. Коли хозяин хорош и домового крепким словом не обложит — тогда и домовый хорош, и кони сыты, и во всём порядок. А рассердится домовый — пошла ералашь. В хлеве — невесть что: кормушки пустые, лошади бесятся, в мыле, просто всё ходуном ходит. И как тут ладаном ни окуривай — всё по-пустому, всё равно домовый и сам не уйдет, и хозяину житья не станет.

***

Помню, в первый день моего прибытия сюда меня разглядывали — как какой-то монстр и раритет.

Только вышла на улицу, а старухи и повылезли. Много труда им, наверное, стоило с печи слезть, да как не поглядеть на чудо из Питера?

---

¹ Ольшанка — приток Тьмы, устье вниз по течению от Кунганова.

Вышли древние, в каких-то подоби́ях летников¹ и с чем-то вроде кик² на головах, — совсем из царства берендеев.³

— Ты, — говорят, — питерская, цай?

— Питерская.

— А живешь-то как, комнату али угол снимаешь?

— Нет, — отвечаю, — у меня квартира.

— Слышь, Мавра, квартера, — подталкивают кумушки друг друга.

— А огород-то е?

— Нет, огорода нет. Там улицы, мощеные камнем.

— Слышь ты, камнем!

— А у тебя, може, дом?

— Да нет, квартира, просто квартира, в 3-м этаже!

— Эва, дрянно высоко-то!

— Что мне вам рассказывать про Питер? Вы — люди старые, много видели, вот вы и говорите!

— Эх, матушка! Где нам? В девках ницаво не видали, замуж шли — только детей рожали, а теперь на печи, почитай, дальше пецки-то и ницаво не видим! Где нам! Эх!

А поговорить с ними — и насажут такого. Это ничего, что люди верующие, осеняющие себя кстати и некстати крестным знаменьем, всё это не препятствует им уверять, что «вот те Христос, а Полубабок — ведьма! Сама видала, как на коцере в трубу вылетела». А Федот Гагай, которому счет лет давно потерялся, рассказывает, как одна ведьма на масляной, голая, в мороз, прискакала на черном жеребце, два раза проскакала по селу и умчалась обратно. В это-то время все и видели у нее хвост.

Да мало ли что еще насажут!

***

Неширокая, быстрая речка Тьма. Леса вокруг много, зверя тоже много. Зимой и лоси, и рыси показываются, а волки так прямо по амбарам ночуют. Село больше чем в двести дворов раскинулось на холме над рекою. В селе две церкви в одной ограде,⁴ а вокруг них — погост. Другой погост, гораздо больший, находится на кривом крыле села, почти у околицы — странно близкое соседство!

---

¹ *Летник* — старинная верхняя женская одежда: длинная, сильно расширяющаяся книзу одежда, застегивающаяся до горла.

² *Кика* — древнерусский женский головной убор, род повойника.

³ Берендеи — тюркские кочевые племена в восточноевропейских степях (XI—XIII вв.); здесь имеется в виду «царство добрых берендеев» из пьесы А. Н. Островского «Снегурочка» (1873) и одноименной оперы Н. А. Римского-Корсакова (1881), с успехом шедшей на сцене Мариинского театра.

⁴ Церкви Кунганова: Воскресенская (1820) и Всех Скорбящих (1894—1900) — составляют единый комплекс, руинированы.

Церквей — две; одна, белая, летняя, другая зимняя, из незакрашенного кирпича. Обе над рекой, а под ними с шумом бежит вода, низвергаясь с высокой плотины, особенно если вежи открыты. Тут и вышеупомянутое бучило, тут и омут, а в омуте шулюкон живет. Никто его не видел, пока один мальчонка махонький не нырнул до дна омута. Сидит шулюкон, глаза зеленые, сам серый и вуёт — голосом к себе подвластных хвостатых созывает, весь в тину запутан. И в действительности бучило — странное и тоскливое место. Это не что иное, как яма, в которой со времени вешнего разлива вода так и не пересыхает. Всегда оно покрыто иссиня-зеленой тиной, всегда низко нависают над ним ольхи, до самой воды. Тянет вглубь, даже меня, питерскую, или, как меня особо титуловали, — «самостоятельную». Выше по течению, за мельницей, есть еще одна достопримечательность: маслобойка. Изба как изба, около нее — пристройка. В пристройке огромное деревянное колесо, приводимое в действие лошадьми. Это колесо сообщается с затейливой системой громадных пестов, настоящих стволов, обитых железом, которые ходят в ступах и толкут семя, льняное или конопляное. Семя кипятится, толчется, течет по желобам, — смотришь, готовы и масло, и избоина. А в воздухе стоит тяжелый, терпкий запах.

Тук-тук-тук! — Тук-тук-тук! — говорят песты.

Ж-ж-ж-ж! — шумит вода в вежах.

У-у-у! — гудит шулюкон...

А берега высокие. Там, ниже по течению, они еще выше, там где-то есть и местный Китеж-град.¹

***

Вышла погулять. Села около плотины.

— Ишь, место-то красивое, берега высокие!

— Что за берега, матушка! Вот поглядела бы верст за 18, где самый исток Волги, — вот берега так берега, а намастырей там было прежде видимо-невидимо.

— Кто же жил в этих монастырях?

— А, матушка, жили там чернецы.

— Чернецы?

— Рассказать можно, еще мельник-то когда запускать зерно будет.

Время хватит.

Наверху-то в намастырях жили монахи, а под намастырями — чернецы. Без пищи, без воды жили.

— Как без пищи и воды?

---

¹ Премьера оперы Н. А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии» состоялась в Маринском театре 7 февраля 1907 г.

— Так уж говорят. Вот в ту пору время непокойное было, спастись, вишь, туда приходили бояре. Ну, чтоб скрыться, под наместырем-то проходы тайные были, да прямо к Волге. Намастырей таперь уж нет, а священник какой-то и видит во сне, уж не знаю, кто к нему приходил, — а только сказал: «Собери людей верящих, иди на исток Волги, таку-то версту, и возьми икону». — Ну вот и поехали: и священник, и отцы диаконы. Приезжают — ничаво и нет: берег да берег. Ну, чаво ж тут взять? Домой ехать далече, ну и остались ночевать на берегу.

Только это они заснули, священник-то и слышит гулы, гулы идут. Разбудил это он отцов диаконов — ну и те слышат. Тут уж стало светать. Глядят на берег, а берег-то сыплется, сыплется, сыплется (тут мой рассказчик начертал в воздухе квадрат или что-то ему подобное, а потом ткнул рукой в его середину — дескать, «проход подземный»). Они, значит, туды. Да, видно, был какой-то не дрянно верящий: как только священник рыло-то туды сунул, а проход-то и засыпался. Ну, что ж тут делать?

Обернулись к реке, и видят: чудочко на реке счудилось. Посередине Волги-матушки вода бырко бежит и чтой-то трепещется, а далее-то и не плывет. Стали смотреть, что б такое значило? Подъехали на лодке — видят, образок Знаменья Пр<есвятой> Богородицы, такой старенький, на воде-то и трепещется.

Ну вот и взяли.

Эва, матушка, чаво бывает!

***

— Да ну вас! Какие глупости! Никакого глазу нет, ни во что я не верю!

— Э нет, постой! То у вас в Питере нет, а здесь таки места есть, что проходи мимо только со христовой молитвой, а особо в темную пору лучше подале обходи!

— Ерунда!

— Вот не веришь! А хошь, расскажу про своего покойного батюшку?

Мужчина росту крупного был, плечи — косая сажень, сам из себя степенный такой, самостоятельный. Была у него рыжая кобыла, тоже росту крупного, Вороной звали. Время нерабочее, лошадь-то застоялась, а как проезжать? Все глядеть будут, с глазу что сдеется?

Вот и говорит батюшка: «Поеду-ка я сегодня, как стемнеет, пушай пробежится». — «Что ты, что ты, — говорю я, — куда тебя шулюкон погонит в эдаку ночь? Курам на смех!» — А батюшка-то ругацной дрянно был, меня не послушался. «Чего бояться? — говорит, — что я, детёнок малый?» — Ну и поехал.

Уж потом, много дней спустя, рассказывал, что с ним счудилось, — всё молчал. А когда воротился, приметно сразу было: лошадь вся в пене, так с брюха и каплет.

А было-то вот что.

Поехал эта он, мать ты моя, к Ольшанке. Знаешь, Ольшанка така по дороге в Кожевниково¹ будет, речка, почитай, вся засохла и плесов не видать? Ну, едет, ничаво. Только это он в речку-то въехал, лошадь-то и стала — ни взад, ни вперед. Да и не видать ничаво, хошь пальцем в глаз. «Ах ты, мать ты расчестная! Куда ж это я заехал?»

Вдруг слышит топоток, и видит он, мать ты моя, на вороном жеребце и едет мужичище, плечи — косая сажень, а рожа-то красная — как цыган. Батюшка его и спрашивает: «Скажи, мил человек, как мне в Кунганово попасть?» — А он как захохочет, да так неладно, худо засмеялся. — «Выпрягай, — говорит, — лошадь: только верхом выедешь!»

Батюшка-то сробел, послушался. Хотел слезть с телеги, а не тут-то было: воды-то, кажись, только копыта лошадь замочит, а как стал спускаться с телеги, до дна и достать не может.

«Чтой-то ты, милый человек? Али шуточку шутить со мной хочешь?» — Обернулся — цыгана-то нет, а бежит к нему навстречу собачица, зубы такие страшные, глаза кровавые. А батюшка-то набожный был, в чертовщину не верил, а на этот раз струсил. Хочет сотворить крестное знаменье, а рука-то и не поднимается. Тянул, тянул ее, — кое-как перекрестился. Глядь — собаки-то нет, только по дороге от него шар катится, искры так и сыплются.

Смотрит — стоит в Ольшанке. Выехал это он на горку — не может угадать, како место! Кажись, и Кожевниково на горы, по праву руку-то так Ременьево видать, по леву сторону Нестеровска церковь,² а Кунганова нет! Вот оказия-то какая! Дернул это он лошадь, обернул вокруг, выехал куда попало. Что за черт? Кажись, и Высоково тут, и машина вечерняя едет (тут уж луна взошла), церкви-то нашей не видать, и села тоже. Вертел, вертел — и сам не знает, как на дорогу выехал. А уж как приехал, сразу и говорит: «Распрягай ты, Мавра!» — а сам в избу пошел.

Думаю, чего это ему там надо? А вышло-то: со страху-то батюшку-покойника так пробрало — полны портки всклень!³

Вот, а ты не веришь!

***

— А то было дело так.

Нельзя сказать, что близко, не так, чтоб очень далеко, не теперь, а еще

---

¹ Д. Кожевниково, как и упоминаемое ниже Высокое (не путать со станцией того же названия на железной дороге из Торжка в Ржев), относилась к Кунгановскому приходу.

² Д. Нестерово расположена недалеко от Кунганова вверх по течению Тьмы. Видимо, Троицкая церковь (1819—1830).

³ *Всклень* (о жидкости) — доверха, вровень с краями, полная склянка (СРНГ. Вып. 5. 1970. С. 201).

много раз дед покойный сказывал. Машина у нас не ходила, трахты почтовые тут были, ну а на трахтах не то трактиры, не то постоянные дворы назывались, ну, словом, заведения таки были. Можно было ночевать, и обедать, и ужинать — словом, всё, что спросишь. Вот на таком-то дворе был хозяин, пожилой мужик, а баба у его молодая, сама из себя росту крупного, лицом белая, ну просто кровь с молоком; а силища-то какая! Как схватит берему¹ сена — как лошадь, никакой мужик не угоняется.

Ну вот. Было дело зимой. Кутель така была, морозище, так дом и потрескивает.

Рассказывал-то это деду юродивенький, такой блаженненький человек. Ночевал он о ту пору в том трактире. Вот и гремят колокольцы. Подъезжает тройка, кони — как звери. Стучат. Хозяин встречает. Входят гости в избу. Шубищи с воротниками, шапки глаза закрывают; все трое — молодец к молодцу. А вошли-то, на образа-то не молились, а хозяину и невдомек: у самого, почитай, ни в одной горнице и лика-то Божьего нету. Сам-то, вишь, говорят, и в церковь никогда не бывал.

Ну, пришли, сразу за стол. Шубы не сняли и шапки тоже. А в избе-то жарища, передохнуть нечем. Хозяин-то и говорит: «Что ж, скидавайте одежды!» — А они смеются. «Подайвай, — говорят, — щей, не в одеже толк!» — А убогонькой-то всё глядит (тут он у двери на тулупе валялся): «Что ж такое? Что за люди?» — Вот посидели-посидели, а хозяин опять к ним: «Да что ж, гости дорогие, и впрямь? Аль уж так холодно? Что ж в шубах за столом сидите?» — А они и говорят: «Ладно, разденемся! Только ты сам из-за стола наши одежды вынеси!»

Вот взял хозяин шубы, отнес их на лавку, а убогонькой-то и глядит: что за оказия такая? Кажись, у троих шесть ног, а тут еще что-то болтается?! Глядел — глядел... Мать ты Расчестная! у кажинного из ж...ы хвост висит, да не такой, чтоб как у коровы, а на конце-то кисть.

Вот, мать ты моя!

Стали гости есть, всё чин чином. «Подай, — говорят хозяину, — вина!» — Поставил хозяин три бутылки. Глядит: одну чарку нальет гость, кажись, в бутылке-то еще много, а станет наливать — пустая. Вот оказия-то! Недолго они так сидели. «Подайвай, — говорят, — шубы!» — Так за столом опять и оделись. Заплатили хозяину, и-и, много, и всё золотом.

Встали, не молясь, сели в тройку. Кажись, трое садились, а баба-то и пропала. Как ударили по лошадям, кутель завыла, ни зги не видать, — невидимо, куда и след простыл. Искал-искал хозяин жену, да и не нашел.

Сперва думал, что спугалась, схоронилась где-нибудь. Так тут и всё. А сам-то, мать ты моя, загрузил, загрузил, да через два, либо через три месяца у себя в сарае и повесился на переводе.

Эва какие шүтики бывают на свете.

---

¹ *Беремя* — охапка, вязанка (СРНГ. Вып. 2. 1966. С. 254).

***

Насколько сохранилось язычество в здешних крестьянах? Костры на Ивана Купала не жгут, но масляницу провожают. Делают домик из соломы, где живет Масляница, а на исходе недели жгут его.

Через Ольшанку редко кто пойдет ночью; вот бучила тоже бояться.

Место ровное, деревни далеко видать — где бы, кажется, угнездиться хвостатым? А поищешь, так столько окажется шутиков — уноси ноги!

Но есть места, где ни даже сам шулюкон не рискнет показаться.

Среди поля, верстах в восьми, стоит маленькая часовенка. В часовенке — ключ.

Святыня — небольшая иконка Усекновения Главы Иоанна Предтечи.¹

Вот происхождение этой часовенки.

Жила-была одна набожная старушечка.

Спит она однажды и видит во сне, как идет она по какой-то незнакомой местности и выходит на поляну, тростником поросшую. Тут-то она слышит:

— Поди, возьми меня! Мне сыро и холодно.

Проснулась — пошла. Всё, как во сне. Та же поляна, а на поляне колодезь, в колодеце иконка плавает. Взяла, принесла домой, поставила в божницу. Легла спать — тот же сон. Встала — исчезла иконка. Опять пошла к колодецу. Глядит — плавает иконка. Снова принесла домой. Легла — тот же сон, а наутро опять нет иконки.

Да и продолжалось три раза.

Тогда только поняла старушечка, что на том месте иконка быть хочет, что там надо часовню поставить.

Сказала попу. Люди верующие нашлись — деньги нашлись. Срубили часовенку, расчистили ключ. Ежегодно в день Усекновения Главы туда собирается масса богомольцев, съезжается духовенство, молебны служат.

Местная святыня почитается чудотворной, вода в ключе — целебной. И правда были случаи исцеления. Да, чего не совершит крепкая вера, та вера, что горами ворочает, та вера, что дала Моисею силу извести воду из камня?

***

Был праздник, была обедня, была и я у обедни. Люблю глядеть на покойников: кто спокойно лежит, как покойнику лежать подобает, кто будто глазом подмигивает, кто страшный, а кто и смешной, будто вот улыбается.

Как раз в церкви был покойник, и приятный покойник при этом.

Прихожу домой и говорю:

---

¹ Часовня Иоанна Предтечи (рубеж XIX—XX вв.) находится в д. Маслово.

— Ну и покойник сегодня в церкви! Любо-дорого смотреть! Был, видно, чудак — чудак и в гробу лежит. Такое забавное лицо, точно сейчас прыснет со смеху.

Но меня сразу осадили:

— Нельзя, Пятровна, не вовремя шутки! Никогда не шути по покойнике, пушай лежит, а худо ли, хорошо — его дело.

— Да ведь он мертвый? Что он сделает?

— А вот то и сделает, что на Высоком сделал.

— Покойник? Ну-ка расскажите, а я послушаю.

— Жило семейство: старик, старуха да два сына. Старший-то только что поженился, взял таку молодую да красивую, со своей же деревни. А старик-то после свадьбы недолго прожил, так что-то сдеялось: встал утром — ничаво, а к обеду и помер.

Покойников-то у нас выносят либо в амбар, либо в другую избу.

— В какую другую избу?

— А это дом-то строят на две половины. Одна-то половина с русской печкой, а другая просто чистой называется.

Вот старший сын-то перед свадьбой и говорит: «Вместях-то жить будет не так чтоб очень удобно, а лучше пушай им дадут чистую избу». Ну и решили там поставить печьку. К свадьбе-то всё справили, а тут и старик помер.

Вот его и вынесли в чистую избу. И затеяли разговор такой, что, мол, кто боится покойников, а кто не боится. А сыновья-то и говорят: «Вот пустяки! Да мы не токмо что читать по батюшке не будем, а постелим постельники на пол и сами спать с батюшкой ляжем, и ничаво не случится. Только, — говорят, — matka, стопи печьку. Мы-то ничаво, а вот батюшка неравно зазнобится». — Стало быть, шутили над покойником, а шутить — грех.

Рассердилась старуха, и не токмо рассердилась — испугалась речам таким. «Печьку, — говорит, — топить не буду, делайте, как хотите: нынче с молодыми не сговоришь! А над батюшкой-то не смейтесь!» — А они вытопили печьку и сноху с собой взяли (она тоже из нынешних была), закрыли трубу и легли.

Утром хозяйка и печьку стопила, а те всё не проснутся. Пошла будить, а они лежат все бледные, будто и крови нет, не шелохнутся. Бросилась хозяйка вон из избы, созвала народ. Что ж? Мертвые — мертвые и есть.

Ни властей, ни дохтура не позвали, сказали попу, а поп что? Мертвые и мертвые, да на другой день всех четверых и понесли на погост, заодно с батюшкой. Так четыре гроба и несли по селу. А и слез-то было!

Вот, мать ты моя, погост-то у нас на краю села, избушки-то почитай в край ограды упираются. Вот легли те крайские спать, а поутру и бегут к священнику: «Кормилец-отец, чавой-то на погосте случылось! Мы-то ночью не смели будить тебя, а сами не спали вовсе». — «А что случилось?» — спро-

сил батюшка. — «Да всю ночь, кормилец, много голосов на погосте слышалось, быдто с-под земли. Страшными голосами стонали да охали. А к свету всё затихло».

Батюшка-то побледнел, скорей послал за властями на станцию. Приказали разрывать могилы новые. Открыли старика — лежит как лежал, а в трех-то гробах и не рассказать что! Живых, матушка, похоронили, только угоревши они были, обмерши, значит. В гробах перевернулись, пальцы отъели, языки и губы искушали.

— А как же? Что же власти?

— Да ничаво. Что ж власти? Видели, что мертвые, уж теперь не воротишь! Так и закопали.

— А поп?

— А поп ничаво. Его дело — отпеть, а рази он дохтур? Закопали. А старуха-то умом помешалась и сама скоро легла пятая. Вот ужаси какие, необразованные мы люди!

***

Раннее утро проспать в деревне — грех, прямо грех! Самое красивое, самое лучезарное — это утро. На ветках, на былинках роса, а грудь глубоко вдыхает вольный воздух. Легкий холодок пощипывает, но скоро к нему привыкаешь. Вот раздается пастуший рожок вдалеке, вот ближе, ближе. Слышно, как отодвигаются засовы хлевов, и буренки и камлехи с радостным мычанием подставляют свои спины под косые еще лучи бога Ярилы. Щелканье бича, мычание и клубы пыли — и стадо исчезает из глаз за поворотом дороги. Минута — и снова оно показалось, но уж по ту сторону лощины, и выделяется, точно куски охры и киновари на паровой пашне. Маленькая телка-упрямица вскачь несется домой: не хочет гулять: видно, овода боится или что с нею случилось.

А на смену ушедшему стаду является другое. Гремя колокольцами, на улицу влетает табун — это лошади возвращаются из ночного — с пастушни. С гиком и свистом несутся лихие наездники и даже наездницы — мальчуганы и девчонки, с всклокоченными волосами, с загорелыми ногами, которые непроизвольно дрыгают при особенно вычурных антраша, выделяемых лошадьми.

Наши лошади ходят в ночное с крестьянскими. Вот они, в полном составе, и Андрейка-пастух на Мальке, с широкой улыбкой, делающей еще шире его необъятные скулы, в предвкушении лакомого куска, которым его часто потчует Федоровна. Маленький наездник, на ходу передав лошадей, тотчас пускается наутек.

— Что, благополучно на пастушне? — спрашиваю.

А он издали кричит:

— Сегодня-то хорошо, а вот опосля сказывать буду, как в ночное приду вести, а сичас неколи, матка ждет — осерчает! — и он машет коричневой рукою.

***

Сижу на завалинке. Рядом Андрейка усердно лушит подсолнухи и вполне корректно сплевывает в сторону. Курю.

— А мы на пастушне тоже курим, — заявляет Андрейка, — олешник¹ курим, листья от олешника свернем и курим от комаров, дрянно помогает.

— А не страшно тебе на пастушне?

— Чаво ж? Ребят много, девки тоже ходят. Чаво ж? Постелим полости, а не то шалаши устроим, картошку в котелке варим, а не то в золе пекём — в золе вкуснее. А потом два, либо три мужика пасут всю ночь, а мы спим. А случается, и напугает полесовик!

— А какой он, полесовик-то?

— Такой полесовик! Вот в омуте шулюкон живет, в овине — овинщик, во дворах — домовый есть, а то полесовик. Я-то сам не видал, а ребята сказывают. А как коней полохает! Разбегутся — и на другой день не найдешь!

Вот намедни Петька Бешенцев, да Петька Антонов, да Арсешка Шурухин — вот наполохались! Ночь-то темная, только и видать, что у костра. Ну, коли белая лошадь, то заметно, а так — хоть пальцем в глаз. Вот лежим, и девчонки, и мы, ребята (девок-то в середку положим: бояться дрянно). И слышим: пошел гоготок по лесу, будто кто и в ладоши хлопает, а не то смеется. Только кони все разом всполыхнулись, и все врозь. Где их искать? А Петька Бешенцев, почитай, самого шулюкона не боится. Сейчас на Попа, с ним Ванька Филиппа Восипова. Лошади так и остропилилися. Ну а эти ребята ничаво не бояться, так опоясали их путами — только и видели.

Думали, сейчас и вернутся.

Ждем-ждем — всё нет. Так до утра и не приехали. Мы сами, ребята, спугались. «Что, дядя Иван, ведь искать надо! Не счудил ли с ими шутик чаво?» — Пошли. Долго плутали. Только слышим, будто где тихохонько лошадь ржет. Пошли. Всё лучше слышать. А кустовье такое — не продраться! Тут-то мы на их, голубчиков, и напали. Стоят эти, знашь, кони-то, обратаны обратями из соломы, рыло к задней ноге притянуто, а Ванька с Петькой путами связаны, за осину и заболтаны. Сами-то ни дать ни взять ровно обмерли. Стали спрашивать — только трясутся. Да и лошади-то напужавшись, те — как вымытые <?>.

А было-то так. Выехали Петька с Ванькой к лесу, тут-то и видят, как лапы из лесу к ним всё и тянутся, да всё еловые, длинные — так и лошадей не свернуть, никак не собразиться.

---

¹ Олешник — ольха, ольшаник (СРНГ. Вып. 23. 1987. С. 187).

Ну, полесовики-то тут и вышли. Глаза-то ясные, сами-то как деревья, и схватили ребят-то и счудили штучку. Так вот теперь не поедут Ванька с Петькой. Не поспей мы вовремя — задохнулись бы. А то, вишь, какие деловые были: ничаво не бояться!

***

Мерно бьет на колокольне двенадцать. — То сторож часы отбивает, ведь уж август, темно.

А на дворе — непогодица, ветер воеет, дождь барабанит в окна. Вьюшка в трубе пощелкивает заунывно, точно кто всхлипывает. Не залез ли в трубу шутик, не запоздалый ли «хвостатый» угнездился в трубе?

Кажется, в такую непогоду собаку жаль на улицу выгнать.

А у лежанки тепло. Сидим на полу. За стеной кто-то самосильно похрапывает. Федоровна поковыривает кочергой в печке, а я просто сижу: ветер мозг из головы выдул, никакой мысли, просто какое-то оцепенение.

Вот из этого-то оцепенения меня и выводит подорванный стон колокола, и невольно вырывается вопрос:

— А жутко, верно, сторожу в такую поздень на погост ходить звонить?

— А Бог его знает, — отвечает Федоровна, — а вот, коли на то пошло, хошь, расскажу про сторожа, только не про этого, а я тогда еще была молодая.

Ну, конечно, и ушки на макушке, — вся превращаюсь в слух.

Колокол отзвонил, сторож, видимо, уже ушел восвояси, должно быть, в эту минуту залезает на печку, благо, ничего не попритчилось. А Федоровна помешивает горячие угольки.

Вот вылетает искорка — прямо на платье. Она гасит ее голой рукой, потом утирает нос указательным пальцем и начинает.

— О ту пору я еще молодая была, давно было. Дьяконище у нас был — прямо дуб. А фортовый какой! Подрячник-то с муаровыми отворотами, воротничок трахмаловый, а летом носил всегда большую соломенную шляпу. Ну и ни во что такое не верил, всегда потешался над сторожем, а сторож-то трусливый был, страсть боялся упокойников! Вот и привезли из какой-то деревни удулленника хоронить. А долговолосый-то поп наш и говорит: «Против правила поступать не буду, самоубивцев отпевать не стану. — Хороните как знаете».

Ну, чаво тут делать? Простоял покойник ночь в притворе, а другим утром и похоронили коло церкви.

А сторож-то дрянно любопытный был, нагляделся на покойника, а как пора пришла звонить-то, на него страх и напал. Куда ни поглядит — всё ему удулленник и мерещится. Ну, а иттить надо. Вот и вошел он, знашь, в ограду.

Только это он хотел протянуть руку к проволоке (звонят-то у нас — не поднимаются, а снизу проведена проволока-то, это, слышь, если пожар, так сполох звонить), только это он руку-то протянул, слышит — кто-то от реки поднимается. Так это его морозом по спине продрало... Сам-то он себе и говорит: «Видно, Манька Шурухина за водой ходила. Неохота с подрывины по камням подниматься, так и идет через ограду».

Только это он подумал, — а идет-то не Манька, а сам удавленник, так и прёт на него. Подошел это поближе да как завоет, да таким худым голосом. Ну, а сторож-то, ни жив ни мертв, перекрестился. Тут как загудёт, да мимо него шаром как прокатилось, как загудело, — так он оземь и грянулся, не мог на ногах состоять. Ну а потом встал кое-как, смотрит — ничаво. Уж и сам не знает, как до дому добрался.

Забрался на печь, а наутро и не встает. Тут жена пошла к отцу диакону, говорит: «Приди, кормилец: чавой-то с Максимом счудилось! Лежит на печке, глаза в потолок вылупил». — Пришел диакон, стал расспрашивать, а Максим-то ему всё и сказал.

«Не пойду, — говорит, — сегодня ночью звонить нипочем!» — «Чего ты, дурак! Тебе погрезилось! Видно, хватил за ужином-то! Ничего ведь такого не бывает». — А Максим: не пойду да и не пойду! — «Что ж, коли так, — говорит отец диакон, — ну, отзвоню я, меня никто не спугает».

Вот ты, мать моя, потом он уж рассказывал: «Хоть не верю я, — говорит, — ни во что такое, а как бы ноги ослабли, как вошел в ограду». — И только он хотел прозвонить, а он-то тут как тут!

— Да кто?

— Да удавленник-то! (Федоровна даже кочергу из рук выпустила). Идет это, знашь, синий такой, язык-то это набок болтается. Ну потом — как с Максимом, мимо шаром прокатился, а вихорь-то такой поднялся, шляпу-то с отца диакона снесло, самого-то закутило — даром что божьих дел лицо, — завертело, гулы, знашь, таки пошли. Шляпу-то после искал-искал, да так и не нашел — Бог весть куды девалась.

Ну тогда и поверил, перестал над Максимом смеяться.

— И долго еще пугал удавленник?

— Зачем! Потом-то попу сказали, так он сорокоуст по нем служил. Так, веришь ли, Пятровна, до шести недель, как ночь, так и стонет, да таким жалостным голосом, — это душа-то ему маялась, — ну а потом и затих.

— А с вами-то, бабушка, случилось что-нибудь?

— Как не случилось, Пятровна!

Был такой случай. Поехали это мы с работницей — Катериной работницу-то звали — на Сидриху, лен таскать. Лошадь така здоровенная была, бывало, воз витой везет, как напорознях.

Ну, таскали-таскали — край всё далеко, а солнышко низко. Неохота была на другой день приезжать. «Давай, — говорю, — дотаскаем уж». — «Ну так что ж, — говорит, — дотаскаем». — А уж лен-то когда таскают —

время темное, осень. Стали это лошадь закладывать — ничаво и не видать. А проезжать-то надо той же поганой Ольшанкой.

Поехали. Только это, как уж выезжать на Каминскую дорогу-то надо, тут вдоль Ольшанки-то олешник растет невысоконыйкий и кочки таки, знашь. Лошадь-то ходко идет. Вдруг это моя работница и говорит: «Смотри, никак баран!» — Да баран и есть. Гляжу это я — и правда барашек, да беленький, кудрявенький такой, стоит на кочке. А Катерина-то мне и говорит: «Возьмем, что ль, его на телегу? Видно, отстал от стада». — «Что ж, возьмем!» — говорю. Сама это лошадь держу на вожжах, а Катерина за барашком пошла. Подходит к телеге, уж с бараном-то, а кобыла-то как зафырчит — невесть что с кобылой сдеялось! Катерина-то хочет барана в телегу положить — а силушки-то и нету, дрянно баран-то тяжелый. Всё же положила и сама села.

Ну, Пятровна, тут опять чудочко-то и счудилось. Лошадь-то по худой дороге витой воз везет, как ни попало, а тут едва шагает, сипит, храпит, а пена с поджилок так наземь и падает. Дело неладно. Глядим на барашка, а глаза-то у него зеленые такие, смотрит, как человек, будго и рыло кривит, улыбаться хочет. Вот Катерина его и погладила и говорит: «Башка, башка!» — А баран-то, мать ты моя, как оскалит зубы да как заблеет — так худо заблеял, да с телеги долой, да в лес — тут только его и видели.

— Что ж потом?

— А потом и лошадь опять легко пошла, и не сипит, и пена не каплет. Так и приехали домой.

— А барашка-то никто больше не видел?

— Видали, да не брали. Говорят — шутик это, а мы не знали. Кабы довели до дому — лошадь непременно бы сдохла.

Только уж с тех пор никогда так поздно не оставались.

***

— А как же вы ночью за кормом ходите, и в гумно, и в овин? Ведь темно, неравно какой сполох приключится?

— Вот и ходим, и топим. Так разве не случается чаво? Разве не видится чаво?

Опять же мой батюшка-покойник. Пошел это он, знашь, тепленку¹ разводить. Ну, наложил плах в ямнике, провел одну тепленку, наложил другую. Плахи-то с сыринкой были, дыму-то полна яма набралась; голове больно, глазам горько, ну и прилег батюшка наземь, в ямнике-то. Лежит это он и глядит: чаво ж то по углам шевелится? Смотрит — в кажинном углу по человеку сидит. Кафтаны серые, волосы лохматые, тоже серые, бородища — а лица нет. Сидят люди-то эти, у кажинного в руках палка. Концы-то

---

¹ *Тепленка* — огонь, разведенный под овином для сушки снопов (СРНГ. Вып. 44. 2011. С. 49).

палки они поджигают да к потолку и прикладывают, а по потолку-то так искоренки и бегают — того и гляди загорится.

— Так кто же это был, бабушка?

— Овинщики, милая, овинщики таки есть, в кажинном овине живут. Вот, если хозяин разведет тепленку, не помолясь, — непременно сожгут, а так сами-то они добрые, никому зла не делают.

— А батюшка-то ваш что ж?

— А в кажинном ямнике-то ведрце с водой стоит и палка всегда есть — на конце тряпка намотана. Как увидишь, что искоренка на потолке заиграет, так и надо сейчас водой примочить. Ну, батюшка-то провел одну тепленку, наложил другую, разжег ее, и так ему есть захотелось. «Ничаво, — говорит, — авось не загорится!» — Дрова-то этак тихонько горят. Ну и пошел домой, попросил поесть, поужинать. Подала я ему, а ему щи-то в горло и не идут. — «Нет уж, — говорит, — пойду! Как быдто сердце меня призывает!» — Пошел. И тольки, знашь, стал спускаться, а кто-то его и хватъ за голенище да таким глухим голосом и говорит: «Вовремя, вовремя».

Батюшка-то, покойник, испугался, хотел, знашь, выскочить обратно, — да нет, так и тянет вниз. Слез и видит: дрова-то разгорелись, на потолке-то искоренки так и бегают, а овинщики-то сидят, да только не прижигают, а водичей примачивают, зла-то не хотят сделать, потому со Христовой молитвой покойный батюшка завсегда тепленку разводил. Так, слава Христу Небёсному, и не загорелось. А пока щи хлебал, так вот они ему в горло и не шли, и всё быдто кто звал его.

— Ой, бабушка, а я бы уж второй раз не пошла на месте вашего покойного батюшки!

— Что ж не идти? Все знают овинщиков, все видели.

— А вам-то приходилось?

— Спаси Христос, я бы нипочем не пошла, кабы такого безрылого увидела!

— Так ведь приходилось же вам самой топить?

— Ну так я всегда с покойным Фляем (собака) ходила. Спускаюсь это в ямник — и он, кормилец, за мной. Ляжет это около меня, глазами так умно смотрит, а то вдруг и заворчит куда-то в угол. А видать — ничаво не видела.

Наступает пауза. Федоровна «бывто» дремлет, носом клюет, но уж, видимо, стих такой сегодня вышел, вдруг она меня и спрашивает:

— А ведь никак сегодня суббота родительская?

— Да, право, не знаю.

— Не знаешь? Ай, великий день-то! Завсегда в этот день поминать родителей надо. А мы-то, грешные, не токмо что помянуть — забыли, когда и родительская бывает.

— Так дома, как вспомните, и помолитесь.

— Нет, дома не то: панафиды служить надо, а то душеньки-то их так муцатся, так муцатся — беда. Покойная Марфа Пятровна сама видела.

— Что видела-то?

— А вот. Покос-то дождливый такой был, сено-то чуть не на печи сушили. Ну, а тут и пришла родительская. Где бы в церковь, а мы на покос: день-то дрянно солнечный был. Накосили это мы с Марфой Пятровной, поконицей, сена — на четырех лошадях не свезти нипочем, а приехали-то на пары. Знашь, косили-то на Местеровом, коло Баласова леса, тут, близко. Нельзя же сено-то оставлять! Навили это два воза; ну, Марфа и поехала, а я-то сию-стерегу, значит. Вот едет она, мать ты моя, к погосту подъезжает (едет-то на своем, на битюге, значит, а наша-то сзадю привязана). Ну, лошади умаявшись, насили прут. А время-то опосля коров было. Только это она к погосту-то подкатила — видит: чаво ж такое? Быдто бы свечки на могилах зажглись кое-где. Ну, а она подумала: «Чаво ж такое? Видно, кто-либо к обедне-то не попал, вецерком-то и приехал али пришел». Ан нет! Глядит это — по погосту-то ходят, да не люди живые, а упокойники, да все в белом, рыла-то все видать — в саванах. Так-то жалобно плачут, да всё голосом, прищитывают. А потом и пошли потихоньку к реке. А лошадь-то, Пятровна, так и бьется. Вот страхота-то какая! Ну, а она-то и не может ехать далее-то, до того напужалась. Да обратно ко мне и приехала. А я о ту пору маленько вздремнула, ну а как телеги-то загромыхали, так и обоснулась. Вижу — Марфа. «Ой, — говорит, — Федоровна, ницаво ты не знаешь? Я тебе скажу, что на погосте-то видела!»

И рассказала мне, как было. А я-то смолоду дрянно труслива была — боюсь домой-то ехать. А ночевать-то как тут? Всё ж поехали и сена два воза оставили, по кустоцкам, знашь, пораскидали. Как стали это к погосту-то мы подъезжать, уж Марфа-то не знаю, а у самой поджилки-то так и трясутся, и кони-то, знашь, напугавшись, тоже боятся. Ну, а проехали-то ничаво, всё уж тихо стало.

***

А то не сказывала я тебе николи про Максимова деда? Того Максима, что с удавленником-то стыкнулся? Нет? Тоже церковным сторожем был, так уж, по сродству. Вот случай так случай был, почище упокойников будет!

Не в нашей церкви, а верст за двадцать отсюда будет. Хотели обокрасть эту церкву замышленники худые. Не то чтоб богата была, ну а так понабрать кой-чего смогли бы. Как раз крест новый священнику-то тогды привезли, не на шее, знашь, который, а к которому прикладываются на молебнах-то. Ну, а ясный такой, с камнями. Вот и хотели обобрать, да случай такой не вышел: кто-то мимо проходил, что ли, так одного-то поймали, а другие-то неведомо куды скрылись. Только с тех пор положили в церкви-то караулить по ночам. А дед-то Максима (мужик он честный был, прямой такой) — вот сторожем-то и был в той церкви. Прошло уж много годов —

може, никто бы и не пошел воровать. — А дед-то Максимов всё сторожит по ночам.

Зимой как раз это было. Как-то в субботу и привезли упокойника и говорят священнику: «Дрянно везти-то далече, так уж мы с кануна приехали, а то кутель така — завтра к утру и дороги не найти, пожалуй». — Ну и оставили гроб-то в церкви, значит. Ну, гроб закрытый, поверх покров лежит. А дед-то Максимов уж до того привык к ним, что хоть тут дюжину упокойников — и то нипочем.

Вот сторож-то сидит коло пещки, коцережкой поковыривает. Так всё тихо-тихо. Вот и чудится Максиму-то деду, быдто по ограде на дровнях разъезжают, полозья-то этак скрипят. — Что за оказия така? — Вот и хотел он в окошко посмотреть.

Только это он голову-то повернул — глядь, а на гробе крышка уж поперек, а упокойник-то сидит, живой как живой. Ну, на другого бы человека, Пятровна, — нараз умом бы порешился, а этот дрянно несумнительный был, так это его мороз по коже подрал, а сразу сообразил, чавой тут такое, ну и сидит — дожидает, а сам-то коцережку-то на огне оставил. Смотрит — слезает упокойник-то, да прямо к нему. Идет этак, рыло-то тако чудное скорчил, руки-то протянул, пальцы-то как когти вскрючил, глаза выголил, зубы оскрабил — прямо на него и прет. А сторож-то, дед-то Максимов, хоть бы что: понимает, в чем штучка-то тут. Как это он, упокойник-то, поближе-то подошел, да прямо его за горло и хочет схватить, а он, сердешный, уж, верно, не знал, что тут сделать, а схватил коцережку из огня да как в рыло-то его торнет! Как упокойник-то заорет! А он и давай его во все места прижигать. Коцерага-то каленая, это, знашь, как он тыкнет, так одежина-то и клеится. Думал — до смерти его изувечит, а вдруг и слышит — в двери-то стучат. Подошел это он к двери, а там его и спрашивают: «Готово?» — А он не сробел: «Готово, — говорит тоже, (потихоньку, слышь, чтоб голоса-то не узнать), — только ключи куда-то схоронил — не найду никак!»

Тут-то он сдогадался!

Ноги-то трясутся, зубы-то так и стучат. Сам-то скорей на колокольню, сполох и зазвонил. Ну, само собой, народу видимо-невидимо набежало. Все это спрашивают: чаво да чаво, да чаво ж тако сдудилось?

А ён, кормилец, с колокольни-то кричит: «Держите, люди добрые! Тута в ограде двои не то трои убивцев схоронившись, а третей-то у меня, в храме Божием. Только что я его без умышления уходил никак! Только я туда спускаться не буду (это в храм-то), може, ён еще не совсем — как раз меня укокошит!»

Ну, народ двери-то выломал, вошли. А тот, упокойник-то, уж совсем кончается, глаза повытекли, рыло сожженное.

А идет к ним навстречу старичок седенький. Глядят — сторож ведь! А еще намеднись воронные были волоса-то — это он со страху-то сивым стал.

Ну а упокойник тот помер.

— А остальных поймали?

— Не, как сполох слышали, так и уехали — и след простыл.

Эва, поди, далеко до шулюкона, а всё поганые замышленники. Эко зло затеяли, даром, что в храме Божиим, только не попустил Христос Небёсный!

ФОЛЬКЛОРНЫЕ И ДИАЛЕКТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КИМРСКОГО КРАЯ

Даже самый незначительный локус способен породить целый пласт фольклорных текстов, накрепко спаянных временем, местом и прочими общностями. С течением лет изменяются представления о крае, но ключевые особенности локального текста (тем, чем «дышит» эта территория) — проникают в последующие и последующие письменные и устные источники. На примере города Кимры и Кимрского района можно проследить изменения в самоопределении жителей, понаблюдать за основными темами, связанными с этим местом, наконец, заглянуть в сокровищницу народной мудрости. Чем исторически известны Кимры? Сапожным промыслом, ярмарками, железнодорожным сообщением с Москвой, чудным названием (по этому поводу не утихают споры краеведов, но окончательного мнения нет). Очевидно, что это становится скелетом к определению «кимрского текста». А что с диалектом?

Существует считанное количество источников, посвященных именно кимрским диалектам (стоит упомянуть, что кимрский диалект, рассматриваемый нами в данном разделе, не имеет ничего общего с «кимрским диалектом валлийского языка», на который указывает ряд источников в Интернете), пословицам, поговоркам и частушкам, связанным с этим краем. Это статья «Кимрские диалекты» Л. И. Виноградовой, фольклорные материалы, собранные студентами филологического факультета ТвГУ¹, пословицы из собрания В. И. Даля, публикации А. Боброва, А. П. Субботина, Е. П. Иванова и некоторые другие.

С течением лет память о говорах стирается, всё труднее выделить особенности языка, бывшего в употреблении еще век или даже полвека назад. Сейчас пословицы, приведенные в сборнике В. И. Даля, теряют большую часть актуальности, выглядят скорее как занятный анахронизм: «Кимряки — летом штукатуры, зимой чеботари»; «Кимряки — сычужники (*от блюда: свиной сычуг с кашей*)»². Даль отмечает «сапожную душу» края: *чеботарь* означает 'сапожник'. И — вокруг сапожного промысла, так или иначе, крутится большинство найденных материалов. Так, в «Вышневолоцком историко-краеведческом альманахе „ВИКА“» приведена следующая поговорка:

---

¹ Кимры в частушках // Город Кимры в художественной литературе и публицистике / Сост. Л. Н. Скаковская, А. М. Бойников. Тверь: Элитон, 2012. («Малые города России в художественной литературе и публицистике: Тверская область»). С. 134—135.

² Пословицы русского народа: Сборник В. И. Даля: В 3 т. Т. 2. М.: Русская книга, 1993. С. 27.

«Кимряки-сапожники <...> требуху в кувшине варят, шильце в руках, а щетинка в зубах и живут от субботы до субботы»¹. Получается — от торгового дня до торгового дня. Ярмарки — это неотъемлемая часть кимрской жизни.

В период массового производства кимрскими кустарями халтурной обуви появляется поговорка, попавшая в книгу А. П. Субботина «Волга и волгари» (псевдонимом *Волгарь*, кстати, нередко подписывали жители Кимр свои материалы в местных газетах в начале XX в.): «Кимряки свои сапоги на лапти променяли»². В поговорке слышится намек и на собственно халтуру (обувь с картонными подметками), и на смену промысла — из-за своеобразной «славы» спрос на кимрскую обувь падал.

В этом же ряду и «острословицы», собранные Е. П. Ивановым в «Метком московском слове»: «Кимряк из глины сапоги слепит!»; «Кимрские сапожки, что головки, что ушки — обрядные да нарядные. В гости за три версты в них пошел, обернулся, он босиком вернулся!»; «Береги сапог кимрский от воды — наживешь беды. А как так? Да на грамотках они, на бумагах шиты — от воды размокнет, а от солнышка усохнет!»; «Сапоги — политурка: в подметке штукатурка, сахарная бумажка и мучной глянec. Хорош товарец!»³

Как видим, фольклористы подмечают и умение кимряков («из глины сапоги слепит»), и сложившийся стереотип («на бумагах шиты»). Важно отметить, что источником «острословиц» стали московские сапожники — конкуренты кимрских кустарей.

Ценный материал, мини-словарь, связанный с сапожным производством, приводит Л. И. Виноградова: *шпандырь, липка, шмухты, гладилка, заготовка, обсоюзка, илénка* и т. п. — к сожалению, без расшифровки значений⁴.

28 июля 2013 г. в Кимрах автор статьи встретился с потомственным кустарем, сапожником пятого разряда В. Н. Степановым (родился в д. Ваулино Кимрского р-на, 74 года) и записал словарик сапожной лексики, сохраненный в его памяти: «Колодка, стелька, задник, крючок, шило, заготовка, каблук, рант (узкий кожаный ремешок, путем прошивки скрепляет заготовку с подошвой. — *В. К.*), — перечислял сапожник, — токмачик — инструмент, его накаливают и глажением распрямляют морщины на коже заготовки. Щучки — затяжки (тут В. Н. Степанов продемонстрировал работу щучек: он поднес к готовому ботинку инструмент и поступательным движением показал, как кожа натягивается на колодку. — *В. К.*). Дратва — толстые просмоленные нитки. Ее еще используют с щетиной — конским воло-

---

¹ Город Кимры в художественной литературе и публицистике... С. 132.

² *Субботин А. П.* «Кимряки свои сапоги...» // Город Кимры в художественной литературе и публицистике... С. 132.

³ *Иванов Е. П.* Меткое московское слово. М.: Московский рабочий, 1989. С. 269.

⁴ *Виноградова Л. И.* Кимрские диалекты // Коллективная жизнь. 1952. 28 мая. С. 3.

сом, скрепляют ими подошву и заготовку, верх обуви к подошве приделывают. Вначале щетину с одного конца расщепляют и сплетают, связывают с дратвой, щетинки просовывают в отверстие, проделанное шилом, и связывают заготовку с подошвой».

В. Н. Степанову мы задали вопрос о значении слов, приведенных Л. И. Виноградовой. Вот его ответ: «*Шпандырь* — что-то вроде ремня, который удерживает обувь с помощью ноги. *Липка* — на чем сидит сапожник, кожей обычно была покрыта. *Гладилка* — для разглаживания заготовок. *Обсоюзка* — это больше портняжная вещь, край какой-то простроченный, не знаю точно, помню только „союзка“, „союзка“ всё говорили». Значений слов *шмухты* и *илёнка* сапожник не знал.

Богаты и кимрские бытовые говоры, и если сейчас неправильности в произношении практически стерлись вследствие повсеместного распространения литературного языка, то в 1952 г. Л. И. Виноградовой зафиксировала показательную подборку характерных особенностей кимрских говоров: «...„оканье“ (сохранение в предударном слоге гласного „о“ при произношении; употребляется во владими́ро-поволжской группе, к которой относятся и кимрские говоры. — В. К.), т.е. порядок, хозя́ва (в литературном произношении паря́док). О произносится и в тех словах, в которых в древнерусском языке произносилось о, а современной орфографией узаконено написание с а: розби́лас, робо́та, зобо́та, робя́ты, кропи́ва. В Романовском сельсовете встречается произношение о на месте а: стока́н, бо́ран, то́релка.

Характерным является произношение в слоге перед ударением гласного *ё* в соответствии с орфографическим *е*: *вёсна*, *тёпло*, *мётла*. В Романове отмечается *ё* в слогах с ударением *мнё*, *полё*, и *дитё синёет*.

В Губин-Угольском, Троице-Кочкинском, Титовском и Ильинском сельсоветах под ударением на месте гласного *е* перед следующими мягкими согласными произносится звук *и*: *двирь*, *виник*, *пичка*, *диник*, *лий*, *соловий*.

В начале слова во втором слоге до ударения на месте *о* произносится *у*, т. е. говорят: *угорот* (огород), *удеяло*, *утойди*.

Граница со среднерусскими диалектами, кимрские говоры восприняли от них произношение *т* и *д* на месте мягких *к* и *г*, например: *рути*, *тино*, *ноди*, *тимра*, *саподи* и т. д.»¹

Как видим, за исключением этих особенностей, морфологически кимрские говоры близки нормам литературного языка. Оканье до сих пор сохраняется в местной среде, но всё реже в серьезных разговорах — скорее в шутках (даже в среде молодежи!), в стремлении подчеркнуть «русский говор», под которым в кимрском крае негласно подразумевается именно оканье.

Исчезли или исчезают из употребления «формы родительного падежа на *е*: *у сестре*, *без родне*, дательного — *рукам*, *ногам*; именительного падежа на *ы*: *брёвны*, *стёклы*, *робяты*, *теляты*, *поросыты*». В формах склонений

---

¹ Там же. С. 2, 3.

местоимений и прилагательных исследователь находит куда больше отклонений от литературного русского языка: «мое, свое, моих, своих, моем; ут плохех, к плохем, худэми, в худэх, худых, красных. В говоре сохранились старые формы кратких прилагательных — мы сыти, богати, ради». Отметим приведенные Л. И. Виноградовой объединенные окончания I и II спряжений, употребленных в формах I спряжения: «ходят, видют, любют, носюцца»¹. Отголоски подобных форм до сих пор встречаются в языке: *ходят, носюцца, встречаюцца* и пр.

Л. И. Виноградова пишет: «Из севернорусских слов в говоре бытуют: завор (проезд в изгороди, закрываемый жердями), нетель (корова, не принесшая приплода), коленка (корова, отелившаяся по второму году), овин, гувно (диалектическая форма слова *гумно*. — В. К.), коровяк (белый гриб) и др.

В говоре еще продолжает сохраняться большое количество слов, обозначающих видовые понятия, например, названия лошади по возрасту — сосунок, стригун (на моей памяти в детстве вместо *стригуна* молодую лошадь называли *стригунком* — это название сохраняется и по сей день. — В. К.), лощачок (лошадь 2-х лет), боронка (лошадь по 3-му году), названия земельных угодий: челизна (непаханное поле), залог (заброшенная пашня), овсище, клеверище, ржанище, льнянице, стлище (название угодий по их использованию), звёно, плёса (участки земли в огороде, занятые различными культурами)»².

Вывод Л. И. Виноградовой: «современные диалекты являются исчезающей категорией» — вполне уместен. Год от года уменьшается число носителей кимрских говоров, частушки, профессионализмы, пословицы и поговорки становятся менее понятными подрастающему поколению, как, скажем, пословица «Кимряк лучше не доест, но нарядится»³. Место кимрского диалекта занимает литературный язык.

Одну из фольклорно-этнографических экспедиций в Кимрский район следует отметить особо. Ее возглавляла руководитель народного фольклорно-этнографического ансамбля «Межа» И. Н. Некрасова. Результаты экспедиции были частично опубликованы в статье, посвященной голузинской кадрили. В статье рассказывается о проявлениях мужского приоритета в кадрили — традиционного элемента местных празднеств. Интересны воспоминания старшего поколения (открывающие статью) о том, «как раньше гуляли»: «Летом ходили на „плешку“ — площадку на берегу реки: „там и плясали, там и пели, там и танцевали, и влюблялись, всё там...“ В осенне-зимний период каждое воскресенье, а также в праздники беседы проводили в избах. Пост же строго соблюдали, хотя и „старалис в украдку где-нибудь

---

¹ Там же. С. 3.

² Там же.

³ Бобров А. «Кимряк лучше не доест...» // Литературная гостиная: Приложение к газете «Кимрская общественная газета». 2012. № 3. С. 2.

спеть песинку или чиво...»¹

Интересны свидетельства, записанные нами в августе 2013 г. у жителя Кимр С. А. Беляева, родившегося в районе города под названием Чернигово (ранее здесь располагалась деревня с таким названием). Некоторые черниговские (микротопонимические) диалектические особенности дополняют представление о фольклорных богатствах кимрского края. Среди особенностей произношения С. А. Беляев отмечает: «„угурцы“ — так говорят некоторые бабки»; «„хороняют“ вместо „хоронят“», «„суп третёвышний“ (три дня стоял) — такое тоже слышал», «у меня бабка всегда говорит вместо „четверг“ — „четверег“», «еще вспомнил интересное выражение наше, черниговское — „позастенё“ (вдоль стены). Я когда-то в сочинении написал его в пятом классе — учительница не поняла. А у нас так многие говорили. Правда, как правильно пишется — не знаю. Не то слитно, не то раздельно»².

Частушки, собранные студентами ТвГУ во время летних экспедиций в Кимрский район, подтверждают: профессиональной принадлежности Кимр как сапожного села, вообще локальных признаков, кроме географических, в них нет.

Однако топонимические особенности в частушках представляют немалую ценность и позволяют найти соответствия в других литературных источниках:

*Если в Кимры войти —
Надо в гору влезти,
Чтобы кимрских любить —
Надо много чести*³.

Эта частушка очевидным образом перекликается со стихами О. Э. Мандельштама:

*Против друга — за грехи, за грехи —
Берега стоят неровные...*

Та же топографическая особенность зафиксирована и в песне, прозвучавшей во время празднования Дня Кимрского района в Малом Василёве 27 июля 2013 г. (автор — Г. Григорьев):

*Город Кимры, город Кимры,
улочки то вверх, то вниз.*

На самом деле, если следовать по течению Волги, то вначале савеловская сторона находится на возвышении, затем кимрская; отсюда: то вверх, то вниз.

---

¹ Некрасова И. Н. Голузинская кадрили. К вопросу об этических и эстетических нормах мужского поведения на беседах // «Мужское» в традиционном и современном обществе: Материалы научной конференции. М., 2003. С. 53—54.

² Здесь и далее тексты без библиографического указания хранятся в домашнем архиве автора статьи.

³ Кимры в частушках... С. 135.

В частушках упоминается Волга и городской статус Кимр:

*Если Кимры не город,
То и Волга не река.
Если я тебе не пара,
То валяешь дурака.*

*Если Кимры не город,
То и роза не букет.
Если я тебе не пара,
Лучшей пары тебе нет¹.*

Встречаются и «нейтральные» упоминанием топонима Кимры:

*Наших кимрских ребят
Издаля можно узнать:
Рубахи длинные до пят
И раздеваться не хотят.*

*А как кимрски ребята
В гору поднимаются:
Пальто на куричьем меху,
Заплаты развеваются.*

*А мы, кимрские девчонки,
Мы нигде не пропадем.
В Ленинграде вечер будет,
И туда гулять пойдем.*

*Ой ты, Юля дорогая,
Вспомним про былое,
Как нас с кимрского клуба
Провожали двое².*

Не обошлось и без распространенных частушечных тем:

*Полюбила я залетку —
А он в Кимры ушел.
День и ночь буду молиться
Чтобы места не нашел.*

Но, в общем и целом, современные частушки содержат минимум слов, отклоняющихся от норм современного русского языка или норм местного произношения (например: «кимрски ребята»), топографических особенностей города и района. «Кимрский клуб», встретившийся в одной из частушек, говорит лишь о наличии в Кимрах клуба, но сам по себе этот факт не показателен: клубы присутствуют в большинстве более-менее крупных

---

¹ Там же. С. 134.

² Там же. С. 135.

населенных пунктов. Это было бы такой же особенностью, как, например, упоминание абстрактной «кимрской церкви»; без уточнения эта фраза становится малозначительной.

17 августа 2013 г. автор статьи встретился с местным фольклористом Ю. И. Прокофьевым, в 1970—1980-е гг. регулярно посещавшим деревни и села Кимрского района в поисках фольклорного материала. Он сообщил некоторые частушки, сохранившиеся в его памяти:

*На савеловском вокзале
Я кассира обманул.
Взял билет, а не поехал,
До Москвы пешком продул.*

*На савеловском вокзале
Обокрали рыботрест.
На воротах написали:
«Не ворующий — не ест».*

*Савелово, Савелово,
Савеловский вокзал.
Пока девку уговаривал,
На поезд опоздал.*

В приведенных частушках очевидна микротопонимика — упоминание Савелова (в настоящее время — район Кимр; до 1934 г. — территория, на которой находилось несколько деревень) и, как следствие, савеловского вокзала. Обратим внимание, что слова *савеловский вокзал* в данном случае следует писать со строчной буквы, указывая именно на топонимическую его принадлежность, а не на название: Савёловский вокзал находится в Москве. Строчная буква указывает на то, что имеется в виду вокзал не столичный, а кимрский.

Ю. И. Прокофьев рассказал нам также историю создания частушки «Если Кимры не город, / То и Волга не река». По его сведениям, она появилась в конце 1910-х гг., вскоре после обретения Кимрами статуса города (1917). Изначально первая строчка звучала так: «Если Кимора не город», что подчеркивало связь Кимр и местного гидронима *Кимрка*, звучавшего как *Киморка*.

Изначальное название реки, впрочем, было иным — *Кимерка*, что нашло отражение в цикле современной поэтессы Н. П. Красновой «Кимрские мотивы», написанном по просьбе автора статьи.

Савелово

С бодуна с веселого
Поехал я в Савелово,
Приехал я в Савелово,
С ума собою свел его.
10 августа 2013. Москва

Речка Кимерка

1
В Кимрах, в речке Кимерке
Купались две кикиморки,
И голый — в тине весь в одной —
Ласкал обеих Водяной.

2
Как на речке Кимерке
Купались две кикиморки,
С одним пловцом, каким мирней,
Одна другой кикиморней.
24—25 августа 2013. Москва¹

В приведенных текстах мы также сталкиваемся с микропонимом (по отношению к Кимрам) *Савелово*, а также гидронимом *Кимерка*. Рифменная пара *Кимры-кикимора* не нова, она периодически встречается в местных, областных и центральных текстах. См.:

Где ныне стоит город Кимры
Кикиморы жили и мымыры.
Селение так и назвали
Кикиморомымыры вначале.
Потом, чтоб чернила не тратить,
Решили, мол, Кимры, и хватит (Б. Зверев).²

Как если бы я родом был из Кимр.
И никуда оттуда не стремился.
Чуть свет вставал.
Работал и учился.
Один, как перст, средь мымриков и мымр... (В. И. Салимон).³

---

¹ *Краснова Н. П.* Кимрские мотивы // Литературная гостиная. 2013. № 9. С. 2.

² *Зверев Б.* Кимры // Кимрская независимая газета. 2007. 15 июля. С. 6.

³ *Салимон В. И.* Москва — Пермь — Москва: Поэма набросков // <http://magazines.russ.ru/october/1998/2/salim.html>.

Г. П. Смолицкая в «Топонимическом словаре Центральной России» приводит в качестве примера шуточный диалог:

«— Кимряк, где остановился? (по приезде в Москву).

— На Болоте (местность на противоположном от Кремля берегу Москвы-реки)». На этом основании она делает «сенсационный» вывод: «...вероятно, название реки связано с литов. *Kumzupė* — „болото, где много гнилых пней“»¹. В комментариях подобная «топонимика» не нуждается.

---

¹ *Смолицкая Г. П.* Топонимический словарь Центральной России. М.: Армада-пресс, 2002. С. 149.

«СВЯТЫЕ ПИСЬМА» И «ПИСЬМА СЧАСТЬЯ» НА ТЕРРИТОРИИ ТВЕРСКОГО КРАЯ

В настоящем сообщении я намерен рассмотреть так называемые свя-тые письма и письма счастья, имевшие распространение на территории Тверского края. В настоящее время этому явлению посвящены известные исследования В. Ф. Лурье¹ и А. А. Панченко.²

В своей работе на материале писем, которые были зафиксированы на территории Тверского края, я делаю попытку разобраться, что они собой представляют, какое влияние они оказывали на общество, какова была их эволюция на протяжении XX в., и какую борьбу вели с ними сначала православная церковь, а потом органы безопасности советской власти.

Мои источники, являются сами письма как таковые, которые я собираю последние несколько лет. Кроме того, я проводил опрос людей, получавших письма, с целью выяснить, какую реакцию вызвали у них эти письма и почему? В работе использованы материалы прессы Тверской епархии дореволюционного периода, а так же материалы прессы и документы государственных органов агитации и пропаганды советского времени, относящиеся к данной тематике. Вместе с тем, должен признать, что охватить в рамках доклада весь материал невозможно, поскольку данные «письма» существовали во множестве вариантов.

С письмами счастья многие знакомы непосредственно, поскольку многие жители нашей страны получали по почте подобные послания. Обычно по почте приходит письмо без обратного адреса, в котором содержится некое сообщение, которое способно принести адресату счастье при том условии, что он сделает определенное число копий этого письма и разошлет по другим адресам.

Со святыми письмами ситуация немного сложнее, так как такие письма в настоящее время уже не встречаются. Они представляли собой обычно краткое сообщение о явлении кому-то каких-либо представителей сверхъестественных сил, которые сообщали, что в скором будущем должен состояться Страшный Суд. Или же это было сообщение о произошедшем каком-либо чуде, как, например, об исцелении больного ребенка, — и предписание сделать некоторое число копий письма предупредить и посредством их проинформировать об этом всех остальных людей с угрозой разных несчастий в случае ослушания.

---

¹ Лурье В. Ф. «Святыя письма» как явление традиционного фольклора // Русская литература. 1993. № 1. С. 142—149.

² Панченко А. А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М.: ОГИ, 2002. С. 341—353.

Святые письма и письма счастья могли использоваться определенными группами людей с целью распространения своих настроений и взглядов. Эти письма позволяли в короткий срок и без особых затрат, конспиративно распространить их среди большого числа населения, не подвергая себя риску репрессий со стороны государства. А. А. Панченко отмечает, что идея цепи, или круга, сформированного постоянно тиражируемым письмом, предполагает создание некоей новой социальной реальности, «общества переписчиков», созданного благодаря появлению в мире сакрального текста. Поэтому можно предположить, что одна из главных функций такого рода писем связана с компенсацией социальных и культурных кризисов, переживаемых обществом. Все эти виды текстов ассоциируются с «прямой речью» потустороннего мира. Они характеризуются «нулевым» (или близким к «нулевому») приращением информации, фактически представляя собой проекции «вытесненных» потребностей и страхов сообщества и преимущественно выполняя нормализующие и компенсаторные функции.¹

Как показывает практика, на протяжении всего XX в., этот метод срабатывал безотказно. Эти письма сродни камню, брошенному в воду, который один вызывает целую серию волн. Письма являются так же своеобразным барометром, показывавшим современное духовное состояние общества, наличие в нем определенных страхов, ожиданий, степеней религиозной грамотности.

Судя по имеющимся у меня материалам, первым предшественником «святых писем» стало молитвенное письмо, которое появилось на территории Тверского края весной 1903 г. В «Тверских епархиальных ведомостях» была напечатана статья, в которой сообщалось, что в последнее время в Твери появилась во многих списках молитва к Господу Иисусу Христу в предупреждение от грозящих всем народам бедствий и напастей. Обычно к людям приходило анонимное письмо следующего содержания:

«Во время литургии в Иерусалиме был услышан глас: „Накажу все народы, а тот, кто эту молитву будет читать, спасен будет от всех бед и напастей. Молитва эта читается так: Господи Иисусе Христе. Тебе молимся, Святый боже, помилуй мя и все люди твоя. Очисти нас от грехов ради Пречистой крови твоей, ныне и присно и во веки веков аминь. О Иисусе Христе. Тебе молимся, Святый Боже, Святый крепкий, Святый Бессмертный помилуй нас и вся люди твоя. Прости нам наше согрешение, избави нас от Вечных муки, ради пречистой крови твоей, ныне и присно и во веки веков аминь“». В конце молитвы было прибавлено наставление, что ее надо читать в продолжение 9 дней и разослать ее 9 лицам каждый день по одной молитве с предупреждением, что «тот, кто не захочет воспользоваться этим милосердием, наказан будет несчастьем», а если это будет сделано, то у отправившего эти молитвы сбудется его желание. Молитва якобы присылалась уже

---

¹ Ускользающий текст: пророчество и магическое письмо. Режим доступа: http://ec-dejavu.ru/1/Letter_chain.html. Дата обращения: 15.05.2017.

епископу Воронежскому Антонию, скончавшемуся в 1846 г. и к тому времени канонизированному, с предложением рассылки ее всё тем же девяти лицам.

Как указывала газета, эта молитва с незначительными изменениями получила широкое распространение в Тверской, Санкт-Петербургской и некоторых других губерниях, особенно Воронежской. Молитвенное письмо произвело большое впечатление на население Твери, его влиянию поддались немало людей, даже образованных. Подавляющее большинство людей, несмотря на анонимность молитвы, при проведении епархиальным начальством расследования сообщило, что эту молитву они якобы получили из Санкт-Петербурга от отца Иоанна Кронштадтского. Далее в статье говорилось, что подобная молитва встречается в апокрифическом сказании «Сон Пресвятой Богородицы», но церковь эту молитву отвергает как невежественную. Тверские священники подробным образом разобрали молитвенное письмо, доказывая его сумбурность и «душевредность». Средой, в которой возникли эти письма, предположительно были названы две религиозные секты: штундисты или последователи учения Пашкова, целью которых являлось возмутить душевное спокойствие простого народа, чтобы привести его в уныние и отчаяние для увлечения в противозаконные дела, используя кризисное нравственное состояние современного общества. Далее духовенство предписало своей пастве: «...старайтесь не о распространении этой несуществующей молитвы, а об уничтожении ее».¹

В этом молитвенном письме можно найти немало сходства с будущими святыми письмами. Это, прежде всего, необходимость его копирования и распространения: в случае исполнения или неисполнения этого условия молитва приносит счастье или несчастье. Однако есть и значительные отличия. Прежде всего, отсутствует сам термин *святое письмо*. Судя по тону статьи, ничего подобного в таком масштабе раньше не наблюдалось. Это и понятно, ведь для массового распространения такой молитвы в письменном виде был необходим определенный уровень грамотности, который был достигнут Россией только в начале XX в. Кроме того, было необходимо моральное напряжение в обществе, связанное с кризисом общественных отношений и ожиданием грядущих социальных и политических потрясений (через два года в России началась революция), что признавал и сам «Тверской епархиальный вестник». Судя по тому, что эта молитва с незначительными изменениями получила хождение по всей территории России, у нее был единый источник, скорее всего из Петербурга, что и обеспечило устойчивость ее текста. Данное молитвенное письмо сложилось в так называемой прихрамовой среде, которая формировалась на рубеже XIX — XX вв.

---

¹ Заметка по поводу появившейся во многих списках молитвы // Тверские епархиальные ведомости. 1903. 1 июня. Часть неофициальная. С. 263—272.

А. А. Панченко писал, что такого рода письма-молитвы представляют собой надконфессиональное явление и могут, с определенными различиями, иметь хождение как среди православных, так и среди представителей других христианских исповеданий, в том числе и сектантов. Очевидно, что в некоторых случаях те или иные эсхатологические и мессианские религиозные движения могли использовать «святые» и тому подобные письма в качестве священных текстов или реликвий, игравших особую роль в обрядово-мифологической жизни их адептов.¹

Эти письма-молитвы благополучно пережили церковные запрещения и получили дальнейшее распространение уже в годы Советской власти. Так, весной 1920 г. в Твери вновь произошло массовое распространение таких молитвенных писем.² В газете «Тверская правда» была опубликована по этому поводу сатирическая заметка под заголовком «Жив курилка!» Судя по тону статьи, тексты молитвенных писем 1920 г. ничем не отличались от текста этих писем, распространенных в Твери в 1903 г.

Следующее упоминание об этих письмах молитвах мне удалось найти в материалах о начале 1930-х гг. К сожалению, информация здесь скупа. Так один информант родом из деревни близ Твери вспомнил, что в его детстве (начало 1930-х гг., когда в их деревне создавался колхоз) тоже ходили послания наподобие «святых писем». В них упоминался Бог, Иерусалим, звучали требования не вступать в колхоз и переписать это послание несколько раз, что он и сделал по требованию родителей. И здесь целесообразно обратиться к другому источнику, в котором упоминаются подобные послания, хотя они распространялись в другом регионе — Западной Сибири. В книге В. Губарева, посвященной жизни известного пионера Павлика Морозова, приводится текст послания, которое распространялось в родной деревне пионера местными кулаками в 1932 г. Оно звучало следующим образом: «Во имя отца и сына и святого духа. Был слышен во святом граде Иерусалиме голос господен, и сказал господь: кто в колхоз пойдет, не будет тому благословения. Перепиши письмо это 7 раз и отдай соседям своим. Аминь!»³

Сходство содержания этого послания и послания из воспоминаний информанта очевидно. Прослеживается четкая преемственность послания с молитвенными письмами образца 1903 г. Здесь молитвенные письма были использованы с целью анти-колхозной пропаганды. Надо отметить, что это единственный случай, когда текст посланий направлен не на предупреждение небесных кар, а на противодействие государственной политике. Те же молитвенные письма, распространенные в Твери в 1920 г., судя по тону официальной прессы, требований, направленных против мероприятий Советской власти, не несли. Насколько можно судить, авторами посланий

---

¹ Ускользающий текст: пророчество и магическое письмо. Режим доступа: http://ec-dejavu.ru/1/Letter_chain.html. Дата обращения: 15.05.2017.

² Жив курилка! // Тверская правда. 1920. 19 мая. С. 3.

³ Губарев В. Павлик Морозов. Барнаул: Алтайское кн. изд-во, 1978. С. 36.

1930-х гг. являлись люди нерелигиозные, нацеленные на борьбу с коллективизацией путем ведения антиправительственной пропаганды и не возлагающих надежд на помощь от Бога, почему из них исчез текст молитвы, однако знакомые с прежними молитвенными письмами и видимо взявшие их за образец. Термин *святое письмо* в качестве названия по-прежнему отсутствует.

Настоящее название такие послания приобретают, видимо, гораздо позднее. Когда именно — точно сказать сложно. Впервые такой термин встречается в документах местных органов власти. Так, Молоковская районная парторганизация сообщала в Калинин в феврале 1955 г. о состоянии идеологической работы среди населения района: «В районе после длительного перерыва снова работают две церкви, молодежь венчается в церкви, среди населения распространяются „святые письма“».¹

В данном документе появление и распространение подобных писем напрямую увязывалось с оживлением церковной и религиозной жизни в стране после смерти Сталина, а до этого был длительный период, когда они отсутствовали. То есть эти письма появлялись своеобразными всплесками, причиной чему в 1950-е гг. послужило ослабление гнета государственной машины и связанное с этим оживление в духовной жизни у населения района. Также видно, что для местной власти, это явление не является чем-то новым, сам термин *святые письма* выглядит в донесении как вполне сложившийся и традиционный.

К сожалению, мне не удалось добыть самих писем этого времени, однако пресса Калининской области писала об этом явлении, правда, уже только о тех письмах, которые распространялись на рубеже 1970—1980-х гг. Так, например, газеты «Ржевская правда» и «Калининская правда» писали соответственно в сентябре 1979 и в июле 1980 г. о распространении в Ржеве и Калининне «святых писем» (здесь произошел новый всплеск их активизации) и приводили выдержки из них:

«В конвертах без обратного адреса лежат необычные вложения *под названием „Святое письмо“*. Судя по штемпелям, авторы письма местные жители.... Текст писем следующий. „Некий 12-летний или 7-летний мальчик на берегу моря увидел бога, вариант богородицу или человека в белых одеждах, которые сказали, что люди забыли о существовании бога, и поэтому скоро наступит Страшный Суд. Каждому своему рабу бог обещал отпущение грехов, но с условием, что они в течение трех дней (больше письмо держать у себя нельзя) переписут письмо 9 раз, редко варианты — 3, 4, 5, 7 раз, и разошлют его по разным адресам. Кто выполнит это условие, тот получит радость и счастье, а кто ослушается — горе».²

---

¹ Тверской центр документации новейшей истории. Ф. 147. Оп. 5. Ед. хр. 1285. Л. 30.

² Глебов В. Шантаж под прикрытием святости // Калининская правда. 1980. 9 июля. С. 4. Ср.: Критский А. Святые анонимки // Ржевская правда. 1979. 4 сентября. С. 4.

Большинство писем, отмечали калининские газетчики, было написано торопливым почерком и под копирку, то есть авторы уже получили подобные письма и, опасаясь обещанных в письмах за невыполнение несчастий, переписали их как можно скорее. Как видно, святые письма 1980 г., подобно молитвенным письмам 1903 и 1920 гг., сумели произвести должное впечатление на горожан Калинина, несмотря на предыдущие шесть десятилетий массивной государственной атеистической пропаганды. Авторами писем корреспонденты газет объявили религиозных фанатиков, распространявших религиозные воззрения путем шантажа и угроз, и призвали население не поддаваться невежеству.

Эти письма, в отличие от молитвенного письма 1903 г., отличает большая вариантность и вольность в изложении содержания. Святым теперь являлась не какая-нибудь приводимая в нем молитва, а непосредственно само письмо как таковое, которое в случае переписки, делало переписчика сопричастным к авторам письма, и именно оно теперь «спасало» человека. Святые письма образца 1980 г. представляют собой уже достаточно давнюю, сложившуюся, укоренившуюся на местах традицию определенной части советского общества — религиозно настроенного, но вместе с тем уже достаточно невежественную в вопросах религии и организационно не объединенного. Тут ярко проявляется духовное состояние советского общества того времени, людей, лишенных на протяжении десятилетий реальных знаний о религии, но вместе с тем живущих в состоянии ожидания грядущих катаклизмов, ощущения кризиса социальных и общественных отношений и пытающихся вести религиозную пропаганду среди населения. Судя по их названию и по сообщению Молоковской парторганизации 1955 г., святые письма появились, видимо, после 1930-х гг.

Спустя восемь лет пресса вновь сообщила о распространении в городе Калинине святых писем. В текстах писем 1988 г. сообщалось, что некий 12-летний мальчик был сильно болен. Однажды к нему на берегу моря явился бог (в другом варианте человек в белых ризах), дал ему письмо, сказав: «Перепиши его и раздай во все стороны». Послушный мальчик выздоровел. Далее авторы письма сообщали, что в одной семье, которая, получив это письмо его, порвала, произошло большое горе. Если же получатель делает всё, как приказано, перепишет письмо 3, 9 или 22 раза, то через 36 дней его ждет счастье. В некоторых письмах была приписка, что это письмо ходит с 1936 г. и должно обойти весь свет; горе и беда ждут того, кто разорвет эту цепочку. Один из авторов газетной статьи о святых письмах — кандидат педагогических наук, пропагандист научного атеизма Н. Суворов отмечал, что в письме присутствует так называемая числовая магия. Вера в особую силу числа 12 и связанных с ним чисел 3, 36, 60 и тому подобных. Он также

отметил, что язык письма часто напоминает бывшие когда-то в ходу «предсказания судьбы», билетки с которыми вытаскивал ученый попугай на рынке «полвека назад».¹

Хотя святые письма 1988 г. сохраняют преемственность со святыми письмами 1980 г., в них обнаруживаются, вместе с тем, и значительные изменения. Предыдущие письма писались верующими людьми, живущими в ожидании скорого конца света. В письмах же 1988 г. исчезают предупреждения о грядущем Страшном Суде и о необходимости возвращения к Богу. Святые письма теперь превращаются в своеобразный магический талисман, который приносит счастье всякому, кто его переписет. Заметно ослабление традиционных христианских представлений, доживших до этого времени в советском обществе, рост влияния оккультизма и мистики, что связано с начавшейся Перестройкой.

Святые письма исчезают где-то в 1990—1991 гг. Мне, во всяком случае, не приходилось встречать ни одного сообщения о них в Тверском крае в постперестроечные годы. Это можно объяснить либерализацией общественной жизни страны, гласностью, когда можно было в целях религиозной пропаганды уже не прибегать к конспирации. Однако в это же время появляются так называемые письма счастья. В начале 1990-х гг. наблюдался большой всплеск писем этого рода.

Письма счастья рождаются непосредственно из святых писем. Так, в газете «Тверская жизнь» за 9 февраля 1991 г. была помещена статья секретаря Тверского епархиального управления протоиерея В. П. Киричука, в которой он отвечал на вопросы тверитян по поводу недавнего распространения в Твери святых писем.² Очевидно, это было связано с новым и, видимо, уже последним всплеском этого явления. Протоиерей упомянул, что такие письма тревожат жителей Твери уже несколько десятилетий и приводил выдержки из них. Письма образца начала 1991 г. сохранили свое название *святое письмо*, но были уже разнотипными.

В одних письмах текст сохранял еще свою традиционность. В них сообщалось, о произошедшем чуде: некоего мальчика исцелил Бог, и следовало предписание переписать письмо энное количество (обычно 20) раз, в противном случае ослушавшегося ждет несчастье. То есть повторялся текст святых писем, распространенных в 1988 г. Протоиерей советовал горожанам уничтожать подобные святые письма при их получении, а если они сами боятся это сделать, то приносить их для уничтожения в епархиальное управление.

В ряде других святых писем текст был иной. Не упоминалось ни о каком чудесно исцеленном мальчике, а сразу следовало требование многократной переписки письма, причем рассказывалось, как некий человек, послушный этому, выиграл миллион.

---

¹ Суворов Н. О так называемых святых письмах // Калининская правда. 1988. 18 мая. С. 4.

² Киричук В. Не поддавайтесь невежеству // Тверская жизнь. 1991. 9 февраля. С. 6.

Здесь видно, что святые письма как культурное явление вступило в стадию своего окончательного разложения. По сути дела, эти святые письма в одном из своих вариантов становятся уже письмами счастья, которые просто пока сохраняют старое название. Но новое название с соответствующей прилагаемой легендой появляется у них, судя по всему, уже в том же 1991 г. В качестве источника я беру одно такое письмо, полученное одним адресатом Торжка летом 1991 г. Адресат переписал письмо счастья, но не успел отправить копии по почте. Наследники адресата оставили эти копии письма без внимания и спустя десять лет передали их мне.

Теперь послание носило настоящее название: «Письмо счастья». В нем сообщалось: что это письмо, которое приносит счастье, для этого надо обязательно его переписать 20 раз и отослать по адресам людей, которым вы желаете счастья, в течение 96 часов, даже если получатель и не верит сам в колдовство. Результат приходит через четыре дня после отправления. Оригинал письма находится в Голландии. Родилось оно якобы в 1854 г., когда некий Артур Семен Даниал переписал это письмо и через четыре дня выиграл миллион (прямая аналогия с неким человеком, выигравшим миллион, из «святых / счастливых писем» 1990/1991 г.), а некий служащий Харест, который его порвал, через четыре дня попал в катастрофу.

Содержание письма откровенно сумбурное, в нем нет никакой логики и взаимосвязи. Как можно было выиграть миллион в лотерею в 1854 г.? Такие огромные денежные суммы в те времена не разыгрывались. Это письмо выглядит как сделанное наспех малообразованным человеком. Тем не менее по произведенным мною опросам людей, которые получали такие письма (абсолютное большинство в начале 1990-х гг.), они произвели большое впечатление; люди, не жалея времени и сил, переписывали их и распространяли. По их словам, причиной этого было то, что это происходило в «тяжелые годы» и им самим хотелось верить, что такие письма помогут и им, и другим. Здесь ясно выражена реакция российского общества на произошедшие в начале 1990-х гг. перемены в стране, на психологический шок, вызвавший потребность в определенных и своеобразных «оберегах», помогающих справиться с навалившимися трудностями.

В отличие от святых писем, которые проникнуты ощущением грядущих катаклизмов как возмездия за настоящую жизнь, исполненную греха и доживающую ныне свои последние годы, письма счастья радикально иные. Они все направлены на повышение жизнерадостности, на внушение оптимизма, веры в будущее. И благодаря этому они, действительно, имели определенный успех. Такие приливы особого интереса к различным неординарным предметам превращаются в заметные явления в те исторические периоды, которые знаменуют собой обострение или изменение политической, социальной и экономической ситуации в обществе, когда формируется кризисное общественное сознание с ослабленной критической способностью логически оценивать социально-психологические явления.

А. А. Панченко отмечает, что «рассматриваемые памятники избоблюют историческими и географическими ошибками и анахронизмами. Это свидетельствует о низком образовательном уровне переписчиков. Следовательно, они принадлежат к низовым слоям городской культуры, наиболее активно участвующим в воспроизведении фольклорных текстов. Наиболее прилежно такие письма переписывают люди, обладающие маргинальным возрастным и социальным статусом — дети, подростки, старики... Важно и на то, что в данных текстах часто упоминаются западноевропейские города и страны, хотя и искаженные. Эта особенность указывает на иноземное влияние».¹

Письма счастья получили распространение и в дальнейшее время, хотя уже и не в таком большом количестве. В качестве примера можно привести письмо счастья, полученное в ноябре 2003 г. одним адресатом Твери. По сравнению со своими предшественниками оно имеет следующие отличия.

Письмо уже было не рукописное, а отпечатанное на принтере. Кстати сказать, по данным моих опросов, рукописные письма счастья теперь совсем исчезли. Названия «Письмо счастья» оно не имело. Сообщалось, что это письмо приносит удачу, и пришло из параллельных миров. Оригинал письма, хранится в Юксгордне в Голландии и в Акрополе. С него надо сделать 20 копий за 96 часов и разослать по разным адресам. Родилось оно в 1254 г., и сеть по его распространению была, якобы, создана миллионерами Венесуэлы. Среди лиц, которые пострадали, не переписав это письмо, перечисляются Н. Хрущев, маршал Тухачевский, Артур Конан Дойль, среди «счастливчиков» — ряд людей из Северной и Южной Америки, которые благодаря нему выигрывали деньги в лотерею. Результат наступает на четвертые сутки после его отправления. В письме был цифровой код из русских и латинских цифр и букв, приносящий счастье — Y613158E6. XXLLXPSX — ключевая часть письма.

Связь этих писем со своими предшественниками проявляется в следующем: количество копий (это по-прежнему 20 копий), время, за которое это надо сделать (96 часов), время, когда оно «начинает приносить счастье» (через 4 дня), место рождения (Голландия). Эта часть письма, эти цифры остались практически нетронутыми, здесь переписчики почти ничего не изменили. Видимо, для них, эти элементы письма уже стали сакральными. Но в той части письма, где приводятся примеры наград и наказаний, за годы, прошедшие с момента своего первого появления, письма счастья, путешествуя по рукам, накопили очень много нового. Это новое рождено фантазией переписчиков, которые для пущей убедительности приводили от себя всевозможные «исторические» примеры, стараясь заставить таким образом поверить и себя, и других. Новым было то, что теперь счастье приносило

---

¹ Ускользящий текст: пророчество и магическое письмо. Режим доступа: http://ec-dejavu.ru/1/Letter_chain.html. Дата обращения: 15.05.2017.

уже не само письмо как таковое, а некий цифровой код, который в нем сохранился.

Поверье о цифрах, сумме цифр, которые приносят счастье, имеет давнюю традицию. Числовая магия существовала еще в Средние века, и особенно этим прославилось учение Каббалы. Если брать более поздний, в частности советский период, то можно вспомнить народное поверье о «счастливых» автобусных билетах, в которых сумма первых трех цифр должна совпадать с суммой трех последних цифр и которые будто бы приносят удачу. Дальнейшее развитие это поверье получило с развитием лотерейного дела, в частности после появления лотереи «Спортлото», где надо угадать несколько цифр, приносящих тебе выигрыш и соответственно счастье. В Западной Европе и Америке, происходил аналогичный процесс. Он был даже поставлен на службу шоу-бизнесу. В качестве примера можно привести прошедший в 2006 г. по экранам российского телевидения популярный американский телесериал «Остаться в живых» (1-й сезон). По сюжету этого сериала, один из героев случайно узнает некий цифровой код, после чего ему начинает феноменально везти, он становится миллионером.

Новое развитие этот процесс получает в России с середины 1990-х гг., что находит отражение и в письмах счастья, которые превращаются в своеобразные лотерейные билеты. И не случайно называемые в письмах в качестве примера счастливицы — это в своем большинстве люди, которые выиграли в лотерею. Мы видим, что письма счастья подстраиваются под вкусы и критерии современного российского общества, значительно изменяя свою легенду, удревяя и обогащая ее, создавая собственную мифологию и становясь при этом еще сумбурнее. Краткость, простота писем счастья начала 1990-х гг., вполне подходившая для сознания россиян того времени, уже не годится для их аналогов рубежа 1990—2000-х гг. Вместе с тем новые письма счастья сохранили в некоторых своих чертах (указание местонахождения «оригинала» и прочее) преемственность с письмами прежнего времени.

Письма счастья 2000-х гг. теряют это название, видимо, потому, что отправители теперь считали, что подобное письмо, его смысл, будет знакомо и понятно получателю и так. Налицо складывание своеобразной традиции в этом культурном явлении. Письма приобретают известность в российском обществе, а отношение общества к письмам становится более скептическим. По моим опросам, люди стали оставлять теперь подобные письма без внимания.

Тем не менее процесс эволюции писем счастья продолжился. С бумажных носителей они перешли на электронные. Теперь они рассылаются через сотовую связь: по сотовым телефонам с помощью sms-ок или по электронной почте, через Интернет. Первые подобные письма, по данным моих опросов, появились приблизительно в 2002—2003 гг., ввиду того что сотовые телефоны и Интернет к этому времени как раз входят в массовое

употребление. Для примера приведем одну из таких sms-ок счастья, полученную по телефону одним абонентом Торжка в сентябре 2006 г.: «Твой ангел хранитель помогает тебе, когда твои крылья опускаются. Пошли это сообщение, еще четырем хорошим людям и смотри, что будет, через четыре дня. Это сообщение нельзя прерывать. Такое сообщение пришло и мне». Это послание счастья отличает краткость, что, впрочем, и естественно для sms-ки.

Таким образом, мы видим, что святые письма и письма счастья на протяжении своего существования прошли сложный этап эволюции. Они родились в начале XX в. как реакция российского общества на нарастание в нем кризисных тенденций, прежде всего в духовной сфере, и как своеобразная попытка их преодолеть. Эту функцию они сохранили и в период существования советского режима, и после его крушения, в современном российском обществе, помогая людям психологически переносить бытовые и социальные трудности.

ДВА ДОПОЛНЕНИЯ К СТАТЬЕ О. Л. ФРАНЦЕВА

1

В научной литературе о святых письмах и письмах счастья обычно все авторы указывают на то, что данные «письма» в той их форме, какую они получили в XX в., появились впервые в конце, а в лучшем случае во второй половине XIX в. Между тем уточнение времени появления писем очень важно для понимания их генезиса и тех культурных процессов, которые создали условия для их возникновения.

Именно поэтому мы считаем нужным обратить внимание на факт, который позволяет датировать появление этих писем как минимум на половину века ранее. 31 октября (12 ноября) 1844 г. А. М. Вьельгорская писала Н. В. Гоголю из Парижа:

«Теперь я хочу с вами поговорить об одном удивительном случае, который немного маменьку и меня смутил. Вчера мы получили письмо от папеньки. Он пишет: в Иерусалиме во время обедни раздался небесный голос. Патриарх Иерусалима говорит, что это предвещает большие бедствия всему миру. Он велел всем говорить раз ежед<н>евно следующую молитву, которую многие уже знают в Петербурге:

„О Иисусе Христе! молим тя, святой боже, святой крепкий, святой бессмертный, помилуй нас и весь мир твой от всякой погибели, кровию твоею дабы омылись грехи наши. О боже предвечный, яви милосердие твое великое, молим тя, прости ради пречистой крови твоей, ныне и присно и во веки веков. Аминь“. Каждый говорящий сию молитву должен стараться сообщить ее девяти другим особам. Пожалуйста, любезный Николай Васильевич, говорите ее каждый день и старайтесь сообщить ее дальше. Что вы об этом думаете? Напишите мне скоро».¹

Гоголь отвечал Вьельгорской 11 (23) ноября 1844 г. из Франкфурта:

«Молитву, которую вы мне прислали, я уже получил почти за месяц прежде от Смирновой. Думаю об этом я таким образом. Если молитва пришла в наши руки, то по ней следует молиться. Вот и всё.

Я бы хотел знать, между каким классом наиболее разошлась в Петербурге эта молитва и кто ее доставил. И молится ли Петербург, помышляя в то же время о себе и рассматривая жизнь свою, или просто повторяет одни только слова молитвы, не входя в них душою и сердцем».²

---

¹ Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Составление и комментарии А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М.: Художественная литература, 1988. Т. 2. С. 209—210.

² Там же. С. 210—211.

Как видим, в этом тексте те приметы святых писем как жанра, которые четко проявятся в конце XIX в., находятся еще в стадии становления. Письмо следует распространять (регламентируется число адресатов), хотя пока еще только устным способом; основное событие связано с Иерусалимом и неким «голосом». Это как бы первый этап формирования жанра.

2

Говоря о современных формах бытования писем, О. Л. Францев справедливо указывает на Интернет и sms-сообщения как среду их современного распространения. Однако существуют и иные современные формы таких писем, в частности — открытые письма, вывешиваемые на улицах для публичного чтения.

Одно из таких писем мы зафиксировали в Твери на задней стене киоска на автобусной остановке у стадиона «Химик» (пл. Революции) зимой 2010 г. Ниже мы приводим текст этого письма с нормативной орфографией и пунктуацией для облегчения понимания текста, так как желающие увидеть незначительные ошибки автора письма могут прочитать его на прилагаемой фотографии:

«Вера в Бога без добрых дел мертва. Помогая братьям меньшим, МНЕ помогаете.

Люди, в тепле и сытости живете, а многие злобные, равнодушные к нуждающимся в помощи, жадные. Равнодушно проходите мимо голодных птиц, посланников РАЯ, бездомных животных. И не хватает ни ума, ни доброты, чтобы помочь нуждающимся в помощи. Холодно, голодно и птицам, и животным.

А придет и ваш черный день: болезни, беды.

Будете молить Бога о здравии, счастье, благополучии. А за что Вас Богу любить? Много ли Вы доброты делали?

Кто с добротой жизнь проживает, того и Ангел оберегает».

Как видим, это письмо ни формально, ни содержательно не сохраняет преемственной связи со святыми письмами и письмами счастья. Оно не имеет названия, не содержит описания некоего события, не требуют копирования и распространения. Оно (уже в силу своей открытости) само по себе адресовано всем, проходящим мимо. Единственное, что сближает его с традиционными письмами, — это религиозное сознание, взывающее к нравственному поведению, которое получит заслуженное воздаяние. Как своеобразные вариации такого письма могут быть осмыслены и взывающие надписи у просящих подаяния людей, особенно у тех, которые собирают деньги в сопровождении собак содержания последних. Поэтому можно предположить, что и эти тексты могут быть рассмотрены в рамках традиции святых писем и писем счастья.

МАСТЕРА И ТРАДИЦИИ

В. И. Ситников
Тверь

ТРАДИЦИИ РЕЗНОГО ДЕКОРА В ТВЕРСКИХ ДЕРЕВЯННЫХ ЖИЛЫХ ПОСТРОЙКАХ

С сожалением приходится констатировать общую для всей России тенденцию вымывания наследия пластического фольклора из нашей жизни. Современное состояние *бытующих* форм традиционного народного творчества, включая деревянное народное зодчество с его некогда богатыми традициями художественной резьбы, не позволяет строить оптимистичных прогнозов в отношении сохранности и жизнеспособности этих реликтов этнической культуры. Повсеместно в старых деревянных домах традиционные оконные переплеты заменяются пластиковыми стеклопакетами, тесовая обшивка меняется на пластиковый сайдинг и вместе с этим с фасадов домов снимаются старые резные наличники, пилястры, причелины и т. п. Как повлиять на эту ситуацию? Что можно противопоставить нарастающему кризисному положению в экологии национальной культуры? Незначительная по объему литература о народном зодчестве и архитектурной резьбе не способна влиять на ценностное отношение современников к этому наследию, утверждать в общественном мнении необходимость бережного сохранения этого пласта культуры. В силу ряда причин не удается поднять на должный уровень обсуждение вопросов художественной и культурно-экологической значимости традиций деревянных жилых построек, показать многообразие и богатство региональных форм резного узорочья в народном зодчестве, подчеркнуть их роль в обеспечении этнической самобытности культурного и ландшафтного пространства.

К основательному исследованию региональных традиций народного зодчества теория народного искусства, по сути, еще не приступила. Тверской регион в этом смысле не является исключением. Среди публикаций этого плана можно назвать краткие описания в работе Л. Э. Калмыковой¹ и издание материалы Верхневолжской этнологической экспедиции, в котором представлены крестьянские постройки Ярославско-Тверского пограничья.² Специальных фольклорно-этнографических исследований о тверских традициях декорирования деревянных жилых построек, о бытовании тверской архитектурной резьбы обнаружить не удалось.

---

¹ Калмыкова Л. Э. Крестьянские жилые постройки, резьба и роспись по дереву // Народное искусство Тверской земли. Тверь, 1995. С. 17—93.

² Верхневолжская этнологическая экспедиция. Крестьянские постройки Ярославско-Тверского края. Л., 1926.

Усилия, предпринимаемые на кафедре народного художественного творчества тверского филиала ГАСК по исследованию региональных традиций народного зодчества, позволили собрать небольшую коллекцию деревянных резных наличников и осуществить реконструкцию отдельных, художественно наиболее ценных образцов. В рамках учебных дисциплин «Народное зодчество» и «Основы художественного конструирования» выполняются задания по отрисовке декоративного резного убранства тверских сельских и городских жилых деревянных построек. По результатам фольклорно-этнографических экспедиций 2006—2014 гг. создан архив фотоматериалов резного архитектурного декора жилых построек Твери, Торжокского, Осташковского, Старицкого, Вышневолоцкого районов.

В предлагаемом материале внимание уделяется резному декору деревянных жилых построек города Твери. Основной акцент делается на характеристике типичных черт, позволяющих выявить стилистическое своеобразие резьбы локальной культуры. Выявление особенного возможно в сопоставлении с общим. Поэтому анализ собранного материала по тверской архитектурной деревянной резьбе осуществляется на основе общих положений сформулированных исследователями народного зодчества. Одно из таких положений гласит, что существует неразрывная связь между целостной архитектурной формой традиционного жилища и многообразными способами и вариантами его декоративного убранства. Отсюда очень важным является вопрос о типе жилища, характерного для застройки частного сектора в городской черте Твери. В материалах Верхневолжской этнологической экспедиции отмечается, что различные исторические, социальные и экономические условия, разнообразие ландшафта, способствовали созданию *различных типов жилища*, закрепленных этнической традицией на определенной территории. Исследования начала XX в. показали, что для районов Верхнего Поволжья характерны собственные варианты архитектурного строения деревянного жилища. Здесь встречаются практически все возможные типы усадебной конструкции: 1) объединение хозяйственной и жилой построек под одной двускатной крышей (в этом случае один из скатов значительно удлиняется, покрывая часть избы и двор; на Урале такой тип усадебной конструкции получил название *кошель*), 2) изба и двор вытянуты в одну линию, и двор является непосредственным продолжением избы, обращенной на улицу коньком, 3) т-образное сочленение двора с избой, называемое «в притычку». Однако наиболее распространенными и древними типами жилых построек являются такие, в которых двор и изба имеют самостоятельные двускатные крыши и устанавливаются параллельно друг другу, рядом, образуя усадьбу.

Разнообразие декоративного убранства жилых построек обуславливается не только тем или иным типом усадебного комплекса, но и конструктивными особенностями самого жилого дома, в частности конструкцией кровли и сруба. По конструкции кровли можно различать избы:

- с двухскатной крышей; вариант: двухскатная крыша «со щипцом»;
- с трехскатной кровлей, которая часто дополняется *светелкой* (мансардой) или балконом; отличие в том, что светелка обшивается тесом по фронтому, а у балкона эта часть остается открытой, образуя нишу;
- с четырехскатной крышей; вариант: скаты с «залобками».

По конструкции сруба различают: простой четырехстенок, пятистенок, дом в две избы и избу с прирубом. С учетом различий конструкций срубов, композиция комплекса резного декоративного оформления существенно меняется в зависимости от ориентации жилой постройки коньком на улицу или коневой слегой вдоль улицы. Расположение дома на перекрестке дорог дает еще один вариант компоновки комплекса архитектурного декора. Различные конфигурации сруба и ориентация жилых построек относительно улицы представляют собой архитектурные формы, обладающие специфической композицией резного декоративного оформления.

К резному архитектурному декору относятся такие элементы, которые представляют собой художественно выполненные конструктивные детали традиционной деревянной жилой постройки: *конёк* (конец конькового бревна, декоративно оформленный в виде стилизованной головы животного или птицы), *стамбик* (декорированный деревянный столбик — крепежный элемент, служащий для скрепления охлупня с коневой слегой), *курица* (кронштейны для укладки водотоков), *огнёво* (доска или брус для укрепления бревен-гнетов, которые укладывались на тесовую кровлю), *причёллина* (доска на фронтоне, предохраняющая торцы самцовых бревен от влаги), *ветреница*, или *полотенце*, *кисть* (резная доска, спускаемая от стыка причелин из-под коневой слегой), *полотенца* (резные доски спускаемые по краям причелин), *лобовая доска*, или *платок*, *очелье* (доска, расположенная непосредственно над наличниками), *пилястры* (доски, прикрывающие торцы бревен сруба), *балясины* (точеные или профильно-фигурные стойки ограждения балконов, крыльца и т. п.). Архитектурный резной декор охватывает следующие части традиционной жилой постройки: фронтоны (верхняя треугольная часть фасада, ограниченная двумя скатами кровли), фасадная стена сруба, крыльцо, входная группа — ворота, калитка, палисад. Планировка строений зависит от типа усадебного комплекса, его наполненности постройками. Включение в комплекс декора дома (усадьбы) входной группы: ворота, калитка, забор — обусловлено обилием резьбы в толще воротных створок, в надвратных конструкциях, креплением накладных элементов на створки, столбы, заборы. С учетом конструкции кровли дома в комплекс декоративной композиции могут входить фронтоны или слуховое окно, светелочный комплекс, балкон или фальшь-балкон.

Способы выполнения деревянного декора связаны с различными видами традиционной резьбы и художественной обработки дерева. Широко используется глухая выемчатая и рельефная резьба, сквозная прорезная, накладная, а также объемная резьба, но особое распространение со второй

половины XIX в. получила так называемая пропильная резьба. На протяжении всего XX в. она была достаточно распространенным видом народного творчества и придавала специфический национальный колорит русскому народному зодчеству. В ней были воплощены этнические орнаментальные мотивы, самобытные традиции декорирования, наполненные единым для всего народного искусства высоким смыслом символического содержания.

В декоративном резном убранстве традиционной жилой постройки ключевое, доминантное положение обычно отводится художественному оформлению фасадных окон, которые, как и глаза человека, способны отразить глубинную суть духовного мира народного зодчества и мастеров, создающих предметную среду по законам красоты и гармонии.

Оконный наличник как элемент резного убранства дома является наименее зависимой от конструкции постройки частью декоративного комплекса. Декоративное оформление окна наличником является стабильной нормой, хотя здесь также обнаруживается определенная зависимость от конструкции жилой постройки. Каркасные рамы наличников срубной и фронтовой части дома, как правило, отличаются толщиной используемых досок, да и в целом их композиции отличаются насыщенностью декоративных форм, а также сложностью конструкции. Фронтовые наличники обычно представляют собой плоскостные конструкции, состоящие из декорированной рамы-нащельника, которая изготавливается из доски толщиной 20—25 миллиметров. Наличники в срубной части более основательны как по объему древесного массива, так и по надежности, прочности конструкции. Если на фронтовых наличниках способами резьбы декорируется сама рама-нащельник, то рамная каркасная основа срубного наличника практически не декорируется, выполняя сугубо утилитарную функцию, а декоративные элементы как художественное дополнение крепятся на каркас. Это может быть объяснено тем, что традиционно чердачная часть дома была нежилой, как правило, она использовалась как своеобразное подсобное помещение для хранения запасных вещей, утвари, инструментов. Поэтому фронтовой наличник выполнял скорее декоративную, чем утилитарную функцию. В настоящее время эта закономерность не проявляется, так как изменились не только технологии и материалы строительства, но и конструктивный облик деревянного дома. Наличники на фасаде сруба используются исключительно с целью украшения, поскольку утилитарно-практической надобности в них нет. Именно поэтому очень часто срубные наличники имеют плоскостную конструкцию.

В типичной традиционной постройке декоративное обрамление оконного проема состоит из фронтона, двух вертикальных тяг (колонок или полуколонок) и подоконной части. Основную декоративную нагрузку несет комплекс очелья окна — развившаяся подкарнизная фризная часть, увенчанная карнизом, а также надкарнизная доска или навершие, *кокошник*. К этой же категории декоративных элементов относятся подоконная доска,

ушки, капители и т. п. Усложнение комплекса наличника происходит за счет того, что помимо плоскостных форм существуют и развитые архитектурно-объемные конструкции. Как правило, формирование архитектурного объема начинается с верхней части, значительно выступающей и нависающей над всей композицией наличника.

Всё разнообразие декоративных форм и конструкций наличников имеет, так или иначе, некоторые общие черты, которые позволяют говорить о типологии наличников. При анализе тверских наличников со всей очевидностью выстраиваются вполне определенные типологические группы. С точки зрения конструктивного критерия значение имеют, во-первых, плоскостное или объемное решение конструкции, а, во-вторых, форма карнизной доски. Если верхняя выступающая часть антаблемента или стены завершает здание, такой карниз называется венчающим. Другой вид карниза — промежуточный — выполняется на фасаде для завершения этажа.

Тверской материал показывает, что оконный проем и соответственно косяк, рама и рамная конструкция наличника имеют, как правило, прямоугольную форму. Но встречаются окна с дугообразной формой верхней стороны проема. Соответственно, при повторе карнизом верхней линии оконного проема можно говорить о двух группах конструкции наличников: с прямой горизонтальной карнизной доской и с дугообразной. Кроме того, широко бытуют наличники, в которых карнизная доска принимает самостоятельную декоративную домообразную форму с треугольным двухскатным фронтончиком или барочную с завитками-волутами, заимствованную из каменного зодчества. Это позволяет выделить следующие группы декоративных конструкций наличников:

- плоскостная конструкция с декорированной рамой-нащельником;
- архитектурно-объемные конструкции с прямой горизонтальной карнизной доской;
- архитектурно-объемные конструкции с дугообразной карнизной доской;
- архитектурно-объемные конструкции с домообразной двухскатной формой очелья («ломаная» карнизная доска);
- архитектурно-объемные конструкции с барочной формой очелья.

Каждый из этих типов конструкции имеет свои варианты по сложности и степени декоративности. Так, в первой группе плоскостных конструкций рама наличника может быть изготовлена из профилированной¹ или гладкой доски, наложенной на примыкание окна к стене. Использование профилированной доски (по сравнению с гладкой) уже вносит элемент дополнительного декорирования. Варианты декоративной композиции наличника связаны с тем, что наличие карниза, обычно венчающего очелье, может завершать собой композицию конструкции, когда под карнизом располага-

---

¹ Обработанный различными профильными фрезами погонажный пиломатериал.

ется фриз или подкарнизная доска, а может допускать развертывание композиции вверх за пределы карниза, то есть допускать появление надкарнизной доски — кокошника. Декорирование этих элементов может осуществляться с помощью различных видов резьбы. Например, фризовая часть может украшаться прорезной резьбой в виде подзора, размещенного под карнизом. Также имеет место одновременное наличие надкарнизного декора и подкарнизного орнаментального подзора, выполненного в пропиленной технике резьбы в различных вариантах расположения — на просвет или накладным способом.

Характеризуя плоскостную конструктивную группу, важно отметить, что наличниками этого вида забираются, как правило, фронтоные чердачные окна. Хотя в редких случаях они встречаются и на срубной части дома. Оформление подобных окон декором происходит относительно равномерно по всем четырем сторонам. В некоторых случаях рама наличника может состоять из трех досок (исключая нижнюю). Это зависит от расположения окна на фронтоне дома — по центру фронтона или внизу у лобовой доски, а также от способа отделки фронтона тесом, когда из-за разной направленности тесин при зашивке фронтона, по его центру прокладывается карниз. Таким образом, отсутствие нижней доски наличника заменяется карнизной планкой фронтона или его лобовой доской.

Характерным для тверских наличников является то, что основу конструкции декоративного убранства окна в срубной части дома составляют архитектурно-объемные формы. Объемность конструкции связана со сложной формой карниза, венчающего наличник. Как правило, он состоит из верхней доски-отлива (предохраняющей всю оконную конструкцию от попадания влаги) и профилированного бруска, на который опирается доска-отлив. Профиль бруска в сечении может иметь разную форму: сфера, каблучок, гусёк и т. п. Каблучок — в архитектуре облом (срез), образованный плавным соединением двух простейших обломов: четвертного вала и выкружки, при котором выступающую часть образует четвертной вал. Гусёк — криволинейный облом, образованный плавным соединением двух простейших обломов: выкружки и четвертного вала, при котором выступающую часть образует выкружка.

Ширина отлива и бруска определяет объемность всего навершия наличника и чаще всего требует прикрытия торцов. Иногда торцевые части представляют собой относительно самостоятельные построения и превращаются в своеобразные капитальные композиции. Профилированный брус может заменяться профилированной доской и тогда торец конструкции снабжается кронштейнами-консолями, к которым крепится и верхняя отливная, и карнизная доски. Таким образом, очелье окна образует объемную трехмерную конструкцию карниза, состоящую из двух боковых и лицевой плоскостей.

В группе наличников архитектурно-объемной конструкции с прямой горизонтальной карнизной доской обнаруживаются, как минимум, четыре разновидности. В первой разновидности горизонтальная карнизная доска является доминирующим элементом и определяет декоративную композицию. Вся конструкция состоит из четырех элементов: доска-отлив (полочка), торцевые стенки или кронштейны-консоли и лицевая подкарнизная часть. Увеличение ширины верхней части рамной конструкции удлиняет форму и образует декорируемое фризовое пространство. Декорирование фриза осуществляется либо с помощью накладных пропильных орнаментальных элементов, расположенных непосредственно на верхней доске рамы наличника, либо за счет «свисающего» подзора, выполненного в пропильной технике резьбы. Такой пропильный подзор может располагаться как на лицевой, так и на торцевых сторонах очелья окна.

Вторая разновидность имеет рельефные, выступающие капительные формы вертикальных тяг (стоек наличника). Здесь верхняя отливная доска (полочка) при виде сверху может приобретать очертание буквы П. Соответственно карниз, фигурно повторяя очертания полочки, с трех сторон охватывает увеличенные за счет капителей объемы вертикальных стоек наличника, и протягивается по верхней доске рамной конструкции наличника, которая в результате приобретает черты подкарнизного фриза. Конструкция самих капителей образуется с помощью профильных брусков различных фасонов или благодаря спускающемуся от карниза пропильному подзору. Как правило, капители и подкарнизный фриз соотносятся между собой по высоте, а в случае образования капителей с помощью спускающегося от карниза пропильного подзора создают вместе с подкарнизным фризом единую фризовую ленту, фризовый подзор.

Две другие конструктивные разновидности рассматриваемой группы наличников отличаются от двух названных выше только тем, что помимо подкарнизной декорированной части имеют еще и надкарнизную. Надкарнизная часть, наверхние, в первом случае бывает сплошной по всей ширине наличника, то есть состоит из единой надкарнизной доски, а во втором случае состоит из трех отдельных фрагментов.

Следующий тип наличников имеет дугообразную карнизную доску. В Твери и районах области такие наличники встречаются редко. В срубной части они, как правило, связаны с одночастной конструкцией рамы, а в чердачной части дома, на фронтоне, встречается трехчастное арочное окно, которое называется венецианским. Экспедиционные материалы позволили зафиксировать оба варианта окон. Можно также указать на то, что в рамках этой группы встречаются как плоскостные, так и архитектурно-объемные конструкции. Кроме того, возможны варианты конструкции, когда дугообразный проем окна оформлен наличником с прямой горизонтальной карнизной доской, включая всевозможные подвиды этой группы.

В предыдущих типах верхняя карнизная доска повторяла очертания окна. Но существует и другой тип домообразных наличников, которые А. И. Скворцов описал как «карниз „конем“ с треугольным фронтоном очелья».¹ Здесь проявляется другая композиция декоративной формы верхнего края очелья, при этом форма окна остается прямоугольной. Внешне вся конструкция наличника схожа с очертаниями дома с двускатной крышей. Но в декоративной композиции двухскатная классическая форма доски-отлива часто преобразуется в форму с полками — симметричными горизонтальными плечами или карнизными выступами в виде капителей. Кроме того, есть композиции с разорванным фронтоном, заимствованным из декора каменного зодчества. Такое намерение воспринимается как трехчастная композиция, так как в центре его возвышается фронтовая конструкция, а края могут быть оформлены как прерванное прямолинейное продолжение фронтона или иметь форму полуволютных завитков.

Как и в группе наличников с горизонтальной карнизной доской здесь обнаруживается несколько разновидностей. Во-первых, можно выделить достаточно плоскостные формы, которые чаще всего скудно декорированы. Наряду с ними весьма разнообразно представлены архитектурно-объемные конструкции и с доминирующей карнизной доской, и с рельефными, выступающими капителями вертикальных тяг (стоек наличника). Кроме того, здесь также часты конструкции, в которых декор локализуется в рамках фронтона наличника, то есть декоративные элементы располагаются под карнизом. Но также характерны для этой группы и архитектурно-объемные конструкции, сочетающие подкарнизный декор с развитыми надкарнизными формами. Сходство в группах проявляется еще и в том, что здесь в качестве декора часто используются подкарнизные пропиленные подзоры, которые за счет двускатного рельефа выглядят как подзорные гирлянды.

Наконец особо следует сказать о группе архитектурно-объемных наличников с барочной волютной формой очелья. Характерной особенностью наличников этой группы является пышность резного декора, обусловленная их принадлежностью по происхождению к барочному стилю каменной архитектуры. Фронтовое пространство под волютным карнизом нередко завешивается присборенным занавесом, вырезанным в технике глухой рельефной резьбы. Достаточно изысканно оформляется подоконная доска и вертикальные тяги. В качестве характерных черт наличников данной группы можно отметить отсутствие здесь каких бы то ни было надкарнизных элементов. Волютный карниз венчает собой декоративную форму наличника и не допускает никакого распространения вертикальных надстроек.

Говоря о декоративных конструкциях наличников, следует указать на различные варианты построения вертикальных тяг и подоконных досок.

---

¹ Скворцов А. И. Русская народная пропиленная резьба. Л.: Художник РСФСР, 1984. С. 101.

Очень часто вертикальные тяги оснащаются капитальными формами. Создание образа капители обеспечивается различными способами: рельефные карнизы, консольные конструкции, подкарнизные подзоры. Сами стойки могут приобретать объемные формы за счет накладных резных или точеных элементов, придающих стойкам сходство с колоннами. Декорированность стоек приобретает особую нарядность за счет прикрепления боковых подвесок, так называемых ушек.

Подоконная доска как дополнительный элемент в конструкции усиливает декоративность композиции наличника. Конструктивно она может представлять собой массивную доску с пропильным орнаментом или состоять из набора небольших вертикальных дощечек, украшенных пропильной резьбой и образующих пропильный подоконный подзор.

Декоративный образ окна, забранного наличником, часто дополняется ставнями. Ставни, как правило, представляют собой филенчатую конструкцию, которая состоит из рамы, собранной с помощью сквозных потёмочных шипов, закрепленных нагелями, и двух или трех филенок. Филенки обычно выстругиваются с одной «дневной» стороны, то есть просматриваются при открытом состоянии ставень. Ставни навешиваются на петли, прикрепленные к внутренней торцевой стороне вертикальных тяг наличника.

Дополнительным средством декорирования деревянных жилых построек выступает окраска, которой покрываются и наличники, и ставни, и тесовая обшивка стен жилища. Средствами окраски, за счет цветовых контрастов, выделяются и подчеркиваются детали резного декора.

Описание форм тверских резных наличников позволяет обозначить типологическое разнообразие встречающихся вариантов и выделить устойчивые, часто повторяющиеся, наиболее распространенные формы. В конструктивном своеобразии очертания формы наличника особое значение имеет его верхняя часть — комплекс очелья. Остальные части: вертикальные стойки-тяги, подоконная доска, ставни и прочее — не имеют ярко выраженной специфики и в лучшем случае представляют собой варианты общего конструктивного элемента. Именно форма очелья наличника позволяет говорить о распространенности того или иного типа и о создающемся в связи с этим особым самобытным специфическим обликом местной традиции народного зодчества. Так для Твери характерной чертой традиционного резного декора деревянных жилых построек являются наличники с прямой горизонтальной карнизной доской. Статистический анализ имеющихся экспедиционных материалов позволяет констатировать, что более трех четвертей общего числа зафиксированных наличников имеют именно такую форму. На втором месте по степени распространенности стоят наличники с домообразной двухскатной формой очелья — около четверти от общего числа. Буквально единичны наличники с дугообразной формой карнизной доски очелья и с волютным очельем.

Если говорить о технике или виде художественной деревообработки, которая используется в тверском архитектурном декоре, то в подавляющем большинстве случаев встречается пропильная резьба: как в чистом виде, так и в сочетании с другими видами резьбы.

Основными мотивами орнаментации в тверском архитектурном декоре являются геометрические композиции. Часто геометрические сюжетные мотивы образуют своеобразный симбиоз с элементами растительных орнаментов, которые также широко бытуют в резном убранстве Твери. Зооморфные, орнитоморфные и антропоморфные мотивы в резной орнаментации встречаются в тверском домовом резном декоре довольно часто и представляют собой художественно наиболее выразительные образцы.

Сопоставляя данные характеристики технологии, формы и образного содержания тверской архитектурной резьбы с аналогичными материалами соседних регионов можно сделать вывод о типичности, стилистическом единстве и общности традиции декорирования деревянных жилых построек, что не исключает проявления черт локальной самобытности.

КУКЛЫ ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

1. Кукольница Е. А. Соломина из деревни Керузино Кимрского района

В августе 2014 г., во время экспедиции в деревню Жорновка Калининского района, мы узнали о замечательной мастерице-кукольнице Евдокии Андреевне Соломиной. О ней рассказала ее дочь Мария Ивановна Кричкина.

Евдокия Андреевна Соломина (1902—1973) родилась и всю жизнь прожила в деревне Керузино Кимрского района. По словам М. И. Кричкиной, ее мать была «очень рукодельной»: «Вы даже не представляете, какая это была красота! Покупных кукол не было. Станем утром, у нас уже кукла новая. Мамка сама всё делала».¹

Игровых кукол Евдокия Андреевна мастерила из тряпок. Применялась распространенная для Тверской области набивно-сшивная конструкция: куски ткани набивались опилками или льняной мятиной, потом сшивались. М. И. Кричкина поясняет: «Мятина — это когда лен мнешь. Его вперед колотют. Вот посеют его, соберут, потом его колотют. Семена эти сыпаются, а снопы эти кладут в ригу. Сушат их в риге. Потом эти снопы в мялку. Эта костра, она отлетает, и мягкое становится. Этой трестой набивают, чтоб иголка лезла, а то другой раз иголка не пролезает, если тряпками набьют». Набитые детали сшиваются, и получается кукольная фигурка.

Далее раскрашивалось лицо. К нарисованным глазам мастерица приклеивала ресницы, сделанные из конского волоса: «Наши волосы, они очень мягкие, а лошадиный хвост, он такой твердый, или из гривы лошадиной, раньше всё подстригали лошадей. Она пойдет на конюшню, у конюха спросит — он даст ей. А другой раз женские подстригает грубые волосы, тоже ей давали: “Тётъ Дунь, на!” У меня, например, мягкие — они уже не годятся, а надо обязательно, чтобы были грубые волосы». Прическу кукле Евдокия Андреевна тоже делала из конского волоса. Стоит отметить, что применение человеческих и конских волос для создания куклы не является только тверской традицией, но известно и в других областях России.²

У кукол был полный гардероб: и платья, и юбочки, и кофточка, и паль-

---

¹ Зап. К. В. Бабковская от М. И. Кричкиной 1932 г. р., д. Жорновка Калининского р-на, 31.08.2014. Архив автора. Далее ссылки на М. И. Кричкину не отмечаются.

² Морозов И. А. Феномен куклы в традиционной и современной культуре: Кросскультурное исследование идеологии антропоморфизма. М., 2011. С. 199; Дайн Г. Л., Дайн М. Б. Русская тряпичная кукла. Культура, традиции, технология. М., 2007. С. 24.

³ Голдовский Б. П. Куклы: Энциклопедия. М., 2004. С. 379.

то. Евдокия Соломина шила не только кукол-девочек, но и мужичков, и ребят в соответствующей одежде. «А еще,— рассказывает Мария Ивановна,— мама одеяльца для кукол шила из клинышков, клинышки — маленькие тряпочки. Она их все соберет, на машинке нашьет, чтобы были у кукол одеяльца всякие из клинышков. Маленькие тряпочки, которые негодные — она сшивала».

Были у кукол и кровати, и кукольный дом с окошками, сделанные из соломы. Из соломы Евдокия Андреевна делала и кукол, но, как правило, обрядовых: на Масленицу и Рождество. Подходящую для изделий солому мастерица выбирала и специальным образом подготавливала. «Она ее парила. Которую если на кровать, она поглубе делала, а которая если там кукла, она помягче делала, чтобы она была пареная. Печку стопит вечером, на ночь намочит этот сноп и сунет в печку, чтобы он разопрел».

М. И. Кричкина рассказывала, что Евдокия Андреевна учила делать кукол и ее, но уже всё забылось. Даже для своих детей Мария Ивановна уже кукол не делала, а ее дочь играла с куколками, созданными бабушкой.

Можно предположить, что Евдокия Андреевна подготавливала солому для изготовления кукол традиционным способом, известным не только в России, но также в Белоруссии и на Украине: «Чаще всего берут ржаную или пшеничную солому. Перед изготовлением куклы солому сушат на солнце. Затем мастер вымачивает ее в горячей соленой воде. От этого она становится мягкой и эластичной».¹

К Масленице Евдокия Андреевна делала ритуальную куклу для деревенского праздника. По свидетельству М. И. Кричкиной, Керузино в середине XX в. было большой деревней в 150 домов. Масленицу праздновали широко и готовились к ней сообща. Молодежь ездил по округе и с каждого дома собирала дрова и мусор. Если в каком-то доме дров не давали, то веселым сборщикам приходилось подворовывать. Вместе со скарбом Масленицу сажали в сани. В них впрягались ребята и везли чучело на себе за деревню, в поле, и там его сжигали. Как говорит М. И. Кричкина, ее мама делала куклу со всей ответственностью: «чучело было прям как человек», а именно женщина. Солома не просто связывалась и представляла символическую фигуру, а особым образом выплеталась. Кукла имела и голову, и руки, и ноги. Для Масленицы Евдокия Александровна тоже подготавливала солому — высушивая и вымачивая.

Е. А. Соломина и другие жители Керузино имели обычай изготавливать и домашних маленьких Масленичек. Соломенная кукла в данном случае не была полой, как традиционные стригушки, а изнутри набивалась, чтобы дольше сохранять форму. В данном случае соломенная конструкция выполняла в меньшей степени функцию каркаса, а была призвана доставлять эстетическое удовольствие: «Все приходили, любовались — они как золотые, солома-то блестит». Таких кукол не сжигали, а оставляли дома.

---

¹ *Голдовский Б. П.* Куклы: Энциклопедия. М., 2004. С. 379.

Из соломы Евдокия Андреевна также плела птиц: голубей, ворон, сорок и воробьев. Плела в основном вечерами, когда оставалось свободное время. Вспоминает М. И. Кричкина: «Раньше, дочка, не было ни лампы, ничего, а вот такие вот ночнички пузыречком, и туда была маленькая веревочка вдернута, и вот на стол поставят этот ночничок, и горела, и всё делали как-то... А мамка всё выплетала. Она соломку плела как-то рядочками, потом ворочалась — опять рядочками».

Кроме соломенных и тряпичных кукол, Евдокия Андреевна делала и глиняных. Подробностей М. И. Кричкина вспомнить не смогла, просто сказала, что «глину запасали как-то и делали всякие фигурки». Для детей Е. А. Соломина вырезала и бумажных кукол с полным гардеробом. Из газет, бумаги, картона, особенно в послевоенное время, на быструю руку, кукол вырезали и в других районах Калининской области.¹

М. И. Кричкина рассказала, что в детстве с мамиными куклами они играли в основном в «дочки-матери», а еще разыгрывали, как будто куклы ходили друг другу в гости на престольные праздники, как люди. Е. А. Соломина делала кукол и своим детям, и внукам, и даже соседским ребятишкам.

Таким образом, нам удалось записать информацию об увлеченном человеке, мастере кукол Е. А. Соломиной. Несмотря на разнообразие кукольных фигурок, которые были созданы Е. А. Соломиной, мастерица работала в рамках народной традиции, воссоздавала технологии традиционных обрядовых и игровых практик.

К сожалению, ее куклы не сохранились. Большую бумажную коробку с куклами, изготовленными Е. А. Соломиной, перевезла с собой из Керузино Кимрского р-на в Жорновку Калининского р-на ее внучка. Куклы хранились на чердаке дома Кричкиных. Но в 2000 г. в доме произошел пожар, и куклы сгорели.

Во время августовской экспедиции, наша просьба попробовать повторить куколку, какую делала мама информантки, не увенчалась успехом. Мария Ивановна сослалась на свое здоровье — плохое зрение и больные руки, что в данном случае было правдой, а не отговоркой. При повторной экспедиции в Жорновку через два месяца, в октябре 2014 г., мы узнали, что Мария Ивановна Кричкина умерла.

2. Игровые куклы из растений

Куклы из растений — наиболее естественное воплощение игровых предметов в детской игре. Такие куклы не требуют материальных затрат и участия родителей в процессе изготовления вследствие своей простоты. Тем не менее сведения о них немногочисленны и зафиксированы только в

---

¹ Зап. К. В. Бабковская от В. И. Дулинец 1931 г. р., д. Павловское Калининского р-на, 6.09.2014; Зап. К. В. Бабковская от З. А. Кангро, 1942 г. р., Тверь (род. д. Баканово Старицкого р-на), 3.04.2013. Архив автора.

небольшом числе интервью. Бытование кукол из растений носит сезонный характер, так как сделаны они из нестойких материалов: их мастерят в весенне-летний период, небольшое количество — осенью, изготавливают из частей растений: цветов, листьев, стеблей, веток.

Куклы отличаются незамысловатостью изготовления. Так, если в ходе игры у детей возникает потребность создать животных, их образы могут быть предельно условными. Лидия Николаевна Иванова из д. Вяхирево Старицкого района рассказывает: «Раньше в палочки играли, палочку положим — это корова, это — поросенок».¹ Так играли в довоенное, послевоенное время, но так же играют и сейчас. Схематичное создание антропоморфных игровых фигурок, без внимания к деталям, аксессуарам, свойственно в большей степени для мальчиков. Они играют в войнушку, поэтому солдатики выступают расходным материалом, где важно не качество, а количество. Так, например, горизонтально палками протыкают борщевик, и получается крестообразная структура — фигура, где соцветие представляет собой голову (рис. 1); в сосновую шишку втыкают ветки — вот и человечек (рис. 2).²

Частым материалом при изготовлении кукол, особенно в игре девочка, являются цветы. В Твери в мае-июне, во время цветения одуванчика, из него делают куколок. Стебель расщепляют на две-четыре (или более) полоски и опускают в воду. Благодаря содержащемуся млечному соку (латексу), полоски завиваются и становятся похожими на кудри. Из одного такого одуванчика делают голову, из другого — юбку, соединяют цветы палочкой, получается девичья фигура (рис. 3).³ Эта куколка, конечно, встречается не только в Тверском регионе, она распространена по всей России — даже на Дальнем Востоке и Сибири. В социальной сети Интернет ВКонтакте есть группа, созданная юной жительницей Комсомольска-на-Амуре, «Делаем куколок из одуванчиков».⁴ Тверским куклам из одуванчика рук не делают, а у дальневосточной дамы верхние конечности образованы из тростинки, воткнутой горизонтально в стебель.

Свойство образовывать завитки было замечено детьми и у зеленого лука. Например в д. Баканово Старицкого района в 1960-е гг. расщепляли батун на полоски, приставляли ко рту и, смачивая слюной, говорили: «Баран, баран, завей рога!»⁵ (рис. 4, 5). А в Лихославльском районе приговаривали:

---

¹ Лидия Николаевна Иванова 1928 г. р., д. Вяхирево Старицкого р-на, 9.05.2013. В тех случаях, когда полевые материалы записаны автором статьи, имя собирателя и место хранения материала не указывается. При повторном упоминании исполнителя информация о нем дается в сокращении.

² Мирослав Быстров 2003 г. р., Арсений Быстров 2004 г. р., д. Черногубово Калининского р-на, 15.10.2013.

³ Ученики 1, 2 класса школы № 3, Тверь, 11.05.2012.

⁴ Делаем куколок из одуванчиков; <http://vk.com/club53623120>; дата обращения 11.03.2014.

⁵ Зоя Алексеевна Кангро 1942 г. р., Тверь, 10.08.2013.

*Коровушка-буренушка,
Дай молочка!
А не дашь молочка,
Я возьму твоего бычка.¹*

Текст похож на колядку.

Такая забава с завиванием лука известна не только в Тверской области, но и, например, в Удмуртии. Там дети сопровождают игру фразой: «Бубыль-бабыль, бубыль-бабыль!», производной от *бабылес* ('кудрявый').²

Эти поделки из природного материала также называют куклами. И. А. Морозов объясняет законность такого наименования тем, что зооморфные и фитоморфные персонажи выступают в тех же контекстах, что и антропоморфные. В случае куклы и подобных ей предметов мы сталкиваемся с «геном антропоморфизма».³

Исходя из того, что в фольклоре игра тесным образом, генетически связана с обрядом,⁴ игры детей с самодельными куколками из растений могли быть подражанием манипуляциям взрослых с обрядовыми куклами. Так, кроме традиционных игр в дочки-матери, приготовление пищи, куплю-продажу, необычной для коллектива детей представляется игра в похороны. В Бологом в конце 1960—1970-е гг. под стеклышками от бутылок закапывали цветки выюна. Это называлось «похоронами принцессы», хотя хоронили не только выюн, но и любые цветы.⁵ Такие действия, возможно, были производными от похорон ритуальных кукол весенне-летней обрядности, например похорон кукушки.

Кроме того, на детское восприятие влияли, безусловно, и церковные обычаи. Так в представлении детей, каждое мертвое существо должно быть непременно захоронено, а незахороненному существу плохо. Рассказывает Антонина Андреевна Филиппова из д. Жорновка Калининского р-на: «У одних у нас пчелы были. Они ели мед, и нам хотелось. Мы стали ловить пчел — голову оторвем и мед сосали... А как хоронили? Выроем ямку, еще поставим типа крестика, типа могилки. Хоронили, потому что жалко было».⁶

Некоторые исследователи считают, что обряд превращается в игру по мере его вырождения, постепенного изнашивания им магических функций

---

¹ М. И. Иванова 1906 г. р., д. Прудово Лихославльского р-на, 1982. Государственный республиканский Дом народного творчества, фонд М. В. Строганова (полевые материалы 1970—2000 гг.). Папка «По жанрам».

² Попова Е. В. Игрушки из растений в детской игровой культуре удмуртов и бесермян // Традиционная культура. 2005. № 3. С. 92.

³ Морозов И. А. Феномен куклы в традиционной и современной культуре. Кросскультурное исследование идеологии антропоморфизма. М.: Индрик, 2011. С. 12.

⁴ Ивлева Л. М. Дотeatраально-игровой язык русского фольклора. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998.

⁵ Светлана Николаевна Лебедева 1967 г. р., Тверь, 25.11.2014.

⁶ Антонина Андреевна Филиппова 1937 г. р., д. Жорновка Калининского р-на, 31.08.2014.

и мифологической содержательности, в силу нарастания в нем чистой занимательности, развлекательности и зрелищности.¹ Так, А. А. Потебня само слово *игра* производил от корня *jaḡ* (санскр. -*jaḡj-*) со значением ‘жертвоприношение’. С этим контекстом могли быть связаны вышеуказанные простейшие фигурки из лука. Здесь можно провести аналогию с обрядовым печенем, излюбленной формой которого была баранья голова с витыми рогами.² Хотя изготовление барашков из лука является для детей игрой, эта забава, предполагающая поедание, вероятно, есть реминисценция архаических культов плодородия и связанных с ними отголосков жертвенных подношений. Таким образом, когда мы говорим о народной игровой кукле, мы не можем отрицать ее былую связь с обрядом.

Так известно, что стригушка из льна или соломы — это обрядовая кукла, которую делали в честь богатого урожая. Но опрошенные нами информантки не помнят ее назначение, а говорят, что в середине XX в. с ней просто играли (Л. Н. Иванова). Эти более сложные в изготовлении и в смысловом отношении куклы, которые представляют полноценную человеческую фигуру, создавали, как правило, не сами дети, а родители.

Нередко растения составляли не основу, а дополнение к кукле. По сообщению восьмилетней жительницы Твери Арины,³ ее бабушка использовала ромашку для украшения куклы. Сшивной фигурке из ткани делали шляпу из желтой серединки цветка, подтыкая ее английской булавкой к голове. Лепестки же отрывали и прикрепляли к поясу — получалась оборка.

В Бологом в качестве кукольного аксессуара — зонта — использовали листья лопуха (С. Н. Лебедева).

По осени, в пору листопада, в Твери дети делают кукол из цветных листьев. «Берешь один лист, скручиваешь, вкладываешь в другой, а потом перевязываешь ниткой!»⁴ Получается кукла с головой в распашном балахоне. Разноцветными осенними листьями дети играют, конечно, не только в Твери, но и повсеместно в России. Известна удмуртская кукла Мунё, что в переводе означает просто ‘кукла’, хотя она имеет несколько иной облик. Разноцветные листья подбирались по сходству с тканями и элементами традиционного костюмного комплекса, изготавливается в технике плетения. Такая кукла похожа на гусеницу.⁵

---

¹ Эта точка зрения свойственна многим авторам: *Акимова Т. М.* Русская народная драма XVII—XX вв. // *Русский фольклор: Материалы и исследования.* Вып. II. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 343; *Гусев В. Е.* Истоки русского народного театра: Учебное пособие. Л.: ЛГИТМиКЭ, 1977. С. 5—6; *Савушкина Н. И.* Русский народный театр / Отв. ред. Э. В. Померанцева. М.: Наука, 1976. С. 4; и др.

² *Урзятти В. С.* Народные игры и развлечения осетин. Орджоникидзе: Ир, 1987. С. 266.

³ Арина Андрианова 2005 г. р., Тверь, 14.05.2013.

⁴ Юрий Костин 2005 г. р., Тверь, 14.05.2013.

⁵ *Попова Е. В.* Игрушки из растений в детской игровой культуре удмуртов и бесермян. С. 88.

Сезонный характер изготовления кукол из растений, с одной стороны, затрудняет возможность проследить историю такой игрушки во времени, но, с другой, можно отметить естественную потребность детей к ее созданию — это своеобразная генетическая память людей, возвращающая к ритуалу как игре.

ПЕЧАТНЫЙ ПРЯНИК В ОБРЯДЕ ТВЕРСКОЙ СВАДЬБЫ

Традиционная обрядовая выпечка является важной составной частью культуры русского народа. Начиная с середины XVIII в. в разные зоны бытования обрядовой выпечки активно проникает печатный пряник, зачастую полностью замещая более древние виды тестяных изделий. Пряник вошел в жизненный цикл человека и стал символическим эквивалентом древнего обрядового хлеба: и зернам, и блинам, и пирогам, и караваем. Наряду с обрядовой выпечкой он маркирует практически все сакральные действия в жизни человека, сопровождает его практически на всех этапах жизненного пути.

Весьма заметное место печатный пряник занимает в предсвадебных, свадебных и послесвадебных действиях: «Праздничные свадебные пряники имели несколько назначений. Одни из них дарили невесте перед свадьбой („орехи“) для подношения гостям. Были пряники „разгонные“ („разгоня“), которые раздавали гостям по окончании свадебного пира. Были и послесвадебные, с которыми молодожены навещали родителей. На такой пряник родители клали молодой подарки и деньги; от этого обычая пошло выражение „класть на пряник“».¹

По имеющимся фольклорно-этнографическим свидетельствам, печатный пряник был важным атрибутом и в тверской свадебной обрядности.

Основная работа по выявлению информации о тверской пряничной традиции и, в частности, об обрядовом значении печатного пряника, в силу ограниченности полевого материала проводится в архивах, музеях и фондах библиотек и связана в основном с фольклорно-этнографическими свидетельствами второй половины XIX — начала XX в.

На сегодняшний день наибольшее количество сведений об участии печатного пряника в тверском свадебном обряде относится к предсвадебным действиям. В Осташковском уезде «дня через три после сговора ходили от невесты к жениху девицы и женщины, в сопровождении мужчин, за пряниками; подходя к воротам, они начинали петь подблюдные песни, им выносили пряников и несколько блюд с гостинцами»;² «В Тверском уезде вечером накануне свадьбы жених отправлял своего отца к невесте с гостинцами и пряниками для девичника».³ Обычай преподносить невесте пряник бытовал и в Бежецком уезде: «В эти две недели невеста готовит приданое, а

---

¹ Шкаровская Н. С. Пекарское искусство. Обрядовые фигурки и декоративные пряники // Советское декоративное искусство. М., 1988. Вып. 5. С. 252.

² Р-в Н. Свадебные обычаи в Осташковском уезде // Тверская старина. 1913. № 2. С. 41.

³ Калмыкова Л. Э. Народное искусство Тверской земли. Тверь, 1995. С. 73—74.

жених ее часто навещает и обыкновенно приносит ей гостинцы: пряники или конфеты».¹ В Весьегонском уезде «дня за два до свадьбы жених с братом или сестрой идет к невесте с двумя-тремя фунтами пряников „покупать ее“».² По свидетельству И. Г. Крестникова, в с. Городня Тверского уезда в свадебном обряде девичник бытовал такой эпизод: «Сваты невесты шутят <...> с гостями жениха: „Зачем разгневали невесту нашу?“ Но те в знак умилоствления невесты выкладывают на стол принесенные с собой гостинцы: ба-ранки, пряник-стерлядку (обязательно), зеркало, вуаль, кольцо, серьги, ку-сочек мыла, румяна и «белила» (пудру), потом садятся за стол и гости же-ниха <...> угощают гостей невесты вином, принесенным с собой».³

Непосредственно свадебная обрядность (венчание, пир) в тверской гу-бернии также включает в себя эпизоды с участием печатного пряника. В Ржевском уезде, «когда дружка едет за невестой, дабы взять ее к венцу, то берет с собой вина, пива, пирогов и пряников, чтобы выкупать дорогу в во-ротах, которые придется проезжать свадебному поезду княгини. На этих во-ротах бывают заставы различного рода, например ребятишки из деревни кладут кол, бревно и т. п. Тогда дружка раздаёт загородившим разные при-пасы, поит их вином и пивом, угощает пирогом, а бабам и девкам раздаёт пряники». По приезду молодых после венчания у дома их встречают роди-тели с хлебом-солью, а у ворот собирается толпа, которая не пускает жениха и невесту в дом, требуя выкупа. Откупается от них разными припасами, пря-никами, вином и т. д.»⁴

Для того чтобы молодые сильнее любили друг друга, в Старицком уезде сваха прятала невесте за пазуху пряник перед отъездом к венцу. После венчания молодые должны были съесть его. «В Ржевском уезде молодая в день свадьбы пряником выкупала постель у невестки. Пряниками она отку-палась и на следующий день, когда подметала пол, чтобы гости не сорили соломой в избе, и когда шла за водой, чтобы не опрокидывали ведра. Или же одаривала дружка во время обряда обливания теленка пивом в знак по-желания молодым иметь потомство. В Старицком уезде после ужина моло-дые становились посреди избы, а дружка брал блюдо, накрытое полотенцем, с кусками большого свадебного пряника, называемого „молéно“, и препод-носил их родителям жениха, а оставшиеся — родне».⁵

---

¹ Материалы, собранные А. Г. Кирсановым по этнографии и фольклору: рукописи ле-генд, народных песен, сказок, свадебных обрядов и песен, частушек, записанных в 1920—1930 годах // ГАТО. Р-625. Оп. 1. Ед. хр. 76. Л.13.

² Пушай Т. К. Крестьянская свадьба в Весьегонском уезде // Тверская старина. 1991. № 2. С. 130.

³ Крестников И. Г. Выдача замуж // Журнал 116 заседания ТУАК. 1913. 17 марта. Тверь, 1914. С. 66.

⁴ Сокальский П. Свадебные обычаи в Ржевском уезде // Этнографический сборник. СПб., 1862. № 5. С. 61, 62.

⁵ Калмыкова Л. Э. Народное искусство Тверской земли. С. 75.

Свадебные пряники были самыми нарядными, искусно украшенными. В некоторых случаях они замещали собой свадебный каравай. В научной литературе известно описание ржевского свадебного пряника молено, который был длиной 1,5 аршина (1,06 м), толщиной 1,5 вершка (6,6 см) весил 1 пуд 35 фунтов (30,7 кг). Пряник был украшен цветным сахаром, позолотой, орнаментом и изображением двуглавого орла¹. В. И. Даль толкует слово *молены* как ‘гостинец, съестное печенье, лакомство, особенно свадебное’.² Название пряника *молена* И. З. Зубец связывает с древними обрядовыми хлебами, упоминающимися в церковных поучениях XII—XIII вв. под названием «моление коровайное», приносившееся языческим богам. Родственное название — «моленное» имел свадебный пряник в Александровском уезде Владимирской области.³

Для организации свадебного стола помимо приготовления праздничной еды, приобретались пряники. «Между тем как дружки заняты приглашениями, а невеста — сборами, в доме жениха с самого раннего утра идет деятельная стряпня, начатая еще накануне. Пекут пирожки, варят мясо, сладкую кашу. Пиво и квас сварены раньше, водка и красное вино (кагор) закуплены в достаточном количестве. Водки закупается на свадьбу ведер до 6-ти, столько же варится пива, а квасу заготавливается кадки две. Красное вино предназначается для женщин и девушек. Для не употребляющих спиртных напитков покупается бутылочный мед (кстати сказать, это — самая грубая фальсификация, ничуть не напоминающая настоящий мед: вода, краска, и, может быть, сахарин). Кроме того закупается значительное количество лакомств: пряников, конфет, варенья, орехов».⁴

Собственно, свадебная обрядность не заканчивались после свадебного пира. «В один из ближайших праздников происходит, например, „спознавание“ сватов, сопровождаемое пирушкой. Новобрачный дарит в это время родственникам молодой жены пряники-фигурки, изображающие рыбу (почему именно рыбу? Говорят, что на это теперь мода). Эти пряники-рыбы заменяют прежний, громадных размеров, свадебный пряник».⁵

В большинстве регионов России масленица завершала свадебные ритуалы, которые продолжались в течение первого года семейной жизни молодых. Обязательным было посещение родственников и знакомых: «Новобрачные ездят по своим родным отдаривать тестя с тещею, сватов и друзей за свадебные подарки. Здесь, кроме подарков, приносились и пряники, испещренные узорами и надписями: «Кого люблю, того дарю»; «От милого

¹ Богуславская И. Я. Добрых рук мастерство: Произведения народного искусства в Государственном Русском музее. Л., Искусство, 1976. С. 127.

² Даль В. И. Словарь живого великорусского языка. СПб.: Тип. М. О. Вольфа, 1882. Т. 2. С. 348.

³ Зубец И. З. Нематериальное культурное наследие — Ростовский пряник. URL: <http://www.rostmuseum.ru/publication/srm/017/zubets01.html>; дата обращения 7.02.2015.

⁴ Плетнев М. А. К свадебным обычаям в Тверской губернии. Тверь, 1904. С. 9.

⁵ Там же. С. 17.

подарок дороже золота); «Чин чина почитай и подарок не забывай»; «Милости просим нашей хлеба-соли»; «За все благи наше низкое челобитье...»

Выразительным свидетельством обряда, связанного с молодоженами, представляются следующие сведения из Бежецкого уезда: «В Масленицу у жениха, у невесты и у всех родственников того и другого, устраиваются празднества, называемые „пряниками“. Это название происходит от того, что на празднестве подается очень большой пряник, по окончании его, середина вырезается и остается пряничная рамка, через которую молодые должны поцеловаться, чтоб жилось хорошо — „как промеж пряников“, так объяснили, когда было спрошено, что это значит. Потом в прощальное воскресенье на масленице жених и невеста едут к родителям невесты просят прощения и праздник свадьбы кончается».¹

Обнаруженные фольклорно-этнографические свидетельства позволяют выявить зоны свадебной обрядности, в которых в качестве атрибута выступает печатный пряник. Как мы видим, на протяжении всего свадебного комплекса пряник является непосредственным участником тех или иных ритуалов. Продолжая традиции обрядовой выпечки, он символизирует собой, как и любое печиво из зерна, достаток, сытую и сладкую жизнь. При этом по семантической нагруженности пряник иногда превосходит простые хлебные изделия. Происходит это за счет сложной рецептуры теста (многокомпонентность, а значит и большее количество смыслов) и декоративных возможностей (узоры на пряничной доске). Исследование пряничной традиции, в результате которого выявляются новые богатые свидетельства о былом значении печатного пряника в ритуально-обрядовой деятельности наших предков, открывает возможности для глубинного и целостного возрождения тверской пряничной традиции.

---

¹ Материалы, собранные А. Г. Кирсановым... Л. 275.

КАЛЯЗИНСКИЕ КРУЖЕВА ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Кружевоплетение считается относительно новым видом декоративно-прикладного искусства, так как зародилось оно значительно позднее, чем вышивка, ткачество и набойка. Кружево — ремесло европейское. «Первое указание на кружева мы находим в Ипатьевской летописи, далее в XV веке о нем часто упоминается в грамотах бывших князей, но более всего известий о кружевах к нам дошли от XVII века, от которого уцелело много образцов церковных облачений и царских нарядов. В этот период нашей истории русские обычаи и весь общественный строй жизни много способствовал развитию всяких рукодельных работ: шитью, вышиванию, плетению, и по выражению одной старинной рукописи XVII века, „женское замышление“ было в большом почете».¹

Известно, что в конце XVII в. злато-серебряные кружева выплетались в Москве в мастерских при царском дворе. Создавались мастерские в монастырях и в помещичьих усадьбах. «Кружево делалось золотое, серебряное, сканное и пряденое с шелком, было еще кружево саженное и низанное жемчугом и перьями, кружево с пухом и горностаем, с разноцветным жемчугом, с фигурными металлическими украшениями и, наконец, кружево бархатильное».²

Неоценимый вклад в исследование кружевоплетения в Калязине принадлежит Ивану Федоровичу Никольскому. Он еще в 1920-е гг. вел поистине подвижническую работу по изучению и популяризации калязинского кружева, собрал богатейшую коллекцию образцов местного кружева, а также организовывал мероприятия по сохранению уникального ремесла. В 1929 г. вышла в свет его брошюра о калязинских кружевах, в которой он приводит свидетельства о бытовании кружева XVII в. по материалам Кормовой книги Калязинского монастыря 1654 г. Например: «В 1610 году государь царь и великий князь Василий Иванович всея Руси пожаловал в Колязин монастырь ризы, камка, куфтерь, оплечье бархат золотой по червчатой земле, *круживо* камкасея, шелк вишне. <...> Да стихарь бел, камка адамашка... *круживо* тавта двоелична»; «В 1663 году прислала в Колязин монастырь боярыня Екатерина Федоровна вклад: стихарь отлас золотный да патрахиль, да поручи по червчатой земле, обложены *круживом*». Большинство риз XVII и XVIII вв., хранившихся в 1929 г. в Калязинском музее, было украшено золотым и серебряным плетеным старинным кружевом.

¹ Никольский И. Ф. Калязинские кружева: Очерк кружевного плетения в г. Калязине в прошлом и настоящем. Кашин, 1929. С. 4.

² Там же. С. 5.

Кружева употреблялись не только на церковных одеждах, но и в домашнем быту. В сговорной грамоте, писанной в Кашине в 1695 г. при выдаче Каптелины Тверковой замуж за Ивана Томоновского, упоминается «шуба изорбатная, теплая, мех лисий лапчатый, с кружевом серебряным».¹

До Петра I в России хождение имели, в основном, металлические кружева из золотной и серебряной нитей, нашивавшиеся на ткань. Продавались они буквально на вес золота. С освоением ремесла русскими мастерицами, золотные и серебряные нити стали употребляться всё реже: на смену дорогому грузному металлу пришло легкое кружево из шелковой, льняной, хлопчатобумажной нити. Оно было значительно дешевле и, соответственно, спрос резко увеличился.

Воспринятое из Западной Европы вместе с европейским костюмом русское кружево не только сохраняло лучшие традиции стилей брюссельского кружева, валансьен и малин, но и стало подлинным национальным художественным явлением, самостоятельность которого выражается в богатстве колорита, разнообразии технических приемов и, главным образом, изобразительном характере орнамента, свойственном всему русскому искусству.

Историю калязинского кружева принято начинать с 1654 г. По легенде, в этом году в калязинский Троицкий монастырь прибыла Мария Ильинична Милославская, бежавшая от московской чумы под защиту святого Макария. Государыня приехала в монастырь со слугами и мастерицами, обученными плести кружева из золотной и серебряной нити. Так и осталось ремесло кружевоплетения в Калязине.

И. Ф. Никольский, изучив образцы старинного кружева и сборник патриарших, митрополичьих и архиерейских древних грамот Калязинского монастыря XVII в. из архива музея, пришел к выводу, «что современное калязинское кружево — потомок металлического кружева, употреблявшегося для украшения церковных монастырских риз.

Не случайно, конечно, то явление, что кружева распространены в Калязине, т. е. в городе, который получил свое основание и рождение из трех бывших подмонастырских рабочих слобод, носящих в настоящее время (1929 г. — *Н. Б.*) название I, II и III частей города. В этих слободах в XVII и XVIII вв. жили монастырские ремесленники: искусные каменщики, резчики, живописцы, сапожники, портные, гончары и т. д. <...>

Мода украшать церковные русские облачения появилась в XVII в., поэтому не будет большой ошибкой на основании имеющегося материала начало калязинского кустарного кружевного производства отнести к XVII в. и приписать его появление Калязинскому монастырю... Наличие в Калязине в XVII и XVIII вв. большого количества кустарей позолотчиков и

---

¹ *Никольский И. Ф.* Калязинские кружева: Очерк кружевного плетения в г. Калязине в прошлом и настоящем. С. 7—8.

местных заводов сусального золота, необходимого для плетения металлических кружев, еще более подтверждают это предположение».¹

В Калязине, который прежде называли городом крахмала и кружев, кружевоплетением занималось до половины женщин всего мещанского сословия. В конце XIX в. здесь было около двух тысяч кружевниц. Ремесло приобрело масштабы промысла. В Калязине, особенно в подмонастырской части города, в производстве кружев принимало участие всё женское население от семилетних девочек до женщин преклонного возраста. Рабочий день длился 16 часов в сутки, иногда доходил и до 18 часов. Зарботки составляли 25—30 копеек в день. Плетение производилось льняными нитями и шелком. «Пройдите, — говорил один путешественник в первой половине XIX в., — днем или вечером по заволжской монастырской части города, и вы услышите звон коклюшек на улицах и в окнах домов. Мелькает белая лента кружева, слышится веселый звон и песня... И долго в памяти вашей остаются от Калязина величавые башни и стены монастыря, темный сосновый бор, звон коклюшек и тихий плеск волны».²

При расспросе калязинских кружевниц, давно ли они стали плести кружева, — те обычно отвечают, что «еще их прабабушки занимались этим делом, когда были монастырские, и что начала кружева в Калязине никто не помнит». Кружева сбывались в Москве, Петербурге, во многих приволжских городах, а оттуда за границу (Англия, Персия). Калязинские кружева отличались прочностью, оригинальностью, своеобразной красотой рисунка и были очень дешевы.

Особенность калязинского коклюшечного кружевоплетения — его плотность. Узор почти полностью состоит из вилюшки, выполнявшейся плотной полотнянкой, в которую часто пропускали скань: цветную или в тон изделия нить. Дополняет ощущение плотности фоновая сетка-решетка, которая заполняет небольшие просветы. При этом технологической особенностью является то, что решетка была либо плетешковая, либо состояла из насювок. Других элементов практически нет. В калязинском краеведческом музее есть образцы, в которых присутствуют другие элементы, например «отводная петелька», широко применяемая в вологодских образцах. Это объясняется тем, что, во-первых, монастыри поддерживали отношения между собой, могли обмениваться изделиями, а во-вторых, мастерицы могли знать разные приемы, хотя предпочитали свои местные традиции.

«Основные узоры многопарного калязинского кружева: в стиле „валансьен“ с мелким цветочным рисунком, выполненным полотнянкой по диагональной решетке; в стиле „малин“ со сквозными выплетами из цветов, обведенных сканью и разбросанных по 6-гранной тюлевой решетке; „сып-

---

¹ Никольский И. Ф. Калязинские кружева: Очерк кружевного плетения в г. Калязине в прошлом и настоящем. С. 9.

² Цит. по: Калязин: Путеводитель. М., 1995. С. 22.

чатое“ калязинское кружево с геометрическим рисунком ромбами, обводной сканью; „старорусский“ узор с квадратными насновками; „круги-ромбы“; „денежки“; „речки“; „в шахмат“; „мышинные тропочки“, а также сюжетные изображения. Сцепное калязинское кружево развилось несколько позднее и получило название „немецкого“. Оно выполнялось голубым или розовым шелком с золотыми или серебряными сканью или насновками. Основные узоры сцепного калязинского кружева: цветущий куст, птицы-павы, зубцы в форме свисающего 5-тилистника, „репей“ с сердцевинкой в виде шести зернообразных насновок, фасоны „в паву“, „в огурец“». ¹ Выплетали в Калязине и кружево мерное в больших количествах: однотонное и с яркой сканью из шелка, узкое и широкое, — и кружево штучное: плели в основном платки, воротники, изделия для украшения интерьера: занавески, салфетки, прошвы для наволочек, вставки для рубашек и т. д.

«Орудия производства в кружевном деле очень просты и несложны. Для плетения кружев необходимы круглые холщевые подушки, малые и большие. Коклюшки (обстроганные деревянные палочки с утолщением на конце), булавки и так называемые „сколки“, т. е. листки бумаги с натканым кружевным узором. Обзаведение всеми этими предметами стоило в Калязине до войны не более одного рубля. Коклюшки делают из разных пород дерева: дуба, березы и клена. В Калязине их обычно делали раньше в тюрьме арестанты по 1 коп. штука, а также пастухи, ребята, подростки и пр. Самые лучшие коклюшки считаются дубовые и кленовые. Первые ценятся кружевницами по своему весу, а вторые по своей мелодичности — „лучше гремят“, т. е. дают при плетении своеобразный музыкальный тон. (Некоторые кружевницы уверяют, что будто бы при однообразной кружевной работе звонкий стук коклюшек успокаивающе действует на плетельщицу)». ² А еще по коклюшечному звону мастериц называли «звонари» и «шептунь».

Сколки в основном были местные. Передавались рисунки из поколения в поколение. Иногда их даже трудно назвать сколками в современном понимании: пожелтевшие от времени куски картона с проколами. Нет прорисовок никаких линий, непонятно, где фоновая сетка, а где вилошка и т. д. Делались эти сколки таким образом: мастерица под свою работу подкалывала картонку, плела кружево по первому сколу, а на нижней подложке оставались проколы от булавок. Таким образом полученными сколками делились с другими мастерицами.

Считается, что уже в конце XVIII в. в Калязине начали плести кружево на продажу. Именно здесь сложился самый ранний кружевной промысел в России. И в связи с этой ранней специализацией среди мастериц возникли

---

¹ Тверская область: Энциклопедический справочник / Гл. ред. М. А. Ильин. Тверь: Тверское обл. книжно-журнальное изд-во, 1994. С. 120.

² *Никольский И. Ф.* Калязинские кружева: Очерк кружевного плетения в г. Калязине в прошлом и настоящем. С. 13.

разные группы, которые исполняли разные типы кружева. В Калязине плелись кружева двух видов: многопарное (его называют фантажным) и сцепное (или сцепочное). «Первые характеризуются прямолинейностью, рельефностью, чистой отделкой и сложностью узора. Вторые — более плотные, плетутся зигзагообразными, зубчатыми, вьющимися линиями и носят название еще „немецких“. Сцепочные кружева, главным образом, плетутся на I и III частях города Калязина, а фантажные преимущественно на II части города».¹

В первые послереволюционные годы спрос на кружево резко упал. Из восьмисот кружевниц, занятых на промысле до Первой мировой войны, в 1927 г. продолжали плести только сто. Чтобы не дать промыслу угаснуть, было создано «Промыслово-кредитное товарищество» (позднее артель «Сельпромкредсоюз»), взявшее на себя заботу о снабжении мастериц нитями и о сбыте готовой продукции. Однако в начале 1930-х гг. артель распалась. Одни кружевницы продолжали плести, другие переменили профессию. Казалось, промысел угас совсем.

Основной причиной ослабления кружевоплетения было строительство волжского Угличского водохранилища. Ведь кружево плелось в городе и близлежащих деревнях, которые попали в зону затопления. «Когда люди переезжали из своих домов, им было уже не до кружева. Собрали всё, на чердаки покидали. Бабушкам стареньким тоже некогда уже было плести, так всё и лежало. Даже сейчас в некоторых домах в Калязине можно найти на чердаках и сколки, и подушку, и коклюшки, — рассказывала Т. В. Афанасьева, — И потом был такой период, когда кружевное стало не модным, нужно было носить фабричное. А если ты носишь ручную работу, то это получается, что ты не из зажиточной, а из бедной семьи» (материалы экспедиции ТОДНТ 2012 г.).

И. Ф. Никольский в 1929 г. поднимал вопрос об угасании уникального промысла, предпринимал попытки возрождения. Он писал: «Последнее десятилетие кружевного искусства в Калязине проходит под знаком гибели и вырождения. Причины современного кружевного упадка следующие: нет сбыта, дороговизна и недостаток сырьевого материала, отсутствие на рынках ниток в достаточном количестве для плетения.

Всё меньше и меньше слышится в Калязине мелодичный говор коклюшек. Всё реже и реже берутся в руки заветные, затейливые „павлиньими хвостами“ сколки матерей и бабок, коклюшки выкидываются на чердаки и в чуланы, а прежние кружевницы предпочитают по летам вместо плетения кружев уходить „в наймы“, чем заниматься таким дешевым и пустым, как они сейчас говорят, занятием. „Раньше жили кружевными, теперь сдаем комнаты под дачу“. Сдача помещения летом дачникам, которые платят за сезон

---

¹ Никольский И. Ф. Калязинские кружева: Очерк кружевного плетения в г. Калязине в прошлом и настоящем. С. 16.

60—70 рублей и в большом количестве в последнее время посещающих Калязин, конечно, выгоднее плетения кружев.

Далее, другой причиной прекращения плетения кружев в Калязине, в прежнем масштабе, кроме того, что я уже указывал, является очень низкая оценка кружев скупщиками».¹

Проблемой сохранения уникального кружевного промысла в первой половине XX в. занимался И. Ф. Никольский. Его стараниями была собрана большая часть коллекции образцов краеведческого музея. В 1929 г. он выпустил брошюру «Калязинские кружева», в которой дал описание кружева, названия узоров и перечислил мероприятия, необходимые для сохранения промысла. В 1936 г. он предпринял попытку возрождения кружевного промысла в Калязине и отвез калязинских плетельщиц в Вологодский кружевной союз для обмена опытом.

И. Ф. Никольский считал необходимым возрождение местного калязинского кружева и предлагал предпринять определенные усилия «для восстановления и поддержания в Калязине кружевного промысла:

- 1) кооперирование местных кружевниц;
- 2) снижение цен на сырье;
- 3) увеличение и улучшение качества ниточной продукции;
- 4) восстановление через центральные государственные органы сбыта кружева за границу и в восточные окраины СССР;
- 5) устройство в Калязине школы для кружевниц местной кооперацией. Школа должна заняться улучшением местных кружевных образцов и поднятием художественного вкуса плетельщиц. Должна периодически устраивать кружевные выставки, премировать лучших и талантливых кружевниц.

Только при активном внимании со стороны советской общественности и кооперации возможно сохранение и возрождение на новых рациональных началах этого интересного, полузабытого, векового народного искусства».²

За почти вековой период эти предложения не потеряли своей актуальности. Более полувека калязинское кружево жило в домах старых мастериц, практически не показываясь окружающим. В 1980-е гг. на предприятии «Калининские узоры» под руководством главного художника предприятия Л. Перетягиной были организованы курсы производственного обучения, на которых осваивались образцы калязинского кружева.

А в 1990-е гг. Татьяна Васильевна Афанасьева, в то время сотрудница краеведческого музея, а ныне заведующая отделом культуры Калязинского района, предприняла первые шаги по возрождению этого поистине удивитель-

---

¹ Никольский И. Ф. Калязинские кружева: Очерк кружевного плетения в г. Калязине в прошлом и настоящем. С. 19—20.

² Там же. С. 21.

тельного ремесла. Тогда же в селе Спасском Калязинского района была записана легенда о том, что девушка должна была сплести себе в приданое пуд кружева. Но если после этого девушка осталась незасватанной, ее никогда не обижали, а говорили, что узор выбран неудачно. А чтобы она больше понравилась сватам и жениху, нужно работу начать заново.

У калязинских красавиц приданое было просто шикарным: в коллекции краеведческого музея есть комплект, состоящий из покрывала и накидок, переданный из калязинской семьи.

Возрождение кружевоплетения в Калязине оказалось делом непростым. В музее хранится большая коллекция местного кружева и сколков, которые представляют собой пожелтевшие полоски картона с проколами. Выяснилось, что нет никаких схем, литературы, описания технологии изготовления калязинского кружева. Но были еще живы мастерицы, чьи руки помнили ремесло: Анна Павловна Саук, Мария Георгиевна Суворова. И вот музейные работники два раза в неделю ходили к Марии Георгиевне, чтобы по старинке, «из рук в руки» перенять мастерство. «Словами я вам ничего объяснить не могу, — говорила мастерица. — Вы смотрите за моими руками и запоминайте». Так сначала были освоены элементы мерного фантажного кружева, чтобы развивать умения, осваивать более сложные образцы, а также для пропаганды и привлечения внимания к проблеме возрождения кружевоплетения. Следующим этапом работы было создание кружков для взрослых и детей. Коклюшки вновь зазвучали в школах и доме культуры. Как говорит Т. В. Афанасьева, «кружево шагнуло в новое тысячелетие».

В 2005 г. эстафету возрождения коклюшечного кружева в Калязине приняла Надежда Анатольевна Березина. В ее семье кружево плела бабушка, которая рассказывала, что их, детей, в начале XX в. учили плести в школе. Получается, что в те далекие годы обучение традиционному ремеслу имело массовый характер. Бабушкины шаль и полотенце стали основой этнографической коллекции создаваемого Дома ремесел. Есть в коллекции старинные воротнички, шали, по которым создаются схемы и сколки, которые ложатся в основу новых изделий.

На сегодняшний день при Доме ремесел работает клуб «Плетая». Постоянный состав участников — 10 кружевниц. Из-под их рук выходит мерное кружево, эксклюзивные вещи в сложных техниках многопарного и сцепного кружева. Этапы возрождения и сохранения можно считать пройденными. У калязинского кружева есть и будущее — детский кружок кружевоплетения, в котором девочек с семи лет обучают всем премудростям ремесла.

В 2012 г. Тверской областной Дом народного творчества в рамках проекта «Самобытное искусство Тверской земли» провел выставку мастеров художественных ремесел и декоративно-прикладного творчества Калязинского района «Край Калязинский — для дел хороших пристань». Достойное

место на выставке заняло плетеное кружево, выполненное калязинскими мастерицами. Подобные выставки проводятся в целях сохранения и развития тверских художественных ремесел, поддержки и стимулирования деятельности мастеров, популяризации народной культуры среди населения региона.

ГОНЧАРНОЕ РЕМЕСЛО В ОЛЕНИНСКОМ РАЙОНЕ

Геологическая история территории, занятой Оленинским районом, связана с геологической историей всей Русской равнины. В середине XX в. на территории Городковской школы на глубине 80 м была пробурена артезианская скважина, которая проходила через такие горные породы: желтая глина с валунами (ледниковые отложения), белая глина (отложения озера, морского залива), песчаник (отложения неглубокого моря), известняки и доломиты (отложения глубокого моря). Коллекция горных пород, полученных из скважины, служат наглядной иллюстрацией геологической истории района. Осадочные горные породы: известняки, глины, пески, торф имеют практическое значение. Глины четвертичных отложений использовались на кирпичных заводах поселка Оленино («Керамик»), с. Молодой Туд. Об этом свидетельствует рассказ главного механика завода Ивана Федоровича Чубарова: «В 1968—1969 гг. была геологическая экспедиция, разведка показала хорошие залежи глины. При въезде в д. Глазки по ул. Центральная на правую сторону лежит пласт глины до 17 м глубины, территория охватывается до железнодорожной станции Махерово, но качество этой глины годится только для производства кирпича. Для производства гончарных изделий нужна была глина более высокого качества, которую возили из Шиздерово, Воронино, с. Молодой Туд». Вспоминает мастер кирпичного производства с. Молодой Туд М. Д. Северов: «На 1957 год Молодотудскому райпромкомбинату был доведен план выпустить кирпича 100 тыс. штук. Директор Г. Ф. Кочтарёв командирует меня в г. Калинин на двухнедельные курсы по изготовлению кирпича. По окончании этих курсов по теории, вернувшись на производство, я начал с разведки площади, где может залежать глина. Определился с площадью территории в 1,5 км от Молодого Туда».

Гончарное производство относится к наиболее древним видам народного искусства, связанного с глубокими вековыми традициями. Глина и сегодня та же, но гончарной посуды нет. Почему же это экологически чистое сырьё не находит широкого применения в наши дни? А ведь в прошлом промысел в Тверском крае был развит повсеместно. В сборнике статистических сведений о Тверской губернии, изданном в 1890 г., говорится, что гончарное производство существовало в каждом из уездов. Всех же гончаров-кустарей в губернии было 1400.

Дешевая и удобная глиняная посуда имела очень широкое применение в крестьянском обиходе. Многие гончары работали семьями в жилых избах и обжигали свои изделия в русских печах. Другие имели свои горшечни или гончарные заводики с горном, построенные совместно с тремя-шестью мастерами, и обжигали поочередно. В д. Сазоново близ с. Холмец

было три заводика. Там потомственные гончары Лебедевы выпускали глиняную посуду. Они сбывали ее на базаре в д. Мостовая и в Нелидове, а также в других деревнях. В д. Крестовая был известный гончарный мастер И. П. Быстров, который обучал мастерству своих родственников.

Среди изделий нашей местности сохранились даже самые трудоемкие, требующие особого мастерства при изготовлении: традиционные горлачи для зерна и воды, пива, масла, корчаги для пива и кваса, вместительные горшки для приготовления пищи, кубышки для льняного масла, большие миски и чаши для еды. Среди сосудов с рыльцами изготавливались объемные дойники, подвесные рукомойники с одним или двумя рыльцами, ведра, цветочные горшки «цветники».

Много изготавливалось предметов небольшого размера: кринки для молока, разные кувшины для пива и кваса, сдвоенные горшки с крышками и единой ручкой — двойняшки, в которых носили щи и кашу в поле, кашники «пуляшки» для приготовления каши для детей, кружки для кваса. Наряду с посудой лепили небольшие игрушки и свистульки: они отличались лаконичной выразительной формой. Среди них были кони, всадники, животные, птицы, уточки, петушки, курочки. Свистульки эти давным-давно перевелись. И увидеть нехитрое изделие можно разве что в музее. Лепили их между делом, из остатков глины, за ценность не считали, упала — разбилась, вот и не осталось ни одной.

Некоторые изделия, в зависимости от старинных поверий, имели специальное назначение. Небольшие горшочки для кутьи с полукруглой ручкой-перехватом — *рукоятки* использовались в течение сорока дней для поминальных обрядов. В маленьких ритуальных кувшинчиках в день Спаса Преображения освящались зерна ржи, сберегаемые для посева. Кашником окуривались коровы перед тем, как брать молоко через два дня после отела, чтобы оно стало лучше. Во время свадебного ритуала использовались горшки, которые на радостях разбивались в знак целомудрия невесты. Над насестом в курятнике вешали отбитое горло кувшина, чтобы кикимора кур не воровала.

Старой керамики сохранилось немного. Треснувший сосуд выбрасывался как не имеющий ценности. Об этом не очень горевали, поскольку мысль о художественных достоинствах не приходила в голову. Только в конце XIX в. гончарная посуда привлекла внимание коллекционеров и ученых. Начали создаваться коллекции, пополняться музейные фонды, восстанавливаться история керамики вообще.

Разные по форме и величине, объему и назначению изделия раскрывают художественное богатство бытовой керамики. Крайне редки изделия с зеленой потечной глазурью, привлекающей необычными красочными переливами. Это умение мастеров было освоено гончарами от соседних селений Смоленского края.

Большой интерес представляют крупные древние формы сосудов и приемы их изготовления. Это традиционные простые обварные горшки, которые для большей прочности сразу же после обжига раскаленными окунали в мучнистый раствор. Естественный цвет глины у них сохраняется, но они становятся пятнистыми либо покрываются темными разводами. Отсюда происходит их меткое прозвище *серые, пестрые, бурые*.

Лощение, другой не менее известный с глубокой древности прием украшения, применялся в д. Сазоново. Изготавливали такую посуду следующим способом. Изделию давали подсохнуть в естественных условиях и до блеска натирали (лощили) его кусками дерева, костью или гладким камнем, уплотняя верхний слой глины. После обжига блеск усиливался. Такая посуда была и красивее и практичнее — более прочной и влагонепроницаемой. При самом сложном сплошном лощении огненно-красный цвет глины обретает под блестящим, словно лаковым, слоем особую цветовую насыщенность и глубину.

В д. Крестовая близ с. Холмец распространение получило производство поливных изделий, пользовавшихся очень большим спросом. Глазурь, иначе говоря *полива*, — это стекловидная масса, напоминающая густой сироп. Посуда с поливной не принимает влагу, меньше загрязняется и приобретает глубину тона и блеск. Муравленую, то есть поливную, посуду тоже делали по-разному. В одной местности глазурь готовили из окиси железа и свинца и получали желтую поливу, в которую и окунали изделия. В другой предпочтение отдавали коричневым и фиолетовым тонам — с добавлением марганца, и посуду не окунали, а красили. Были гончары, любившие зеленые глазури (из окиси меди) и поливавшие ими свои изделия неравномерно, от плотного цвета до полной его прозрачности, достигая таким способом особого светового эффекта. У старожилов сохранились еще изделия из глины. Часть их находится в краеведческом музее пос. Оленино.

В д. Гончарово (Холмецкое сельское поселение; название произошло от того, что здесь жили гончары) сохранились старые горшки, в которых готовили пищу. Жительница этой деревни М. А. Кустова передала в школьный музей с. Холмец ценные керамические изделия, изготовленные ее предками.

Скромное украшение посуды объясняется отнюдь не скудостью фантазии наших мастеров. Достаточно вспомнить замысловатую резьбу прялок или сказочность народной вышивки. Но всему свое место. Гончар делал посуду для сугубо практических целей, для хранения простых продуктов земли: зерна, муки, молока, масла. И сама она была так же проста, полезна и незатейлива. При некотором разнообразии декорирования посуда разных мастеров, работавших независимо друг от друга, мало отличалась своей формой, подсказанной целесообразностью, материалом и назначением изделия. Практический смысл имели полива, лощение и чернение посуды: такая посуда была прочнее и гигиеничнее. Средства же декорирования были

повсеместно самые скромные: цепочка вмятин, рельефные волнистые линии, подцветка поливы.

Многообразная по форме и назначению гончарная посуда XIX — начала XX в., удовлетворявшая потребности местного рынка, свидетельствует об особой устойчивости исконных специфических черт и приемов, которые характерны для отдельных сельских центров. Так, среди изделий д. Гончаровка (Гришинское сельское поселение; деревня получила название из-за занятия жителями гончарным промыслом, ср. Гончарово) и с. Новосёлки преобладают строгие архаические формы, из серых глин с гладкими стенками. После революции, когда гончары уже работали артелью, в каждом дворе были запасы местной серой глины, дававшей после обжига светлый, охристый черепок. Посуду выделявали самую разнообразную: банки, корчаги, горшки, кувшины, узкогорлые кубышки, рукомойники, опарники — всё, что было необходимо и привычно в крестьянском хозяйстве. Гончарный цех при Новосельском стекольном заводе работал до 1926 г. Потом промысел зачах. Артель распалась, и гончары, какие еще были, сменили занятие. Хотя мастерству обучались с детства.

Гончарная посуда появилась в бассейне Волги в IX—X вв. Нехитрый, казалось бы, гончарный станок, но появление этого древнейшего приспособления в истории керамики равнозначно великому открытию. Миг, когда в руках гончара ожил, вращаясь, ком глины, знаменовал собой рождение искусства. Гончарный круг положил начало промыслу. Благодаря ему сразу повысились качество изделий и производительность труда, открылась неограниченная возможность разнообразить форму.

Процесс обжига — важнейший в керамике. От температуры, от продолжительности обжига зависит качество изделия. Чтобы посуда не вышла сырой, не перекалилась и не деформировалась, чтобы не потрескалась полива, чтобы раскаленный черепок был звонок и давал в изломе сплошной, без полосок, ровный чистый цвет, нужны большой опыт, знание и строгое соблюдение многочисленных условий. Даже опытные мастера нередко допускают ошибки.

Народное искусство, как известно, держится на мастерах и передается от учителя к ученику. Произойдет сбой в этой эстафете, нарушится цепочка, забудутся тонкости мастерства, и, как выразился один художник-прикладник, всё придется начинать сначала — с каменного века.

Гончарки на территории Оленинского района не затухали до самой Великой Отечественной войны и долго еще снабжали деревню посудой, не смотря на выпуск промышленного фаянса. Своя деревенская посуда была и дешевле, и привычнее. Да и подчас просто нечем было заменить, скажем, ту же трехведерную корчагу.

Война нарушила налаженный быт тверских крестьян, забрала мастеров. Но в 1943 г. в Оленино открывается гончарный цех на ул. Керамик (до войны улица называлась Красный маяк), глиняная посуда была необходима

в условиях восстановления разрушенного хозяйства после освобождения района от немецко-фашистских захватчиков и пользовалась большим спросом: миски, кринки, горшки цветочные, кувшины, горшки, детские игрушки (свистульки). Гончарную посуду сбывали в города Торжок, Белый, Торопец, Ржев, возили на рынки в близлежащие районы.

Долгое время, начиная с 1951 г., в гончарном цехе проработал потомственный мастер Иван Васильевич Новиков. Об этом свидетельствует распоряжение № 1 по Оленинской артели «Керамик» от 10 января 1953 г.: «Считать принятым на работу в качестве мастера гончарной посуды Новикова Ивана Васильевича с 1 декабря 1951 г.» Работали в цехе два человека: И. В. Новиков и Нина Васильевна Кузнецова. Работа велась вручную, глину топтали ногами, два-три дня она вылеживалась, как бы созревала, потом на механическом круге Иван Васильевич накручивал посуду. После этого ее подсушивали и обжигали, затем покрывали глазурью, чтобы посуда была гладкой и прочной. Производительность труда и выпуск продукции были очень низкими, цена продукции составляла от 1 рубля до 30-ти. В 1971 г. гончарный цех закрыли из-за убыточности предприятия.

Естественно, всякое искусство, в том числе и народное, не стоит на месте. Уважение к традиции не должно и не может помешать рождению новых направлений. Есть возможности и в нашем Оленинском районе возрождения гончарного производства, сувенирная керамика которого может занять достойное место на современном рынке при наличии собственного стиля.

В 1944 г. в Оленине открылся многопрофильный промкомбинат, в него входили: валяльный цех, где чесали шерсть и валяли валенки, пило-рама, щеподралка, которая располагалась в с. Татево, оттуда привозили щепу покрывать крыши, гончарный цех. И в рамках этого комбината был срочно открыт кирпичный завод: кирпич нужен был как воздух для восстановления после войны разрушенного хозяйства. Завод расположился на месте «Керамик», где и сейчас существует улица с таким названием. В 1945 г. во главе промкомбината был назначен только вернувшийся с войны Николай Петрович Волков.

Особенно активно развивалось кирпичное производство, которое удовлетворяло потребности местного рынка: возрождались деревни, строили дома, учреждения. Работа велась вручную. Глину брали на полях рядом в районе Сельхозтехники, подвозили на лошадях, в процессе замеса глины также использовали лошадей (сидя верхом). Затем глину формовали в деревянных формах деревянным молотком, а после того из форм выворачивали и сушили в шехах на улице, наконец, изделия обжигали в приспособленных печах.

В 1946—1947 гг. выпуск кирпича увеличился, так как внедрили некоторую механизацию, стала поступать техника: глину копали экскаватором, построили новую современную печь, кирпич отвозили на вагонетках по

рельсам. Но работа оставалась грязной и тяжелой, работали в основном молодые люди. К 1947 г. работало уже 30 человек, выпуск доходил до 40 тысяч штук кирпича в год. Работа была сезонная, в основном в летний период. Об этом свидетельствуют распоряжение № 67 по Оленинской артели «Керамик» от 15 июня 1953 г.: «Принять на сезонную работу в качестве рабочей Буханову Пелагею Семеновну с 17 июня 1953 г.» Распоряжение № 94 от 8 октября 1953 г.: «Сезонных рабочих артели „Керамик“ с 15 октября 1953 г. уволить с работы». Иногда работали без выходных. Распоряжение № 149 от 28 августа 1954 г.: «В связи с тем, что план по выработке кирпичного сырца срывается, и ввиду того, что установилась благоприятная погода для работы и выполнения августовского плана по выработке сырца, объявить рабочим днем 29 августа 1954 г., в воскресенье, с последующим предоставлением отгула». Производство требовало механизации процессов, и в последующие годы построили печь непрерывного действия, внедрили трансформатор, который привезли из Белого, транспортер — привезенный из Молодого Туда, механизировали формовку кирпича, глину подвозили на самосвале, от пресса кирпич сырец отвозили на вагонетках.

В 1965 г. промкомбинат разделили; открылся Комбинат бытового обслуживания, директором которого стал Н. П. Волков, а директором кирпичного завода стала молодая специалистка кирпичного производства Лидия Саввишна Петухова, главным механиком был принят Иван Федорович Чубаров. В 1969 г. установили люлечный конвейер, теперь кирпич сырец от пресса транспортировали механическим способом. Производительность увеличилась с 20 тыс. штук в 1963 г. до 800 тыс. штук в 1970 г., кирпич выпускали марки М-75, М-100. Летом стали использовать труд учащихся 8—10 классов, заготавливали кирпич сырец, а всю зиму на обжиге кирпича работало всего 14—16 человек, остальные переходили на работу в пошивочный цех. При кирпичном заводе шили фуфайки, позже был открыт цех по пошиву ватных одеял, например, в трудовой у Н. Кудрявцевой записано: «Принята на кирпичный завод швейей».

В 1971 г. спрос на кирпич упал, потому что завод не в силах был конкурировать с кирпичными заводами в Ржеве и Нелидове при их полной механизации всех процессов. Производство кирпича в Оленино стало убыточным: тысяча штук кирпича стоила 39 рублей, а себестоимость обходилась в 49 рублей. Кроме того, основная работа была сезонная: глину зимой не взять. В 1978 г. по решению областного управления местной промышленности завод был закрыт.

О СОВРЕМЕННОЙ АВТОРСКОЙ ИГРУШКЕ НОВОТОРЖСКИЕ РАСПИСНЫЕ ГЛИНЯНЫЕ ФИГУРКИ-СВИСТУЛЬКИ

Мир, в котором мы живем, мир сложностей и противоречий, достижений и ошибок, уже давно стал обращаться к корням своей культуры, истории, народного искусства. В возвращении к традициям прошлого, служившим основой в развитии общества на протяжении столетий, наши современники видят защиту, назидание и путь к возможному возрождению. Усиление национального самосознания, значимости собственного культурно-исторического наследия внушает надежду и уверенность в собственных силах, необходимую для преодоления возникающих трудностей. Народная культура, разные виды и формы творческой деятельности — то, что подразумевает понятие *фольклор* в широком его значении, — в наши дни становится важной составляющей в педагогическом процессе, в системе современного воспитания и образования. Знакомство с традициями народного искусства, с его историей, народными промыслами (и это подтверждает опыт), оказывается очень поверхностным, малоосознанным и, в результате, неэффективным, если оно не подкрепляется дополнительно практикой, приобщением к какому-то виду народного ремесла и процессу творчества. Школьные этнографические экспедиции, организация школьных краеведческих музеев и выставок, знакомство с мастерами, с работой возродившихся в последнее время отдельных народных промыслов, которые до того почти погибали, — всё это становится не просто полезным, а необходимым для дальнейшего развития нашей культуры и общества, заинтересованного в этом.

Традиционная русская глиняная игрушка, любимый в народе и очень популярный вид народного искусства, служит для этого благодатным материалом. Она имеет сложную природу (скульптурную, живописную, орнаментально-декоративную), широкие связи с другими видами народного искусства, с поэтическим и музыкальным фольклором, отличается необыкновенной вариативностью, яркими локальными особенностями, традиционностью и одновременно свободой индивидуальных манер в исполнении. Через игрушку, опираясь на конкретные произведения известных игрушечных промыслов, можно говорить об истории края, о его культуре, о природе и быте, о художественных вкусах и представлениях.

Конечно, основной задачей в наши дни является задача — сохранить традиционные промыслы русской глиняной игрушки и поддержать те, что удалось восстановить благодаря участию старых мастеров и энтузиастов, увлеченных этим видом народного искусства. Однако существуют и другие виды глиняной игрушки, и с этим фактом нельзя не считаться.

Есть и, наверное, будет развиваться дальше, так называемая самодеятельная игрушка, которую делают в разных местах (главным образом дети) и которая, ориентируясь на какие-то конкретные образцы, создает свои очень произвольные небольшие фигурки, не подчиненные никаким правилам и стилю. Иногда такая игрушка приближается по своим формам и даже по своему художественному восприятию к фольклорным образам, но это бывает редко, чаще она воспроизводит то, что связано с изображениями в массовой культуре, или просто копирует, то есть механически повторяет, произведения известных игрушечных промыслов (например, Дымкова).

И есть такое явление, как авторская игрушка. Она создается художниками-профессионалами, имеющими академическую подготовку, но использующими традиции народной игрушки в качестве основы для своих творческих экспериментов. Порой они создают интересные интерпретации традиционных образов русской глиняной игрушки, которая привлекает их своей замечательной пластикой, живописностью и орнаментальностью, а порой так близко приближаются к народным образцам, что достигают максимального с ними сходства и, кажется, сами становятся фольклорными произведениями. В качестве примера можно привести, в частности, современную авторскую игрушку серии «Перовская мурава», которая уже воспринимается как современная московская игрушка. Ее делают художники-педагоги и учащиеся Центра детского и юношеского творчества в Перовском районе нашей столицы. В данном случае реализована и успешно разрабатывается интересная авторская идея. Образы рельефных муравленых московских изразцов (львы, грифоны, китоврасы, единороги, олени, быки и т. д.) переводятся в объемные изображения в той же технике. Достигнуто впечатление аутентичности, и появился на свет новый образ игрушки и декоративной скульптуры. Следует заметить, что современная игрушка всех наших знаменитых народных промыслов (Дымкова, Абашева, Филимонова, Хлуднева, Романова) с какого-то времени, во всяком случае с 1970-х гг., по существу перестала быть тем, что обычно называли игрушкой. Игрушки, глиняные свистульки, в которые весной и летом весело свистели на разные голоса деревенские и городские мальчишки, теперь превратились в произведения декоративно-прикладного народного искусства, которые используются в качестве музейных экспонатов, художественных произведений, украшающих интерьеры и служащих сувениром.

К авторской игрушке относятся и современная глиняная расписная новоторжская, которая появилась в конце 1970-х гг. Природа ее особая, поэтому ее трудно сравнить с чем-либо. Гончарством в Торжке издавна занимались, но промысла, сосредоточенного только на изготовлении игрушки, здесь не было. Авторские разработки Галины Алексеевны Климовской возникли в связи с созданием здесь специализированного керамического цеха при заводе керамических изделий. Следуя рекомендациям со-

трудников Научно-исследовательского института художественной промышленности, она продолжила начатую работу. Образцы игрушки, которую стали внедрять на производстве, были созданы искусственно и в своих формах, и в технологии, и в приемах росписи. Никаких аналогий в народной глиняной игрушке на давно существовавших промыслах этим экспериментальным образцам не было. Свой оригинальный стиль конструировали, стараясь быть возможно ближе к фольклорным формам, но никого не повторять. Рекомендации, которые Научно-исследовательский институт художественной промышленности давал в это время разным промыслам, к сожалению, не всегда были оправданы, от чего пострадали, например, Скопин, где отошли тогда почти от ручной лепки, и Каргополь, где начали насаждать новые, несвойственные этому промыслу темы и технические приемы. Идеи, которые проводились в жизнь, были связаны с переходом к другой, машинной ориентации производственного процесса. И то, что было создано в Торжке, отражало эту направленность. Игрушка, в ее усовершенствованном варианте, которую мы видим теперь, конечно, заметно отличаются от той игрушки, которую изобрели в конце 1970-х — 1980-е гг., и те трудности, которые приходится преодолевать сегодня, коренятся во времени создания этой игрушки и в его просчетах. Речь идет, прежде всего, о механическом тиражировании и серийности, нехарактерных для народной игрушки.

Можно по-разному относиться к современной новоторжской мелкой пластике — новоторжской игрушке, но она уже существует, принята людьми и стремится к дальнейшему развитию. В нее вложено за эти годы много сил, стараний и опыта, корректирующего некоторые особенности ее пластических и декоративных решений. Само время будет решать ее судьбу, развивать ее образность, теперь уже в целом определившуюся, и художественный стиль.

БИБЛИОГРАФИЯ ТВЕРСКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

ТВЕРСКАЯ ФОЛЬКЛОРИСТИКА МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ

*Составители Н. Л. Волкова, А. В. Кобызская, И. Ю. Махотина,
Л. В. Пазюк, Н. В. Романова, Е. Н. Флегонтова (Тверь)*¹

Указатель состоит из трех разделов.

В разделе «Русские» выделены следующие подразделы: «Фольклорно-этнографические экспедиции», «Собиратели. Исследователи», «Жанры фольклора. Общие работы», «Обряды, обрядовые действия», «Паремии», «Фольклорная проза», «Песенные жанры», «Детский и городоской фольклор», «Промыслы», «Фольклорные коллективы».

В разделе «Тверские карелы» выделены подразделы: «Фольклор», «Этнография», «Верования», «Обряды. Праздники», «Экспедиции. Исследователи и собиратели», «Фольклорные коллективы».

В разделе «Тверские цыганы» — подразделы: «Собирание, изучение», «Исполнители, коллективы, фестивали».

Русские

Фольклорно-этнографические экспедиции

Песенная экспедиция Географического общества // Правительственный вестник. 1894. № 194. Об экспедиции Ф. М. Истомина.

Отчет об экспедиции для собирания русских народных песен с напевами в 1834 году Ф. М. Истомина // Известия императорского Русского Географического общества. 1895. Т. 31. Вып. 6. С. 593—602.

Хроника / Сост. Н. Виноградов // Живая старина. 1906. Вып. 1, отд. 5. С. 15—27. Этнографические экспедиции А. А. Баталина.

Отчет о поездке К. В. Кудряшова по Тверской губернии для собирания памятников народного творчества // Отчеты о деятельности Императорской АН за 1911 г. СПб., 1912. С. 39—40. Экспедиция по Вышневолоцкому у., июль-август 1911 г. Общие сведения.

Ерёмин С. О работах этнологической экспедиции в Рыбинской и Тверской губерниях в 1922 году // Краеведение. 1923. № 1. С. 56—59. обследо-

---

¹ Материалы к библиографии составлены сотрудниками Краеведческого информационного центра Тверской областной универсальной научной библиотеки им. А. М. Горького и представлены в редакторском формате издания. Раздел о тверских цыганах составлен И. Ю. Махотиной.

вание Бежецкого, Весьегонского, Краснохолмского, Моложского у. Записано около 100 сказок, 700 частушек, несколько десятков песен и свадебный обряд.

Вершинский А. Н. Верхнемоложский край (по материалам экспедиции Тверского педагогического института и Комитета Ассоциации по изучению производительных сил при Губплане) // Тверской край. 1925. № 1 (сентябрь). С. 32.

Вершинский А., Соколов Ю. Верхнемоложский край (по материалам экспедиции Тверского педагогического института и комитета Ассоциации по изучению производительных сил при Губплане). Тверь, 1925. 20 с.

Вершинский А. Верхнемоложская экспедиция 1925 года. Тверь, 1926. Вып. 1. С. 13—17; Вып. 2. С. 97—105.

Гринкова Н. П. Старая и новая свадьба в Ржевском уезде // Ржевский край. 1926. Вып. 1. С. 98—142. Материалы Верхневолжской экспедиции Российской Академии истории материальной культуры (РАИМК).

Верхневолжская этнологическая экспедиция. Л.: Государственная академическая типография, 1926. 177 с.

Гринкова Н. П. Одежда «тудовлян» Ржевского уезда // Этнография. 1926. № 1, 2. С. 63—96. Материалы Верхневолжской этнологической экспедиции РАИМК.

Соколов Ю. Быт и творчество населения // Верхнемоложская экспедиция / Под ред. А. Вершинского и А. Ильинского. Тверь, 1927. Вып. 1: Лесная деревня. С. 111—136. Экспедиция Тверского ПИ 1925 г.

Вершинский А. Работы Верхнемоложской экспедиции в 1927 году // Известия Тверского педагогического института. Тверь, 1928. Вып. 4. С. 145—148.

Гельгардт Р. Очерки истории собирательских работ в области фольклора в Тверской губернии // Известия Тверского педагогического института. 1928. Вып. 4. С. 87—96. Н. Новоселов, Е. А. Лебедева, М. Плетнев, Е. С. Крживоблоцкая, А. Г. Первухин, А. Ушаков, С. Разумихин, Ю. Готье, В. Г. Суворов, А. Баталин, В. И. Симаков, А. Виноградов, Н. Гринкова, А. Н. Вершинский, Ю. М. Соколов, П. В. Шейн.

Кравцов Н. Отчет о комплексной Тверской экспедиции // Труды этнографо-археологического музея этнологического факультета 1-го Московского государственного университета. М., 1928. Т. 4. С. 27—33. Ржевский, Старицкий, Новоторжский, Осташковский у.

Вершинский А. Н. Экспедиция по изучению Лихославльского района (краткая информация о работе) // Известия Тверского педагогического института. Тверь, 1930. Вып. VII. С. 167—173.

Хохлов В. Крестьянский самородок // Калининская правда. 1959. 31 дек. С. 3. Фольклорист Н. Юргин и фольклорная экспедиция 1926 г.

Плотникова Н. И. О современном состоянии фольклора с. Скорынево Калининской области // Ученые записки Калининского государственного

педагогического института. Калинин, 1970. Т. 77. С. 154—174. Экспедиции КГПИ.

Гончарова А. В. Современное состояние фольклора Калининской области // Современное состояние народного творчества. Л., 1970. С. 49—51. Экспедиции КГПИ.

Котухова Е. Из экспедиции // Москва. 1971. № 2. С. 194—196. Экспедиции Ю. Е. Красовской.

Шапвалова Г. Г. Традиционный фольклор сегодня: по материалам экспедиций в Калининскую и Костромскую области // Современность и фольклор. М., 1977. С. 271—281.

В походе за песнями // Калининская правда. 1980. № 156. С. 4. Экспедиция Кашинского музыкального училища.

Шомина В. Г. Традиционный фольклор Кашинского района: по материалам экспедиций // В. И. Симаков и народное творчество: межвузовский тематический сборник научных трудов. Калинин, 1987. С. 31—48.

Концедайло Л. М. Отчет комплексной фольклорной экспедиции: Западнодвинский район Тверской области (июль 1992 год) // Приложения к отчету «Сохранение, возрождение и стимулирование народного художественного творчества в перспективе». Тверь, 1993. С. 29—41.

Концедайло Л. М. Отчет фольклорной экспедиции: Весьегонский район Тверской области (июль 1991 год) // Приложения к отчету «Сохранение, возрождение и стимулирование народного художественного творчества в перспективе». Тверь, 1993. С. 21—28.

Карты степени изученности фольклорной традиции Тверской области (период с 1540 по 1993 г. и пояснения к ним) // Отчет о разработке целевой региональной программы «Сохранение, возрождение и стимулирование народного художественного творчества в перспективе». [Тверь], 1993. С. [46—87]. Об экспедициях в районы Тверской обл.

Богданов Г. Подмена // Встреча. 1993. № 4. С. 22. Фольклорная экспедиция в Западнодвинский р-н.

Моряков С. «Зрелки родной мамке, свекрови зеленушки» // Тверская жизнь. 1994. 12 мая. С. 4. Экспедиция сектора фольклора Тверского Дома народного творчества в Нелидовский р-н.

Концедайло Людмила Михайловна // Российские фольклористы : справочник. М., 1994. С. 64.

Лебедева Ольга Евгеньевна // Российские фольклористы: Справочник. М., 1994. С. 74.

Королева Л., Некрасова И. Народ сохраняет свой фольклор / Беседовала М. Шишкова // Комсомольская правда. 1995. 26 сент. С. 4. Преподаватели Тверского музыкального училища о фольклорной экспедиции в Кесовогорский р-н.

Базлов Г. В глубинку — за культурой / Зап. Ю. Крутова // Вече Твери. 1995. 19 июля. С. 5; 20 июля. С. 3. Историко-этнографическая экспедиция студентов истфака ТвГУ, членов клуба «Белый волк» в район с. Кушалино.

Ильин Л. А. На родине Салтыкова-Щедрина // М. Е. Салтыков-Щедрин в зеркале исследовательских пристрастий: материалы научной конференции / Ред.-сост. Р. Д. Кузнецова, Е. Н. Строганова. Тверь, 1996. С. 76—81; 261—273. Студенческая экспедиция 1936 г. КГПИ.

Ильин Л. На родине Салтыкова-Щедрина // Русская провинция. 1997. № 1. С. 98—101. Студенческая экспедиция 1936 г. КГПИ в с. Спас-Угол Талдомского р-на Московской обл.

Баранова В., Данькова Е. и др. Народные рассказы о Боге в Тверской области // Живая старина. 1996. № 4. С. 51. Фольклорно-этнографическая экспедиция Академической гимназии СПбГУ, лето 1996 г.

Носов М. Ю. «Кабы не царская мудрость да не мужицкая простота — всё бы сгнуло» / Подготовил А. Егоров // Комсомольская правда. Тверь. 1996. 16 янв. С. 4; фот. Интервью с собирателем пословиц и поговорок.

«Спасем — спасемся!»: По материалам фольклорно-этнографических экспедиций Тверского училища-колледжа культуры / Сост. С. А. Герасимова. Тверь: Б. и., 1997. 37 с.: фот.

Павлова Г. Собиратель песен // Мой край (Торопец). 1997. 15 марта. № 21. С. 3. С. Моряков — директор Центра фольклора и ремесел в Ржеве.

Бурилов В. Тверской «чудик» Сергей Моряков // Культура. 1998. № 24. С. 4. Собиратель фольклора, уроженец д. Свистуны Ржевского р-на.

Прокофьева Н. А. Рисунки Верхневолжской этнологической экспедиции // Живая старина. 1998. № 3. С. 22—24. Верхневолжская экспедиция 1921—1925 гг. в Бежецком, Вышневолоцком, Весьегонском, Краснохолмском, Ржевском у.

Морозова Е. Как тверские фольклористы в нашем районе клад нашли // Кашинская газета. 2000. 30 авг. С. 2. О фольклорной экспедиции ТвГУ в Кашинском р-не.

Концедайло Л. М. Личные архивы краеведов Тверской области: по материалам фольклорно-этнографических экспедиций ТОГДНТ // Личные фонды и коллекции тверских краеведов в архивах. Тверь, 2000. С. 63—66.

Белецкая Е. М. Фольклорные материалы в Государственном архиве Тверской области: по материалам экспедиций // Личные фонды и коллекции тверских краеведов в архивах. Тверь, 2000. С. 87—91.

Осюхина Т. Кашинскому «Чижу» больше ста лет // Тверские губернские известия. 2000. № 32. С. 8. Экспедиция ТвГУ в Кашинский р-н.

Тверской детский фольклор / Авт.-сост.: Л. В. Брадис, В. Г. Шомина; Худож. А. И. Бобров. Тверь: Твер. обл. тип., 2001. 178 с. Материалы фольклорных экспедиций ТвГУ, 1970—1990-х гг., П. И. Шейна и В. И. Симакова.

О. Е. Лебедева // Тверская филология: прошлое, настоящее, будущее. Тверь, 2002. С. 99, фот.

Герасимова С. Спой мне песню, как бывало... // Тверская жизнь. 2003. 8 авг. С. 5. Фольклорно-этнографическая экспедиция Тверского колледжа культуры в Селижаровский р-н.

Кузьмина О. Ржевское узорочье // Народное творчество. 2003. № 6. С. 18—20. Женский головной убор Тверской губ. по результатам фольклорно-этнографической экспедиции участников ржевского школьного краеведческого кружка и их руководителя.

Петренко Е. Встану я раненько... // Тверская жизнь. 2003. 9 авг. С. 6. Фольклорные экспедиции ТвГУ.

Я сейчас спою про партизаночку / Подгот. С. Герасимова, Е. Гимаева // Тверская жизнь. 2003. 3 апр. С. 6: фот. Фрагменты итоговых отчетов преподавателей и студентов Тверского колледжа культуры, участников фольклорно-этнографической экспедиции «Живая Волга — 2003». Песни времен Великой Отечественной войны, записанные в Ржевском р-не.

Иванова И. Е., Строганов М. В. Теория и практика изучения фольклора в исследованиях Ю. М. Соколова 1919—1934 годов: по материалам работы в Твери // Фольклор Тверской губернии: Сборник Ю. М. Соколова и М. И. Рожновой. 1919—1926 гг. СПб.: Наука, 2003. С. 511—572.

Песни читачтской стороны (Бельский р-н Тверской области): записи 2003 г. / Студенческое научное общество факультета музыки РГПУ им. А. И. Герцена; под общ. ред. и с участием в нотировке М. А. Лобанова; вступит. статья И. Суворова. СПб.: Абевега, 2004. 39 с. Календарно-обрядовые, свадебные песни д. Читачты.

Иванова И. Е. Молитвенные и проповеднические стихи в современном прихрамовом фольклоре // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Филология. 2004. № 2 (4), вып. 1. С. 89—92. Полевые записи студентов филологического факультета ТвГУ 1998—2003 гг.

Цыков В. В. Этнографические экспедиции в Тверском крае в 1920-е годы // Историк и время: К 80-летию проф. Марэна Михайловича Фрейденберга / ТвГУ; отв. ред. И. Г. Воробьева. Тверь, 2004. С. 137—142. Верхневолжская этнологическая экспедиция, Д. А. Золотарев, район р. Молодой Туд; Верхнемоложская экспедиция, А. Н. Вершинский и Ю. М. Соколов; Тверская экспедиция этнологического факультета Первого МГУ, А. И. Некрасов; экспедиции М. Я. Феноменова, Н. И. Кравцова, 1927, 1928 и 1929 гг.

Горевой Г. С. Изучение Верхней Волги: прошлое и настоящее // Записки тверских краеведов. Тверь, 2005. № 5. С. 84—93. Ф. Н. Глинка 1810, Н. Я. Озерецковский 1814, А. И. Менде 1848—1849, А. Н. Островский 1856, Д. Н. Анучин 1880, А. Н. Вершинский 1920—1930-е, экспедиция «Живая Волга — 2003».

Самуйлов В. Г. Культура Тверского края: времен связующая нить // Рериховское наследие / Рериховский центр СПбГУ, Музей-институт семьи Рерихов (Санкт-Петербург), Международный благотворительный фонд

«Рериховское наследие». СПб.; Вышний Волочек, 2005. Т. II: Новая Россия на пути к единству человечества. С. 374—377. О программе развития культуры Тверской обл.

Смирнов-Кутаческий А. М. Зубцовские песенные мотивы: по материалам фольклорно-краеведческой экспедиции / Вступительная заметка и публикация А. Ю. Сорочана // Фольклор Великой Отечественной войны: Сборник научных трудов. Тверь, 2005.

Кириллова Т. В. Об изучении народных говоров Кашинского района Тверской области // В. И. Симаков и народное творчество: материалы и исследования. 2006. Вып. 3. С. 136—140.

Некрасова Ирина Николаевна // Страницы музыкальной культуры Верхневолжья. Тверь, 2006. С. 269. Фольклорист, руководитель фольклорно-этнографического ансамбля «Межа», член Российского фольклорного союза, преподаватель Тверского музыкального училища, организатор фольклорно-экспедиционной работы.

Лебедева Ольга Евгеньевна // Страницы музыкальной культуры Верхневолжья. Тверь, 2006. С. 269. Доцент кафедры истории русской литературы ТвГУ, организатор фольклорно-экспедиционной работы.

Королёва Лидия Константиновна // Страницы музыкальной культуры Верхневолжья. Тверь, 2006. С. 268. Заслуженный работник культуры РФ, заведующая отделением народного хора Тверского музыкального училища.

Ахметова М. В. Предсказательницы и целительницы в г. Бологое // Живая старина. 2007. № 2. С. 49—51. Межвузовские фольклорные экспедиции 2004—2005 г.

Лебедева С. Н. Фольклорное обследование Весьегонского района в 2007 году // Тверское фольклорное поле 2007. Тверь, 2009. С. 4—5.

Цыков В. В. Из истории этнографического изучения Тверского края // Новоторжский сборник: Труды ВИЭМ. Торжок, 2010. Вып. 3. С. 39—41.

Лебедева С. Н. Фольклорное обследование Бельского района в 2008 году // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Филология. 2010. № 4, вып. 2. С. 9—13. Экспедиция в Бельский р-н.

Ситникова С. А. Народные обрядовые традиции дня Ивана Купала в Торжокском районе // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Филология. 2010. № 4, вып. 2. С. 29—38. Экспедиции ГАСК 2006—2009 гг.

Власова А. А. «Извините, но я его видела...» // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Филология. 2010. № 4, вып. 2. С. 77—82. Материалы фольклорной экспедиции ТвГУ в Бельский р-н, 2008 г.

Строганов М. Людмила Михайловна Концедайло // Концедайло Л. М. Дорогие мои земляки... Тверь, 2010. С. 3.

Петренко Евгений. Герои нашего времени // Тверская жизнь. 2011. 30 июня. С. 19. О Л. М. Концедайло.

Неизданные материалы экспедиции Б. М. и Ю. М. Соколовых: 1926—1928: по следам Рыбникова и Гильфердинга: В 2 т. / РАН, Институт мировой литературы им. А. М. Горького; [отв. ред. В. М. Гацак]. М.: Наука, 2011. Т. 2. 763 с.

Добровольская В. Е. Экспедиция Ю. М. Соколова в Переславль-Залеский уезд Владимирской губернии в 1924 году // Тверское фольклорное поле — 2010: Доклады и публикации. Тверь, 2011. С. 7—19.

Петров А. А. Изучение Верхнемоложского края: по следам экспедиций 1925—1927 годов // Тверское фольклорное поле — 2010: Доклады и публикации. Тверь, 2011. С. 20—30.

Наблюдения над фольклором Фировского района / Вступит. заметка и публикация К. А. Испановой, А. А. Петрова // Тверское фольклорное поле — 2010: Доклады и публикации. Тверь, 2011. С. 47—70. Собиратели В. А. Буров, К. С. Лебедев, М. Я. Феноменов, Н. Р. Сабанцева, Е. А. Иванова; экспедиции А. Т. Некрасова и С. А. Мильтонян (1976), Л. М. Концедайло (1993).

Кузьмина О. М. К истории ржевско-зубцовского пограничья: фольклорные источники XIX—XX веков // Тверское фольклорное поле — 2010: Доклады и публикации. Тверь, 2011. С. 71—79.

Петров А. А., Шубин Н. А. Из наблюдений над фольклором Спиrowsкого района // Тверское фольклорное поле — 2010: Доклады и публикации. Тверь, 2011. С. 80—93.

Фольклор земли старицкой: (Красновское сельское поселение, с. Берново) / МУ «Старицкая МЦБ»; Братковская библиотека им. В. А. Курочкина; [сост. Т. В. Замыслова]. Старица, 2012. 30 с. Песни, записанные в экспедиции с 2009 по 2011 г.

Зеленкова Е. Е. Из материалов фольклорно-этнографической экспедиции 2011 года в Спиrowsкий район // Традиционная культура Тверского края: памяти А. Н. Вершинского (1888—1944): Сборник научных статей и публикаций. Тверь, 2013. С. 73—78.

Башинова С. А. Фольклорная практика 2012 года: состояние традиционной культуры в Сонковском районе // Традиционная культура Тверского края: памяти А. Н. Вершинского (1888—1944): Сборник научных статей и публикаций. Тверь, 2013. С. 79—85.

Клещина Д. А., Кордюкова А. А. Фольклорно-этнографические обследования Кашинского и Максатихинского районов в 2013 году // Традиционная культура Тверского края: памяти А. Н. Вершинского (1888—1944): Сборник научных статей и публикаций. Тверь, 2013. С. 86—97.

Петров А. А. Полевые исследования в Тверской области в 2013 году: фольклорно-этнографическая экспедиция в Кашинский район // Усадьбный локус и фольклорный текст: из экспедиционных материалов. Тверь, 2013. С. 8—38.

Петров А. А. Полевые исследования в Тверской области в 2013 году: фольклорно-этнографическая экспедиция в Максатихинский район // Усадьбный локус и фольклорный текст: из экспедиционных материалов. Тверь, 2013. С. 48—94; фот.

Петров А. А. Современная рукописная фольклорная традиция Тверской земли (по материалам экспедиции в Торопецкий район) // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Филология. 2013. № 10, вып. 3. С. 331—336.

Петров А. А. Фольклорно-этнографические рукописные материалы в краеведческом музее г. Кашина Тверской области // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Филология. 2013. № 19, вып. 4. С. 233—239.

Полевые материалы из Спировского района: рукописная традиция / подгот. В. С. Харитоновна // Традиционная культура Тверского края: памяти А. В. Гончаровой (1923—2009). Тверь, 2013. С. 65—72.

Частушки Молоковского района Тверской области / Подготовила М. А. Бердникова // Традиционная культура Тверского края: памяти А. В. Гончаровой (1923—2009). Тверь, 2013. С. 72—78. Материалы учебной диалектической практики в Молоковском р-не, руководитель Л. Н. Новинова.

Жестокие романсы Андреапольского района Тверской области // Традиционная культура Тверского края: памяти А. В. Гончаровой (1923—2009). Тверь, 2013. С. 78—87. Материалы фольклорной экспедиции 2010 г.

Бойкова Ю. А. Изучение традиционной культуры Вышневолоцкого района Тверской области // Традиционная культура Тверского края: памяти А. В. Гончаровой (1923—2009). Тверь, 2013. С. 64—68. Фольклорная практика ТвГУ 2009 г.

Кормилицына О. А. Изучение традиционной культуры Тверской области (по материалам Фировского района) // Традиционная культура Тверского края: памяти А. В. Гончаровой (1923—2009). Тверь, 2013. С. 68—72. Фольклорная ТвГУ практика 2012 г. Э. И. Русанова — заведующая Краеведческим музеем в пос. Фирово.

Зеленкова Е. Е. Из материалов фольклорно-этнографической экспедиции 2011 года в Спировский район // Традиционная культура Тверского края: памяти А. В. Гончаровой (1923—2009). Тверь, 2013. С. 73—78.

Иванов Павел. Хранить вечно! // Тверские ведомости. 2013. 9—15 авг. № 32. С. 1, 4; То же: [Электронный ресурс] // БЕЗФОРМАТА.RU:[сайт]. 2013. 10 авг. URL: <http://tver.bezformatata.ru/listnews/hranit-vechno/13387257>, 8.12.2015. О проблемах собирания и сохранения фольклора.

Долгополова А. Рукописные материалы как источник для установления хронологии экспедиций // Слово: Сборник научных работ студентов и аспирантов. Тверь, 2014. Вып. 14. С. 105—108.

Петров А. А. История собирания и изучения свадебного обряда Торопецкого края // Традиционная культура Тверского края: свадьба: памяти Н. П. Кудряшова. Тверь, 2014. С. 30—45.

Свадебный обряд Тверской губернии 1920-х гг.: по материалам личного фонда А. Н. Вершинского в ГАТО / Вступительная статья и публикация И. А. Михайлова // Традиционная культура Тверского края: свадьба: памяти Н. П. Кудряшова. Тверь, 2014. С. 46—54. Свадебные обряды, записанные Верхнемоложской экспедицией ТвГПИ в 1925 г.

Кашинский свадебный обряд: по материалам личного фонда В. Г. Шоминой в ГАТО / Вступительная статья и публикация Ю. С. Заострожной // Традиционная культура Тверского края: свадьба: памяти Н. П. Кудряшова. Тверь, 2014. С. 55—70. Фольклорные экспедиции Калининского (Тверского) ГУ 1970-х гг. под руководством В. Г. Шоминой. Исследования 2013 г. в усадебном комплексе с. Зобнино Кашинского р-на.

Петров А. А. Этнография и фольклористика — путь к душе народа / интервьюер Александр Бушев [Электронный ресурс] // Вся Тверь: [сайт]. 2015. 11 сент. URL: <http://www.газета-вся-тверь.рф/?p=9351>. 8.12.2015.

Собиратели. Исследователи

Гончарова А. В. Введение // Гончарова А. В., Забелин Н. А. Из истории культуры Тверского края. Тверь, 1990. С. 3—5. Н. А. Львов, П. В. Киреевский, А. Н. Афанасьев, Т. И. Филиппов, П. В. Шейн, Ю. М. Соколов.

Николаев О. Р. Исторический обзор материалов о устном Тверском фольклоре. Выводы о степени изученности фольклорной традиции Тверской области // Отчет о разработке целевой региональной программы: «Сохранение, возрождение и стимулирование народного художественного творчества в перспективе» / М-во культуры РФ, Ком. по делам культуры Администрации Твер. обл.; Обл. дом нар. творчества, Врем. науч.-исслед. коллектив «Народное творчество». Тверь, 1993. С. 31—43. Р. Р. Гельгардт, А. Н. Афанасьев, П. В. Киреевский, П. Якушкин, Т. Филиппов, И. Лажечников, П. Сокальский, В. И. Покровский, И. Гусев, Д. Середонин, М. А. Плетнев, Ф. Климов, Е. А. Лебедева, А. Н. Дьяков, В. Колосов, Н. Н. Вершинский, В. Н. Мальцев, Д. А. Ровинский, А. Ушаков, Ф. Хорьков, С. Разумихин, Н. Лебедев, П. Сумарков, Ю. Готье, А. Максимов, В. Суворов, О. Х. Агренева-Славянская, И. Иллюстров, П. В. Шейн, А. Е. Бурцев, В. И. Симаков, Е. Н. Елеонская, В. Чернышов, И. Т. Смирнов, М. И. Вахтин, Ф. М. Истомин, И. В. Некрасов, Ф. И. Покровский, К. В. Кудряшов, В. М. Миллер, С. Д. Синицин, Н. П. Гринкова, Ю. М. Соколов, М. И. Рожнова, В. Ф. Шурыгин, А. А. Виноградов, С. Еремина, Л. А. Пушкарёва, А. М. Смирнов, М. Н. Шмелева, Т. И. Вихрева, Н. А. Мельничук, Е. А. Ширева, Г. Г. Шаповалова, Л. С. Гвоздикова, Л. С. Лаврентьева.

Строганов М. В. Изучение русской литературы в 1917—1970 годах. Фольклор и литературное краеведение // Наука Тверского края. Тверь, 1994. Вып. I: Филология. С. 57—61, 61—64. Ю. М. Соколов, А. М. Смирнов-Кутаческий, В. И. Симаков, Л. В. Брадис, В. Г. Шомина, А. В. Гончарова.

Строганов М. В. Фольклор и литературное краеведение // Наука Тверского края. Тверь, 1994. Вып. 1. С. 62—64.

Строганова Е. Н. Изучение русской словесности в Тверской губернии до 1917 г. // Наука Тверского края. Тверь, 1994. Вып. I: Филология. С. 54—57. Н. А. Львов, П. В. Киреевский, А. Н. Афанасьев, П. И. Якушкин, Т. И. Филиппов, В. И. Колосов, И. А. Опекаловский, М. А. Плетнев, Ф. С. Климко, М. Н. Сперанский.

Гончарова А. В. Сказки, легенды, предания, устные рассказы Тверского края // Золотые зерна / Сборник А. В. Гончаровой. Тверь, 1999. [Кн. 1]. С. 5—13. А. Н. Афанасьев, П. В. Шейн, А. М. Смирнов, С. В. Максимов, Л. А. Ильин, П. Сокальский, С. Разумихин, И. Лажечников, Ю. М. Соколов, В. А. Дынник, А. Любский, М. Рожнова, А. Угланова, А. Гудовская, Н. Беляева, Е. Товстик, А. М. Лашина, Г. П. Уханов, В. Я. Арсеньев, Л. Н. Балабанов, В. Беркнер, Н. Карцева, О. Зиновьева, Л. Ерофеева, Р. Рожкова, А. Васильев, А. Градова, Л. Щепетова, В. Расторгуев, Л. Кузнецова, С. Кирьянов, Г. Кедрова, З. Смирнова, Г. Середа, Л. Кузнецова, Л. Васильева, Л. Паршина, С. Грязнов, А. Васильев, А. Дубровская, А. Жутиков, А. Булычев, О. Воробьева.

Изучение фольклора [Электронный ресурс] // Тверская область: Энциклопедический справочник. 2000. Режим доступа: http://region.tverlib.ru/cgi-bin/fulltext_opac.cgi?show_article=2777. 4.12.2015. Н. А. Львов, Ф. П. Львов, П. И. Якушкин, П. В. Киреевский, И. И. Лажечников, Т. И. Филиппов, П. В. Шейн, А. Ушаков, М. А. Плетнев, В. И. Симаков, В. И. Колосов, Ф. С. Климко, Е. А. Лебедева.

Гончарова А. В. Из истории собирания и исследования фольклорной прозы // Тверская филология: прошлое, настоящее, будущее. Тверь, 2002. С. 90—95. И. И. Лажечников, П. Сокальский, С. Разумихин, П. И. Якушкин, П. В. Шейн, А. М. Смирнов-Кутаческий, С. В. Максимов, Ю. М. Соколов, В. А. Дынник, В. М. Сидельников, Р. Р. Гельгардт, В. А. Никольский, В. А. Арсеньев, А. М. Лашина, Л. А. Ильин, Г. П. Уханов, В. Я. Арсеньев, А. Н. Балабанов, В. Беркнер, Н. Карцева, Л. Ерофеева, О. Зиновьева, Р. Рожкова, В. Г. Шомина, Л. В. Брадис, О. Е. Лебедева, И. Е. Иванова, Е. Е. Шаров.

Гончарова А. В. Панорама словесного народного творчества Тверской земли // Золотые зерна: сказки, народные рассказы Тверского края / Сборник А. В. Гончаровой. Тверь, 2002. Кн. 2. С. 5—12. И. И. Лажечников, П. Сокальский, С. Разумихин, А. М. Смирнов-Кутаческий, Л. А. Ильин, Л. А. Концадайло, М. А. Максимов, А. В. Колухов, П. Е. Зюряев, М. А. Сергеева, Д. Е. Виноградов, М. Ф. Рогачев, С. У. Попкова, А. М. Леонова,

С. Ф. Арсеньева, П. М. Боровченкова, Н. П. Петров, П. Е. Судаков, К. М. Парменов, Д. П. Горюнов, С. Н. Куликов, Л. П. Кондратьев, Д. А. Соболев, А. В. Константинов, Г. Я. Ходаков, В. М. Сидельников, П. С. Выходцев, В. Е. Гусев, П. Г. Ширяев, В. П. Аникин.

Тарасова Л. А. Анализ исследований по изучению музыкального фольклора Тверского края, проводившихся в разные исторические периоды // Тарасова Л. А., Романюк Е. А., Кузьмина О. М. Музыкальная культура Тверской области. М.; Тверь, 2006. С. 26—34. Н. А. Львов, Т. Филиппов, П. В. Киреевский, А. М. Смирнов-Кутаческий, А. В. Гончарова, В. Г. Шомина, В. М. Граб, А. Корнаухов.

Романюк Е. А. Из истории исследования песенного фольклора Тверской области // Тарасова Л. А., Романюк Е. А., Кузьмина О. М. Музыкальная культура Тверской области. М.; Тверь, 2006. С. 124—128. Н. А. Львов, Т. И. Филиппов, Н. Новоселов, П. Воскресенский, А. Максимов, В. Н. Мальковский, А. Ушаков, А. Н. Смирнов, А. Андреев, Ю. М. Соколов, В. И. Симаков, С. Еремин, Н. А. Виноградов, А. М. Смирнов-Кутаческий, К. Мыльникова, В. Цинциус, Н. П. Гринкова, Е. Н. Басова, Н. Кравцов, Г. Уханов, В. Г. Шомина, А. В. Гончарова, Л. К. Королева, И. Н. Некрасова, С. О. Мильтонян, Е. Филиппова, А. Т. Некрасов, Н. П. Гончарова, Е. О. Засимова, Т. Старостина, В. М. Граб, Л. В. Ефремова.

Тарасова Л. А. Краткая характеристика состояния изучения музыкального фольклора Тверской области // Тарасова Л. А., Пурин В. Д. Народная музыкальная культура Тверской и Московской областей. М.; Тверь, 2006. С. 31—36. Н. А. Львов, Т. И. Филиппов, В. М. Соколов, Ю. М. Красовская, В. М. Граб, А. Корнаухов, Е. О. Засимова, С. А. Мильтонян, Н. П. Кудряшов.

Строганов М. В. Из истории региональной культуры: изучение фольклора Тверского края // Строганов М. В. Литературное краеведение. Тверь, 2009. С. 127—141.

Петров А. А. Изучение частушек Тверского края // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Филология. 2010. № 4, вып. 2. С. 108—121. В. И. Колосов, А. Баталин, Курре, Ф. Хорьков, В. Миролубов, Е. Н. Елеонская, В. И. Симаков, А. Никольский, Ворошилов, Б. Резняков (Резвяк), И. Зверев, А. Клочкова, В. М. Мещерина (Грабарь), Б. фон-Эдин, Х. Вейде, А. Н. Виноградов, И. И. Симаков (брат В. И. Симакова), Ф. В. Кошелев, Ю. М. Соколов, А. Н. Вершинский, С. А. Копорский, А. М. Смирнов-Кутаческий, Я. В. Пейве, А. П. Берзин, К. А. Иеропольский.

Кузьмина О. М. К проблеме изучения фольклорных первоисточников Тверского края // Традиции и новации в профессиональной подготовке и деятельности педагога. Тверь, 2011. Вып. 10. С. 271—274.

Петров А. А. К истории собирания и изучения фольклора Старицкой земли // Лажечников и Тверской край. Тверь, 2012. Вып. 4. С. 70—78; То же: Усадьбный локус и фольклорный текст: Из экспедиционных материалов.

Тверь, 2013. С. 148—156. А. Д. Ушаков, В. И. Колосов, В. Миролубов, В. М. Мещерина (Грабарь), А. П. Зеленёва, А. В. Гончарова, Л. Э. Калмыкова, А. В. Шитков, А. М. Смирнов-Кутаческий, И. И. Лажечников.

Петров А. А. История собирания и изучения традиционной культуры Торопецкой земли // Традиционная культура Тверского края. Тверь, 2013. С. 6—28. Ю. М. Соколов, А. М. Смирнов-Кутаческий, А. В. Гончарова (Аракчеева), В. Г. Шомина, Л. В. Брадис (Ерофеева), О. Е. Петрова (Лебедева), С. Н. Лебедева (Гаврилова), А. А. Власова, Н. А. Львов, П. Иродионов, П. В. Киреевский, К. К. Случевский, А. Терещенко, М. П. Мусоргский, И. И. Побойнин, Иоанн Беллавин, А. Литвинский, К. Князева, Я. В. Пейве, А. П. Берзин, К. А. Иеропольский, В. В. Елагин, И. И. Земцовский, Е. Н. Разумовская, А. В. Ромодин, Ф. М. Селиванов, А. А. Дубинина, М. Л. Лурье, Е. И. Камшилова, А. Л. Топорков.

Гусева Д. Е., Петров А. А. Из истории собирания и изучения фольклора Калязинской земли // Традиционная культура Тверского края. Тверь, 2013. С. 51—64. Н. Новоселов, В. Г. Суворов, В. Панютина, А. М. Смирнов-Кутаческий, священник Л. И. Крылов, А. Завьялов, А. И. Михеев, А. В. Кошелев, Ю. В. Красавин, Д. Е. Гусевой.

Петров А. А. Фольклор Кимрского края: перспективы изучения (по материалам индивидуальной практики 2011 г.) // Традиционная культура Тверского края: Памяги А. В. Гончаровой: Сборник научных статей и публикаций. Тверь, 2013. С. 35—45.

Тверские исследователи: XX век: Материалы к справочнику «Фольклористы, этнографы и краеведы Тверской земли» / Сост. Л. М. Концедайло, А. С. Дмитриева, А. А. Петров // Традиционная культура Тверского края: Сборник научных статей и публикаций. Тверь, 2013. С. 155—163.

Петров А. А. История собирания и изучения свадебного обряда Торопецкого района // Традиционная культура Тверского края: Свадьба: Сборник научных статей и публикаций. Тверь, 2014. С. 30—45. П. Иродионов, М. Д. Чулков, М. И. Семевский, П. В. Киреевский (записи Ф. Базилевского), А. Терещенко, И. И. Земцовский, В. А. Светлов, А. П. Зеленева, А. М. Смирнов-Кутаческий, С. А. Балашевич, С. А. Мукасеева, А. А. Цветкова, М. А. Веневитинов.

Свадебный обряд Тверской губернии 1920-х гг. по материалам А. Н. Вершинского в ГАТО / Вступит. статья и публикация И. А. Михайловой // Традиционная культура Тверского края: Свадьба: Сборник научных статей и публикаций. Тверь, 2014. С. 46—54. А. П. Ильинский, А. Н. Вершинский, Ю. М. Соколов, В. А. Герд.

Указатель имен собирателей // Фольклор Тверской губернии. — СПб., 2003. — С. 626—628. 39 имен. Биогр. сведения: Лавровская Серафима Николаевна, Лунд Александра Петровна, Мартьянова Пелагея Ефимовна.

Агренов- Славянский Дмитрий Александрович (1834/1836—1908), певец, хоровой дирижер, основатель хора «Славянская капелла»; детство провел в имении родителей с-це Дунаеве Бельского у. Смоленской губ. (ныне Бельский р-н); позднее владел с-цом Кольцово (Кольцовка) в Тверском у. (ныне Калининский р-н).

Агренов-Славянский Дмитрий Александрович // Музыкальная энциклопедия / Под ред. Ю. В. Келдыша. М., 1973. Т. 1. С. 50.

Хитрово А. Краткое жизнеописание Дмитрия Александровича Агренова-Славянского и его деятельности // Сборник песен, исполняемых в народных концертах Дмитрия Александровича Агренова-Славянского, собранных в России и в славянских землях Ольгою Христофоровною Агреновой-Славянской. М., 1896. С. 1—14.

Литературная карта Тверской области [Электронный ресурс] // Тверская областная универсальная научная библиотека им. А. М. Горького: [сайт]. Тверь, 2005. Из содерж.: Дмитриева Г. М. Дмитрий Александрович Агренов-Славянский. Режим доступа: <http://litmap.tvercult.ru/agrenev-slavjansky/index.html>, 26.11.2015.

Кузьмина О. М. Художественная деятельность Д. А. Агренова-Славянского // Новоторжский сборник. Торжок; Тверь. 2010. С. 243—249.

Агренова- Славянская Ольга Христофоровна (1847—1920), фольклорист, этнограф, музыкант; жена Д. А. Агренова-Славянского; составитель сборника народных песен, исполнявшихся «Славянской капеллой», автор статей о народной музыке.

Агренова-Славянская Ольга Христофоровна // Музыкальная энциклопедия / Под ред. Ю. В. Келдыша. М., 1973. Т. 1. С. 50.

Акулов Петр Иванович (1901—1961), собиратель фольклора, наивный писатель, житель Рамешковского р-на.

Из автобиографии Петра Акулова // Акулов П. И. Тверские сказки / Сост. Л. М. Концедайло, О. В. Смирнов. Тверь, 1997. С. 7—9. Серия «Тверской фольклор». Кн. 4.

Ильин Л. Петр Акулов // Акулов П. И. Народная мудрость. Калинин, 1961. С. 3—6.

Концедайло Л. Сказочник из села Ведное: Из автобиографии Петра Акулова [1958] // Акулов П. И. Тверские сказки. Тверь, 1997. С. 5—6, 7—9; фот.

Бабковская К. В. Петр Акулов — сказочник из Тверской губернии. На грани фольклора и литературы // Живая старина. 2012. № 1. С. 15—18.

Акулов Петр Иванович [Электронный ресурс] // Тверская областная универсальная научная библиотека им. А. М. Горького: [сайт]. 1998—2013. Режим доступа: http://region.tverlib.ru/cgi-bin/fulltext_opac.cgi?show_article=2980.

Андреев Василий Васильевич (1861—1918), создатель ансамбля балалаечников.

Баранов Ю. Е. Василий Андреев / Науч. ред. Н. Дроздецкая; худож. И. Гусев. Тверь: Русская провинция, 2001. 160 с.: ил.

Создатель великорусского оркестра В. В. Андреев в зеркале русской прессы (1888—1917 годы) / Ред.-сост. А. В. Тихонов. СПб.: Союз художников, 2002. 223 с.

Василий Васильевич Андреев: жизнь и деятельность: опыт биографии-хрестоматии / Идея и сост. И. В. Идрисовой. Бежецк: Бежецкая тип., 2006. 40 с.

Андреев Василий Васильевич // Тверская область: энциклопедический справочник. Тверь, 1994. С. 45.

Берзин Адольф Петрович, член семеновского кружка краеведения (основан 4 марта 1924 г.), собиратель частушек-припевок.

Попов Ю. Г. Берзин Адольф Петрович // Попов Ю. Г. Первые краеведческие объединения и первые краеведы Торопецкой земли. 2-е изд. Торопец, 2014. Вып. 1: (1919—1927). С. 17.

Брадис (Ерофеева) Лидия Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы ТвГУ; публикуется с 1959 г.

Брадис Лидия Васильевна // Российские фольклористы: справочник. М., 1994. С. 22—23.

О Л. В. Брадис. Список печатных трудов Л. В. Брадис / Сост. М. В. Строганов, И. С. Тарасова // В. И. Симаков и народное творчество: материалы и исследования. Тверь, 2006. Вып. 3. С. 251—255.

Кашинский свадебный обряд по материалам личного фонда В. Г. Шоминой в ГАТО / Вступит. статья и публикация Ю. С. Заострожной // Традиционная культура Тверского края: Свадьба: Сборник научных статей и публикаций. Тверь, 2014. С. 55—70. Л. В. Брадис в собирании фольклора Кашинского р-на.

Вершинская Евгения Анатольевна (1920—1993), историк, архивист.

Архивы: Война глазами очевидцев (из истории тверской фольклористики). Фольклор Великой Отечественной войны в записях Е. А. Вершинской / Вступ. статья и публикация А. С. Дмитриевой // Традиционная культура Тверского края: Сборник научных статей и публикаций. Тверь, 2015. Вып. 5. С. 12—24.

Вершинский Анатолий Николаевич (1888—1944), историк, издатель журнала «Тверская старина», профессор Тверского (Калининского) ГПИ.

Котлярская Л. А., Фрейденберг М. М. Из истории тверской культуры: Анатолий Николаевич Вершинский (1888—1944): Учебное пособие. Тверь: ТвГУ, 1990. 160,[1] с.: фот., портр.

Профессор Анатолий Николаевич Вершинский: Дневник. Воспоминания / Отв. ред. И. Г. Воробьева. Тверь: Алексей Ушаков и К°, 2005. 75 с.: ил., фот.

Виноградов Александр Александрович (1883—1973), уроженец д. Кишкино Весьегонского у., заслуженный учитель РСФСР, археолог, этнограф, собиратель фольклора.

Виноградов А. А. // Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР: Указатель / Редкол. Ю. И. Герасимова, С. С. Дмитриев и др. Т. 2. М., 1963. С. 369; То же: [Электронный ресурс] // Архивы России: [сайт]. М., 2001—2015. Режим доступа: http://www.rusarchives.ru/guide/lf_ussr/sk.shtml, 26.11.2015. РГАЛИ. Ф. 1428. 412 ед. хр. 1914—1935.

Зелов Н. С. Энтузиаст краеведения // Весьегонск: Краеведческий альманах. М.; Весьегонск, 2006. Вып. 1. С. 51, 57—62.

Водарский Вячеслав Александрович (1873 — ?), филолог, поэт, исследователь и собиратель фольклора.

Водарский В. А. // Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР: Указатель / Редкол. Ю. И. Герасимова, С. С. Дмитриев и др. Т. 2. М., 1963. С. 146; То же: [Электронный ресурс] // Архивы России: [сайт]. М., 2001—2015. Режим доступа: http://www.rusarchives.ru/guide/lf_ussr/sk.shtml, 26.11.2015.

Гельгардт Роман Робертович (1906—1982), филолог, фольклорист, профессор КГПИ (КГУ).

Строганов М. В. Р. Р. Гельгардт-студент // Поэтика и лингвистика: Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Романа Робертовича Гельгардта. 16—19 октября 2006 года. Тверь: ТГУ, 2006. С. 13—17; То же [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ffre.ru/qasatyufsbewyfsyfs.html>, 24.11.2015.

Строганов М. В. Об изучении культуры «в географической проекции» (Р. Р. Гельгардт) // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Филология. 2014. № 1. С. 91—96.

Клюев Евгений. Просто «был рядом» [Электронный ресурс] // Путь к Душе: [сайт]. 2014. 20 нояб. Режим доступа: <http://waytosoul.ru/node/9158>, 24.11.2015. Ученик Р. Р. Гельгардта об учителе.

Аннотированный указатель публикаций профессора Р. Р. Гельгардта / Сост. Е. В. Клюев. Калинин: КГУ, 1981.

Гончарова (Аракчеева) Александра Васильевна (1928—2009), доктор филологических наук, профессор ТвГУ, публикуется с 1961 г.

Традиционная культура Тверского края: Памяти А. В. Гончаровой (1923—2009): Сборник научных статей и публикаций / Отв. ред. Л. Н. Скаковская; сост. М. Л. Логунов, С. Ф. Меркушов, А. А. Петров, Л. Н. Скаковская. Тверь: ТвГУ, 2013. 152 с. Из содерж.: Вместо предисловия: [биографические сведения]. Редькин В. А. В народном творчестве душа Руси великой. Белецкая Е. М. И снова всё о ней: слово об учителе. Кирьянов С. Н. Сберегая

слово. Кузьмина О. М. Фронтальная музыкальная культура как часть бытовой жизни в эпоху Великой Отечественной войны (на примере традиции Тверского края).

Гончарова Александра Васильевна // Российские фольклористы: справочник. М., 1994. С. 36.

Гончарова Александра Васильевна // Тверская филология: прошлое, настоящее, будущее. Тверь, 2002. С. 90, фот.

Маркова Татьяна. И хочется навеки уберечь...: Спецкурс Александры Гончаровой // Тверская жизнь. 2003. 20 мая. С. 4.

Гончарова Александра Васильевна // Ведущие ученые Тверского государственного университета. Тверь, 2006. С. 38, фот.

Беренштейн Е. О Тверском фольклоре «Золотые зерна» // Тверская область. Кн. 1: [презентац. изд.]. Тверь, 2008. С. 156—159.

Петров А. А., Строганов М. В. Список научных и методических трудов А. В. Гончаровой // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Филология. 2010. № 4, вып. 2. С. 264—274.

Руки к сердцу — и всё тут...: Памяти Александры Гончаровой, д-ра филол. наук // Тверская жизнь. 2010. 8 мая. С. 4.

Гудков Илья Сергеевич, собиратель фольклора.

Гудков И. С. // Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР: Указатель / Редкол. Ю. И. Герасимова, С. С. Дмитриев и др. Т. 2. М., 1963. С. 372; То же: [Электронный ресурс] // Архивы России: [сайт]. М., 2001—2015. Режим доступа: http://www.rusarchives.ru/guide/lf_ussr/sk.shtm, 26.11.2015. РГАЛИ. Ф. 1432. 74 ед. хр.

Елоховский Николай Александрович (1880—1949), учитель, этнограф, краевед, собиратель фольклора Новоторжского у. в 1915—1937 гг.

Фольклорные тексты из фондов ВИЭМ / Подготовка текстов и комментариев В. В. Кузнецова // Новоторжский сборник. Торжок, 2009. Вып. 2. С. 130—150.

Елоховский Николай Александрович // Личные фонды и тематические документальные коллекции из собрания Всероссийского историко-этнографического музея: Справочник-указатель. Торжок, 2013. С. 19—20.

Иеропольский Константин Алексеевич (1887—1938), краевед, собиратель фольклора.

Попов Ю. Г. Иеропольский Константин Алексеевич (27.07.1887—20.07.1938) // Попов Ю. Г. Первые краеведческие объединения и первые краеведы Торопецкой земли. 2-е изд. Торопец, 2014. Вып. 1 (1919—1927). С. 19—21. Библиогр.: 7 назв.

Попов Ю. Г. Забытый торопецкий краевед // Вече Твери. 2002. 4 дек. С. 7.

Ильин Леонид Андреевич (1913—2004), филолог, музейный работник.

Леонид Андреевич Ильин: Библиографический указатель / ТОУНБ им. А. М. Горького, Краевед. информ. центр; Твер. обл. краевед. о-во; составитель. З. Б. Васильева; автор вступит. статьи М. В. Строганов. Тверь, 2003. 52 с.

Ильин Леонид Андреевич // Калининские писатели: Биобиблиографический справочник / Сост. Н. А. Фадеева; Калинин. обл. б-ка им. А. М. Горького. Калинин, 1964. С. 133—138.

Гончарова А. В. Сказки, легенды, предания, устные рассказы Тверского края // Золотые зерна: Сборник А. В. Гончаровой. Тверь, 1999. [Кн. 1]. С. 5—13. С. 5: тверские фольклорные тексты в публикациях Л. А. Ильина.

Гончарова А. В. Из истории собирания и исследования фольклорной прозы // Тверская филология: прошлое, настоящее, будущее. Тверь, 2002. С. 93.

Киреевский Петр Васильевич (1800—1856), собиратель фольклора.

Гершензон М. О. Образы прошлого: А. С. Пушкин, И. С. Тургенев, П. В. Киреевский, А. И. Герцен, Н. П. Огарев. М.: Изд-во ОКТО, 1912. [2], 545, VIII с.

Павлов И. П. П. В. Киреевский // Павлов И. П. Русские писатели в нашем крае. Калинин, 1956. С. 31—34.

Соймонов А. Д. П. В. Киреевский и его Собрание народных песен в русской литературе и фольклористике первой половины девятнадцатого века: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом). Л.: [б. и.], 1970. 40 с.

Петр Васильевич Киреевский // Русские писатели и Тверской край / Под ред. М. В. Строганова, И. А. Трифаженковой. Тверь, 2009. С. 102—110.

Кирсанов Антонин Герасимович (1886—1968), фольклорист

Козырев В. Он подарил нам «Край наш Бежецкий». Кирсанова А. А. Он мог бы еще многое сделать / Записал С. Сенин. Михайлова И. А., Петров А. А. Старинные свадебные обычаи в Бежецком крае (из истории тверской фольклористики: фонд А. Г. Кирсанова). Кирсанов А. Г. Старинные свадебные обычаи в Бежецком крае. Петров А. А. Фольклорно-этнографические материалы в фонде А. Г. Кирсанова // Бежецкий край: историко-краеведческий альманах. Бежецк, 2014. Вып. 11: Традиционная культура Бежецкого края. С. 4—35.

Коренев Михаил Михайлович (1889—1980), режиссер, педагог, собиратель фольклора.

Коренев М. М. // Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР: Указатель / Редкол. Ю. И. Герасимова [и др.]. Т. 2. М., 1963. С. 380; То же: [Электронный ресурс] // Архивы России: [сайт]. М., 2001—2015. Режим доступа: http://www.rusarchives.ru/guide/lf_ussr/sk.shtm, 26.11.2015. РГАЛИ. Ф. 1476. 13 ед. хр. 1912—1923.

Коренев Михаил Михайлович [Электронный ресурс] // libinfo.org: [сайт]. М., 2011. Режим доступа: libinfo.org/index/index.php?id=113897, 26.11.2015.

Кострова М. И. (р. 1902), автор статей о рабочем фольклоре Калининской (Тверской) обл. и методических рекомендаций по работе со сказителями.

Добровольская В. Е. Экспедиция Ю. М. Соколова в Переялавль-Залесский уезд Владимирской губернии в 1924 году // Тверское фольклорное поле — 2010: Доклады и публикации. Тверь, 2011. С. 9.

Красовская Юлия Евгеньевна, член Союза композиторов РСФСР.

Кожухова Е. Из экспедиции // Москва. 1971. № 2. С. 194—196. Запись фольклора Ю. Е. Красовской.

Тарасова Л. А. Анализ исследований по изучению музыкального фольклора Тверского края, проводившихся в разные исторические периоды // Тарасова Л. А., Романюк Е. А., Кузьмина О. М. Музыкальная культура Тверской области. М.; Тверь, 2006. С. 26—34. С. 29: запись песен в Торжокском р-не в 1971 г.

Кудряшов К. В., собиратель.

Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук за 1911 г., составленный Н. А. Котляревским. СПб.: Тип. Имп. АН, 1911. С. 39—40.

Кудряшов Николай Павлович (1924—1998), руководитель фольклорного коллектива «Тверские родники» ДК «Химик» Редкинского опытного завода.

Традиционная культура Тверского края: Свадьба : сб. науч. ст. и публ. : Памяти Н.П. Кудряшова (1924 — 1998) / сост. Л.М. Концедайло [и др.] ; ред М.Л. Логунов [и др.] ; М-во образования и науки РФ, ТвГУ, Филол. фак., Каф. истории рус. лит., Каф. фундам. и приклад. лингвистики ; Фольклор.-этногр. науч. краевед. отд-ние. — Тверь : ТвГУ, 2014. — 132 с.

Тарасова Л. А. Анализ исследований по изучению музыкального фольклора Тверского края, проводившихся в разные исторические периоды // Тарасова Л. А., Романюк Е. А., Кузьмина О. М. Музыкальная культура Тверской области. М.; Тверь, 2006. С. 30.

Концедайло Л. М. Человек из песни // Традиционная культура Тверского края: Свадьба: Сборник научных статей и публикаций. Тверь, 2014. С. 10—11.

Моряков С. В. Николай Павлович Кудряшов: человек и собиратель // Традиционная культура Тверского края: Свадьба: Сборник научных статей и публикаций. Тверь, 2014. С. 5—9.

Лажечников Иван Иванович (1792—1869), писатель, тверской вице-губернатор.

Гончарова А. В. Сказки, легенды, предания, устные рассказы Тверского края // Золотые зерна: Сборник А. В. Гончаровой. Тверь, 1999. [Кн. 1]. С. 5—13. С. 5: Лажечников предоставил тексты тверских сказок А. Н. Афанасьеву.

Гончарова А. В. Из истории собирания и исследования фольклорной прозы // Тверская филология: прошлое, настоящее, будущее. Тверь, 2002. С. 91.

Петров А. А. К истории собирания и изучения фольклора Старицкой земли // Лажечников и Тверской край. Тверь, 2012. Вып. 4. С. 70—71: содействие Лажечникова в предоставлении материалов по Тверской губ. И. М. Снегиреву, автору исследования «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» (вып. 4; М., 1839).

Львов Николай Александрович (1753—1803), поэт, архитектор.

Львов Николай Александрович // Тверская область: Энциклопедический справочник. Тверь, 1994. С. 151—152.

Троицкая А. Д. Новое издание Львова и Прача // Русский фольклор. СПб., 1993. С. 325—328.

Лебедева О. Е. Русская народная песня в XVIII веке и главный фольклористический труд Н. А. Львова // Гений вкуса. Н. А. Львов: Материалы и исследования. Тверь, 2005. Сб. 4. С. 201—210.

Лебедева О. Е. Судьба «Собрания народных русских песен с их голосами» Н. А. Львова // Страницы музыкальной истории Верхневолжья. Тверь, 2006. С. 210—227.

Строганов М. В. Фольклор // Милогина Е. Г., Строганов М. В. Гений вкуса. Н. А. Львов: Итоги и проблемы изучения. Тверь, 2008. Вып. 5. С. 170—187.

Милогина Е. Г. Николай Александрович Львов // Русские писатели и Тверской край / Под ред. М. В. Строганова, И. А. Трифаженковой. Тверь, 2009. С. 28—30.

Шишкова М. П. Наследие первого русского фольклориста // Вече Твери сегодня. 2001. 13 марта. С. 6.

Михайловская Мария Васильевна (1884—1917), собирательница фольклора.

Тверские исследователи: XX век: Материалы к справочнику «Фольклористы, этнографы и краеведы Тверской земли» / Сост. Л. М. Концедайло, А. С. Дмитриева, А. А. Петров // Традиционная культура Тверского края: Сборник научных статей и публикаций. Тверь, 2013. С. 153—154.

Петров А. А. Фольклорно-этнографические материалы в фонде А. Г. Кирсанова // Бежецкий край: Историко-краеведческий альманах. Бежецк, 2014. Вып. 11. С. 32.

Пейве Ян Вольдемарович (1906—1976), член семенцовского кружка краеведения (основан 4 марта 1924 г.), собиратель частушек-припевок.

Попов Ю. Г. Незамеченный юбилей // Мой край (Торопец). 1997. 5 авг. № 63. С. 3.

Попов Ю. Г. Пейве Ян Вольдемарович (21.07.1906—13.09.1976) // Попов Ю. Г. Первые краеведческие объединения и первые краеведы Торопецкой земли. 2-е изд. Торопец, 2014. Вып. 1 (1919—1927). С. 25. Библиогр.: 5 назв.

Прокунин Василий Павлович (1848—1910), композитор, педагог, фольклорист, собиратель и аранжировщик русских народных песен; работал в с. Троицком Зубцовского у.

Кузьмина О. М. К истории Ржевско-Зубцовского пограничья: (фольклорные источники XIX—XX веков) // Тверское фольклорное поле — 2010: Доклады и публикации. Тверь, 2011. С. 78.

Разумихин С., священник с. Бобровка Ржевского у.

Кузьмина О. М. Ржевская свадьба в записях XIX века // Традиционная культура Тверского края: Свадьба: Сборник научных статей и публикаций. Тверь, 2014. С. 71—74.

Рачинский Сергей Александрович (1833—1902), педагог, владелец с. Татев Бельского у. (Оленинский р-н).

Соловьев И. А. С. А. Рачинский. Татевская школа. Тверь, 2002. С. 87.

Кузьмина О. М. К истории Ржевско-Зубцовского пограничья: (фольклорные источники XIX—XX веков) // Тверское фольклорное поле — 2010: Доклады и публикации. Тверь, 2011. С. 75—76.

Рожнова Мария Ивановна (р. 1904), филолог, составитель сборника фольклора.

Иванова И. Е. Тверской фольклор в машинописном сборнике М. И. Рожновой // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе. Тверь, 1996. С. 151.

Фольклор Тверской губернии: Сборник Ю. М. Соколова и М. И. Рожновой. 1919—1926 гг. СПб.: Наука, 2003.

Семевский Михаил Иванович (1837—1892), историк, издатель журнала «Русская старина».

Петров А. А. История собирания и изучения свадебного обряда Торопецкого района // Традиционная культура Тверского края: Свадьба: Сборник научных статей и публикаций. Тверь, 2014. С. 30—45.

Веневитинов М. А. Старинное изображение обряда смотрин в городе Торопце / Подготовка текста А. А. Петрова // Традиционная культура Тверского края: Свадьба: Сборник научных статей и публикаций. Тверь, 2014. С. 125—129.

Серова Мария Михеевна (1877—1940), педагог, собирательница фольклора, участница этнографической экспедиции в Весьегонский у.

Серова М. М. // Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР: Указатель / Редкол. Ю. И. Герасимова [и др.] Т. 2. М., 1963. С. 160; То же: [Электронный ресурс] // Архивы России: [сайт]. М., 2001—

2015. Режим доступа: http://www.rusarchives.ru/guide/lf_ussr/sk.shtm
26.11.2015.

Симаков Василий Иванович (1879—1955), собиратель фольклора.

Симаков В. И. Автобиография [10 янв. 1953] // В. И. Симаков и народное творчество: Материалы и исследования. Тверь, 2006. Вып. 3. С. 13—18.

Василий Иванович Симаков // Калининские писатели: Биобиблиографический справочник / Сост. Н. А. Фадеева. Калинин, 1964. С. 94—98.

Симаков Василий Иванович (1879—1955) // Тверская область: Энциклопедический справочник. Тверь, 1994. С. 235.

Друг народной песни / Сост., ред. В. Г. Лидин, В. М. Сидельников. Калинин: Обл. кн. изд-во, 1959. 101 с.

В. И. Симаков и народное творчество: Межвузовский тематический сборник научных трудов / Отв. ред. В. Г. Шомина. Калинин: КГУ, 1977. 146 с.

В. И. Симаков и народное творчество: Межвузовский тематический сборник научных трудов / Отв. ред. В. Г. Шомина. Калинин: КГУ, 1987. 145 с.

В. И. Симаков и народное творчество: Материалы и исследования. Вып. 3 / Сост. О. Е. Лебедева, М. В. Строганов; ред. М. В. Строганов. Тверь: ТвГУ, 2006. 256 с.

Акимова Т. М. Симаков — собиратель и издатель частушек // Акимова Т. М., Архангельская В. К., Бахтина В. А. Русское народное поэтическое творчество: Пособие к семинар. занятиям. М., 1983. С. 171—172.

Белецкая Е. М. Частушки В. И. Симакова в архиве А. М. Смирнова-Кутаческого // В. И. Симаков и народное творчество. Тверь, 2006. Вып. 3. С. 53—64.

Бобров А. А. Вотчина частушки // Бобров А. А. Белая дорога: Очерки. М., 1985. С. 70—78.

Бобров А. Русская частушка // Литературная Россия. 1979. 3 августа. С. 15.

Бойников А. М. Василий Иванович Симаков. 125 лет со дня рождения // Тверские памятные даты на 2004 год. Тверь, 2004. С. 65—66.

Бойников А. М. Василий Иванович Симаков (1879—1955) // Литературное краеведение XX века: Учебное пособие / Под ред. А. М. Бойникова. Тверь, 2008. С. 37—42. Библиогр.: 8 назв.

Брадис Л. В. Встреча в Челагине // В. И. Симаков и народное творчество. Калинин, 1987. С. 7—10.

Брадис Л. В. Воспоминания о Василии Ивановиче Симакове // В. И. Симаков и народное творчество: Материалы и исследования. Тверь, 2006. Вып. 3. С. 26—32.

Вихрова Т. И., Мельничук Н. А., Ширяева Е. А. По следам В. И. Симаква // В. И. Симаков и народное творчество: Межвузовский тематический сборник научных трудов. Калинин, 1977. С. 62—70.

Дудочкин П. Сто тысяч частушек // Нева. 1979. № 8. С. 220.

Дудочкин П. П. Собиратель // Волга. 1980. № 3. С. 175—179.

Дудочкин П. Летописец чувств // Смена (Калинин). 1979. 24 июля. С. 2—3.

Иванова Е. И. Ю. М. Соколов и В. И. Симаков: диалог ученого и собирателя народного творчества // В. И. Симаков и народное творчество. Тверь, 2006. Вып. 3. С. 48—52.

Кошелевский В. [Василий Иванович Симаков] // Кошелевский В. Кашин и его курорт. М., 1975. С. 41—43.

Кошелевский В. Следопыт народной песни // По ленинскому пути (Кашин). 1979. 23 июня. С. 4.

Кошелевский В. Крестьянин-ученый. Из воспоминаний о В. И. Симакве / Ю. М. Соколов, Демьян Бедный, В. Г. Лидин, С. И. Ожегов, А. М. Смирнов-Кутаческий // По ленинскому пути (Кашин). 1979. 21 августа. С. 3.

Кошелевский В. Собиратель фольклора // Калининская правда. 1979. 12 сентября. С. 4.

Крестьянин-филолог: к 100-летию со дня рождения В. И. Симаква // Клуб и художественная самодеятельность. 1978. № 23. С. 27.

Лидин В. Друг народной песни // Книжное обозрение. 1970. № 42. С. 12.

Лидин В. В. И. Симаков // Наш современник: Альманах. М., 1956. Кн. 4. С. 223—237.

Лидин В. В. И. Симаков // Родной край. Калинин, 1956. Кн. 8. С. 328—333.

Лидин В. В. И. Симаков // Лидин В. Люди и встречи. М., 1957. С. 88—94.

Лидин В. В. И. Симаков // Лидин В. Люди и встречи. М., 1965. С. 118—123.

Лидин В. В. И. Симаков // Лидин В. Люди и встречи; Страницы полдня. М., 1980. С. 108—113.

Маркова Т. Короткая песня от тоски и печали // Тверская жизнь. 2009. 28 июля. С. 7.

Никольский В. А. В. И. Симаков — пропагандист народной песни // В. И. Симаков и народное творчество: Межвузовский тематический сборник научных трудов. Калинин, 1977. С. 6—9.

Петров М. Г. Под спудом // Петров М. Г. Отвергнутый камень: Очерки, эссе, краеведческие исследования. Тверь, 2003. С. 219—233.

Петров М. Нам не надо длинных песен // Встреча. 1991. № 4. С. 51—54.

Потявин В. М. В. И. Симаков о фольклоре // В. И. Симаков и народное творчество: Межвузовский тематический сборник научных трудов. Калинин, 1977. С. 9—13.

Пьянов А. С. Кладовая песен // Смена (Калинин). 1959. 16 авг. С. 3.

Розина С. С., Жуховицкий Я. М. Василий Иванович Симаков // Розина С. С., Жуховицкий Я. М. Город Кашин и его курорт. Калинин, 1957. С. 85—91.

Селиванов Ф. М. Значение частушечных коллекций В. И. Симакова // В. И. Симаков и народное творчество: Межвузовский тематический сборник научных трудов. Калинин, 1977. С. 13—26.

Симаков А. В. Слово об отце // В. И. Симаков и народное творчество: Материалы и исследования. Тверь, 2006. Вып. 3. С. 19—25. Воспоминания сына В. И. Симакова, 18 января 1956 г.

Соколов Ю. [Предисловие] // Симаков В. И. Народные песни, их составители и их варианты. М., 1929. С. 5—6.

Строганов М. В. Несколько заметок о своде В. И. Симакова «Красноречие русского торжка» // В. И. Симаков и народное творчество. Тверь, 2006. Вып. 3. С. 41—47.

Хохлов В. Собиратель народного фольклора // По ленинскому пути (Кашин). 1974. 24 авг. С. 4.

Шаров Е. Замечательный книголюб и собиратель фольклора // Калининская правда. 1957. 11 июня. С. 3.

Случевский Константин Константинович (1837—1904), поэт.

Милюгина Е. Г. Тверской край в книге К. К. Случевского «По северу России» (1886) // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве: Сборник трудов международной научной конференции. Тверь, 2—3 нояб. 2010 г. Тверь, 2011. Вып. 2 (8). С. 166—172.

Смирнов-Кутаческий Алексей Матвеевич (1876—1958), ученый, фольклорист.

Смирнов-Кутаческий А. М. Автобиография // Лица филологов. Тверь, 2002. С. 121—168. Библиогр. с. 162—168 (91 назв.).

Гончарова А. В. А. М. Смирнов-Кутаческий // Ученые записки / Калинин. гос. пед. ин-т. Калинин, 1963. С. 218—224.

Смирнов-Кутаческий Алексей Матвеевич (1876—1958) // Тверская область: Энциклопедический справочник. Тверь, 1994. С. 236.

А. М. Смирнов-Кутаческий / Подготовлено М. В. Строгановым, А. Ю. Сорочаном // Лица филологов. Из истории кафедры литературы. 1919—1986. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1998. С. 120—154.

А. М. Смирнов-Кутаческий / Подготовлено М. В. Строгановым, А. Ю. Сорочаном // Лица филологов. Из истории кафедры литературы Тверского государственного университета. 1919—1986. 2-е изд, испр. и доп. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2002. С. 121—168.

Гончарова А. В. Из истории собирания и исследования фольклорной прозы // Тверская филология: прошлое, настоящее, будущее. Тверь, 2002. С. 93—94.

Белецкая Е. М. Частушки В. И. Симакова в архиве А. М. Смирнова-Кутаческого // В. И. Симаков и народное творчество. Тверь, 2006. Вып. 3. С. 53—64.

Строганов М. В. Из наблюдений над фондом А. М. Смирнова-Кутаческого // Карповские чтения: Сборник статей. Арзамас: АГПИ, 2007. С. 16—22.

А. М. Смирнов-Кутаческий: Личность и научное наследие: Материалы и исследования / Ред. М. В. Строганов. Тверь: Марина, 2008. 320 с.

Строганов М. В. О А. М. Смирнове-Кутаческом и его наследии // А. М. Смирнов-Кутаческий: личность и научное наследие: Материалы и исследования. Тверь: Марина, 2008. С. 4—9.

Ильина Т. А., Строганов М. В., Сорочан А. Ю. Библиография А. М. Смирнова-Кутаческого / Составление // А. М. Смирнов-Кутаческий: личность и научное наследие: Материалы и исследования. Тверь: Марина, 2008. С. 17—27.

Петров А. А., Строганов М. В. «Из б-ки проф. А. М. Смирнова-Кутаческого» // А. М. Смирнов-Кутаческий: личность и научное наследие: Материалы и исследования. Тверь: Марина, 2008. С. 230—244.

Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР [Электронный ресурс] // Архивы России: [сайт]. М., 2001—2015. Из содерж.: Смирнов-Кутаческий Алексей Матвеевич, историк литературы, собиратель фольклора. РГАЛИ. Ф. 1524. 117 ед. хр. 1924—1928. Режим доступа: http://www.rusarchives.ru/guide/lf_ussr/sk.shtml, 26.11.2015.

Соболев Алексей Николаевич, священник, собиратель фольклора, жил в Ржеве в годы Первой мировой войны.

Ученый, священник, собиратель русского фольклора // Ржевская правда. 2002. 16 мая. № 35. С. 3.

Сокальский Петр Петрович (1832—1887), украинский композитор, музыкальный критик, собиратель и аранжировщик народных песен, теоретик народной музыки.

Кузьмина О. М. К истории Ржевско-Зубцовского пограничья: (фольклорные источники XIX—XX веков) // Тверское фольклорное поле — 2010: Доклады и публикации. Тверь, 2011. С. 73.

Кузьмина О. М. Ржевская свадьба в записях XIX века // Традиционная культура Тверского края: Свадьба: Сборник научных статей и публикаций. Тверь, 2014. С. 71—74.

Соколов Борис Матвеевич (1889—1930), фольклорист, этнограф, историк литературы, профессор Московского университета.

Соколов Б. М. // Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР: Указатель / Редкол. Ю. И. Герасимова [и др.]. Т. 2. М., 1963. С. 178, 180. ГЛМ. № 24—29. 238 ед. хр. 1904—1930.

Б. М. Соколов // Этнография. 1930. С. 3—4; портр.

Померанцева Э., Чичеров В. Борис Матвеевич Соколов (1889—1930) // Советская этнография. 1955. № 4. С. 97—105. Библиогр. с. 104—105.

Соколов Юрий Матвеевич (1889—1941), фольклорист, этнограф, историк литературы, профессор Московского университета, академик АН УССР.

Соколов Юрий Матвеевич (1889—1941) // Тверская область: Энциклопедический справочник. Тверь, 1994. С. 239.

Ю. М. Соколов / Подготовлено М. В. Строгановым, И. Е. Ивановой // Лица филологов. Из истории кафедры литературы. 1919—1986. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1998. С. 9—41. Заглавие (на заявленных страницах): Ю. М. Соколов в Твери.

Бахтина В. А. Фольклористическая школа братьев Соколовых: (Достоинство и превратности научного знания) / Рос. Акад. Наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наследие, 2000. 334, [1] с. — [Рец. М. В. Строганова] // Новое литературное обозрение. № 49 (3'2001). С. 459—461.

Белецкая Е. М. Частушки в коллекции Ю. М. Соколова // Тверское фольклорное поле — 2010: доклады и публикации. Тверь, 2011. С. 31—46.

Иванова Е. И. Ю. М. Соколов и В. И. Симаков: диалог ученого и собирателя народного творчества // В. И. Симаков и народное творчество. Тверь, 2006. Вып. 3. С. 48—52.

Иванова И. Е. Филологическое наследие Ю. М. Соколова 1919—1934 годов (по материалам работы в Твери): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь: ТвГУ, 2000. 16 с.

Строганов М. В. Фольклористика в системе региональных исследований // Строганов М. В. Литературное краеведение. Тверь, 2009. С. 59—93.

Соколов Ю. М. // Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР: Указатель / Редкол. Ю. И. Герасимова [и др.]. Т. 2. М., 1963. С. 180. РГАЛИ. Ф. 483. 3725 ед. хр. 1860—1940. ГЛМ. Ф. 50. 1641 ед. хр. 1899—1939.

Гончарова А. В., Забелин Н. А. Юрий Матвеевич Соколов в Тверском педагогическом институте // Гончарова А. В., Забелин Н. А. Из истории культуры Тверского края. Тверь, 1990. С. 73—77.

Иванова И. Е., Строганов М. В. Ю. М. Соколов в Твери // Лица филологов: Из истории кафедры литературы Тверского государственного университета. 1919—1986 / Под ред. М. В. Строганова. 2-е изд. Тверь, 2002. С. 9—24.

Гончарова А. В. Из истории собирания и исследования фольклорной прозы // Тверская филология: прошлое, настоящее, будущее. Тверь, 2002. С. 91—93.

Иванова И. Е., Строганов М. В. Теория и практика изучения фольклора в исследованиях Ю. М. Соколова (по материалам работы в Твери) // Фольклор Тверской губернии: Сборник Ю. М. Соколова и М. И. Рожновой. 1919—1926 г. СПб.: Наука, 2003. С. 511—572. Литературные памятники.

Иванова И. Е. Воспоминания бывшей студентки литературного отделения Тверского пединститута о Ю. М. Соколове // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Филология. 2005. № 7 (13). С. 144—145. Автор — Роза Константиновна Г.

Зелов Н. С. Братья Соколовы в Весьегонске; Друг весьегонских фольклористов // Зелов Н. С. Памяти достойны: статьи, заметки историка-архивиста, краеведа. М., 2012. С. 58—59; 108—110. Весьегонский корреспондент Ю. М. Соколова А. А. Виноградов.

Хохлов В. Крестьянский самородок // Калининская правда. 1959. 31 дек. С. 3: Упоминание о Ю. М. Соколове и фольклорной экспедиции по Тверской губ. 1926 г.

Хромов Г. И. Роль Б. М. и Ю. М. Соколовых в становлении советской фольклористики // Вопросы русской литературы. Львов, 1967. Вып. 3 (6). С. 10—15.

Сырмус Эдуард (Юлий; 1878—1940), с 1 июля по 20 октября 1904 г. жил в имении Попово Весьегонского у. под надзором полиции, изучал местный фольклор.

Зелов Н. С. Скрипач Эдуард Сырмус // Зелов Н. С. Памяти достойны: Статьи, заметки историка-архивиста, краеведа. М., 2012. С. 49—51.

Устинова Татьяна Алексеевна (1908—1999), артистка балета, с 1938 г. главный балетмейстер ГАРНХ им. М. Е. Пятницкого.

Устинова Т. А. Фольклорные танцы Тверской земли: Записаны Т. А. Устиновой в Тверской губернии в 1938 году / Твер. обл. дом нар. творчества. Тверь: Алексей Ушаков, 2002. 160 с.: ил.

Астафьев Гавриил. «Калининская кадрили» Татьяны Устиновой // Страницы биографий славных. М., 1962. С. 58. 27 народных плясок записаны в д. Палкино Калининского р-на.

Лебедева Е. М. Листая страницы воспоминаний // Музыка Тверского края. Тверь, 2009. Вып. 2. С. 72—73.

Ушаков Алексей Дмитриевич (1864—1943), священник.

Шитков А. В. Священник, писатель, краевед. Алексей Дмитриевич Ушаков. Старица: Стариц. тип., 2014. 53, [1] с., [8] л. ил. Галерея знаменитых старичан.

Концедайло Л. М. Алексей Дмитриевич Ушаков — священник и краевед // Концедайло Л. М. Дорогие мои земляки... Тверь, 2010. С. 5—16.

Федоров И. Ф., собиратель фольклора.

Федоров И. Ф. // Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР: Указатель / Редкол. Ю. И. Герасимова [и др.]. Т. 2. М., 1963. С. 396. РГАЛИ. Ф. 1530. 4 ед. хр. 1935—1936.

Филиппов Тертый Иванович (1826—1899), литератор, политический деятель, собиратель фольклора.

Филиппов Тертый Иванович / Ред. Г. А. Мешкова. Ржев: [б. и.], 2001. 46 с.

Шиков В. И. Филиппов Тертый Иванович // Шиков В. И. Музыканты Верхневолжья. Калинин, 1984. С. 32—38.

Гончарова А. В. Т. Филиппов и русская культура XIX века // Гончарова А. В., Забелин Н. А. Из истории культуры Тверского края. Тверь, 1990. С. 37—52. Библиогр. с. 49—52 (59 назв.).

Шуваева Т. А. Тертый Иванович Филиппов // Тверские памятные даты на 2001 год. Тверь, 2000. С. 109—111. Библиогр. с. 111 (9 назв.).

Кузьмина О. М. Т. И. Филиппов // Тарасова Л. А., Романюк Е. А., Кузьмина О. М. Музыкальная культура Тверской области. М.; Тверь, 2006. С. 236—258.

Тюрина Н. В. Т. И. Филиппов и его собрание русской народной песни // В. И. Симаков и народное творчество. Тверь, 2006. Вып. 3. С. 141—150.

Мурзанов Н. А. Филиппов Тертый Иванович // Словарь русских сенаторов, 1711—1917 гг.: материалы для биографий. СПб., 2011. С. 453.

Кузьмина О. М. К истории Ржевско-Зубцовского пограничья: (фольклорные источники XIX—XX веков) // Тверское фольклорное поле — 2010: Доклады и публикации. Тверь, 2011. С. 76—78: организация фольклорно-этнографических экспедиций; ржевские песни в собрании Т. И. Филиппова, творческие проекты Филиппова с М. П. Мусоргским и Н. А. Римским-Корсаковым.

Кондратьев О. А. Энциклопедист Тертый Филиппов // Вече Твери. 2005. 27 дек. С. 6.

Пропагандист русской песни // Ржевские новости. 2010. 29 дек. № 52. С. 6.

Ходаков Георгий Яковлевич (1901—1978), педагог, музейный работник, собиратель фольклора.

Гончарова А. В. Панорама словесного народного творчества Тверской земли // Гончарова А. В. Золотые зерна: сказки, народные рассказы Тверского края. Тверь. 2002. Кн. 2. С. 11—12.

Ходаковский Зорян Я. (1785—1825), этнограф, археолог, фольклорист, 1820—1821 гг.

Зелов Н. С. Исследователь древности // Зелов Н. С. Памяти достойны: Статьи, заметки историка-архивиста, краеведа. М., 2012. С. 8—9.

Шейн Павел Васильевич (1826—1900), много лет вел педагогическую деятельность в Твери и Торжке, фольклорист.

Зелов Н. С. Собиратель русских народных песен // Зелов Н. С. Памяти достойны: Статьи, заметки историка-архивиста, краеведа. М., 2012. С. 22—24.

Кузьмина О. М. К истории Ржевско-Зубцовского пограничья: (фольклорные источники XIX—XX веков) // Тверское фольклорное поле — 2010: Доклады и публикации. Тверь, 2011. С. 76. Приезд П. В. Шейна к Рачинскому в Татеево в конце 1870-х гг. для записи фольклора; передача Рачинским Шейну своих фольклорных материалов.

Шомина Валентина Георгиевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы ТвГУ; публикуется с 1961 г.

Шомина Валентина Георгиевна // Российские фольклористы: справочник. М., 1994. С. 147.

Шомина В. Г. Традиционный фольклор Кашинского района // В. И. Симаков и народное творчество: Межвузовский тематический сборник научных трудов. Калинин, 1987. С. 32—33: экспедиции 1971, 1974, 1977 гг.

Кашинский свадебный обряд по материалам личного фонда В. Г. Шоминой в ГАТО / Вступит. статья и публикация Ю. С. Заострожной // Традиционная культура Тверского края: Свадьба: Сборник научных статей и публикаций. Тверь, 2014. С. 55—70.

Эртель Александр Иванович (1855—1908), писатель, во время административной ссылки в Тверь собирал фольклор.

Попов Н. А. И. Эртель под гласным надзором // Писатели в Тверском крае. Калинин, 1941. С. 116—122.

Архангельская В. К. А. И. Эртель // Русская литература и фольклор (конец XIX в.). Л., 1987. С. 249—254.

Жанры фольклора. Общие работы

Лебедев Н. Быт крестьян Тверской губернии Тверского уезда // Этнографический сборник. Собрание местных этнографических описаний России. СПб., 1853. Т. 1. С. 174—202.

Кашинский словарь / Сост. И. Т. Смирнов // Сборник Отделения русского языка и словесности Имп. АН. Т. 70. 1901. № 5. С. 1—212. Примеры из поговорок, песен и гаданий, записанные в Тверской губ.

Бурцев А. Е. Обзор русского народного быта Северного края. Его нравы, обычаи, предания, предсказания, предрассудки, притчи, пословицы, присловия, прибаутки, перегудки, припевы, сказки, присказки, песни, скороговорки, загадки, счеты, задачи, заговоры и заклинания. СПб.: Тип. Брокгауза-Ефрона, 1902. Т. 1—3.

Верования, предрассудки, обычаи, обряды, пословицы, заговоры, поговорки, песни, сказки и т. п. // Сборник Тверского общества любителей истории, археологии и естествознания. Тверь, 1903. Вып. 1. С. 307—336.

Акулов П. И. Народная мудрость / Вступит. статья, литературная обработка и примечания Л. А. Ильина. Калинин: Кн. изд-во, 1961. 127 с. Сказки, были, пословицы, загадки.

Гончарова А. Чистый родник поэзии // Калининская правда. 1969. 4 июля. С. 4. Устное народное творчество Калининской обл.

Народные говоры Калининской области: хрестоматия / Сост. Т. В. Кириллова, А. А. Белова. Т. 1. Калинин: КГПИ им. М. И. Калинина, 1971. 156 с. Содержание: С. 63—64, 132—133 — песни; С. 95—97 — сказки; С. 98, 108 — частушки.

Шомина В. Г. Традиционный фольклор Кашинского района // В. И. Симаков и народное творчество. Калинин, 1987. С. 31—48.

Мудрость народная: Жизнь человека в русском фольклоре. Вып. 2: Детство. Отрочество. М.: Художественная литература, 1994. 525 с. Записаны в Тверской губ. сказки и загадки: С. 68, 77, 78, 92, 139, 394—395, 432, 443, 471—473, 477, 483, 485.

Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. Вып. 3: Юность и любовь. Девичество. М.: Художественная литература, 1994. 525 с.: ил. Хороводы, посиделки, любовные песни, частушки, записанные в Тверской губ.: С. 24, 26, 38, 72, 86, 94, 124, 137, 285, 292, 296, 319, 322, 326, 381—389, 391, 392, 394—400, 402, 404—406, 410, 412—416, 419—421, 426—432, 436, 440—442.

Русский эротический фольклор: Сборник / Сост. А. Топорков. М.: Ладомир, 1995. 640 с. Из содерж.: Песни, записанные П. В. Киреевским [д. Болотники Ржевского у., д. Сосница, Острица Осташковского у. 1834]; Игры ряженных Торопецкого р-на [1987—1989]; Из собрания В. И. Симакова «Нескромные частушки и песни» [Бежецкий, Кашинский, Вышневолоцкий р-ны]. С. 12, 57—59, 62—65, 202—222, 502—516, 548—551, 573—577, 624—627.

Хрестоматия по устному народному творчеству / Сост. О. Е. Лебедева. Тверь: ТвГУ, 1997. 144 с.

Русский фольклор: Материалы и исследования / РАН; Институт русской литературы. Т. 30 / Ред. А. Н. Розов. СПб.: Наука, 1999. 568 с. Из содерж.: *Новичкова Т. А.* Антропонимы в песенно-эпической традиции: к интерпретации былинных имен [названия населенных пунктов Тверской обл., восходящие к былинным именам]; *Коренова К. Е.* Сказочные сборники XVIII века и устная традиция [тверской вариант сказки о семи Семионах из сборника «Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева]; *Пряшников М. П.* Русские обряды и песни в записях сестер М. и К. Вильмот (1803—1808); *Калашикова М. А.* Народные молитвы в записях 1980—1990-х годов [тексты, записанные в Тверской обл.]. С. 95, 160, 241, 459, 461, 465.

Гончарова А. В. Золотые зерна: Сказки, легенды, предания, мемуарные рассказы Тверского края. Тверь: Русская провинция, 1999. 344 с.

Золотые зерна. Кн. 2: Сказки, народные рассказы Тверского края / Сост. А. В. Гончарова; Худож. С. А. Шереметьева. Тверь: ЧуДо. 2002. 348 с. Тексты с краткой биографией рассказчиков и сказочников. Записаны

в Весьегонском, Бельском, Лихославльском, Оленинском, Пеновском, Рамешковском, Ржевском, Селижаровском, Торжокском р-нах, Старице. Надписи у истока Волги, 1942—1944 гг., скопированы Г. Я. Ходаковым.

Традиционная мужская культура и фольклор Великой Отечественной войны / Ред.-сост. М. В. Строганов; ТОДНТ. Тверь: Золотая буква, 2002. 103 с.

Историко-литературный сборник. Вып. 2: К 70-летию проф. Ю. М. Никишова / Сост. А. Ю. Сорочан, М. В. Строганов. Тверь: ТвГУ, 2002. 185 с. Песни, прибаутки, дразнилки, скороговорки, поддевки записаны в с. Сандово и Лукино Весьегонского у. летом 1927 г.

Фольклор Тверской губернии: Сборник Ю. М. Соколова и М. И. Рожновой. 1919—1926 гг. / Изд. подгот. И. Е. Иванова и М. В. Строганов. СПб.: Наука, 2003. 648 с.

Лаврентьева Л. С., Смирнов Ю. И. Культура русского народа. Обычай, обряды, занятия, фольклор. СПб.: Паритет, 2004. 448 с.: ил.

Народные песни и стихи из архива кафедры истории русской литературы Тверского государственного университета; Частушки из архива кафедры истории русской литературы Тверского государственного университета / Публикация Е. В. Петренко, М. В. Строганова // Фольклор Великой Отечественной войны: Сборник научных трудов. Тверь: Золотая буква, 2005. С. 45—77, 124—128.

«Теблешское царство» / [Ред. В. К. Путыр]. СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2005. 139 с.: ил.

Демкина Е. В. Жанрово-стилевые особенности музыкально-поэтических форм, функционирующих в масленичный период календаря // Труды ВИЭМ. Новоторжский сборник. Вып. 2 / Сост. В. В. Кузнецов; ред. В. В. Воробьев, М. В. Строганов. Торжок; Тверь, 2009. С. 81—85.

Фольклорные тексты из фондов ВИЭМ / Подгот. текстов и комментариев В. В. Кузнецова // Труды ВИЭМ. Новоторжский сборник. Вып. 2 / Сост. В. В. Кузнецов; ред. В. В. Воробьев, М. В. Строганов. Торжок; Тверь, 2009. С. 130—150. Народное православие; сказки; частушки.

Частушки, песни и стихотворения в записях С. Я. Волкова / Подготовка текста М. В. Строганова, А. А. Петрова // В памяти народной. Великая Отечественная война в фольклорных и непрофессиональных произведениях / 65-летию Победы посвящается. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2010. С. 98—126.

Фольклорные тексты из фондов ВИЭМ. Народное православие / Подготовка текста Т. В. Позднышевой; вступит. статья и комментарии В. В. Кузнецова // Труды ВИЭМ. Новоторжский сборник. Вып. 4 / Сост. В. В. Кузнецов, М. В. Строганов, В. В. Цыков; ред. В. В. Кузнецов, М. В. Строганов. Торжок; Тверь, 2012. С. 136—160. Восприятие Библии; эсхатология; молитвы; обычаи; обряды.

Соколов Л. А. Деревни Максатихинского района Огрызково и Гришково // Тверское фольклорное поле — 2010: Доклады и публикации. Тверь, 2011. С. 26—31. Обряды, частушки в деревнях 1940-х гг.; тексты частушек.

Песни, частушки и альбомные стихи из собрания Марии Сергеевны Цветковой // Труды ВИЭМ. Новоторжский сборник. Вып. 4 / Сост. В. В. Кузнецов, М. В. Строганов, В. В. Цыков; ред. В. В. Кузнецов, М. В. Строганов. Торжок; Тверь, 2012. С. 215—280.

Обряды, обрядовые действия

Рубцов Н. И. Путевые заметки по Тверской губернии. Ржев // Тверские губернские ведомости. Часть неофиц. 21 нояб., № 47. С. 156—159. Подп.: Р-в Н.

Рубцов Н. И. Очерк Осташкова // Памятная книжка Тверской губернии. Тверь, 1863. Отд. 3. С. 178—185. Подп.: Р-в Н.

Рубцов Н. И. Очерк Торжка // Памятная книжка Тверской губернии на 1865 год. Тверь, 1865. Отд. 3. С. 119—130. Подп.: Р-в Н.

Рубцов Н. И. Очерк Кашина // Памятная книжка Тверской губернии на 1868 год. Тверь, 1868. Отд. 3. С. 384—391. Подп.: Р-в Н.

Село Васильевское: Заметки о местных преданиях, нравах и обычаях // Сборник материалов для статистики Тверской губернии. Тверь, 1876. Вып. 3.

Гусев И. Народное веселье в Тверском уезде // Тверской вестник. 1879. 15 апреля. № 19. С. 15—20; 22 апреля. № 20. С. 15—18.

Рубцов Н. И. Этнографический очерк города Старицы // Тверской вестник. 1880. № 5. Подп.: Р-в Н.

Гусев Ив. «Иванов день» — местный праздник в городе Твери // Тверские губернские ведомости. 1898. № 65. Часть неофициальная. С. 5—6.

Максимов А. Из Тверской губ. Обряды относительно скота; Траур по девичеству. Новоторжский у. Прямухинская вол. // Этнографическое обозрение. 1900. Кн. 44. № 1. С. 187.

Максимов А. Из Тверской губернии Новоторжского у. Прямухинской вол. Средства предохранения против болезней // Этнографическое обозрение. 1900. Кн. 46. № 3. С. 166. В оглавлении: Суеверные средства предохранения от болезней.

Гадания: Из материалов, собранных Ф. С. Клишко // Сборник Тверского общества любителей истории, археологии и естествознания. 1903. Вып. 1. С. 320—321. Тексты приговоров.

Первухин А. Г. Из мира исчезающих обрядов и обычаев: (Некоторые «заплавки» и обычаи, связанные с похоронами) // Труды Второго Областного Тверского археологического съезда 1903 г. 10—20 августа. Тверь, 1906. Отд. 3 и 5. С. 1—33.

Народные поверья, существующие в Тверском уезде, записанные членом Тверского Общества любителей истории, археологии и естествознания М. А. Плетневым // Сборник Тверского общества любителей истории, археологии и естествознания. Тверь, 1903. С. 317—320.

Иванов М. И. Живая старина. Святочные и новогодние гадания // Тверская старина. 1912. № 1. С. 28—35.

Народные обычаи, поверья и гадания. Гадания в ночь на Ивана Купала // Тверская старина. 1912. № 6. С. 15—16, 25—28.

Вершинский Н. Н. Живая старина. Масленичные обычаи и поверья // Тверская старина. 1912. № 2. С. 37—39.

Рубцов Н. И. Свадебные обычаи в Осташковском уезде в половине XIX века // Тверская старина. 1913. № 2, март-апрель. С. 39—47. Подп.: Р-в Н. Перепечатка с. 178—185 из очерка об Осташкове.

Некоторые обычаи, обряды, суеверия и предрассудки в Старицком уезде // Тверская старина. 1913. № 5—6. С. 62—71.

Русские плачи (причитания). М.: Советский писатель, 1937. 264 с. Плачи Екатерины Николаевой: с. 181—185, 254. Вопленица, крестьянка, уроженка д. Макой-Горы Щербовской волости Весъегонского у.

Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л, 1947. 184 с. Образы вдовьих плачей, в том числе вдовы Михаила Тверского.

Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья / Сост. Г. Г. Шаповалова, Л. С. Лаврентьева; под ред. Б. Н. Путилова; Ин-т этнографии АН СССР. Л.: Наука, 1985. 342 с., нот. Календарные и свадебные обряды, записанные в том числе в Калининской обл.

Народные праздники и обряды // Отчет о разработке целевой региональной программы: «Сохранение, возрождение и стимулирование народного художественного творчества в перспективе» (по материалам Тверской области). Тверь, 1993. С. 96—119.

Великорусские заклинания / Сост. Л. Н. Майков. М.: ТЕРРА, 1997. 160 с. С. 48: в разделе «Здоровье и болезнь» заклинание, записанное в Вышнем Волочке в XIX в.

Обрядовая поэзия. Кн. 2: Семейно-бытовой фольклор / Сост. Ю. Г. Круглов. М.: Русская книга, 1997. 624 с.: ил. Тексты, записанные в Осташковском, Ржевском, Торопецком у., в Вышнем Волочке, Осташкове, Торопце. С. 29, 233, 240, 248, 255, 265, 266, 267, 279, 286, 289, 306, 319, 357, 374, 377, 414, 415, 431, 515.

Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым. Т. 1: Похоронные причитанья. СПб.: Наука, 1997. 500 с.

Семевский М. Торопец. Уездный город Псковской губернии. 1016—1864 гг.: Очерк. Тверь, 1999. Надгробные причитания. Гулянье. Свадьба. Песни солдатские и исторические.

Дубинина А. А. Обряд венчания коров в псковско-тверском пограничье // Труды ВИЭМ. Новоторжский сборник. Вып. 2 / Сост. В. В. Кузнецов; ред. В. В. Воробьев, М. В. Строганов. Торжок; Тверь, 2009. С. 86—87.

Ситникова С. А. Обрядовая выпечка в Торжокском районе // Труды ВИЭМ. Новоторжский сборник. Вып. 2 / Сост. В. В. Кузнецов; ред. В. В. Воробьев, М. В. Строганов. Торжок; Тверь, 2009. С. 109—111.

Удомельские народные традиции и обряды / Сост. Алексей Намзин. Удомля: [б. и.], 2012. 133 с. Русское зазеркалье. Кн. 4. Записи А. Б. Намзина и других собирателей в Удомельском Бологовском, Максатихинском, Лесном и Рамешковских р-нах с 1996 по 2002 г.

Лурье М. Л., Тарабукина А. В. Странствия души по тому свету в русских обмираниях // Живая старина. 1994. № 2. С. 22—26.

Дубинина А. Великие обряды русского народа // Вече Твери. 2009. 25 марта. С. 6. Святочные гадания в Вышневолоцком р-не.

Петунина Т. По следам старинных обрядов // Новая старицкая газета. 2009. 13 марта № 10. С. 11. Масленица широкая. Фольклорный праздник «Именины домового» (Кудесы) в Паньковской сельской библиотеке Старицкого р-на.

Ситникова С. А. Народные обрядовые традиции дня Ивана Купала в Торжокском районе // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Филология. 2010. № 4. С. 29—38.

Дубинина А. А. Весенне-летняя обрядность Вышневолоцкого района (по материалам экспедиций ГАСК 2006—2008 годов) // Труды ВИЭМ. Новоторжский сборник. Вып. 4 / Сост. В. В. Кузнецов, М. В. Строганов, В. В. Цыков; ред. В. В. Кузнецов, М. В. Строганов. Торжок; Тверь, 2012. С. 176—182.

Дубинина А. А. Зимняя святочная обрядность Вышневолоцкого района (по материалам экспедиций ГАСК 2006—2008 годов) // Труды ВИЭМ. Новоторжский сборник. Вып. 4 / Сост. В. В. Кузнецов, М. В. Строганов, В. В. Цыков; ред. В. В. Кузнецов, М. В. Строганов. Торжок; Тверь, 2012. С. 183—192.

Ситникова С. А. Масленичная обрядовая традиция в Торжокском районе (по материалам экспедиций ГАСК 2006—2009 годов) // Труды ВИЭМ. Новоторжский сборник. Вып. 4 / Сост. В. В. Кузнецов, М. В. Строганов, В. В. Цыков; ред. В. В. Кузнецов, М. В. Строганов. Торжок; Тверь, 2012. С. 166—175.

Строганов М. В. К реконструкции троицко-семицкого обряда в Тверском крае // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 17: Фольклорные традиции в поликультурных зонах России: Сборник научных статей. М.: ГРЦРФ, 2015. С. 223—320.

Гусев И. Свадьба в Тверском уезде // Тверской вестник. 1879. 29 апреля. № 21. С. 11—14.

Описание русской крестьянской свадьбы с текстом и песнями: обрядовыми, голосильными, причитальными и завывальными О. Х. Агреновой-Славянской: В 3 ч. М.; Тверь, 1887—1889.

Ушаков А. Крестьянская свадьба конца XIX века в Старицком уезде Тверской губернии. Старица, 1903. 70 с.

Плетнев М. А. К свадебным обычаям в Тверской губернии. Тверь, 1904. 20 с.

Крестьянская свадьба конца XIX века в Старицком уезде Тверской губернии. Свадебные обряды, гадания, приговоры, причитания и песни / Собр. А. Д. Ушаков. [Тверь], 1907. 70 с.: нот. Бесплатное приложение к газете «Тверское Поволжье».

Керн (Маркова-Виноградская) А. П. Воспоминания. Дневники. Переписка / Вступит. статья, подготовка текста и примечания А. М. Гордина. М.: Художественная литература, 1974. 367 с. Серия литературных мемуаров. С. 333—334 — описание свадебного обряда Тверской губ.

Морозов И. А. Женитьба добра молодца: Происхождение и типология традиционных молодых развлечений с символикой «свадьбы» / «женитьбы». М.: Лабиринт, 1998. 352 с. Свадебные песни Тверской губ. — С. 32, 66, 67, 68, 85, 163, 164, 165, 172, 242.

Русская свадьба: В 2 т. Т. 1 / Сост. А. В. Кулагина, А. Н. Иванов; Ред. А. С. Каргин. М.: ГРЦРФ, 2000. 512 с. Нотные и поэтические тексты причитаний и песен, записи в Торопецком и Весьегонском р-нах. С. 145, 168, 441, 443.

Сокальский П. Свадебные обычаи в Ржевском уезде // Этнографический сборник. 1962. Вып. 5. С. 59—63.

Траур по девичеству // Этнографическое обозрение. 1900. Кн. 44. № 1. С. 187.

Лебедев Е. А. Тексты свадебных песен // Сборник Тверского общества любителей истории, археологии и естествознания. Тверь, 1903. С. 321—330.

Мальковский В. Н. Свадебные крестьянские обычаи, песни и приговоры, записанные в Рыбинской волости Бежецкого уезда Тверской губернии в 1902 г. // Труды Второго областного Тверского археологического съезда 1903 г., 10—20 августа. Тверь, 1906. Отд. 3, 5. С. 93—114.

Первухин Г. А. Из мира исчезающих обрядов и обычаев // Труды Второго областного Тверского археологического съезда 1903 г., 10—20 августа. Тверь, 1906. Отд. 3, 5. С. 1—32. Свадебные обряды и песни: С. 3—16 (Торжок); с. 17—28 (Новоторжский и Старицкий у.); С. 28—32 (похоронные обряды и плачи).

Гвоздикова Л. С., Шаповалова Г. Г. «Девичник» в свадебном ритуале (проблемы картографирования на материале Калининской, Ярославской и Костромской областей) // Краткое содержание докладов годичной научной сессии института этнографии АН СССР. 1974—1976. Л., 1977. С. 134—136.

Гвоздикова Л. С. «Девья красота» (картографирование свадебного обряда на материале Калининской, Ярославской и Костромской областей) // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 264—277.

Народная русская свадьба в Великолукском и Торопецком районах (Калининской области) // Труды ВИЭМ. Новоторжский сборник. Вып. 4 / Сост. В. В. Кузнецов, М. В. Строганов, В. В. Цыков; ред. В. В. Кузнецов, М. В. Строганов. Торжок; Тверь, 2012. С. 193—214.

Михайлова И. А., Петров А. А. Старинные свадебные обычаи в Бежецком крае (из истории тверской фольклористики: фонд А. Г. Кирсанова) // Традиционная культура Тверского края: Памяти А. Н. Вершинского (1888—1944): Статьи и публикации / Ред. М. Л. Логунов, А. А. Петров; сост. А. А. Петров. Тверь, 2013. С. 98—115.

Записи свадебного обряда Бежецкого уезда в фонде А. Г. Кирсанова / Вступит. статья и публикация А. А. Петрова // Традиционная культура Тверского края: Свадьба: Памяти Н. П. Кудряшова (1924—1998): Статьи и публикации / Ред. М. Л. Логунов, А. А. Петров, Л. Н. Скаковская, Э. Ф. Шафранская. Тверь, 2014. С. 103—124.

Кашинский свадебный обряд по материалам личного фонда В. Г. Шоминной в ГАТО / Вступит. статья и публикация Ю. С. Заострожной // Традиционная культура Тверского края: Свадьба: Памяти Н. П. Кудряшова (1924—1998): Статьи и публикации / Ред. М. Л. Логунов, А. А. Петров, Л. Н. Скаковская, Э. Ф. Шафранская. Тверь, 2014. С. 55—70.

Кузьмина О. М. Ржевская свадьба в записях XIX века // Традиционная культура Тверского края: Свадьба: Памяти Н. П. Кудряшова (1924—1998): Статьи и публикации / Ред. М. Л. Логунов, А. А. Петров, Л. Н. Скаковская, Э. Ф. Шафранская. Тверь, 2014. С. 71—74.

Петров А. А. История собирания и изучения свадебного обряда Торопецкого края // Традиционная культура Тверского края: Свадьба: Памяти Н. П. Кудряшова (1924—1998): Статьи и публикации / Ред. М. Л. Логунов, А. А. Петров, Л. Н. Скаковская, Э. Ф. Шафранская. Тверь, 2014. С. 30—45.

Свадебные песни Ржевского района из коллекции С. В. Морякова / Подготовка текстов С. В. Морякова, Т. И. Пиценко // Традиционная культура Тверского края: Свадьба: Памяти Н. П. Кудряшова (1924—1998): Статьи и публикации / Ред. М. Л. Логунов, А. А. Петров, Л. Н. Скаковская, Э. Ф. Шафранская. Тверь, 2014. С. 12—29.

Свадебные песни Торопецкого района из архива кафедры истории русской литературы ТвГУ / Подготовка текстов А. А. Петрова // Традиционная культура Тверского края: Свадьба: Памяти Н. П. Кудряшова (1924—1998): Статьи и публикации / Ред. М. Л. Логунов, А. А. Петров, Л. Н. Скаковская, Э. Ф. Шафранская. Тверь, 2014. С. 75—85.

Свадебный обряд Кашинского района по материалам архива кафедры истории русской литературы ТвГУ / Вступит. статья и публикация

А. С. Дмитриевой // Традиционная культура Тверского края: Свадьба: Памяти Н. П. Кудряшова (1924—1998): Статьи и публикации / Ред. М. Л. Логунов, А. А. Петров, Л. Н. Скаковская, Э. Ф. Шафранская. Тверь, 2014. С. 86—102.

Свадебный обряд Тверской губернии 1920-х гг. по материалам личного фонда А. Н. Вершинского в ГАТО / Вступит. статья и публикация И. А. Михайловой // Традиционная культура Тверского края: Свадьба: Памяти Н. П. Кудряшова (1924—1998): Статьи и публикации / Ред. М. Л. Логунов, А. А. Петров, Л. Н. Скаковская, Э. Ф. Шафранская. Тверь, 2014. С. 46—54.

Свадебный обряд Тверской губернии // Тверской вестник. 1878—1879. № 21.

Новоселов Н. Свадьба в Калязинском уезде // Тверской вестник. 1880. № 15—18.

Крестьянская свадьба в Весьегонском уезде // Тверской вестник. 1880. № 21.

Описание крестьянской свадьбы // Тверской вестник. 1880. № 21.

Воскресенский П. Деревенская свадьба в Зубцовском уезде // Тверской вестник. 1881. № 32.

Свадебная песня («Отставала лебедь белая») // Тверской вестник. 1878—1879. № 4.

Постников П. Из сборника свадебных песен, записанных в Тверской губернии // Тверской вестник. 1879. № 21.

Крестьянская свадьба в Тверской губернии // Север. 1890. № 6. С. 115.

Мальковский В. Н. Свадебные обычаи, песни и приговоры / Записаны в Рыбинской волости Бежецкого уезда Тверской губернии в 1903 году // Живая старина. 1903. Вып. 4. С. 426—440.

Плетнев М. А. К свадебным обычаям в Тверской губернии // Тверские губернские ведомости. 1904. № 1, 2.

Ушаков А. Д. Крестьянская свадьба конца XIX века в Старицком уезде Тверской губернии // Тверская старина. 1911. № 1. С. 38—44; № 2. С. 15—25; № 3. С. 14—21; № 4. С. 11—19; № 6. С. 20—27. Тексты и ноты.

Свадебные обычаи в Осташковском уезде в первой половине XIX века // Тверская старина. 1913. № 2. С. 39—47.

Пушкарева Л. А., Шмелева М. Н. Современная русская крестьянская свадьба (по материалам экспедиции в Калининскую область в 1956—1958 гг.) // Советская этнография. 1959. № 3. С. 47—56.

Из области народного поэтического творчества. Стих про Алексея Божия человека / Запись Д. И. Середонина // Тверской вестник. 1880. № 5. С. 12—13.

Готье Ю. «Вопи» Весьегонского уезда Тверской губернии // Этнографическое обозрение. 1897. № 4. С. 112—120.

Паремии

Садовников Д. Н. Загадки русского народа. СПб., 1876. 333 с.

Линдеман И. К. Поговорочные прозвища жителей Тверской губернии // Сборник Тверского общества любителей истории, археологии и естествознания. Тверь, 1903. С. 313—316.

Описание рукописей Тверского музея / Сост. М. Н. Сперанский. Вып. 2. Тверь: ТУАК, 1903. 107 с. Содерж.: С. 26, 66—67, 72—74 — тверские загадки и заговоры.

Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач / Сост. Д. Садовников. М.: Современный писатель, 1995. 400 с. Записи в Тверской губ. № 64, 106, 212, 491, 836, 1085, 1217, 1229, 2064.

Тверские загадки / Сост. Л. В. Брадис, В. Г. Шомина. Тверь: Твер. обл. тип, 1995. 112 с. Тверской фольклор. Кн. 2 / ТОДНТ.

Благова Г. Ф. Пословица и жизнь: Личный фонд русских пословиц в историко-фольклористической ретроспективе. М.: Вост. лит., 2000. 224 с. С. 11: бабушка автора А. Г. Крупнова — уроженка пос. Васильевский Мох.

Приметы [Тверской губернии] / Сообщил В. И. Чернышов // Живая старина. 1901. Вып. 2. С. 309—311.

Новые половицы и присловья // Наши достижения. 1936. № 3. С. 127.

Пословицы и поговорки о весеннем севе // Блокнот агитатора. 1957. № 10. С. 48.

Пословицы и поговорки к уборке урожая // Блокнот агитатора. 1957. № 14. С. 36.

Русская эротическая загадка / Собрал С. Моряков // Русская провинция. 1995. № 1 (13). С. 88—89.

Новоторы — воры, но и осташи хороши / Подгот. П. Ручников // Тверская жизнь. 2002. 13 авг. С. 6. О тверских пословицах, поговорках и присловьях.

Фольклорная проза

Разумихин С. Село Бобровки и окружной его околоток Тверской губернии Ржевского уезда // Этнографический сборник. Собрание местных этнографических описаний России. СПб., 1853. Т. 1. С. 174—202, 235—282.

Русские народные сказки А. Н. Афанасьева / Под ред. А. Е. Грузинского. Т. 1—5. Изд. 4-е. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1913—1914.

Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества / Изд. А. М. Смирнов. Пг., 1917. Вып. I. С. 1—506. Записки РГО по отделению этнографии. Т. XLIV₁ и XLIV₂.

Серова М. Сборник русских сказок. М.; Пг.: Госиздат, 1923. 78 с. 2-е изд. Л.: Госиздат, 1925. 75 с.

Бишев О. Сказки // В наши дни: альманах. 1936. № 1. С. 48—56. Записи в Вышневолоцком р-не.

Ткачиха-сказительница [А. В. Морозова] // В наши дни: Альманах. 1936. № 1. С. 3—4.

Народные сказки: Сборник / Сост. В. Ф. Шурыгин. Смоленск: Облгиз, 1938. 68 с.

Афанасьев А. Н. Народные русские сказки: Избранные тексты / Под ред. М. Азадовского. Л.: Гослитиздат, 1940. 460 с.

Хохлов В. Федины сказки // Смена. 1973. 9 августа. С. 4. Народное творчество Тверской губ.

Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. Т. 2. М.: Наука, 1985. 464 с. Сказки, записанные в Тверской губ.: № 225, 288.

Русские народные сказки. Т. 1, 2. М.: Современник, 1987. Записаны в Тверской губ.: № 224, 226, 231.

Русская народная сказка / Запись и комментарии О. Шиковой // Молодежная эстрада. 1991. № 1. С. 5—8. Сказка из Тверской обл.

Из сказок Надежды Абрुцкой, сказительницы Тверского края / Публикация А. Широкова // Русская провинция. 1994. № 2. С. 97—99.

Баранова В., Данькова Е., Маслинский К. Народные рассказы о Боге в Тверской области // Живая старина. 1996. № 4. С. 51. Запись фольклорно-этнографической экспедиции Академической гимназии СПбГУ, лето 1996 г.

Акулов П. И. Тверские сказки / Твер. обл. гос. Дом нар. творчества; Сост. Л. М. Концедайло, О. В. Смирнова. Тверь: Твер. обл. тип., 1997. 102 с. Тверской фольклор. Содерж.: *Концедайло Л. М.* Сказочник из села Ведное; Из автобиографии Петра Акулова; Сказки: [Уженька и Маша; Волшебное кружало; Удалые охотники; Жадный барин; Упрямая жена; Плуты; Как Федька учил упрямую жену; Горе не беда; Путевка].

Хуторская Е. О чем поведала баба Дуня // Народное творчество. 2000. № 5.

Намзин А. Б. Волшебный мир традиционной русской педагогики. Ч. 2: Мир сказки // Удомельская старина. 2002. № 26 (февраль). С. 1—5. Тексты сказок записаны в Удомельском р-не в 1996—1998 гг.

Народные сказки Тверской земли / Сост. Н. В. Беляева, В. М. Воробьев. Тверь: ТОИУУ, 2003. 20 с.

Удомельские сказки / Муницип. бюджетное учреждение культуры г. Удомля «Дом ремесел»; сост. А. Б. Намзин; ил. Л. Н. Константинов. Тверь; Удомля: ТСМ, 2008. 63 [1] с.: ил. Удомельский фольклор; вып. 1.

Петренко Е. Тверская карта сказок // Тверская жизнь, 2009. 13 марта. С. 8. 3-й выпуск литературного альманаха «Литера» посвящен тверским сказкам.

Бабковская К. В. Русская сказка XIX—XXI веков: народная — наивная — массовая — литературная: на материале сказок Тверского края: Автореферат дисс... канд. филол. наук. Тверь: ТвГУ, 2010. 18, [2] с.

Камишилова Е. И. Тверские сказки о женихе-мертвецце / Из архива РГПУ им. А. И. Герцена // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Филология. 2010. № 4. С. 38—56. Происхождение сюжета о женихе-мертвецце по материалам Торжокского р-на.

Кузнецов В. В. Об уже, его жене и не только... (мифологические корни одной сказки) // Вестник ТвГУ. № 4. 2010. С. 56—62.

Кривецкие сказы // VELE: Альманах этнокультурного объединения «Твержа». 2014. № 2. С. 158—163. Запись А. А. Коринфского «от крестьянской дочери Анны Андреевой из Бельского уезда», семейный архив В. Б. Финкельштейна.

Белюстин И. Разбойники прошедших веков // Москвитянин. 1853. Т. 5. № 18. Смесь. С. 60—70.

Белюстин И. Язвицы // Тверские губернские ведомости. 1854. 23 января. № 4. Часть неофиц. С. 9—10.

Смирнов Т. И. Кашинский говор // Сборник Отделения русского языка и словесности Имп. АН. Т. 77. 1904. № 9. С. 176—184: рассказы о нечистой силе.

Народное сказание об исчезнувшем храме св. Сергия, бывшем некогда близ деревни Тельцово Рыбинской волости Бежецкого уезда и об иконе святителя Николая Мирликийского чудотворца, именуемой по народному преданию «Никола на бревне или Никола Лаптев» (Опыт историко-археологического исследования): С прил. рис. иконы св. / Сост. В. Н. Мальковский. Тверь: Губ. тип., 1909. 32 с. Икона XIV в., реставрирована в XV в. Найдена автором книги.

Заметки о местных преданиях, нравах и обычаях // Сборник материалов для статистики Тверской губернии. Вып. 3. Тверь, 1876. С. 9—13.

Плетнев М. А. Домовые и лесовики Тверской губернии // Сборник Тверского общества любителей истории, археологии и естествознания. 1903. Вып. 1. С. 313—316.

Легенды русского народа / Сост. А. Е. Бурцев. Вып. 1—4. СПб.: Типолит. А. К. Вейерман, 1905. Записи составителя в Тверской губ.: С. 60, 64, 66, 68.

Кузнецова В. С. Дуалистические легенды о сотворении мира в восточнославянской фольклорной традиции. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. 250 с. Записи в д. Тупицыно Зубцовского у. и д. Бабохино (Бабахино) Калязинского у. С. 63, 64, 86, 88, 89, 104, 141, 143, 144, 145, 150, 151, 153-156, 158, 163, 165, 171, 185, 232, 233.

Кузнецов В. В. Тверской княжеский ономастикон и тверской миф // Провинция как реальность и объект осмысления: Материалы научной конференции. Тверь, 2001. С. 184—192.

Соловьева Л. В. Легенда о Кряковой горе // Весьегонск: Краеведческий альманах. Вып. 2. М., 2007. С. 323—332.

Шитков А. В. Предания о старицких храмах // Тверское фольклорное поле — 2010: Доклады и публикации. Тверь, 2011. С. 100—105.

Миронова И. В. Легенды о тверских привидениях // Прошлое как сюжет: Материалы международной научной конференции. Тверь, 2012. С. 259—264.

Суворов В. Г. Религиозно-народные поверья и сказания (записанные в Калязинском уезде) // Живая старина. 1899. Вып. 3. С. 389—397.

Гудзий Н. К. Легенды об Иуде Предателе и Андрее Критском // Русский филологический вестник. 1915. № 1. С. 1—34.

Шаров Е. Легенды Тверской старины // Смена. 1969. 9 августа. С. 3.

Базлов Г. Н. Поверья об «огненном змее» в Тверской области // Живая старина. 1996. № 4. С. 49—50.

Золотов Ю. М. Городские культы средневековой Руси // Живая старина. 2000. № 3. С. 42. Легенда о ржевском князе, обергавшем покой города.

Павлова Т. Тайна Золотого Омута // Кашинская газета. 2007. 22 июня. С. 4. Легенда об истории Золотого Омута на речке Кашинке.

Грибков-Майский В. Предания и легенды Тверского края // Вече Твери. 2009. 17 июня. С. 6. Чудовище из оз. Бросно, клад Наполеона, библиотека Ивана Грозного.

Кузнецов В. В. Мифологический ландшафт Торжка // Вопросы отечественного и зарубежного искусствознания. № 4. Тверь, 2012. С. 26—45.

Сказы ткачихи Морозовой / Сост. Ф. И. Стеклова; отв. ред. Н. И. Попов, Н. М. Казулицын. Калинин: Калинин. обл. лит. изд-во, 1939. 67 с. Сказительница работала на фабрике им. Вагжанова в Калининe. Родилась в 1872 г. в д. Кумардино.

Войны кровавые цветы: Устные рассказы о Великой Отечественной войне / Сост. А. В. Гончарова. М.: Современник, 1979. 288 с.

Песенные жанры

Погодин М. П. Путевые заметки // Литературные прибавления к Русскому инвалиду. 1838. 27 августа. № 35. С. 681—687. Тверские песни.

Песни, записанные в Новоторжском уезде // Памятная книжка Тверской губернии на 1861 год. Тверь, 1861. С. 37—45.

Песни, собранные в городе Зубцове // Памятная книжка Тверской губернии на 1861 год. Тверь, 1861. Отд. 3. С. 37—43.

Русские народные песни, собранные П. В. Штейном. Песни былевые. М.: Университет. тип., 1877. 132 с.

Великорусские народные песни / Изд. проф. А. И. Соболевским. Т. 1. СПб.: Гос. тип., 1895. 628 с. Тверские записи № 35, 52, 53, 74, 139, 169, 237, 294, 347.

50 песен русского народа для смешанного хора из собранных И. В. Некрасовым и Ф. М. Истоминым в 1894, 1895, 1896 и 1897 гг. Положил на голоса И. В. Некрасов. СПб.: Песен. комиссия Имп. РГО, 1902. 72 с., нот.

Иванов Г. В. Хороводные песни Тверской губернии // Сборник ОРЯС Имп. АН. Т. 73. 1903. № 5. С. 180—184.

Лебедева Е. А. Песни // Сборник Тверского общества любителей истории, археологии и естествознания. Вып. 1. Тверь, 1903. С. 321—332.

Песня, записанная в 1898 году со слов жителей Вышневолоцкого уезда // Сборник Тверского общества любителей истории, археологии и естествознания. Тверь, 1903. С. 331—332.

Степанов В. И. Деревенские посиделки и современные народные песни-частушки // ЭО. 1903. Кн. 59. № 4. С. 69—98.

35 песен русского народа из собранных в 1894, 1895, 1901 и 1902 гг. И. В. Некрасовым, Ф. М. Истоминым и Ф. И. Покровским в губерниях: Владимирской, Нижегородской, Рязанской, Саратовской, Тверской и Ярославской. Для одного голоса с сопровожд. ф.-п. переложил А. Лядов. [СПб.]: Песен. комиссия Имп. РГО, [1907]. 28 с., нот.

Славянские концерты солистки его величества М. И. Горленко-Долиной 19, 28 января и 7 февраля 1909 г. СПб.: Типо-лит. А. Э. Винкеке, [1909]. 32 с. Содерж.: С. 18—32 — программа концерта с текстами песен, в том числе Тверской губ.

Малеин И. М. Мои воспоминания. Тверь: ТУАК, 1910. 238 с. С. 85—86, 152—161 — тексты хороводных песен.

Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия / Под ред. В. Ф. Миллера, М. Н. Сперанского. Вып. I: Песни обрядовые. М.: ОЛРС при Московском ун-те, 1911. 355 с.

Миллер В. Ф. Исторические песни русского народа XVI—XVII вв. Пг.: Тип. имп. АН, 1915. 793 с. Сборник ОРЯС Имп. АН. Т. 93.

Андреев А. Купчик: русская плясовая песня (д. Старый Спас Емельяновской волости Старицкого уезда Тверской губернии) // Живая старина. 1915. Вып. 1—2. С. 188—203. Текст песни и описание игры-пляски.

Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия / Под ред. М. Н. Сперанского. Вып. II. Ч. 1: Песни необрядовые. М.: ОЛРС при Московском ун-те, [1918]. 125 с.

Филиппов Т. 40 народных песен с сопровождением ф.-п, гармонизированных Н. Римским-Корсаковым. М.: Производств. Подотдел музык. Отдела НКП, 1919. 62 с. Записи в Ржеве, Твери, Новоторжском у.

Лопатин М., Прокунин В. Сборник русских народных лирических песен: Опыт систематического свода лирических песен, с объяснением вариантов со стороны бытового и художественного их содержания Н. Лопатина, с положением песен для голоса и фортепиано В. Прокунина и с приложением полной расстановки слов некоторых вариантов по их напеву / Под ред. В. Федорова. Ч. 2. М.: Музсектор Госиздата, 1928. 96 с.

Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия / Под ред. М. Н. Сперанского. Вып. II. Ч. 2: Песни необрядовые. М.: ОЛРС при I Московском ун-те, 1929. 389 с.

Симаков В. И. Народные песни, их составители и их варианты. М., 1929. 126 с.

Хребес И. Современные крестьянские песни. Холостая жизнь, любовь, брак, семья, новые пути. С приложением типовых напевов. 2-е изд. М.; Л.: Госиздат, 1929. 99 с.: нот.

Сборник песен из сказа льноводов и ткачей. Калинин: Обл. изд-во, 1937. 20 с.

Песня моляковцев. Записана в Краснохолмском р-не // В наши дни: Альманах. 1937. № 3—4. С. 165—167.

Песни счастливой страны / Сост. Е. Е. Шаров. Калинин: Калинин. обл. изд-во, 1938. 40 с.

Песни / Сост. Е. Е. Шаров. Калинин: Калинин. обл. лит. изд-во, 1939. 100 с.

Песня полевода, записана В. Зунканц-Невским в Калининской обл. // Резец. 1939. № 5. С. 4.

Смирнов-Кутаческий А. М. Народные песни о льне // Пролетарская правда. 1946. 5 июля. С. 3.

Песни и сказы бежецких льноводов // Пролетарская правда. 1949. 4 сентября. С. 3.

Аракчеева А. В. Развитие народно-песенной культуры в Ржевском районе: Автореф. дисс... канд. филол. наук / МОПИ. Калинин, 1949. 15 с.

Две песни о льне // Пролетарская правда. 1951. 20 октября. С. 3. «Песня льноводки» и «Ленок» записаны в Погорельском р-не.

Ильин Л. Народная песня и творчество Дрожжина // Памяти С. Д. Дрожжина. Калинин, 1951. С. 31—40.

Взойди, взойди солнышко: Песня // Русские народные песни о крестьянских войнах и восстаниях. М.; Л., 1956. С. 63—64. Запись в с. Троицком Зубцовского у.

Лопатин Н. М., Прокунин В. П. Русские народные лирические песни. М.: Гос. муз. изд-во, 1956. 458 с. Записи в с. Троицкое Зубцовского у.: № 19, 23, 41, 46, 52, 69.

Волжские страдания: [Записано от Е. Чечина в Калининской области] // Молодежная эстрада. 1957. № 4. С. 64—65.

Беликова С. Песни Калининского края // Калининская правда. 1960. 12 февраля. С. 4.

Путилов Б. Н. Песня о Щелкане и летопись // Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI веков / Отв. ред. А. М. Астахова. М.: Л., 1960. С. 116—131.

Хороводы Калининской области. Калинин: Кн. изд-во, 1960. 95 с. Тексты и ноты хороводных песен, с. Кесова Гора: С. 5, 6, 21—32, 58, 72—73.

Песни родного края / Сост. А. Никонова. Калинин: Кн. изд-во, 1961. 84 с., нот. Содерж.: С. 79—80 — беседная песня Максатихинского р-на; С. 81—83 — тверские припевки.

Земцовский И. И. Торопецкие песни. Песни родины М. Мусоргского. Л.: Музыка, 1967.

Песни, собранные писателями: Новые материалы из архива П. В. Киреевского. М.: Наука, 1968. 679 с., нот. Литературное наследство. Т. 79.

Ильина Т. Песни торопецкие народные // Смена. 1968. 16 января. С. 2—3.

Русские народные песни. В обработке советских композиторов. Для смешанного хора без сопровождения / Сост. Н. Котикова. Л.: Музыка, 1970. 71 с.

Бромлей К., Темерина М. Русские народные песни: Сборник для чтения с листа в курсе сольфеджио. М.: Музыка, 1972. 239 с.

Немова Н. За песнями // Смена. 1973. 7 августа. С. 3. Фольклор в Торжокском р-не.

Смолицкий В. Песни бурлаков // Народное творчество. 1994. № 5. С. 23. Путевая песня XVIII в. «Прости, Тферь» (М. Д. Чулков, Собрание разных песен, 1773, ч. 3, № 163).

Русская народная поэзия. Лирическая поэзия: Сборник. Л.: Художественная литература, 1984. 584 с.: ил. Тверские записи: № 109, 110, 116, 157, 183, 215, 335, 345, 347, 356, 391, 393.

Калининские страдания: Песня в обр. В. Клюева // Народные песни Нечерноземья. М., 1985. С. 40—42.

Тверская губерния: Песни, записанные в Калязинском уезде; Детская поэзия; Тетрадь песен (Из папки 57); Песни, записанные в Тверской губернии // Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи П. И. Якушкина. Л., 1986. Т. 2. С. 134—191.

Напевы с голосов крестьян сельца Козлова Тверской губернии / Расшифровка, публикация и примечания Б. Б. Грановского // Русская народная песня: Неизвестные страницы музыкальной истории. СПб., 1995. С. 66—68: нот. Материал В. Ф. Одоевского.

Волокские припевки // Народное творчество. 1996. № 6. С. 18. Чапушки из кн.: Торопецкие песни. Песни родины М. Мусоргского. Л., 1967.

Сазанова Г. М. Беседа / Нотировка преподавателей Тверского музыкального училища Л. Королевой и И. Некрасовой // Народное творчество. 1996. № 6. С. 10—11.

Концедайло Л. Песни Понизовья в исполнении бабушки Прасковьи // Тверская жизнь. 1997. 4 дек. С. 4. П. 3. Половченкова, д. Борок Бельского р-на.

Традиционная музыка Русского Поозерья: По материалам экспедиций 1971—1992 гг. / Сост. Е. Н. Разумовская. СПб.: Композитор, 1998. 240 с.

Строганов Г. Разговор с березкой: [Музыка и обработка народных песен автора]. Тверь: Б. и., 1999. 38 с.

Шикова О. В. От песен рот тесен. Вып. 1. М: Палея-Мишин, 1999. 148 с.: ил. Записи в Весьегонском, Бежецком, Максатихинском, Лихославльском р-нах.

«Доволен песенкой простою...»: Песни родины Н. А. Львова / Подг. О. Е. Лебедевой; науч. ред. М. В. Строганов. Тверь: Золотая буква, 2001. 116 с. Народно-песенное творчество новоторжского края.

Кузнецов В. В. Житие Ефрема Новоторжского как часть народнопоэтической традиции Торжка // Труды Филиала ГАСК в г. Твери. Вып. 2: Из истории и теории культуры. Тверь, 2004. С. 50—63.

Бахтин В. С. Песни XX века // Живая старина. 2001. № 3. С. 39. Хожение в деревнях Тверской губ. песни об инженере Н. И. Путилове, владельце Петербургского Путиловского завода, 1860—1870-е гг.; по воспоминаниям А. Г. Желадновой, запись 1997 г.

Петренко Е. Концерт в честь Львова // Караван+Я (Тверь), 2001. 21—28 марта. № 12. С. 8. О сборнике «Собрание народных песен с их голосами», 1790 г.

Дроздецкая Н. «Откуда и от коего времени начая быти опекаловский роспев» / Н. Дроздецкая // Тверские ведомости. 2003. 22—28 августа № 67. С. 6. Древнерусское певческое искусство на Тверской земле.

Иванова И. Е. Молитвенные и проповеднические стихи в современном прихрамовом фольклоре // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Филология. 2004. № 2. С. 89—92. Полевые записи 1998—2003 гг. в Оленинском, Кашинском, Калининском р-нах, Твери

Лебедев О. Е. Военная тема в репертуаре В. Д. Николаевой // Фольклор Великой Отечественной войны. Тверь, 2005. С. 129—137.

Кузнецов В. В. Существовал ли верхневолжский эпос? // Древняя Тверь — реальная и книжная: Материалы и исследования / Сост. и ред. М. В. Строганов. Тверь, 2006. С. 90—103.

Юшкова Н. Песни деревенских бабушек / Подгот. П. Иванов // Тверские ведомости. 2009. 19—25 июня. № 25. С. 10: фот. О грантовом проекте по сбору и обработке этнографической информации «Родники народного творчества» (Вышневолоцкий р-н).

Атрощенко Н. О. Песня «Цвели, цвели цветики» из собрания Н. А. Львова и И. Прача в книжной и фольклорной традициях // Петербургский Рериховский сборник. Вып. 7: Н. А. Львов: жизнь и творчество. СПб., 2008. С. 279—293. С. 286—288: Запись В. Ф. Одоевского, 1863 г. у певца И. Фомина, с. Козлово Тверского у.

Кузнецов В. В. Отражение мифопоэтического восприятия пространства в одном фольклорном тексте // Труды ВИЭМ. Новоторжский сборник. Вып. 2. Торжок, 2009. С. 152—161.

Песни Пеновского района / [Запись, расшифровка, сост. Л. К. Королева]; Департамент культуры Тверской обл., ТОДНТ. Тверь: [б. и.], 2009. 63 с.: нот. Масленичные, свадебные, хороводные, лирические песни, заговоры, запись 1994 г. у И. И. Смирнова.

Народные старинные песни Калининской области, собранные в 1944 г. А. П. Зеленовой // В памяти народной: Великая Отечественная война в фольклорных и непрофессиональных произведениях / 65-летию Победы посвящается / Сост. Е. М. Белецкая, Л. М. Концедайло, Е. Г. Марина, М. В. Строганов. Тверь, 2010. С. 79—97.

Строганов М. В. Жанровая типология фольклорной песни индустриального общества // Тверское фольклорное поле — 2010: Доклады и публикации. Тверь, 2011. С. 113—120. Рукописное собрание М. С. Цветковой, д. Коробово Кашинского р-на, уроженка д. Тимолино Торжокского р-на.

Строганов М. В. «Песня Верещагина» и современная фольклорная традиция // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 14: Комплексные исследования традиционной культуры в постсоветский период: Сборник научных статей. М.: ГРЦРФ, 2011. С. 312—329.

Ковтик В. А. «Два века — две песни»: восприятие народных песен литературного склада в русской фольклористике конца XIX — начала XX в. и отношение к ним Ю. М. Соколова и В. И. Симакова // Тверское фольклорное поле — 2010: Доклады и публикации: памяти Ю. М. Соколова (1889—1941) / Ред. А. А. Петров, М. В. Строганов. Тверь, 2011. С. 106—112.

Песни Калязинского района Тверской области из коллекции Л. М. Концедайло / Подготовка текстов Т. И. Пиценко // Традиционная культура Тверского края: Памяти А. В. Гончаровой (1923—2009): Сборник научных статей и публикаций / Отв. ред. Л. Н. Скаковская; сост. М. Л. Логунов, С. Ф. Меркушев, А. А. Петров, Л. Н. Скаковская. Тверь, 2013. С. 97—100.

Песни села Рыбинское (Рыбинское-Заручье) Максатихинского района Тверской области / Подготовка текстов Л. М. Концедайло, А. А. Петров // Традиционная культура Тверского края: Памяти А. В. Гончаровой (1923—2009): Сборник научных статей и публикаций / Отв. ред. Л. Н. Скаковская; сост. М. Л. Логунов, С. Ф. Меркушев, А. А. Петров, Л. Н. Скаковская. Тверь, 2013. С. 88—96.

Песни Торопецкого района Тверской области в частных и государственных архивах / Подготовка текстов А. С. Дмитриева // Традиционная культура Тверского края: Памяти А. В. Гончаровой (1923—2009): Сборник научных статей и публикаций / Отв. ред. Л. Н. Скаковская; сост. М. Л. Логунов, С. Ф. Меркушев, А. А. Петров, Л. Н. Скаковская. Тверь, 2013. С. 100—109.

Духовные стихи Торопецкого района / Подготовка текстов и публикация А. А. Петрова // Традиционная культура Тверского края: Памяти А. Н. Вершинского (1888—1944): Статьи и публикации / Ред. М. Л. Логунов, А. А. Петров; сост. А. А. Петров. Тверь, 2013. С. 131—140.

Родные напевы: Народные песни, записанные в Верхнемоложье // Тихие песни: Бежецкий край в русской поэзии / Сост. С. И. Сенин. СПб., 2013. С. 11—31.

Строганов М. В. О народном бытовании песни «Катюша» и проблеме вариативности фольклорного сознания // Традиционная культура. 2015. № 2 (58). С. 28—38.

Зингеева В. «Спеть „Степь“, чтобы ямщик не замерз...» // Вышневолоцкая правда. 2014. 11 июня. № 23. С. 3: фот. Исполнительница народных песен из Вышнего Волочка Маргарита Неверова.

Стихотворная мемуаристика Н. А. Ветровой / Публикация, вступительная статья и примечания М. В. Строганова // Живая старина. 2015. № 3. С. 11—13.

Жестокие романсы Тверской области / Предисловие М. В. Строганова; сост. Л. В. Брадис, Е. В. Петренко, М. В. Строганов, И. С. Тарасова. Тверь: Золотая буква, 2006. 187 с. Первый свод песенного фольклора Тверского края 1920—1990-х гг.

Быша Л. С., Петров А. А. «Семнадцать лет мне миновало, я полюбила старика»: половозрастные отношения в фольклоре // Тверское фольклорное поле — 2010: Доклады и публикации. Тверь, 2011. С. 120—131. Тверские варианты.

Жестокие романсы Великой Отечественной войны / Подготовка текста М. В. Строганова // В памяти народной. Великая Отечественная война в фольклорных и непрофессиональных произведениях / 65-летию Победы посвящается. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2010. С. 127—150.

Петренко Е. В. Записи жестоких романсов в архиве Центра Тверского краеведения и этнографии // Тверское фольклорное поле — 2010: Доклады и публикации: Памяти Ю. М. Соколова (1889—1941) / Ред. А. А. Петров, М. В. Строганов. Тверь, 2011. С. 94—99.

Петренко Е. В. Жестокие романсы в тверских записях // Труды ВИЭМ. Новоторжский сборник. Вып. 4 / Сост. В. В. Кузнецов, М. В. Строганов, В. В. Цыков; ред. В. В. Кузнецов, М. В. Строганов. Торжок; Тверь, 2012. С. 293—319.

Петренко Е. В., Строганов М. В. Жестокие романсы Тверской области: итоги изучения // Труды региональных конкурсов научных проектов в сфере гуманитарных исследований Тверской области 2012 г. Вып. 4. Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2012. С. 99—108.

Петренко Е. В. О песне «Цилиндром на солнце сверкая...» // Человек пишущий, человек читающий. Тверь, 2012. С. 185—190.

Жестокие романсы Андреапольского района Тверской области / Подгот. текстов А. И. Логунова // Традиционная культура Тверского края: Памяти А. В. Гончаровой (1923—2009): Сборник научных статей и публикаций / Отв. ред. Л. Н. Скаковская; сост. М. Л. Логунов, С. Ф. Меркушев, А. А. Петров, Л. Н. Скаковская. Тверь, 2013. С. 78—87.

Строганов М. В. К типологии смерти в жестоком романсе (на материале фольклора Тверской области) // Мортальность в литературе и культуре: Сборник научных трудов. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 293—299.

Строганов М. В. «Как не жалко вам родных детей?» Судьба ребенка в жестоком романсе // Rosyjskie dzieciństwo — Русское детство / Pod redakcją Katarzyny Dudy i Andrzeja Dudka. Kraków, 2015. С. 229—239.

Зоя: [Жестокий романс]; Вступит. статья М. Г. Петрова // Русская провинция. 1997. № 2. С. 44—46. Записан в 1960-е гг. в Вышнем Волочке.

Бойцов С. О богатыре, двоеженце и жестоком романсе: В Торжке прошли музейные чтения // Тверская жизнь. 2011. 15 ноября. С. 8. О музейных чтениях во ВИЭМ в Торжке, ноябрь 2011 г.

Строганов М. В. Исторические корни и исторические формы жестокого романса // Живая старина. 2012. № 2 (74). С. 10—12.

Строганов М. В. Жестокие романсы Первой мировой войны // Живая старина. 2014. № 4. С. 21—24.

Баталин А. А. Частушки крестьян с. Васильевского и Михайловского и деревень Орудово и Яковлево Тверского уезда Тверской губернии // Живая старина. 1906. Вып. 3. С. 143—147.

Кабанов Б. Забытая мысль // Русские ведомости. 1910. № 38. С. 2. Частушки Вологодской, Новгородской, Архангельской и Тверской губ.

Водарский В. А. Частушки // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. 1914. Кн. 16: Сообщения. С. 1—112.

Сборник великорусских частушек / Под ред. Е. Н. Елеонской. М., 1914. 539 с.: нот. Записи в Тверской губ. — С. 133—200.

Симаков В. И. Сборник деревенских частушек Архангельской, Вологодской, Вятской, Олонцевой, Пермской, Костромской, Ярославской, Тверской, Псковской, Новгородской, Петербургской губ. С прил. нот и подробного библиографического указателя литературы. Ярославль: Изд. В. И. Симакова, 1913. 670 с.: нот.

Деревенские песни частушки Архангельской, Вологодской, Вятской, Новгородской, Псковской, Тверской и Ярославской губ / Собрания В. И. Симаковым. 3-е изд. Ярославль: Тип. К. Ф. Некрасова, 1915. Вып. 8, 9, 11. В Тверской губ. записаны: Вып. 8. Стб. 29—32; Вып. 9. Стб. 17—20; Вып. 11. Стб. 5—32.

Симаков В. И. Частушки. Про войну, немцев, австрийцев, Вильгельма, казаков, монополию, рекрутчину, любовные и т. д. Изданы по записям 1914—1915 гг. Пг.: Паровая тип. Л. В. Гутмана, 1915. 80 с.

Симаков В. И. Частушки про войну, немцев, австрийцев, Вильгельма, казаков, монополию, рекрутчину, любовные и т. д. 3-е изд. Пг.: Изд. Н. И. Холмушина, 1916 (1917). 95 с.

Большакова А. М. Советская деревня. 1917—1924. Экономика и быт. Л., 1924. С. 125—134. Частушки Тверской губ.

Виноградов Н. А. Частушка-эхо (главнейшие мотивы местных частушек). Весьегонск, 1924. 28 с.

Частушки. Из материалов, собранных газетой «Беднота» / Сост. Н. Захаров-Мэнский. М.: Огонек, 1926. 67 с. Библиотека «Огонек», № 183.

Прибаутки деревенской улицы. Шуточные частушки современной деревни / Сост. Н. Захаров-Мэнский. М.: Огонек, 1927. 48 с. Библиотека «Огонек», № 309.

Симаков В. И. Что такое частушка?: К вопросу об ее историческом происхождении и значении в народном обиходе. М.: Изд. автора, 1927. 64 с.

Симаков В. И. Сборник двухстрочных частушек (страданий). М.: Всерос. общ-во красн. писателей, 1928. 54 с.

Белкин М. С. Алкоголь в народных частушках: Материалы для антиалкогольного вечера в клубах, избах-читальнях и красных уголках / Под ред. М. Зиминой. [Л.], 1929. С. 6—30.

Деревенские прибауты. Частушки / Сост. Н. Захаров-Мэнский. [М.]: Теакинопечат, 1930. 32 с.

Колхозные частушки Весьегонского района. [Калинин]: Колхозный призыв, 1934. 32 с.

Жить стало лучше и веселее: Сборник частушек, распеваемых в колхозах Конаковского района. [Конаково]: Конаковский ударник, 1935. 48 с.

Жить стало лучше и веселее: Сборник частушек, распеваемых в колхозах Емельяновского района. [Емельяново]: Колхозник, 1936. 18 с.

Народное творчество о челюскинцах // Советская Арктика. 1936. № 4. С. 53.

Ван. Пушкин в частушках // Пламя. 1937. № 1. С. 34.

Частушки о героях-летчиках // Советская Арктика. 1937. № 11. С. 101—102.

Чацкий П. Частушка стахановка (Кашин) // Пролетарская правда. 1936. № 49. С. 4.

Шелковистый, волокнистый... // В наши дни: альманах. 1937. № 3—4. С. 168—170.

Новые частушки. Из архива фолькл. комиссии // Советский фольклор. 1941. № 7. С. 272.

Частушки. Для художественной самодеятельности / Сост. ВДНТ им. Н. К. Крупской. М.; Л.: Искусство, 1943. 36 с.

Шаров Е. Частушки Калининской области // Пролетарская правда. 1946. 14 апреля. С. 4.

Частушки // Песни родного края / Отв. за вып. М. Асташев. Калинин, 1957. С. 89—94. Записи в Весьегонском, Кашинском, Бежецком и Каменском р-нах.

Частушки // Репертуарный сборник. Калинин, 1959. С. 133—141. Записи в Весьегонском, Кашинском, Бежецком, Калининском р-нах.

Частушки / ДНТ при Упр. культуры Вологодского облисполкома. Вологда: Кн. изд-во, 1962. 39 с.: нот. Частушки Калининской обл., записанные на межобластном семинаре частушечников в Вологде.

Чудо-диво: Частушки, припевки, шуточные песни / Сост., [авт. предисл.] А. П. Аверкин. М.: Советский композитор, 1974. 72 с.

По деревне: Калининская; Страдания: Бежецкие; Весьегонские переборы // Частушки и переборы для баяна. М., 1977. С. 57—58, 63, 69—70.

Калининские страдания / Муз. В. Темнова // Частушки и переборы для баяна. М., 1984. Вып. 4. С. 81—87: нот.

Бологовские частушки // Литературная Россия. 1986. 30 мая. С. 15. Из собрания журналиста А. Ширкова (Медведково).

Тверские частушки: [Сборник / сост. Ф. М. Селиванов, Л. В. Брадис, В. Г. Шомина; худож. В. Штанько]. Калинин: Московский рабочий. Калинин. отд-ние, 1990. 187,[2] с.

Караваев Е. Частушка — боль и отрада // Кашинская газета. 1993. 11 авг. С. 3.

Федцовская частушечница / Подготовила Л. Концедайло // Народное творчество. 1996. № 6. С. 27: фот. Частушки А. Н. Кочкиной, жительницы с. Федцово Кесовогорского р-на.

Русские частушки: [Сборник]. М.: ТЕРРА, 1996. 360 с. Частушки из сборников В. И. Симакова и рукописного собрания Л. В. Ерофеевой (Брадис).

Концедайло Л. Похвальное слово частушке // Тверская жизнь. 1998. 6 февр. С. 4. Межзональный фольклорный праздник в Ржеве.

Мандрик И. Марья-искусница // Вече Твери сегодня. 2001. 24 марта. С. 4. Исполнительница частушек М. А. Сидоренкова из Торопца.

Лавренов В. Любит ли народ Власть? // Реноме. Тверской регион. 2006. № 4 (Май). С. 39. Частушки 1920-х гг. Новоторжского у.

Петров А. А. Изучение частушек Тверского края // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Филология. 2010. № 4. С. 108—122.

Строганов М. В. Гендер и нация в частушках о Первой мировой войне // Конструкты национальной идентичности в русской культуре: вторая половина XIX столетия — Серебряный век: Материалы конференции. Июнь 2009 г., Тюмень/Тобольск. М.: РГГУ, 2011. С. 391—417.

Белецкая Е. М. Частушки в коллекции Ю. М. Соколова // Тверское фольклорное поле — 2010: Доклады и публикации: памяти Ю. М. Соколова (1889—1941) / Ред. А. А. Петров, М. В. Строганов. Тверь, 2011. С. 31—46. Записи 1920-х гг.

Белецкая Е. М., Концедайло Л. М. Тверские частушки о перестройке // Традиционная культура Тверского края: Памяти А. Н. Вершинского (1888—1944): Статьи и публикации / Ред. М. Л. Логунов, А. А. Петров; сост. А. А. Петров. Тверь, 2013. С. 32—42.

Частушки Молоковского района Тверской области / Подготовка текстов М. А. Бердникова // Традиционная культура Тверского края: Памяти А. В. Гончаровой (1923—2009): Сборник научных статей и публикаций / Отв. ред. Л. Н. Скаковская; сост. М. Л. Логунов, С. Ф. Меркушев, А. А. Петров, Л. Н. Скаковская. Тверь, 2013. С. 72—77.

Частушки Торопецкого района / Подготовка текстов и публикация О. Р. Николаева // Традиционная культура Тверского края: Памяти А. Н. Вершинского (1888—1944): Статьи и публикации / Ред. М. Л. Логунов, А. А. Петров; сост. А. А. Петров. Тверь, 2013. С. 116—130.

Дмитриева А. С. Частушки из личного фонда А. Г. Кирсанова в Государственном архиве Тверской области // Бежецкий край. 2014. № 11. С. 62—72. Запись в д. Карельский Городок Бежецкого у. (Молоковский р-н).

Францев О. Л., Цыков В. В. Рекрутский фольклор (к вопросу бытования частушек) // Традиционная культура Тверского края: 70-летию Победы (1945—2015): Статьи и публикации: Вып. 5 / Ред. М. Л. Логунов, А. А. Петров, Л. Н. Скаковская, Э. Ф. Шафранская; сост. Л. М. Концедайло, М. Л. Логунов, А. А. Петров. Тверь, 2015. С. 6—11.

Детский и современный фольклор

Ломаченкова Т. М. Девочки-няни // Детский быт и фольклор / Под ред. О. И. Капица. Сб. 1. Л., 1930. С. 29—34, 57—59. Записи в с. Сандово и Лукино Весьегонского у. летом 1927 г.

Родничок: Русские народные песни, игры, сказки. Для детей младшего возраста. В сопровожд. ф-н. и без сопровожд. / Зап., нотировал и сост. Г. М. Науменко. М.: Музыка, 1980. 43 с.: нот. Записи 1968—1978 гг.

Тверской детский фольклор / Сост. Л. В. Брадис, В. Г. Шомина; Худож. А. И. Бобров. Тверь: Твер. обл. тип., 2001. 178 с. «Тверской фольклор». Кн. 3 / ТОДНТ. Материалы экспедиций студентов и преподавателей ТвГУ 1970—1990-х гг., П. И. Шейна и В. И. Симакова.

Науменко Г. М. Русские народные детские игры с напевами: Сборник фольклорных материалов / Гл. ред. С. И. Самсонов. М.: Либерия, 2003. 544 с.: ил. Записи 1969, 1975 и 1982 гг. С. 19—20, 23, 60—61, 79, 81, 93, 130, 148—149, 155, 185, 209, 232, 256, 268—269, 277—278, 284—286, 303, 319—320, 325, 330, 361—362, 384—385, 447—448, 478—479, 525—526.

В черном-черном лесу: [Детские страшилки] / Собрал и обработал Г. Науменко // Народное творчество. 1996. № 6. С. 24. Запись 1975 г. от детей с. Станишино и Новое Старицкого р-на.

Строганов М. В. Эпитафия в современном поминальном обряде // Фольклор в современной культуре: Материалы научно-практической конференции. Тверь: СФК-офис, 2010. С. 118—125.

Строганов М. В., Боровик Р. А. Футбольные кричалки и речевки как жанры городского фольклора // Культура и текст. 2014. № 2 (17). С. 195—227. Режим доступа: <http://www.ct.uni-altai.ru/>.

Промыслы

Преображенский В. А. Описание Тверской губернии в сельскохозяйственном отношении / Учен. ком. М-ва гос. имуществ. СПб.: Тип. М-ва гос. имуществ, 1854. 582 с. разд. паг., 8 л. табл.

Дылевский А. Кузнечество в Васильевской волости Тверского уезда. История промысла // Тверская старина. 2010. № 30—31. С. 218—238.

Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей: ист. анекдоты из провинциальной жизни XVIII в. М.: РГГУ, 2006. 403 с. На материале Бежецка XVIII в.

Михаил Тверской: личность, эпоха, наследие : Материалы международной научной конференции, посвященной 725-летию со дня рождения Михаила Ярославича — великого князя Тверского и Владимирского (г. Тверь, 27—29 ноября 1996). Тверь: Герс, 1997. 288 с. Из содерж.: Лапшин В. А. Быт Твери эпохи Михаила Ярославича (об археологических находках на территории Тверского кремля); Курбатов А. В. Кожевенное производство Твери XIII — первой половины XV веков по раскопкам Тверского кремля 1993—1996 годов.

Ладыгин И. З. Публично сказанное слово. Избранные колонки редактора: Ржев: быт и нравы конца XX века. Ржев: Ржев. произв. полигр. предприятие, 1998. 202 с.

Дни славянской письменности и культуры: Сборник докладов и сообщений. Вып. 5 / Отв. ред. О. Н. Овен. Тверь: ТГУ, 1999. 72 с. Из содерж.: Гурьянова В. В. Быт тверского крестьянства второй половины XVIII века; Маркова Ю. Н. Деятельность городских дум в городах Тверской губернии в конце XVIII — начале XIX века.

Тверская деревня. Т. 1: Лихославльский район: Энциклопедия / Гл. ред. Г. С. Сергеев; Науч. ред. С. И. Федосова. Тверь: ТвГУ, 2001. 593 с.

Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII—XX веках: Этнографические исследования и материалы / Ред. О. В. Кириченко, Х. В. Поплавская. М.: Наука, 2002. 469 с. Почитание святых дворянами (на примере тверской семьи Жемчужниковых), упоминаются Нило-Столобенская пустынь, мужской Новоторжский монастырь. С. 25, 42, 43.

Коркунов В. И. Кимрская старина 2: Краевед. очерки / Фото из архива авт. Кимры: Кимр. тип., 2003. 63 с. Обычаи при рождении ребенка, болезни и их лечение, народное веселье, пища.

Культурные традиции семейных династий: Краеведческие чтения (Калязин, 2002 г.). Вып. 3 / Сост. Е. В. Чертовских, Е. В. Михасик; Ред. Я. В. Леонтьев и др. Калязин: Б. и., 2003. 79 с. Из содерж.: *Горевой Г. С.* Два века дворянского рода Суворовых: быт и культ. традиции: [родовое имение Дымовка Медведицкой вол. Кашинского у.]; *Третьякова Т. А.* «Ваш товар, наш купец»: Традиции бытовых отношений: [Межтерриториальные угличско-мышкинско-калязинские (Семендяевская вол.) браки, конец XVIII — первая четверть XX в.]; *Суворов Н. А.* Культурные традиции калязинцев в конце XIX — первой половине XX в.; *Леонтьев Я. В.* Крестьянская семья Кункиных и ее традиции в XIX—XX вв.: По страницам неизданных мемуаров [«Записки» П. И. Кунина 1802—1937 гг.].

Города Европейской России конца XV — первой половины XIX века: Материалы международной научно-практической конференции 25—28 апреля 2002 года, Тверь-Кашин-Калязин: В 2 ч. / Редколлегия: С. О. Шмидт, И. Г. Серегина; Отв. ред. Н. В.Середа. Тверь: Золотая буква, 2002. Ч. 1. 298 с. Из содерж.: *Булгаков М. Б.* Тверские «записные» каменщики и кирпичники в первой половине XVII в. С. 139—149.

Торжок в путевых заметках и мемуарах / ВИЭМ; Сост. И. А. Бочкарева. Торжок: Твер. обл. тип., 2002. 183 с.

Климин И. И. Российское крестьянство в эпоху крепостного права (1649 — середина XIX в.): Методические советы студентам. Ч. 2 / Крестьян. гос. ин-т им. Кирилла и Мефодия. СПб.: [б.и.], 2004. 120 с. Характеристика хозяйства и домашнего быта, промыслов крестьян. С. 35, 40, 41, 47, 49, 51, 54, 56, 59, 64, 66—67, 71-76, 83, 87. 91, 95, 105.

Тверская губерния в Отечественной войне 1812 года: Сборник материалов историко-краеведческой конференции (Тверь, 24 сентября 2002 г.) / Отв. сост. Г. С. Горевой. Тверь: Лилия Принт, 2002. 191 с. Из содерж.: *Белецкая Е.* Отечественная война 1812 года в народных исторических песнях: [Записаны в Твери, собрание П. В. Киреевского]. С. 82.

Ремесла и промыслы Селижаровского края / Селижаров. центр. б-ка; сост. М. Н. Соколова. Селижарово: [б.м.], 2008. [10] с.: ил.

Фольклорные коллективы

Таубе Н. Самодеятельные хоры и народные оркестры Калининской области // Советская музыка. 1949. № 11. С. 90—92.

Фольклорные коллективы // Тверская область: Энциклопедический справочник / Сост. М. А. Ильин. Тверь, 1994. С. 300.

Шишкова М. Песни старой Твери // Новая газета. 1995. 29 апр. С. 2. Концерт в Тверской филармонии: «Тверь», «Узорочье».

Ковальский В. Наши поют лучше индийцев и танцуют лучше шотландцев // Тверская жизнь. 2003. 5 авг. С. 1. Участие в VII Международном фольклорном фестивале в Велико Тырнове (Болгария): «Вересень», «Светень», «Славяночка».

Запольская Э. «Троицкие гуляния»: фольклор плюс туризм // Ржевские новости. 2007. 20—26 июня. С. 6. Об участии в Василёвском фольклорном празднике: «Тальяночка», а также фольклорный ансамбль «Рябиночка» (Ржев).

Трофимова Т. Есть кем гордиться // Афанасий-биржа (Тверь). 2010. 25—31 марта. С. 9: фот. 15 коллективов Кимрского р-на носят звание народных, являются лауреатами региональных, российских и международных конкурсов.

Григорьев Г. Повечерять да порадоваться // Афанасий-биржа (Тверь). 2011. 24—30 марта. С. 11: фот. «Не жили богато...», а также: «Вечёрочка», народно-танцевальный ансамбль (Кесова Гора), «Росинка», детский народный ансамбль (Кесова Гора)

Евгеньев И. Стали лауреатами // Новоторжский вестник. 2013. 15 нояб. С. 7. Победа во Всероссийском фестивале-конкурсе народных хоров и ансамблей «Поет село родное»: «Ленок», «Русская песня».

Бежецкий район

Фольклорный ансамбль (с. Еськи)

На сцене ветераны // Калининская правда. 1981. 4 дек. С. 4.

Шикова О. Молод песнями хор // Смена. 1981. 17 дек. С. 3.

Лидин М. Еськи — село певучее // Калининская правда. 1982. 10 июня. С. 4.

Корнаухов А. Тверская жалейка // Калининская правда. 1983. 26 фев. С. 4.

Фольклорный хор (с. Моркины Горы)

Феоктистова Г. «Куда красу сподевать будем» // Смена. 1973. 13 дек. С. 4.

Бельский район

«Сударушка», народный ансамбль песни и танца (Белый)
Жемчужины Тверского края // Афанасий-биржа (Тверь). 2009. 19—
25 марта. С. 8: фот.

Бологовский район

Ансамбль русских народных инструментов детской школы искусств № 1. Образован в 1990 г.

Морозова Н. Народной музыки мотив: Бологовский оркестр отметил день рождения // Тверская жизнь. 2010. 6 апр. С. 7: фот.

«Лелия», фольклорный ансамбль (Бологое). Ныне действует.

«Лелия» покорила «Азовскую волну» / Автор текста Д. Владимиров // Новая жизнь (Бологовский район). 2009. 2 окт. С. 9. 2-е место в номинации «Народное пение» на 2-м Всероссийском открытом конкурсе «Азовская волна» (сентябрь 2009 г., Таганрог).

«Россияночка», ансамбль русской народной песни Дворца культуры (ЗАТО «Озерный»)

Наука «держаться корней» // Вече Твери сегодня. 2000. 3 окт. С. 4.

Весьегонский район

Барановский фольклорный ансамбль (с. Крешнево). Руководительница Г. М. Сазанова, создан в 1969 г. Ныне действует.

Бурилов В. «Развеселая, ой, да компаньница» // Калининская правда. — 1981. 5 февр. С. 4.

Миловский А. С. Поклонись березке; «Не житье, а Масленица!» // Миловский А. С. Песнь жар-птицы. М., 1987. С. 60—69, 174—188.

Барановский фольклорный ансамбль // Тверская область: Энциклопедический справочник / Сост. М. А. Ильин. Тверь, 1994. С. 50.

Преображенский В. Песне нельзя умирать // Тверская жизнь. 1994. 31 дек. С. 4.

Концетайло Л. Берегиня // Народное творчество. 1996. № 6. С. 9, 10, 1-я с. обл.

Шишкова М. В глубинке по-прежнему всё самобытно // Комсомольская правда. Тверь. 1996. 8 февр. С. 4. Фильм российского телевидения.

Митина Л. Хранительницы народной песни // Весьегонская жизнь. 2008. 18 нояб. С. 3. 40-летие коллектива.

Сазанова Г. М. «Тверь наша губерния, Крешнево деревня...» / [Ред., лит. обработка Л. К. Королевой; расшифровка песен, описание хореограф. движений Н. Е. Королевой]. Тверь: [б. и.], 2009. 203 с., [6] л. портр., ноты.

Рец.: *Зелов Н.* Уникальный фольклорный материал // *Весьегонская жизнь*. 2009. 25 авг. С. 5.

Ларин Г. А. Сазанова Галина Михайловна // *Ларин Г. А.* *Весьегония: Словарь-справочник*. М., 2010. С. 359—360: фот.

Митина Л. Родники песенного творчества // *Весьегонская жизнь*. 2013. 16 апр. С. 5: фот. 45-летие хора (Весьегонск, 30 марта 2013).

«Вербочка», фольклорный ансамбль Весьегонской детской школы искусств. Ныне действует.

Новожилова Е. И вновь — среди победителей! // *Весьегонская жизнь*. 2013. 19 марта. С. 5: фот. Участие в V Областном открытом конкурсе юных исполнителей народной песни им. И. И. Смирнова в Тверском музыкальном колледже им. М. П. Мусоргского (Тверь, 2 марта 2013).

Народный хор районного Дома культуры (Весьегонск). Образован в 1986 г.

Вавилова Т. Четверть века — на сцене // *Весьегонская жизнь*. 2011. 6 дек. 25-летие хора (19 ноября 2011).

Вышневолоцкий район

«Забавушка», народный ансамбль русской песни (Вышний Волочек). Руководительница С. Виноградова.

Цветова Т. «Забавушка» с дипломом // *Вышневолоцкая правда*. 2007. 20 июля. С. 3. Диплом Всероссийского конкурса народного творчества им. Андрея Мистюкова.

«Калинушка», хор народной песни (Вышний Волочек)

Алексеева И. Наша «Калинушка» // *Авангард (Вышний Волочек)*. 1981. 25 июня. С. 4.

Дмитриева И. На сцене хор народной песни «Калинушка» // *Авангард (Вышний Волочек)*. 1981. 18 сент. С. 4.

Хонина И. Выступает «Калинушка» // *Калининская правда*. 1983. 25 дек. С. 4.

«Медок», народный ансамбль песни и танца (Вышний Волочек). Создан 6 марта 1969 г. Руководитель Г. В. Строганов. Ныне действует.

Народный ансамбль песни и танца «Медок» / Сост. Н. С. Жестарёва, И. А. Зубарева. Калинин, 1978. 8 с.

Лесникова Л. Медок растит таланты // *Калининская правда*. 1979. 17 марта. С. 4.

Матюнин Р. Задушевная песня «Медка» // *Смена*. 1979. 17 марта. С. 3.

Матюнин Р. «„Медок“ послушать, как меду вкусить», говорят зрители, побывав на концерте народного ансамбля песни и танца // *Калининская правда*. 1984. 18 апр. С. 4.

Гущин В. Выступает «Медок» // Калининская правда. 1984. 1 мая. С. 4.

Потемичев С. Нарва аплодирует «Медку» // Вышневолоцкий текстильщик. 1984. 4 мая. С. 3.

«Медок» в Вешенской // Калининская правда. 1987. 28 мая. С. 4.

Потемичев С. В Вешенской, у Шолохова // Калининская правда. 1987. 14 июня. С. 4.

Наш «Медок»: [буклет] / Упр. культуры Калининского облисполкома; отв. за вып. О. В. Смирнова, худож. В. М. Веселов. Калинин: РИО упрполиграфиздата, 1989. 1 л.

«Медок» // Тверская область: Энциклопедический справочник / Сост. М. А. Ильин. Тверь, 1994. С. 157.

Аверьянов О. Жизнь у «Медка» не всегда сладка // Тверские губернские известия. 1999. 10—16 марта. С. 16. 30-летие коллектива.

Смирнов Н. Изумрудные изюминки // Земля Вышневолоцкая. 2006. 2—9 марта. С. 6.

С теплом из Южной Сербии / Подгот. Е. Крылова // Вышневолоцкая правда. 2013. 11 сент. С. 10: фот. Участие в Международном фольклорном фестивале «Госпоинский Собор» в Лепосавиче (Сербия).

«Распев», фольклорный ансамбль Вышневолоцкого Дворца творчества детей и юношества

Виноградова С. А. Язык русской души // Родник (Тверь). 1998. № 2. С. 3.

«Сударушки», хор Дома культуры (д. Афимьино)

Белоглазова Э. Когда поют «Сударушки» // Тверская жизнь. 2004. 17 февр. С. 6.

Калининский район

«Играй, гармонь», фольклорный ансамбль (пос. Васильевский Мох)

Концедайло Л. Торфушки // Тверская жизнь. 2001. 31 янв. С. 1.

«Сударыни», самодеятельный ансамбль народного танца (Заволжское сельское поселение). Ныне действует.

Сивакова М. Тверские «Сударыни» на Рождественских ассамблеях // Тверская жизнь. 2010. 31 дек. С. 7: фот. Лауреаты международного конкурса (Санкт-Петербург).

Смирнов А. «Сударыни»: танцуют все! / фот. В. Комарова // Реноме. Тверской регион. 2015. № 1. С. 28—29: фот.

«Родничок», детский фольклорный ансамбль средней школы № 47 (пос. Литвинки)

Войков В. Тверская мелодия в «Артеке» // Калининская правда. 1987. 22 июля. С. 2.

Серебрянникова А. Журчит «Родничок» // Смена. 1987. 5 сент. С. 3.
Юная солистка // Вече Твери. 1991. 6 мая. С. 2: фот. Маша Гусева — лауреат III Всесоюзного фестиваля народного творчества.

Калязинский район

«Волжанка», народный ансамбль песни и танца (Калязин). Создан в 1967 г. Руководитель Н. Я. Ткаченко.

Дмитриева Ю. Чтоб любовь жила... // Тверская жизнь. 2001. 15 мая. С. 4.

Смелкова Т. Мелодия ее сердца // Афанасий-биржа (Тверь). 2010. 25—31 марта. С. 12: фот.

«Живой родник», фольклорный ансамбль (Калязин). Создатель ансамбля Л. Ф. Алипина.

Комлев А. Живи, «Родник», живи! // Сельская жизнь. 1997. 19 июня. С. 15.

Концедайло Л. Филаретовна // Позитив (Тверь). 1999. 7—13 сент. С. 6.

Кашинский район

«Барынька», фольклорный ансамбль районного Дома культуры (Кашин). Ныне действует.

Федоров А. Старость песне не помеха // Калининская правда. 1977. 15 сент. С. 4.

Концедайло Л. Хор празднует юбилей // Позитив (Тверь). 1998. № 29. С. 8.

Мир твоих увлечений // Кашинская газета. 2009. 30 окт. С. 1.

Стала «Барынька» народной // Кашинская газета. 2009. 18 дек. С. 2. Коллективу присвоено звание народного.

Комарова И. Гармонист, откликнись! // Кашинский вестник. 2011. 4 февр. С. 12. Гармонист ансамбля В. В. Бузин.

Как «Барынька» Благовещение встречала, весну закликала // Кашинская газета. 2011. 15 апр. С. 3.

«Радуга», танцевальный ансамбль (Кашин)

Корзинова Е. К. «Браво, русские!» // Кашинская газета. 2007. 3 авг. С. 3. О поездке ансамбля на фестиваль «Глубина озер» (Литва).

Кесовогорский район

«Не жили богато...», эстрадно-фольклорный ансамбль (Кесова Гора). Ныне действует.

Аносов А. Жизнь по нотам // Афанасий-биржа. 2012. 5—11 апр. С. 8: фот. Участник ансамбля, автор гимна Кесовогорского р-на А. Николаев.

Горчакова Л. Кесовогорская земля талантами полна // Сельский труженик (Кесова Гора). 2013. 4 апр. С. 5: фот. Ансамбль — лауреат областного фестиваля-конкурса русской песни, гармонистов и частушечников.

Кимрский район

«Веснянка», фольклорный ансамбль (д. Титово). Руководитель Г. К. Минажетдинова.

Иванова Л. «Принц» из третьего класса // Тверская жизнь. 1994. 5 мая. С. 4.

«Танок», народный ансамбль казачьей песни Дома народного творчества (Кимры). Ныне действует.

Левина Т. Любо, братцы, жить! // Кимрская общественная газета. 2010. № 6 (март). С. 3.

Салеева Л. Любо, братцы! // Кимры сегодня. 2010. 19 марта. С. 13. Юбилейный концерт.

Степанова С. «Россия, матушка, — казачья вольница» // Кимрский вестник. 2010. 13 мая. С. 2.

«Россиянка», народный ансамбль танца Дворца культуры «40 лет Октября» Савеловского производственного объединения «Прогресс»

Николаев А. «Россиянка» // Калининская правда. 1985. 7 нояб. С. 4. Лауреат премии организации ВЛКСМ Калининской области, 18-го Рабочего фестиваля в ГДР, дипломант ВДНХ СССР.

Скабицкая Н. «Россиянки» пленительный танец // Смена. 1981. 21 нояб. С. 3.

Комаров В. Танцует «Россиянка» // Смена. 1985. 22 окт. С. 2: фот. Фольклорный ансамбль Дома культуры совхоза «Шелковка»

Андреев Г. Фольклор и ... четыре печки // За коммунистический труд (Кимры). 1987. 26 сент. С. 3.

Конаковский район

«Завалинка», ансамбль гармонистов и частушечников (Конаково). Ныне действует.

Концедайло Л. Поет «Завалинка» // Позитив (Тверь). 1999. 1—7 июня. С. 6.

Викторова Е. Родная русская «Завалинка» // Конаковская панорама. 2011. 24 марта. С. 2. Юбилейный концерт 19 марта 2011.

Ермолаева Л. Горячая осень «Завалинки» // Конаковская панорама. 2012. 1 нояб. С. 6: фот.

«Завалинка» // Заря (Конаково). 2014. 30 апр. С. 4: фот.

«Злат венец», фольклорный ансамбль песни и танца городского Дворца культуры им. Воровского (Конаково). Руководитель С. В. Панкова. Ныне действует.

Живова Т. «Злат венец» из Конакова // Смена плюс (Тверь). 1997. № 1. С. 3.

Кривошеева Е. Творческий союз // Конаковская панорама. 2014. 17 апр. С. 14: фот. Участие в конкурсе хоровых коллективов «Виват, хоры!» (Дубна Московской обл.).

«Русь», музыкальный коллектив русской народной казачьей песни городского Дворца культуры им. Воровского (Конаково)

Кривошеева Е. Казачья песня вольная... // Конаковская панорама. 2014. 22 мая. С. 10: фот.

Приклонский С. Любо, братцы, любо! // Караван + Я (Тверь). 2001. 18—25 июня. С. 9. Выступление на фестивале в д. Вешенская.

«Сударушка», ансамбль народной песни (пос. Завидово)

Земскова Л. «Сударушка» приехала! // Тверская жизнь. 1997. 28 марта. С. 3.

«Тверской родник», народный хор Дома культуры «Химик» Редкинского опытного завода. Руководитель Н. П. Кудряшов.

Сазонова В. Песенный родник // Смена. 1982. 16 февр. С. 2.

Шкулев С. Донести до потомств // Калининская правда. 1984. 29 авг. С. 4.

Максатихинский район

«Родник», фольклорный ансамбль Максатихинского районного Дома культуры. Руководители А. А. Грачев, Е. Голубкова. Народный ансамбль «Родник» / Сост. П. В. Егорова. Калинин, 1979. 6 с.

Петров М. В начале сказок... // Крестьянка. 1982. № 11. С. 29—31.

Зимина Н. На юбилее музыканта пела и плясала вся Максатиха // Комсомольская правда. Тверь. 1996. 1 окт. С. 4.

Глазунов С. Живая музыка: Культура лесного поселка // Лесная промышленность. 1983. 7 июля. С. 4.

Народный фольклорный ансамбль (с. Рыбинское-Заручье). Ныне действует.

Концедайло Л. Песня — душа народная // Тверские ведомости. 2008. 25—31 июля. С. 6. 70-летие коллектива.

Петров А. А. Полевые исследования в Тверской области в 2013 году: фольклорно-этнографическая экспедиция в Максатихинский район // Усадьбный локус и фольклорный текст: из экспедиционных материалов. Тверь, 2013. С. 48—94: фот.

Нелидовский район

«Горлица», ансамбля детской школы искусств (Нелидово).
Ныне действует.

Романова Л. Звонкоголосой «Горлицы» стремительный полет // Нелидовские известия. 2010. 17 дек. С. 1. Юбилейный концерт.

Фольклор живет — «Горлица» поет // Нелидовские известия. 2013. 22 февр. С. 3.

Кулакова Т. Народных традиций хранители // Нелидовские известия. 2013. 8 марта. С. 5: фот. Успех ансамбля и солисток Ани Беляевой и Маши Политенковой на 5-м областном конкурсе юных исполнителей народной песни им. И. И. Смирнова (Тверь, 2 марта 2013).

Гарманова О. Нелидовские фольклористы стали вторыми в России // Нелидовские известия. 2013. 12 нояб. С. 3. Успех на Российской детской фольклорной Ассамблее (Великий Новгород, 1—3 ноября 2013).

Сергеева С. Летала «Горлица» на посиделки // Нелидовские известия. 2014. 23 сент. С. 5: фот. Об отдыхе в фольклорном лагере (с. Дудино Калининского р-на, 15—24 августа 2014).

Большенкова С. Виват, лауреаты! // Нелидовские известия. 2014. 14 нояб. С. 5. Выступление на 6-й Российской фольклорной ассамблее (Великий Новгород, 1—3 ноября 2014).

«Иван- да- Марья», народный хор (Нелидово). Ныне действует.

Стрельцова Е. Как «Иван-да-Марья» Троицу праздновали // Возрождение края (Нелидово). 2015. 19 июня. С. 5. Участие в областном фольклорном фестивале «Троицкие гуляния» (13 июня 2015).

«Сказ», ансамбль русских народных инструментов (Нелидово)

Талантам надо помогать / Беседовал Д. Борисов // Афанасий-биржа. 2004. 15—21 апр. С. 6. Беседа с преподавателем Нелидовской Детской школы искусств, руководителем ансамбля Н. А. Журавлевым.

Фольклорный ансамбль Кривцовского сельского Дома культуры (д. Кривцово)

Филатова Д. Посиделки // Калининская правда. 1987. 29 апр. С. 4.

Неугодов В. Кривцовские бабуленьки // Тверская жизнь. 1994. 21 дек. С. 1.

Кулакова Т. Бабушки из Кривцова // Возрождение края (Нелидово). 2012. 13 июля. С. 2.

Кулакова Т. Кривцовские бабули и бурановских бы за пояс заткнули // Нелидовские известия. 2012. 17 июля. С. 2: фот.

Оленинского район

«Сударушки», фольклорный ансамбль Холмецкого Дома культуры. Руководитель ансамбля Л. П. Раевская.

Концедайло Л. Людмила: штрихи к портрету // Крестьянская жизнь (Тверь). 1994. № 16—17. С. 7.

Рамешковский район

Народный хор Рамешковского районного Дома культуры
Вольский Н. Четверть века с половиной // Новая газета. 1995. 16 мая.
С. 4.

Фольклорный хор (с. Медведиха)

Печорина Н. Медведиха — село песенное // Калининская правда. — 1984. 26 авг. С. 4.

Ржевский район

«Веснянка», фольклорный ансамбль клуба раннего детского развития «Дельфа» (Ржев). Руководительница Л. Ефремова. Ныне действует.

Веснянка / [Сост., худ. О. В. Смирнова]; Упр. культуры Калинин. обл. исполкома. Калинин: [РИО упрполиграфиздата], 1990. [1 л.].

Парфенов А. Успех ржевской «Веснянки» // Вече Твери. 1996. 31 окт. С. 2. Участие ансамбля в 21-м Международном конкурсе солистов и ансамблей в г. Кастельхидардо (Италия).

Обработанная народная песня как бутафорское яблоко / Беседовала М. Семенова // Вечерняя Тверь. 1998. 17 февр. С. 4. Беседа с Л. Ефремовой.

Люсина М. Прокричи мне колыбельную // Местное время (Тверь). 2000. 17 февр. С. 14.

Бурилов В. Ф. Мать «Веснянки» // Тверские ведомости. 2015. 22—28 июля. С. 13: фот.

«Игрицы», фольклорный ансамбль (Ржев). Ныне действует.

Запольская Э. Родники народного творчества // Ржевские новости. 2003. 25 июня. С. 1, 19.

Запольская Э. Прикоснуться к своим истокам // Ржевские новости. 2006. 29 нояб. — 5 дек. С. 11. Участие в 9-м областном фольклорном празднике «Троицкие гулянья».

Канищев В. Нам сегодня только двадцать! // Ржевская правда. 2014. 4 дек. С. 13: фот.

«Кукареку», детская фольклорная группа (Ржев)
«Кукареку» из Ржева // Тверская жизнь. 2002. 11 июля. С. 1. О победе в номинации «Фольклор» на II Международном детском фестивале «Звезда Крыма».

«Ложжари», детский фольклорный коллектив клуба «Мгновение» Ржевского центра социального обслуживания населения
Браво, «Ложжари»! / Подгот. Ю. Рощина // Ржевская правда. 2010. 18 нояб. С. 12.

«Родничок», фольклорный ансамбль (Ржев). Руководительница И. Колябина. Ныне действует.

Славская М. «Родничок» выступил в резиденции президента // Тверская жизнь. 2003. 16 окт. С. 1. Участие в международном конкурсе-фестивале «Солнце светит всем» (г. Дагомыс Краснодарского края).

Запольская Э. «Родничок» собирает друзей // Ржевские новости. 2006. 29 марта — 4 апр. С. 11. 20-летие коллектива.

Горская Т. Мы отмечаем юбилей // Ржевский вестник. 2006. 5—11 апр. С. 7. 20-летие коллектива.

Награды «Родничка» // Ржевские новости. 2007. 23—29 мая. С. 4. Успех на российском фестивале «Шолоховская весна-2007» (Москва, 13 мая 2007).

Браво, «Родничок!» / Интервью Е. Соолягтэ, И. Колябина // Ржевская правда. 2007. 7 июня. С. 1, 3. 5 дипломов на Всероссийском фестивале «Шолоховская весна» (Москва).

Колябина И. «Для детей фольклор — это сказочная страна» / интервью Э. Запольская // Ржевские новости. 2008. 19 нояб. С. 2.

Победа юной ржевлянки на Всероссийском конкурсе // Ржевские новости. 2009. 3 июня. С. 3. 1-е место солистки ансамбля «Родничок» Е. Кузнецовой (Псков, 20—25 мая).

Колябина И. «Мы гордились, что русскую культуру представляет „Родничок“!» // Ржевские новости. 2010. 4—10 авг. С. 11. Участие в Международном фестивале «Гютерсло-Интернациональ-2010» (Германия, 5—12 июля 2010).

«Солнце России» / Подгот. Э. Запольская // Ржевские новости. 2010. 6 окт. С. 7. Участие во Всероссийском фестивале исполнителей народной песни им. Надежды Плевицкой (17—19 сентября 2010 г.).

«Мы вместе» / Подгот. Э. Запольская // Ржевские новости. 2011. 2 февр. С. 30. Ансамбль — лауреат фестиваля в г. Бресте.

«Родничку» — 25! / Подгот. Е. Смирнова // Быль нового Ржева. 2011. 23 марта. С. 1, 2. Юбилейный концерт 19 марта 2011 г.

Запольская Э. «Варшавский полонез» // Ржевские новости. 2012. 25 апр. С. 7: фот. Участие в фестивале-конкурсе в Польше (1 апреля 2012).

Колябина И. И. «Родничковое» половодье // Быль нового Ржева. 2012. 12 дек. С. 12: фот. Успех ансамбля на IV Российской детской фольклорной ассамблее (Великий Новгород).

Назаров А. Пражский успех ржевского «Родничка» // Быль нового Ржева. 2013. 24 апр. С. 11: фот. Участие в международном фестивале-конкурсе «Волшебный занавес» в Праге (Чехия).

«Тальяночка», фольклорный ансамбль (Ржев). Создательница и руководительница О. М. Кузьмина. Ныне действует.

Кузьмина О. Я хочу, чтобы песни звучали / беседовала Э. Запольская // Ржевские новости. 1999. 6 окт. С. 2.

Кузьмина О. Развернись, душа! // Ржевские вести. 2003. 21 мая. С. 19. Гастроли ансамбля в Рязани.

Запольская Э. Родники народного творчества // Ржевские новости. 2003. 25 июня. С. 1, 19. Участие в 9-м областной фольклорном празднике «Троицкие гулянья».

Кудрявцева С. «Я — обыкновенная...» // Ржевская правда. 2004. 9 дек. С. 7. Об О. Кузьминой.

Кузьмина О. М. Искусство твоего народа // Ржевский вестник. 2006. 15—17 февр. С. 4. Участие в I Всероссийском конгрессе фольклористов.

Запольская Э. Играй, гармонь, собирай друзей! // Ржевские новости. 2007. 14—20 февр. С. 11. 20-летие коллектива.

Ленский В. Играй, «Тальяночка», играй! // Вече Твери. 2007. 22 февр. С. 18.

Горская Т. Играй, гармонь, душа России // Ржевский вестник. 2007. 28 февр. — 7 марта. С. 4. 20-летие ансамбля.

Муратова Н. «Тальяночка» в Семейном клубе // Ржевский вестник. 2007. 12 дек. С. 12. Фольклорные посиделки в клубе Станции юных техников.

Кузьмина — поющий музыкант // Ржевская правда. 2011. 27 янв. С. 3. 1-е место на международном конкурсе «Играй, гармонь!».

Народная симфония / Подгот. О. Кузьмина // Ржевские новости. 2011. 16 февр. С. 11. Участие в XI Международном конкурсе-фестивале им. И. И. Маланина (Новосибирск, 9—16 января 2011).

Запольская Э. Во имя русской гармонике // Ржевские новости. 2012. 28 нояб. С. 7: фот. 25-летие ансамбля.

Фольклорный ансамбль Ореховского сельского Дома культуры

Ладыгин И. Певуны из Орехова // Калининская правда. 1983. 15 сент. С. 4.

Шкулев С. По жизни с песней // Калининская правда. 1987. 18 марта. С. 4. 15-летие ансамбля.

Тверь

«Аленушка», хор русской народной песни Дворца культуры профтехобразования

Владимиров М. «Аленушка», ласковое солнышко // Калининская правда. 1972. 15 нояб. С. 4.

Владимиров К. «Аленушка» // Калининская правда. 1974. 15 марта. С. 4.

Чилимова Г. Выступает «Аленушка» // Смена. 1974. 25 мая. С. 3: фот.

Бородин З. Поет и танцует «Аленушка» // Калининская правда. 1978. 27 мая. С. 4.

[15 лет «Аленушке»] // Смена. 1978. 10 июня. С. 3: фот.

Ансамбль «Аленушка» // Калининская правда. 1986. 30 июля. С. 4.

Добрая песня «Аленушки» // Смена. 1987. 3 янв. С. 3.

«Бахтори», цыганский ансамбль песни и танца Дворца культуры профсоюзов

Бельтюкова Н. «Взмахнув крылом цыганской шали...» // Комсомольская правда. Тверь. 1995. 28 нояб. С. 4: фот. 10-летие ансамбля.

Петрович О. Н. (Мурша ле Ристаско ай ла Ленако) Бароны табэра сапоррони. СПб.: Анима, 2007. 536 с. С. 321—335: ансамбль «Бахтори».

«Вересень», фольклорный ансамбль Тверского колледжа культуры им. Н. А. Львова. Ныне действует.

Неугодов В.... И частушка под язык // Тверская жизнь. 2003. 14 нояб. С. 6.

Метлина Н. Тверской туризм: старые традиции, новые маршруты // Реноме. Тверской регион. 2005. № 4. С. 12—13: фот. Участие в Презентации Тверской обл. на выставке МПТФ-2005 (Москва).

Зимина Н. Голос и гусли // Тверская жизнь. 2009. 8 дек. С. 8: фот.

«Веретеннице», ансамбль народного пения школы искусств № 2. Ныне действует.

От семи до семнадцати // Тверская жизнь. 1997. 18 февр. С. 3.

Кулакова О. Саша Куварина перепела 16 стран мира // Тверская жизнь. 2003. 21 нояб. С. 1. Участие ансамбля в IX Международном фестивале-конкурсе детского творчества «Роза ветров» (Москва).

«Верхневолжье», ансамбль народного танца Дома культуры учащихся учебных заведений профтехобразования Тверской области

Батманова Н. В вихре танца // Вече Твери. 1994. 1 марта. С. 6.

«Ельничек», народный ансамбль песни и танца Дворца культуры «Пролетарка». Руководитель К. А. Невенчаный.

Крюков Ю. Идет репетиция // Калининская правда. 1977. 2 нояб. С. 4.

Хомкина И. Звонкие голоса // Калининская правда. 1982. 18 мая. С. 4.

- Хомкина И.* Растет «Ельничек» // Калининская правда. 1983. 30 июля. С. 4.
- Львова Г.* «Ельничек» // Голос текстильщика (Калинин. х.-б. комб.). 1984. 1 авг. С. 4.
- Солдатова Н.* «Ельничек» излучает радость // Калининская правда. 1985. 5 апр. С. 4.
- Русина И.* Прощай, «Благовест» // Вече Твери. 1993. 8 мая. С. 6.
- Хагенова Н.* Посиделки в «Пролетарке» // Новая газета. 1995. 18 мая. С. 2.
- Концедайло Л.* Свадьба в «Ельничке» // Позиция (Тверь). 2001. 5—11 апр. С. 6.
- «Классик-парад», фольклорной ансамбль
- Антонок Т.* Гуслиаризация всей страны // Тверская жизнь. 2008. 2 июля. С. 5: фот. Участие в 1-м открытом фестивале «Хранители наследия России» (Красногорск Московской обл., июнь 2008 г.).
- «Ладушки», детский образцовый фольклорный ансамбль школы № 20. Руководительница А. А. Дубинина. Ныне действует.
- Дубинина А.* Наследники традиций // Тверские ведомости. 2008. 4—10 апр. С. 6: фот. Участие в III Международном фольклорном фестивале «Наследники традиций» (Санкт-Петербург, 17—23 марта 2008).
- «Межа», фольклорно-этнографический ансамбль Тверского музыкального училища им. М. П. Мусоргского. Ныне действует.
- Неугодов В.* Когда «Межа» выступает — шаманы отдыхают // Тверская жизнь. 2004. 30 марта. С. 8. О выступлении на фестивале масок в Даугавпилсе (Латвия).
- Грудакова Е.* Поем, как пели в старину // Тверская жизнь. 2005. 29 нояб. С. 7.
- Зимина Н.* Регион: «Голуби» прилетели с дипломом // Тверская жизнь. 2008. 5 дек. С. 2. Диплом 3-го Московского международного научно-практического форума «Живая традиция».
- Кузнецова Н.* А песня русская жива... // Тверская жизнь. 2009. 13 февр. С. 7: фот.
- Боярских Е.* Дай Бог меж людьми быть любви: ансамбль «Межа» отмечает юбилей // Тверская жизнь. 2010. 16 апр. С. 7: фот. 10-летие ансамбля. Истории создания.
- Грудакова Е.* Дай Бог меж людьми любви быть // Тверская жизнь. 2011. 1 марта. С. 8: фот.
- Новикова О., Петренко Е.* Семьдесят пять лет музыки: Тверское музыкальное училище им. М. П. Мусоргского празднует юбилей // Тверская жизнь. 2011. 29 окт. С. 8.

- Некрасова И. Н.* На рубеже культур // Народное творчество. 2014. № 2. С. 58—60.
- Народный хоровой коллектив Дворца культуры «Химволокно»
- Шашанов Е.* Песня строить и жить помогает // Калининская правда. 1978. 20 дек. С. 4.
- Творческий отчет на телевидении // Калининская правда. 1985. 10 янв. С. 4.
- «Орнамент», ансамбль русских народных инструментов Тверской академической областной филармонии
- Мартов В.* Подивись творчеству // Калининская правда. 1987. 22 апр. С. 4.
- Шишкова М.* «Не брани меня, родная» // Новая газета. 1995. 15 апр. С. 2. Сольная программа Галины Шумилкиной в Тверской филармонии.
- «Роща», фольклорный ансамбль Тверского филиала ГАСК. Руководитель В. И. Ситников. Ныне действует.
- Дубинина А.* Наследники традиций // Тверские ведомости. 2008. 4—10 апр. С. 6: фот. Участие в III Международном фольклорном фестивале «Наследники традиций» (Санкт-Петербург, 17—23 марта 2008).
- «Светень», ансамбль танца Тверского колледжа культуры им. Н. А. Львова. Руководительница Н. Бердюгина.
- Близнецов В.* «Светень» — свет, а «свет» — тепло // Тверская жизнь. 1997. 23 мая. С. 4.
- «Селигер», фолк-рок группа Калининской филармонии
- «Селигер» и огни магистрали // Смена. 1978. 12 сент. С. 3.
- Бурилов В.* Разговор о «Селигере» // Калининская правда. 1978. 25 нояб. С. 4.
- Лесной В.* Новь старины // Калининская правда. 1979. 29 окт. С. 4.
- Филиппов А.* Когда все билеты проданы... // Смена. 1979. 1 нояб. С. 3.
- Мальшев Е.* На верном пути // Смена. 1980. 9 сент. С. 3.
- Лесной В.* Истоки творчества // Калининская правда. 1980. 26 окт. С. 4.
- По трем республикам // Калининская правда. 1980. 30 окт. С. 4.
- Старина и современность // Калининская правда. 1980. 5 дек. С. 4.
- Николаев В.* После гастролей // Калининская правда. 1981. 4 окт. С. 4.
- На гастроли в столицу // Калининская правда. 1984. 13 авг. С. 4.
- «Славяночка», фольклорный ансамбль Тверского государственного университета. Ныне действует.
- Федотова Л.* Вдоле по Лаврушинскому // Народное творчество. 1995. № 4. С. 4, 5. Выступление на фольклорном празднике и ярмарке художественных ремесел в Москве.
- Лебедева О.* Жизнь народной песни // Народное творчество. 1996. № 6. С. 28.

- «Славяночке» — 30 лет // Вече Твери. 1997. 20 дек. С. 1.
- Петренко Е.* «Славяночка» верна традициям // Караван+Я (Тверь). 2000. 9 авг. С. 13.
- Зимина Н.* Возраст молодой мудрости // Вече Твери сегодня. 2000. 26 дек. С. 6.
- Лебедева С. Н.* О некоторых моментах из жизни «мужских» песен: из опыта работы с фольклорным коллективом «Славяночка» // Традиционная мужская культура и фольклор Великой Отечественной войны / Ред.-сост. М. В. Строганов. Тверь: ТвГУ, 2002. С. 18—27.
- Петренко Е.* Майская неделя побратимов: тверитяне на музыкальном фестивале в Оснабрюке // Тверская жизнь. 2005. 27 мая. С. 7. Фестиваль «Майская неделя» («Maiwoche») в Оснабрюке (Германия, 9—16 мая 2005).
- Зимина Н.* Новоторжская рыба-щука приплыла в Богородск // Тверская жизнь. 2012. 4 авг. С. 1: фот. Победа на 8-м международном фестивале фольклорных коллективов «Хрустальный ключ» (г. Богородск Нижегородской обл., июль 2012).
- «Тверичане», народный ансамбль танца Дворца культуры «Пролетарка». Основатель и руководитель Е. Комаров.
- Грибкова О.* Душа «Тверичан» // Вся Тверь. 2000. 25 авг. С. 15.
- Мотузка М.* 70-летие Евгения Комарова и 50-летие его танцевальной карьеры // Вечерняя Тверь. 2000. 25—26 окт. С. 5.
- Неугодов В.* Волжским украинцам — овация столицы // Тверская жизнь. 2004. 26 мая. С. 8. Выступление ансамбля на III Международном фольклорном фестивале «Москва — город мира» (май 2004, Москва).
- «Тверские узоры», народный ансамбль песни и танца [Калинин] // Советская Россия. 1982. 6 мая. С. 3.
- Астафьев Г.* На сцене «Тверские узоры» // Калининская правда. 1982. 15 мая. С. 4.
- Строганов Г.* Песня русская родная... // Калининская правда. 1982. 6 нояб. С. 4.
- Тимошина С.* «Тверские узоры» // Вся Тверь. 1998. № 7. С. 8: фот.
- Юрьева Ю.* «Тверские узоры» — история с продолжением // Тверская жизнь. 2002. 24 апр. С. 5: фот.
- Строганов Геннадий Васильевич: [некролог] // Тверская жизнь. 2002. 24 дек. С. 8.
- Синицын А.* «Тверским узорам» присвоено имя Геннадия Строганова // Тверская жизнь. 2003. 23 июля. С. 1.
- «Тверской ельничек», молодежный хор русской песни Дома культуры строителей. Руководитель М. Ф. Шахворостов.
- Мазурин И.* Растет «Тверской ельничек» // Калининская правда. 1973. 11 мая. С. 4.
- Шашанов Е.* Знакомьтесь: «Тверской ельничек» // Смена. 1973. 15 мая. С. 3: фот.

«Тверь», фольклорный ансамбль. Руководители А. В. Беляков, В. Кудрин.

Мартов В. Подивись творчеству // Калининская правда. 1987. 22 апр. С. 4.

Беляева И., Неделькина Т. У меня есть сердце, а у сердца — песня // Тверская жизнь. 1996. 27 февр. С. 4.

Групповой портрет с большой балалайкой // Тверская жизнь. 1995. 13 сент. С. 1. Выступления в Италии, Швейцарии и Германии.

«Узорочье», фольклорный ансамбль Тверского музыкального училища. Руководительница Л. К. Королева.

Константиновская М. Перед поездкой в Германию // Новая газета. 1995. 20 мая. С. 2. Поездка с концертами в Дудерштадт (Германия).

Некрасова И. Н. «В Германии нас встречали как родных» / Подготовила М. Павлова // Новая газета. 1995. 15 июня. С. 4.

Шишкова М. Песни в народе не поют, а играют // Комсомольская правда. Тверь. 1996. 14 февр. С. 2. Выступление в музейно-выставочном комплексе им. Лизы Чайкиной (Тверь).

Торжокский район

«Забава», фольклорный ансамбль (с. Грузины). Ныне действует.

Смирнова Н. Звучали Грузинские напевы // Новоторжский вестник. 2014. 12 дек. С. 7. А Старицкий район просто убрать, всё перенести сюда.

«Веночек», детский фольклорный ансамбль (Торжок). Руководительница С. Владимирова.

И сегодня гуляем также / Подгот. Л. Концедайло // Народное творчество. 1996. № 6. С. 26.

Концедайло Л. Как Светлана сплела «Веночек» // Тверская жизнь. 1997. 29 мая. С. 3.

«Колядки», фольклорный ансамбль Дома школьников (Торжок)

Джарматова Н. А. Кто зажигает «звезды» // Родник (Тверь). 1996. № 4. С. 3.

«Ленок», народный ансамбль песни и танца (Торжок). Хормейстер Т. Кузнецова, балетмейстер Е. Ускова. Ныне действует.

Шиков В. И. Мы из Торжка. Самодеятельный русский народный хор «Ленок» / Хоровое общество Калининской обл. М.: Московский рабочий, 1969. 80 с.

Шиков В. Выступает «Ленок» // Калининская правда. 1963. 28 июня. С. 4.

Шиков В. Большой мастер // Калининская правда. 1964. 7 февр. С. 4.

Шиков В. С чистой совестью // Калининская правда. 1964. 5 авг. С. 4.

- Шиков В.* 35 лет в художественной самодеятельности // Культурно-просветительская работа. 1964. № 5. С. 50—51: портр.
- Шиков В.* «Ленок» воспевает свой край // Клуб и художественная самодеятельность. 1965. № 5. С. 26—27.
- Шиков В.* Мы из Торжка // Советская культура. 1965. 2 сент. С. 3.
- Шиков В.* Поющее сердце // Калининская правда. 1965. 4 дек. С. 4.
- Друзья из Чехословакии: «Спасибо, «Ленок»!* // Калининская правда. 1964. 7 сент. С. 4.
- Загоруйко О.* Маршруты «Ленка» // Смена. 1967. 31 окт. С. 3.
- Жукова З.* Праздник талантов // Смена. 1970. 8 янв. С. 3.
- «Ленок»: новые встречи // Смена. 1970. 5 нояб. С. 2.
- Пуртов А.* Расте, «Ленок» // Культурно-просветительская работа. 1972. № 10. С. 56—60.
- Торжокский «Ленок» // Калининская правда. 1976. 8 февр.
- Смирнов З.* «Ленок» покори... // Советская Россия. 1976. 25 марта. С. 4.
- Федотов А. Г.* Сельские вечера. М.: Московский рабочий, 1977. 64 с.
- Лесной В.* «Ленок» едет в Финляндию // Калининская правда. 1978. 30 сент. С. 4.
- Народный ансамбль «Ленок»: Буклет / Сост. И. А. Зубарева. Калинин, 1979. 11 с.
- Никонова А.* Как растет «Ленок» // Калининская правда. 1980. 25 апр. С. 4.
- Моисеев М.* [Большим концертом...] // Советская культура. 1980. 22 июля. С. 3.
- Полякова Л.* Золотое шитье «Ленка» // Калининская правда. 1984. 30 апр. С. 4.
- Иванова Р.* Расцветай, «Ленок»! // Калининская правда. 1985. 27 апр. С. 4.
- Мартов В.* С днем рождения, «Ленок» // Калининская правда. 1985. 25 мая. С. 4.
- Деревягин В.* Равнясь на «Ленок» // Калининская правда. 1985. 4 июля. С. 4.
- Быкова Н.* Революции посвящается // Смена. 1987. 22 сент. С. 4.
- «Ленок» // Тверская область: Энциклопедический справочник / Сост. М. А. Ильин. Тверь, 1994. С. 147.
- Чоп Г.* «Ленок» — лауреат // Новоторжский вестник. 2002. 9 июля. С. 1. 2-е место на областном фестивале фольклорных коллективов.
- Чоп Г.* Согревает душу музыка // Торжокская неделя. 2010. 27 янв. С. 4.
- Герасимов А.* Страницы славной истории // Торжокская неделя. 2010. 24 марта. С. 7. 50-летие ансамбля.

Насекина Ю. В. Торжке отметили полувековой юбилей ансамбля «Ленок» // Тверская жизнь. 2010. 15 мая. С. 1.

«Русская песня», народный коллектив (Торжок)

Примаченко М. Русская песня: вечная и молодая // Новоторжский вестник. 2010. 2 апр. С. 3.

«Стега», фольклорный ансамбль (Торжок). Ныне действует.

Баева С. Старинные свадебные традиции и современность // Торжокская неделя. 2010. 18 авг. С. 7.

«Субботея», ансамбль народных инструментов детской школы искусств (Торжок). Руководитель Б. Н. Емельянов.

Калинина С. «Субботея». Равных нет! // Новоторжский вестник. 2003. 3 окт. С. 5. 1-е место на открытом фестивале-конкурсе коллективов народных инструментов России (Анапа).

Ансамбль-праздник // Новоторжский вестник. 2008. 19 сент. С. 3. 20-летие ансамбля.

Александрова И. «Субботея» среди лучших коллективов России // Торжокская неделя. 2009. 25 нояб. С. 7. Участие в V Всероссийском конкурсе коллективов народных инструментов им. Н. Н. Калинина (Санкт-Петербург, ноябрь 2009).

Торопецкий район

«Вечорка», ансамбль народной песни (Торопец). Ныне действует.

Успех «Вечорки» // Мой край (Торопец). 2008. 30 апр. С. 5.

«Вечорка» — лауреат фестиваля // Мой край (Торопец). 2008. 25 дек. С. 1. Победа в областном фестивале-конкурсе народных коллективов.

Ефимова Л. Е. Самобытное чудо «Вечорки» // Мой край (Торопец). 2014. 21 марта. С. 12: фот.

Удомельский район

«Соловушка», ансамбль русских народных инструментов средней школы с. Молдина. Руководитель А. И. Воронцов.

Скабицкая Н. Ансамбль неумного Воронцова // Позитив (Тверь). 1999. 14—20 дек. С. 6.

«Услада», народный ансамбль русской песни Дома ремесел (Удомля)

Григорьев Г. Услада для русского сердца // Афанасий-биржа (Тверь). 2011. 24—30 марта. С. 8: фот.

Тверские карелы

Фольклор

Михайловская М. В. Корельские заговоры, приметы и заплочки // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1926. Т. V, вып. 2. С. 511—630.

Suomen kansan vanhat runot. II: Aunuksen, Tverin ja Novgorodin Karjalan runot=Руны финского народа. II: Руны олонецких, тверских и новгородских карел / R. Niemi. Helsinki, 1927. Два варианта рун о Куллерво и песни, записанные В. Алава и Д. Европеусом в Толмачах, Козлове и Тресне Тверской губ. в XIX в.

Virret karjelaziin kielella. Lihoslavlja, 1936. 22 с. карел. яз. Песни на карельском языке.

Karjalan kielen nautteita, I. Helsinki, 1930. Сказки, пословицы, поговорки, загадки.

Поэма из карельских частушек / Собр. А. Н. Зиновьевым // В наши дни (Калинин). 1936. № 1. С. 42—47. Запись А. Н. Зиновьева в Новокарельском р-не.

Карельские эпические песни / Предисловие, подготовка текстов, комментарии В. Я. Евсеева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 526 с. Из содерж.: Василейне уезжает из дому; Куллерво узнает о смерти родных; Молодая жена жалуется на мужа: С. 470, 491, 494.

Карельские пословицы, поговорки, загадки / Сост., перевод, вступит. статья Г. Н. Макарова; науч. ред. А. А. Беляков, У. С. Конкка. Петрозаводск: Госиздат Карельской АССР, 1959. 226 с.

Макаров Г. Н. Образцы карельской речи. Калининские говоры / АН СССР, Карельский филиал; Ин-т языка, литературы и истории; отв. ред. А. А. Беляков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 194 с. карел., рус. яз. Рассказы, предания, игровые и обрядовые песни, причитания, сказки, пословицы, зимние сборища молодежи, неделя гостей («адьво-недели» от мясоеда до масленицы), береста; выращивание и обработка льна, пряденье и тканье; что пекут; как строгают дранку; как выделяется овчина; выгонка дегтя; корзинки; свадьба. Записи в Вельегонском, Лихославльском, Максатихинском, Спировском р-нах в 1950—1960-е гг.

Virtaranta P. Lahisukukielten lukemisto. Helsinki, 1967. 240 с. карел. яз. С. 43—62: пословицы, плачи, песни тверских карел. Записи 1957—1958, 1963, 1966 гг.

Евсеев В. Я. Карельский фольклор в историческом освещении Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. 203 с. Библиогр. в примеч.: с. 196—202.

Карельские пословицы, поговорки / Сост., перевод Г. Н. Макарова. Петрозаводск: Карел. кн. изд-во, 1969. 312 с. карел., рус. яз. Записаны в Спировском, Лихославльском, Вельегонском, Максатихинском р-нах.

Kuusi M. Tytar-Karjalan kalevalaisuus // Kalevalase uran vuosikirja. 1973. № 53. S. 95—112. О пословицах.

Карельские причитания: [Сборник] / Сост. А. С. Степанова, Т. А. Коски; науч. ред. У. С. Конкка; АН СССР. Карел. фил., Ин-т яз., лит. и истории. Петрозаводск: Карелия, 1976. 534 с.: ил., нот.

Кондратьева С. Н. Карельская народная песня. М.: Советский композитор, 1977. 282 с. карел., рус. яз. Песни, записанные в с. Козлово, Плоское, д. Пасынки Спировского р-на, 1959. № 39, 40, 175, 185.

Степанова А. С. Метафорические замены в прибалтийско-финской плачевой традиции // Фольклористика Карелии: Сборник статей / АН СССР. Карельский филиал; Ин-т яз., лит. и истории; науч. ред. Н. А. Криничная, Э. С. Киуру. Петрозаводск, 1986. С. 66, 69, 71, 73, 74, 76, 77, 79.

Virtaranta H. Karjalan kielta ja kansankulttuuria = Карельский язык и народная культура / Н. Virtaranta, P. Virtaranta. Helsinki, 1990. 446 с. карел., фин. яз. Сказки, пьесы на карельском и финском языках.

THE GREAT BEAR = [Фольклор финно-угорских народов]. Pieksamaki, 1993. 788 с. англ., карел. яз. Записи у тверских карел.

Карху Э. Г. Карельский и ингерманландский фольклор в историческом освещении. СПб.: Наука, 1994. 240 с. История литературы Карелии; Т. 1. Тверские карелы. С. 4, 48—51, 165.

Карельское народное поэтическое творчество / АН СССР, Карельский филиал; Ин-т языка, лит. и истории; подготовка, перевод текстов В. Я. Евсеева. Л.: Наука, 1981. 412 с. Из содерж.: Трудовые песни (1848, Тресна; 1895, Козлово; 1895, Толмачи); Лирические песни (1895, Толмачи); Детские песни (1895, Козлово, Тресна; 1957, Пасынок; 1960, Рамешки; 1961, Печная Сельга); Волшебные сказки (1895, Заручье); Бытовые сказки (1913, Чамерово; 1925, Новая Яблонька); Пословицы и поговорки (1895, Толмачи; 1957, Пасынок; 1958, Козлово; 1959, Мосеевское); Загадки (1895, Тресна, Козлово); Частушки (1954, Козлово). С. 126, 127—128, 176, 212—213, 220—222, 254—257, 294—297, 332—333, 339—340, 367, 378, 379.

Virtaranta P. Suru virret Suuhun tuopi. Tverinkarjalainen itkuvirsi, jonka Anna Andrejevna Sutjajeva lauloi aitinsa haudalla Uspenien paivana 28. elokuuta 1977 / пер. на англ. Keith Bosley. Helsinki: SKS, 1989. 107,[5] с.: ил. фин., англ. яз. Песни-плачи в исполнении А. А. Шутяевой.

Kukk T. Vesjegonskin Karjalaisten tsastuskoja. Helsinki: Castrenianum laitokset ja Suomalais-ugrilainen Seura, 1989. 85 p.: ill., maps. Castrenianumin toimitteita; 32. Весъегонские частушки.

Карело-финский народный эпос. Кн. 1, 2. М.: Восточная литература, 1994. 476; 510 с. Фрагмент руны, записанные Ф. Федоровым в мае 1955 г. от Парасковьи Шаляпиной, с. Трошкино Калининской обл. Т. 1. С. 65; Т. 2. С. 41, 453.

Образцы карельской речи. Т. 1: Говоры Республики Карелии, тихвинских и тверских карел / РАН, Карел. науч. центр, Ин-т яз., лит. и истории;

Ун-т Йоэнсуу, Карел. НИИ; ред. В. Рягоев, М. Есканен. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1994. 460 с. карел. яз. Рассказы Вельегонский, Зубцовский р-ны, запись А. В. Пунжиной. С. 237—253.

ANNA AWDREJEWNA-KUWLOVA ILMASSA KARIELAN IT, KIJÄ // Karielan sana=Карельское слово (Тверь). 1997. № 9. С. 2, 4. рус., карел. яз. Исполнительница плачей А. А. Шутяева жила в д. Козлово Спировского р-на. Тексты плачей.

Громова Л. Об одном карельском плаче // Karielan sana = Карельское слово. 1998. № 7—8. С. 6—7. Рекрутский плач, записан в 1958 г. в д. Митецкое Лихославльского р-на у Аграфены Ивановны Шишковой.

Слушаю карельский говор = Kuundelen karielasta paginataua: образцы речи дёржанских и валдайских карел / Сост. А. В. Пунжина; РАН, Карел. науч. центр, Ин-т яз., лит. и истории. Петрозаводск: Периодика, 2001. 208 с. карел., рус. яз. Рассказы, былички, сказки, записи 1983, 1990 гг. в д. Новое, Семеновское, Васильевское, Ивановское Зубцовского р-на. Деревенский быт, обряды, поверья дёржанских (зубцовских) карел. С. 9—179.

Степанова А. С. Толковый словарь языка карельских причитаний / РАН. Карельский научный центр, Ин-т яз., лит. и истории; науч. ред. В. П. Федотова. Петрозаводск: Периодика, 2004. 302, [2] с.

Vigzi: репертуарный сборник карельских песен / Тверская региональная нац.-культур. автономия твер. карел; сост. З. И. Головкина, Р. В. Горцев. Тверь: Студия-С, 2007. 68 с.

Михайловская М. В. Заговоры. Приметы // Головкин А. Н. История Тверской Карелии; Карелы: от язычества к православию. Тверь, 2008. С. 396—397.

Фишман О. М. Знающая — больная: из опыта полевой автобиографии // Проблемы духовной культуры народов Европейского Севера и Сибири: Сборник статей памяти Юго Юльевича Сурхаско. Петрозаводск, 2009. С. 135—172. Обряд врачевания записан в д. Никифариха Лихославльского р-на у карелки-старообрядки.

Устинова Т. А. Фольклорные танцы Тверской земли: Записаны Т.А. Устиновой в Твер. губ. в 1938 году / Твер. обл. гос. Дом нар. творчества; вступ. ст. В. Уральской. - Тверь: Алексей Ушаков и К, 2002. - 159 с.: ил. + нот. Хороводы, лансье (ленсей), пляски запис. с показа крестьянок колхоза «Кузовино» Карельского округа и Рамешк. района Калинин. обл., 1938 г. - С.102—111, 126—154.

Фишман О. М. История малой родины в устных и письменных рассказах тверских карел // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры: Материалы международной научной конференции. Петрозаводск, 2010. С. 298—306.

Karielan hengi = Струны карельской души: Песенный сборник / Тверская городская общественная организация Национально-культурная автономия тверских карел; сост. И. Ю. Строганова, Д. А. Цыганова. Тверь: ТвГУ, 2014. 31 с.: ил. карел., рус. яз. Народные и авторские песни.

Фольклор тверских карел: Тексты, аудио- и видеоматериалы // ТОУНБ им. А. М. Горького: сайт. Режим доступа: <http://karel.tverlib.ru/tvercarel/folklor/unt2.html>, <http://karel.tverlib.ru/audio.htm>, <http://www.tverlib.ru/karel/folklor.htm>; http://www.tverlib.ru/karel/folk_aud.htm.

Этнография

Ретивцев А. Некоторые черты из жизни карел Кашинского уезда Тверской губернии // Временник Московского Общества Истории. М., 1857. Кн. 25, III. С. 25—32.

Генеральное соображение по Тверской губернии, извлеченное из подробного топографического и камерального по городам и уездам описания 1783—1784 гг. Тверь: Тип. губ. зем. управы, 1873. 163 с. В описании уездов упоминаются карелы: С. 5, 7, 9, 68, 69, 85, 94, 96, 98, 109, 162.

Заметка о корелах Бежецкого уезда // Сборник материалов для статистики Тверской губернии. Тверь, 1874. Вып. 2. С. 115—118.

Село Микшино; Село Толмачи и Толмачевская волость // Сборник материалов для статистики Тверской губернии. Тверь, 1874. Вып. 2. С. 78—83, 86—88.

Овсянников А. Н. Географические очерки и картины. В 2 т. Т. 1: Очерки и картины Поволжья. СПб.: Типо-лит. Цедербаума и Гольденблома, 1878. 16, 3, 335 с. Частично карельские деревни. С. 90—106, 145—148.

Митропольский И. Этнографический очерк быта карел // Тверской вестник. 1881. № 24. С. 365—367; № 26. С. 386.

Записка о карелах, поселившихся в Тверской губернии / По сообщению священника с. Алексеевское Бежецкого у. Василия Михайловского // Тверские епархиальные ведомости. 1882. № 3. С. 81—88; № 4. С. 117—125; № 6. С. 171—176.

Золотарёв Д. А. Карельские клейма. Б. м.: б. и., 1924. Отдел. оттиск из «Известий Русского географического общества».

Верхневолжская этнологическая экспедиция. Крестьянские постройки Ярославско-Тверского края. Л.: б. и., 1926. 176 с.: ил. *Золотарев Д. А.* Изучение крестьянских построек в работах Верхневолжской этнологической экспедиции; *Артамонов М. И.* Постройки Краснохолмского района; *Песселен Л. И.* Постройки Бежецкого уезда. С. IX, 44, 45, 108, 113, 114, 115, 116.

Розов Н. Народная техника гончарного производства в Тверской губернии (по материалам Верхневолжской этнологической экспедиции Академии материальной культуры) // Тверской край. 1926. № 5 (9). С. 40—47; № 6 (10). С. 28—38. Д. Нерехово Заручьевской вол. Бежецкого у. С. 40, 47.

Золотарёв Д. А. Этнографические наблюдения в деревне РСФСР (1919—1925) // *Материалы по этнографии этнографического отдела Государственного Русского музея.* Л., 1926. Т. 3, вып. 1. С. 148—158. Прибор для высекания огня, приобретенный у тверских карел в 1922 г. С. 148.

Толстов С. П. Русские крестьянские постройки // *Этнография.* 1927. № 2. С. 361. Изложение статьи Л. И. Песселепа.

Маслова Г. С. Материалы по этнографии карел Калининской области // *Советская этнография.* 1936. № 2. С. 79—100: ил. Материалы экспедиций 1925, 1928—1931, 1933 гг. в Бежецкий, Тверской, Вышневолоцкий, Зубцовский, Весьегонский у., Лихославльский и Толмачевский р-ны.

Маслова Г. С. Народный орнамент верхневолжских карел / Отв. ред. В. И. Чичеров. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 137 с.: ил. цв. ТИЭ, нов. сер., Т. 11. Рец.: *Лебедева Н.* // *Советская этнография.* 1952. № 1. С. 219—221.

Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // *Восточнославянский этнографический сборник.* М., 1956. С. 47, 256. Система дымоудаления в курной избе верхневолжских карел, д. Глебени Весьегонского у., первая четверть XIX в.

Schvindt Th. Matkamuiстоја Tverin Karjalasta // *Kansatieteellinen arkisto.* 13. Helsinki, 1957. С. 47. Ступательные лыжи из прутьев.

Virtaranta P. Tverin karjalaisten entista elamaa=Прежняя жизнь тверских карел / P. Virtaranta, H. Virtaranta. Porvoo-Helsinki, 1961. Результаты экспедиции в 1957 и 1958 гг. Рец.: *Макаров Г. Н.* Калининские карелы глазами финляндского ученого // *Скандинавский сборник.* Таллин, 1964. Вып. VIII. С. 407—411.

Тароева Р. Ф. Некоторые стороны семьи и семейного быта у верхневолжских карел // *Научная конференция, посвященная итогам работ Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР за 1962 г.: Тезисы докладов.* Петрозаводск, 1963. С. 34—36.

Народы Европейской части СССР: Этнографические очерки. Т. 2. М.: Наука, 1964. 918 с. Верхневолжские карелы: С. 329, 332, 337, 338, 340, 344, 348, 350, 351, 353, 357, 358, 359, 360.

Тароева Р. Ф. Материальная культура карел: Этнографический очерк. М.; Л.: Наука, 1965. 224 с. Одежда и предметы быта. С. 11, 17, 19, 41, 63, 64, 100, 101, 125, 129, 146, 148, 149, 154, 155, 157, 160, 161, 164.

Орфинский В. П. Деревянное зодчество Карелии. Л.: б. и., 1972. 120 с. Пятистенная изба в Верхнем Поволжье и курная изба 1-ой четверти XIX в., д. Глебени Весьегонского у.

Жуковская И. В. Вышивка тверских карел по коллекции М. В. Михайловской // *Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР.* Л., 1972. Т. 28. С. 180—198: ил.

Калмыкова Л. Э. Народная вышивка Тверской земли. Вторая половина XVIII — начало XX в.: Из собрания Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника: [альбом]. Л.: Художник РСФСР, 1981. 204 с.: ил. цв.

Тверская вышивка в собрании Загорского музея: каталог / Загорский государственный историко-художественный музей-заповедник. М.: Советский художник, 1982. 248 с.: ил. черно-бел. Лихославльский, Молоковский, Рамешковский, Сандовский, Спировский р-ны.

Фишман О. М. Деревянная утварь верхневолжских карел XIX—XX вв.: Автореф. дис. / Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Л.: б. и., 1986. 23 с.

Фишман О. М. Деревянная утварь верхневолжских карел (соотношение этнических и локальных элементов) // Субэтносы в СССР. Л., 1986. С. 123—142.

Фишман О. М. Терминология деревянной утвари как источник для изучения истории карел Верхневолжья // Карелы: этнос, язык, культура, экономика: Тезисы докладов. Петрозаводск, 1989. С. 49—50.

Никольская Р. Ф. Карельская кухня. 2-е изд., испр. и доп. Петрозаводск: Карелия, 1989. 164 с.: ил.

Фишман О. М. К изучению этнической культуры карел Верхневолжья // Современное финно-угроведение: опыт и проблемы. Л., 1990. С. 158—163. Диалектные и локальные группы карел Верхневолжья: козловско-рамешковская, весьегонская и зубцовская.

Фишман О. М. Берестяная утварь русского и финно-угорского населения в XIX—XX вв.: типологическая классификация // Из культурного наследия народов Восточной Европы: Сборник Музея антропологии и этнографии. СПб., 1992. С. 144—148. Берестяное плетение верхневолжских карел.

Рихтер Д. Заметки о тверских карелах // Тверской край в XX веке. Тверь, 1997. Вып. 4. С. 340—341. Историко-социологический очерк (1904, ГАТО. Ф. Р-2691. Оп. 1. Ед. хр. 455). Одежда женщины, дома конца XIX в.

Широкова Г. Тверские воротушки // Радонеж — век XX. 1994. № 6. С. 36—37.

Федотова Л. Узорное ткачество тверских карел // Народное творчество. 1996. № 6. С. 19—20: ил.

Головкин А. Н. История Тверской Карелии. Тверь, 1999.

Михайловский В., Владиславлев В. Записка о карелах, поселившихся в Тверской губернии // Тверская старина. 1999. № 18. С. 101—110.

Головкин А. Н. История Тверской Карелии. Тверь, 2001.

Беляков А. А. История и быт карельского населения // Тверская деревня. Тверь, 2001. Т. 1: Лихославльский район. С. 39—88. Занятия; постройка; одежда и обувь; питание; старинная свадьба; судьба «княгини» после свадьбы; обычаи и традиции.

Зыкус М. В., Бондаренко Е. В. Пособие по карельскому костюму. Тверь: ЧуДо, 2001. 24 с.: ил.

Зыкус М. В. Взаимовлияние элементов народного костюма русских и карел Тверского края XIX — начала XX в. // XXI век: проблемы культуры и культурологического образования. М., 2001. С. 80—84.

Зыкус М. В. Костюм как источник для изучения обрусения тверских карел // Исторический источник в музейной работе. М., 2001. С. 19—22.

Косменко А. П. Традиционный орнамент карел // Косменко А. П. Традиционный орнамент финноязычных народов Северо-Западной России. Петрозаводск, 2002. С. 145—214.

Смирнов Ю. М. Ремесла в Максатихе // Русские и карелы — рядом и вместе. Тверь, 2004. С. 99—102.

Булкин А. А. Тверская Карелия: формирование территории, этнолингвистическая структура, особенности природопользования // Известия Русского Географического общества. 2005. Т. 137, вып. 3. С. 68—76.

Головкин А. Н. В краю двух культур. Ржев: Ржев. тип., 2005. 240 с. Карельский быт; Карельская изба; Радости жизни; Полевые работы; Ремесла. С. 47—54, 65—78.

Зыкус М. В. Региональные особенности народного костюма XIX — начала XX века в традиционной культуре русских и карел Тверской губернии: Автореф. дис. канд. ист. наук. М.: РГГУ, 2006. 24 с.

Булкин А. А. Этнотерриториальная структура и современное этническое состояние Тверской Карелии // Вестник Тверского государственного университета. Серия: География и геоэкология. 2008. № 22 (82). С. 71—82.

Головкин А. Н. Быт и культура тверских карел // Головкин А. Н. История Тверской Карелии; Карелы от язычества к православию. Тверь, 2008. С. 35—46.

Акулова П. Г. Традиционный женский костюм, бытовавший у карельского населения Весьегонского уезда Тверской губернии // Весьегонск: Краеведческий альманах. М., 2009. Вып. 3. С. 159—184.

Орфинский В. П., Гришина И. Е. Традиционный карельский дом. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводск. гос. ун-та, 2009. 480 с.: ил.

Кухня тверских карел: по воспоминаниям З. А. Туричевой и Н. А. Туричева / Тверская региональная национально-культурная автономия тверских карел. Тверь: Триада, 2011. 56 с.: ил. рус., карел. яз.

Верования

Геррань мiянь шюндю-роухтынань святой Иовангели Матвѣйста, карьялань кiельлiя= Евангелие от Матфея. Пiйтери: Венiягенъ Библи. канжакуннань элолла, 1820. [2], 96 с. Карел. яз. рус. шрифтом. Первая книга, вышедшая на карельском языке. Перевод Евангелия сделан священником

с. Козлово Григорием Введенским и учителем Новоторжского училища М. Золотинским.

Макаров Г. Н. О переводном памятнике карельского языка 20-х годов прошлого века: [Евангелие от Матфея] // Труды Карельского филиала АН СССР. Петрозаводск, 1963. Вып. 39. С. 70—79.

Макаров Г. Н. Карельская рукопись полуторавековой давности // Вопросы финно-угорского языкознания. М.; Л., 1964. С. 176—184.

Данилова Т. Церковь Богоявления в селе Толмачи // Karielan sana = Карельское слово (Тверь). 1997. № 2—3. С. 6—7. Из истории с. Толмачи и церкви Богоявления Господня. Церковная летопись, составленная священником в 1860-х гг.

Чичкина И. В. Тверские карелы-старообрядцы Новоторжского уезда XIX—XX вв. // Мир старообрядчества. М., 1998. Вып. 4: Живые традиции: результаты и перспективы комплексных исследований. С. 349—355.

Сдобнов В. Демонология в Тверской губернии второй половины XIX в.: бытование и изучение: по материалам ГАТО // Русская провинция: миф-текст-реальность. М.; СПб., 2000. С. 410—413.

Фишман О. М., Чичкина И. В. Старообрядчество как фактор стабильности этнолокальной общности тверских карел // Финно-угры и соседи: проблемы этнокультурного взаимодействия в Балтийском и Баренцевом регионах: Сборник научных трудов. СПб., 2002. С. 166—188.

Головкин А. Н. Карелы: от язычества к православию. Тверь: Студия-С, 2003. 176 с.: ил.

Фишман О. М. Символизация локальной культуры: старообрядческие группы тихвинских и тверских карел // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: Материалы 4-й международной научной конференции «Рябининские чтения 2003». Петрозаводск, 2003. С. 260—262.

Горюнова М. Н. Карелы-старообрядцы Тверского Верхневолжья: современное этноконфессиональное состояние // Тверской край — душа России: Материалы научной конференции. Тверь-Торжок, 23—24 декабря 2005 г. Торжок, 2005. С. 195—197.

Громова Л. Г. «Евангелие от Матфея» — тверской памятник карельской письменности в контексте межкультурного диалога // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе. Тверь, 2005. С. 67—72.

Головкин А. Н. Карелы от язычества к православию // Головкин А. Н. История Тверской Карелии; Карелы от язычества к православию. Тверь, 2008. С. 251—398.

Калинина С. О. Этноконфессиональные особенности самоидентификации тверских карел в постсоветский период: Автореф. дис. канд. филос. наук / Твер. гос. ун-т. М.: [б. и.], 2008. 33 с.

Громова Л. Г. Взаимодействие культур: влияние православия на идентитет и культуру тверских карел // Славянский мир: общность и многообразие. Тверь, 2009. С. 166—172.

Громова Л. Г. Влияние православия на историю и культуру тверских карел // Актуальные проблемы православной теологии: Международный сборник научных трудов. Тверь, 2011. С. 239—246.

Владимир (Шувалов). Михайлово-Прудовский приход // Усадебный локус и фольклорный текст. Тверь, 2013. С. 98—126.

Обряды. Праздники

Деревенский наблюдатель. Крестьянская свадьба в Весьегонском уезде // Тверской вестник. 1880. № 21. С. 9—11. Перепечатано: Тверская старина. 1991. № 2. С. 129—132. Русская и карельская свадьбы. Свадьба в д. Василево Архангельской вол. Весьегонского у.

Лесков Н. Ф. Карельская свадьба // Живая старина. 1894. Т. IV, № 3—4. С. 499—511. Кашинский у. С. 499.

A lava V. Tverin laanin karjalaisten haataroja. Helsinki, 1937. Свадебный обычай откусывать от одного пирога жениху и невесте. С. 191, 192.

Маслова Г. С. «Kegrin raiva» у карел Калининской области // Советская этнография. 1937. № 4. С. 150—152: ил.: Обряд «пугало-день», 2 ноября. Экспедиция в д. Комоедиха Новокарельского р-на, 1931 г. и поездка в Лихославльский и Новокарельский р-ны в 1936 г.

Manzin K. Karjalaste vanalest puimakommetest // Laanemeressoomlaste rahvakultuurist. Tallinn, 1970. С. 20—32. Весьегонский р-н.

Сурхаско Ю. Ю. Карельская свадебная обрядность (конец XIX — начало XX в.) / АН СССР, Карельский филиал; Ин-т языка, лит. и истории. Л.: Наука, 1977. 238 с. Элементы свадебного обряда. С. 27, 33, 37, 43, 68, 76, 92, 93, 99, 109, 134, 137, 138, 148, 161, 166, 180, 183, 187, 197, 210.

Сурхаско Ю. Ю. Семейные обряды и верования карел: конец XIX — начало XX в. / Отв. ред. Е. И. Клементьев; АН СССР, Карельский фил., Ин-т яз., лит. и истории. Л.: Наука, 1985. 169, [3] с.: ил., табл.

Дементьева Л. А. Брачно-семейные традиции тверских карелов во второй половине XIX века // Карельский этнос: история и перспективы развития: Тезисы научной конференции. Олонец, 1996. С. 28—30.

Дементьева Л. А. Брачно-семейные традиции тверских карел во второй половине XIX века // История и культура тверских карел: перспективы развития: Материалы международной конференции. Тверь, 1997. С. 48—49.

Жигунова О. И. Похоронная обрядность карел Лихославльского района Тверской области // Тверской край — душа России: Материалы научной конференции, Тверь — Торжок, 23—24 декабря 2005 г. Торжок; Тверь, 2005. С. 198—201.

Манжин К. В. Весьегонская свадьба // Весьегонск: Краеведческий альманах. М.; Весьегонск, 2006. Вып. 1. С. 125—162.

Малышев А. И. Аjan, аjan omah Karielah! (Еду, еду я в Карелию!) / Муз. ред. Р. Горцев. Вып. 1. Тверь, 2007. Нотированный сборник песен самодетельного композитора, баяниста Анатолия (Тойво) Ивановича Малышева. На карельском и русском языках. Содержит нотацию фольклорного карельского баянного наигрыша.

Кривцова Л. Про «Пугало-день» // Творчество народов мира. 2008. № 9. С. 46—49.

Фишман О. М. Kegrinpaiva в устных и письменных биографиях тверских карел // Фольклор и этнография: Сборник: к 90-летию К. В. Чистова. СПб., 2011. С. 93—102.

Намзин А. Б. Егорьев день // Удомельские народные традиции и обряды / Сост. А. Б. Намзин. Кн. 4. Удомля, 2012. С. 37—41. Обряд выгона скота, заговоры, игра на рожке в Удомельском и Максатихинском р-нах.

Александрова И. Троицкие встречи старых и новых друзей // Сонковский вестник. 2012. 18 июля. № 51. С. 3: фот. Троицы в с. Кошево Сонковского р-на, июнь 2012.

Традиции / Подгот. С. В. Позднякова // Наша жизнь (Лихославль). 2014. 12 сент. № 36. С. 6.

С надеждой на новую встречу / Подгот. С. В. Зверева // Наша жизнь (Лихославль). 2015. 30 января. № 4. С. 6. Праздник «Старину мы помним, старину мы чтим» в Карельском национальном краеведческом музее (Лихославля).

Экспедиции. Исследователи и собиратели

Золотарев Д. А. Работа этнологической экспедиции в Тверской и Рыбинской губерниях // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Л., 1924. Т. 3. С. 1—32.

Верхневолжская этнологическая экспедиция. Крестьянские постройки Ярославско-Тверского края / ГАИМК. Л.: б. и., 1926. 176 с.: ил.

Верхнемоложская экспедиция. Вып. 1: Лесная деревня / Ред. А. Вершинский, А. Ильинский. Тверь: Гос. типография им. К. Маркса, 1927. 178 с.: ил. Известия Тверского педагогического института; Прилож. к 2, 3 вып. Вышневолоцкий, Бежецкий Весьегонский у., включая д. Васютино, Заболотье, Сундуки и др.

Вершинский А. Н. Экспедиция по изучению Лихославльского района // Известия Тверского педагогического института. Тверь, 1930. Вып. 7. С. 167—173.

Маслова Г. С. Изучение нацменьшинств в Московской области: (Московский областной музей) // Советская этнография. 1931. № 3—4. С. 215—216.

Маслова Г. С. Экспедиция к карелам Калининской области // Краткие сообщения Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М., 1947.

Вып. 3. С. 22—23: ил. Максатихинский и Сандовский р-ны, июль-август 1945.

Фишман О. М. К истории экспедиционно-собирательской деятельности у верхневолжских карел // *Etnograafiamuuseumi Aastaraamat* = Ежегодник этнографического музея. Таллин, 1984. Вып. 34. С. 112—122.

Фишман О. М. Коротко об экспедициях // Советская этнография. 1983. № 6. С. 133—134. Поездки в Спировский, Лихославльский, Вышневолоцкий и Рамешковский р-ны для уточнения современного ареала отдельных групп карельских деревень.

Гуляев В. У калининских карелов // Север. 1985. № 3. С. 5—9: ил.; Калининская правда. 1983. 7 авг. Экспедиция Петрозаводского ун-та для изучения деревянного зодчества.

Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера: Межвузовский сборник. Петрозаводск: ПГУ, 1988. 176 с.: ил. Экспедиция в Максатихинский, Краснохолмский, Лихославльский р-ны 1983. С. 169,172.

Фишман О. М. Итоги и перспективы изучения верхневолжских карел [б. Твер. губ.] // Полевые исследования ГМЭ народов СССР 1985—1987 гг.: Тезисы докладов научной сессии / Гос. музей этнографии народов СССР. Л., 1989. С. 53—54.

Фишман О. М. Верхневолжские карелы. Опыт изучения и современное состояние // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья: Тезисы докладов 1-й региональной научной конференции «Проблемы исследования памятников истории и культуры Верхнего Поволжья». Горький, 1990. С. 81—87.

Фельдман Д. З. Использование документов ЦМА [Центрального межевого архива] в 1918—1939 гг. // Отечественные архивы. 1992. № 3. С. 42. Исследование Музея народов СССР «Деревня Тверской Карелии во 2-й половине XIX в.»

Лаврентьева Л. С. Каталог иллюстративных коллекций отдела Европы МАЭ // Из культурного наследия народов Восточной Европы: Сборник Музея антропологии и этнографии. СПб., 1992. Т. XLV. С. 181, 183, 185, 190, 191, 192, 195, 200, 202, 206.

Александрова А. Н. Коллекция этнографических материалов по верхневолжским карелам // Музею — 125 лет (1866—1991): Материалы юбилейной конференции. Тверь, 1992. С. 53—56.

Александрова А. Н. Памятники материальной культуры тверских карел в Тверском государственном объединенном музее // История и культура тверских карел: перспективы развития: Материалы международной конференции. Тверь, 1997. С. 70—72.

Фишман О. М. Тверская Карелия в фондах Российского этнографического музея // Первый Петербургско-тверской семинар «Тверской край в

науке и культуре»: Сборник научных статей. Тверь, 2009. С. 235—255. Формирование карельского фонда Российского этнографического музея специалистами-этнографами Тверского края.

Лебедева С. Н. Фольклорное обследование Весьегонского района в 2007 году // Тверское фольклорное поле — 2007. Тверь, 2009. С. 6—13. Экспедиция в д. Остолопово, Тарачево, Борихино, Коровкино и др.

Шибалева О. В. Основные фонды по тверским карелам, хранящиеся в ГУ «Государственный архив Тверской области» // Тверские карелы: история, язык, культура. Тверь, 2011. С. 226—233. Ф. Р-1872 «Коллекция фольклорных документов Тверской губернии — Калининской области» (469 дел, 1920—1986).

Зелов Н. С. Научная экспедиция Д. А. Золотарева // Зелов Н. С. Памяти достойны. М., 2012. С. 83—85.

Виртаранта П. Этюды о карельской культуре: Люди и судьбы / Перевод с фин. Ю. Сурхаско. Петрозаводск: Карелия, 1992. 288с.: ил. Исследователи и учителя тверских карел. Г. Н. Макаров, Д. И. Макарова, М. Ф. Белякова, В. Я. Евсеев, В. Д. Рягоев, А. В. Пунжина, П. М. Воробьев, А. А. Беляков, И. С. Беляев, М. И. Муллонен и др.

Лавонен Н. Тверские карелы и «История Тверского края» // Karielan sana = Карельское слово (Тверь). 1998. № 1—2. С. 5. Исследование тверских карел финскими учеными.

Alava V. Kuin mie olin Tverin Karielassa kezalla 1895 = Воспоминания о путешествии в Тверскую Карелию летом 1895 / Перевод на карел. яз. Л. Громовой // Karielan sana = Карельское слово (Тверь). 1999. № 9. С. 3; № 10. С. 3; № 12. С. 3; 2000. № 1—2. С. 7; № 3. С. 3. Дневниковые записи, 11 июня — 21 сентября 1895.

Virtaranta P. V. Alavan «Matkamuistelmia Tverin karjalasta kesalla 1895» // Kalevalaseur an vuosi kirja, 53. Helsinki, 1973. фин. яз.

Виртаранта П. [А. А. Беляков] // Виртаранта П. Этюды о карельской культуре. Петрозаводск, 1992. С. 79.

Беляков Алексей Антонович (1901—1995) // Личные фонды и коллекции Государственного архива Тверской области. Тверь, 2007. С. 21—22. Краевед, преподаватель КГПИ. Ф. Р-1367 (оп. 1. 223 ед. хр.). Научный сотрудник Ин-та языка, лит. и ист. Карельского филиала АН СССР. Род. в д. Юаблокка (Яблонька) около Толмачей; принимал участие в создании литературного языка на основе тверских говоров; автор грамматики карельского языка (1934, вместе с Д. В. Бубрихом), составил «Хрестоматию для карельских школ» (совм. с Е. И. Дудкиной), собирал материал для «Диалектологического атласа карельского языка».

Фишман О. М. [Билибин Иван Яковлевич, 1876—1942] // Первый Петербургско-тверской семинар «Тверской край в науке и культуре»: Сборник

научных статей. Тверь, 2009. С. 236. Осенью 1904 г. в д. Чурилково Весьегонского у. собрал коллекцию женских головных уборов, одежды, полотенец с образцами карельской вышивки (РЭМ).

Котлярская Л. А., Фрейденберг М. М. Из истории тверской культуры: Анатолий Николаевич Вершинский (1888—1944). Тверь: ТвГУ, 1990. 161 с.

Вершинский Анатолий Николаевич (1888—1944) // Личные фонды и коллекции Государственного архива Тверской области. Тверь, 2007. С. 31—33. Историк, профессор КГПИ. Ф. Р-269 (оп. 1. 485 ед. хр.) — рукописи по истории тверских карел, документы экспедиций в Лихославльский и Толмачевские р-ны (до 1937), записи песен и поверий.

Зелов Н. С. Ученый, художник, краевед [А. Н. Виноградов]; Письмо земляка // Зелов Н. С. Памяти достойны. М., 2012. С. 26—28, 44—46.

Зелов Н. С. Жизнь и научные труды А. Н. Виноградова // Весьегонск: Краеведческий альманах. М.; Весьегонск, 2007. Т. 2. С. 121—132. Письмо А. Н. Виноградова к Т. И. Филиппову о рукописном сборнике русских и карельских песен.

Ларин Г. А. Виноградов Александр Николаевич (1845—1919) // Ларин Г. А. Восьегония. М., 2010. С. 321.

Чигринский М. Забытый энциклопедист // Наука и религия. 1991. № 8. С. 5. Русский этнограф и востоковед, уроженец с. Чамерово Весьегонского у. А. Н. Виноградов подготовил сборник русских и карельских песен Восьегонского у. (60 песен). Архив в Отделе рукописей РГБ.

Virtaranta P., Virtaranta H. Kauas laksit karjalainen = Описание путешествия в 1957 г. в Тверскую Карелию. Porvoo; Helsinki; Juva, 1986. 320 с. фин. яз.

Virtaranta P. Kynalla kylmalla — kadella lampimalla: Muistiinpanoja tarauksista ja tараamisista = [Холодным карандашом, но теплой рукой: записки о событиях и встречах] / Сост. J. Yli-Paavola. Helsinki: SKS, 1993. 356 с. фин. яз.

Ariste P. Zum jubilaum Pertti Virtarantas // Советское финно-угроведение. 1978. № 2. С. 153—156.

Хранители нашей культуры // *Karielan sana* = Карельское слово (Тверь). 1997. № 5—6. С. 6: фот. Экспедиции П. Виртаранта 1957—1984 гг.

Перти Виртаранта. 1918—1997 // *Karielan sana* = Карельское слово (Тверь). 1997. № 7. С. 1. Скончался 9 июля 1997 г.

Мартов В. Долго будут карелы им сниться // Тверская жизнь. 1992. 9 сент. Ю.-П. Лаппалайнен и П. Виртаранта в Тверской Карелии.

Головкин А. Н. С Перти Виртаранта // Головкин А. Н. Мы отсюда родом. Тверь, 2007. С. 85—87.

Helmi Virtaranta. 1919—1999 / *Tverin karielat* // *Karielan sana* = Карельское слово (Тверь). 1999. № 9. С. 1. карел. яз. Памяти Х. Виртаранта.

Головкин Анатолий Николаевич (1949) // Личные фонды и коллекции Государственного архива Тверской области. Тверь, 2007. С. 47—48.

Головкин Анатолий Николаевич (1949) // Головкин А. Н. На пути в Калос-Лимен. Евпатория, 2014. 4-я с. облож.

Виртаранта П. Энтузиаст фольклористики [Виктор Яковлевич Евсеев, 1910—1986] // Виртаранта Р. Этюды о карельской культуре. Петрозаводск, 1992. С. 120—123.

У истоков карельской фольклористики: к 100-летию В. Я. Евсеева. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. 72 с. Доктор филол. наук (1957), заслуж. деятель науки Карельской АССР (1967), член Союза писателей СССР (1946). Экспедиции 1950-х гг.

D. E. D. Europeus: suurmiehet vai kummalainen = Д. Е. Д. Европеус: светило или чудак? // Kalevalanseura vuosikirja = Ежегодник Калевальского общества. Helsinki, 1988. Т. 67.

Пашков А. М. [Европеус Давид Эмануэл Даниэл, 1820—1884] // Пашков А. М. Карельские просветители и краеведы XIX — начала XX века. Петрозаводск, 2010. С. 288. Финский лингвист, фольклорист, археолог. Путешествовал в Тверской губ. в 1848, 1872, 1874 гг.

Шангина И. И. Д. А. Золотарёв: (К 100-летию со дня рождения) // Советская этнография. 1985. № 6. С. 76—84. Этнограф, антрополог. Род. в 1885 г. в г. Рыбинске.

Фишман О. М. [Золотарёв Давид Алексеевич, 1885—1935] // Первый Петербургско-тверской семинар «Тверской край в науке и культуре»: Сборник научных статей. Тверь, 2009. С. 240—244. Руководил Верхневолжской этнологической экспедицией (1921—1925), заведовал отделением славяно-финской этнографии ЭО (1921—1930), руководил Русско-финской секцией Комиссии по изучению племенного состава России и сопредельных территорий. Его коллекции хранятся в РЭМе.

Александрова А. Барин, говоривший по-карельски // Тверская жизнь. 1993. 20 мая. Об экспедиции магистра Хельсинк. ун-та Ю. Куйола в 1912—1913 гг. в Бежецкий, Вышневолоцкий, Зубцовский, Осташковский у.

Зелов Н. С. Юхо Куела в Вьсьегонске // Зелов Н. С. Памяти достойны: Статьи, заметки историка-архивиста, краеведа. М., 2012. С. 51—53. Составил книгу «Тверские и новгородские карельские сказки».

Купцов Б. Ф. 1913 // Купцов Б. Ф. Вьсьегонск: Вехи истории. Тверь, 1997. С. 278.

Лебедев Алексей Иосифович (1918—1990) // Личные фонды и коллекции Государственного архива Тверской области. Тверь, 2007. С. 105—106. Педагог, художник, краевед. Ф. Р-1523 (оп. 1. 24 ед. хр.) — рукописи «Тверская Карелия» (1980—1984), «К этнической истории Верхневолжья» (1989); статьи: ономастика и история верхневолжских карел (1938—1983).

Виртаранта П. [Григорий Николаевич Макаров] // Виртаранта П. Этюды о карельской культуре. Петрозаводск, 1992. С. 60—66. Сотрудник сектора языкознания Института языка, литературы и истории Карельского

филиала АН СССР, исследователь тверских говоров карельского языка и фольклора тверских карел. Жил в д. Пасынки с 1947 по 1952.

Баранцев А. П. Григорий Николаевич Макаров (1918—1972) // Советскон финно-угроведение. 1972. № 4. С. 313—314.

Макаров В. Создатель словаря: К 80-летию со дня рождения Г. Н. Макарова // Север. 1998. № 1. С. 143—145.

Виртаранта П. [Дарья Ивановна Макарова] // Виртаранта П. Этюды о карельской культуре. Петрозаводск, 1992. С. 66—67. О жене Г. Н. Макарова, уроженке д. Пасынки.

Фишман О. М. [Малиновская Зинаида Палладиевна, 1891 — ок. 1970] // Первый Петербургско-тверской семинар «Тверской край в науке и культуре»: Сборник научных статей. Тверь, 2009. С. 244—245. Этнограф, сотрудник РАИМК, участница Верхневолжской этнологической экспедиции.

Зелов Н. С. Константин Манжин // Зелов Н. С. Памяти достойны. М., 2012. С. 140—142.

Ларин Г. А. Манжин Константин Васильевич (1903—1977) // Ларин Г. А. Восьегония. М., 2010. С. 342. Собиратель материалов по истории и фольклора карел Восьегонского у. (РО ИРЛИ, научные учреждениях Таллина, Тарту, Петрозаводска).

Полищук Н. С., *Рабинович М. Г., Чижикова Л. Н.* Гали Семеновна Маслова (1904—1991) // ЭО. 1992. № 3. С. 173—175: фот.

Фишман О. М. [Маслова Гали Семеновна, 1904—1991] // Первый Петербургско-тверской семинар «Тверской край в науке и культуре»: Сборник научных статей. Тверь, 2009. С. 245—246.

Список основных работ доктора исторических наук Гали Семеновны Масловой: (К 60-летию научной деятельности) // СЭ. 1984. № 4. С. 135—137.

М. В. Михайловская (1884—1917) // Тверские исследователи: XX век: Материалы к справочнику «Фольклористы, этнографы и краеведы Тверской земли» / Сост. Л. М. Концедайло, А. С. Дмитриева, А. А. Петров // Традиционная культура Тверского края: Памяти А. Н. Вершинского (1888—1944): Сборник научных статей и публикаций. Тверь, 2013. С. 153—154.

Виртаранта П. [Мария Ивановна Муллонен] // Виртаранта П. Этюды о карельской культуре. Петрозаводск, 1992. С. 84. Лингвист, в 1958 г. работала в д. Селищи, с. Лесное, Восьегонске, Максатихе; упоминается К. В. Манжин (Мандьжойн Костя), уроженец д. Моисеевское (Мойсова) Восьегонского у.

Пунжина Александра Васильевна (1934) // Кто есть кто в изучении народов и национальных проблем России: Справочник / Моск. Центр Карнеги; Ассоц. исследователей рос. о-ва XX века. М.: АИРО—XX, 1995. С. 227.

Виртаранта П. [Александра Васильевна Пунжина] // Виртаранта П. Этюды о карельской культуре. Петрозаводск, 1992. С. 76—79. Сотрудница

Ин-та ЯЛИ Карельского филиала АН. Род. 20 мая 1934 г. в Калинин. Диссертация о говорах тверских карел защищена 19 декабря 1977 г. в Тартуском ун-те.

Головкин А. Н. Хранительница карельской письменности [воспоминания А. В. Пунжиной] // Головкин А. Н. В краю двух культур. Ржев, 2005. С. 155—177.

Виртаранта П. [Владимир Дмитриевич Рягоев] // Виртаранта П. Этюды о карельской культуре. Петрозаводск, 1992. С. 67—70. Сотрудник сектора языкознания Ин-та ЯЛИ Карельского филиала АН, собиратель фольклора. В 1971 г. работал в д. Тресна.

Иванова И. Е. Юрий Матвеевич Соколов // Лица филологов: Из истории кафедры литературы Тверского государственного университета. 1919—1986. 2-е изд., испр. и доп. / Ред. М. В. Строганов. Тверь, 2002. С. 8—62: портр. Преподавал карельский фольклор на карельском отделении.

Степанова Александра Степановна (1930) // Кто есть кто в изучении народов и национальных проблем России: Справочник / Моск. Центр Карнеги; Асоц. исследователей рос. о-ва XX века. М., 1995. С. 258.

Степанова Александра Степановна // Российские фольклористы: Справочник. М., 1994. С. 124. Исследовательница карельских причитаний и заговоров. Печатается с 1967 г.

Жданко Т. А. Сергей Павлович Толстов и этнография // СЭ. 1988. № 2. С. 148.

Итина М. А., Першиц А. И. С. П. Толстов — этнограф, археолог, востоковед // ЭО. 1997. № 1. С. 15. Занимался изучением тверских карел в составе антропологической экспедиции МГУ в 1920-е гг.

Ольга Михайловна Фишман: Библиографический указатель: к 60-летию со дня рождения / М-во культуры и массовых коммуникаций РФ, Федер. агентство по культуре и кинематографии, Рос. Этногр. музей; [авт. вступ. ст. Н. М. Калашникова]. СПб.: б. и., 2006. 24 с.: портр.

Фишман Ольга Михайловна // Российские фольклористы: Справочник. М., 1994. С. 133.

Головкин А. Н. [Анна Андреевна Шутяева] // Головкин А. Н. История Тверской Карелии; Карелы: от язычества к православию. Тверь, 2008. С. 45—46.

Jgava viesti / Tverin karieloin NKA // Karielan sana = Карельское слово. 1999. № 3. С. 4. Сообщение о смерти А. А. Шутяевой (1910—12.03.1999).

Ахлроос А. Финское телевидение в карельской глубинке / Беседовала Л. Громова // Karielan sana = Карельское слово (Тверь). 1998. № 3. С. 1. Карел. и фин. яз. Документальные фильмы, посвященные П. и Х. Виртаранта, А. А. Шутяевой.

Фишман О. М. [Даниил Тимофеевич Янович, 1879—1940] // Первый Петербургско-тверской семинар «Тверской край в науке и культуре»: Сборник научных статей. Тверь, 2009. С. 237—238. В 1905—1907 гг. служил в

Тверском земстве, собрал коллекцию традиционной культуры карел в Арханской и Щербовской вол. Весьегонского у.

Фольклорные коллективы

Культура // Карелы Тверского края = Karielazet tverin mualla. — Тверь, 2012. — С.38—41. Карельские ансамбли и фестивали карельской народной культуры.

Концертная программа тверских карел 1997 года: (изд. на карел. яз) // Головкин А. Н. Прошедшие через века. Тверь, 1998. С. 133—134. Перечень фольклорных ансамблей и исполнителей.

Горцев Р. В. Новый импульс / Беседовала Л. Громова // Karielan sana = Карельское слово. 1999. № 2. С. 3. О внедрении игры на кантеле.

Тверь

«Карельская березка», народный карельский фольклорный ансамбль Дворца культуры «Пролетарка»

Горцева Л. П. «Karielan koivune» elav = «Карельская березка» живет / Беседовала Л. Громова // Karielan sana = Карельское слово (Тверь). 1998. № 1—2. С. 1. Интервью с руководителем ансамбля.

Наши карелы вернулись с фестиваля // Тверская жизнь. 2003. 24 мая. С. 1: фот. Участии во Всерос. фестивале национального костюма в Йошкар-Оле.

Лихославльский район

«Виржи», фольклорный ансамбль (Лихославль)

Соловьев А. Ансамбль «Виржи» в Микшино // Karielan sana = Карельское слово. 1999. № 3. С. 3. Представление новой программы на карельском языке.

Смирнова Г. Самородки родного края // Тверская жизнь. 2012. 15 сент. С. 3. Выступление на фестивале, посвященном 1000-летию единения мордовского народа с Россией (Саранск).

«Вихмане», детский ансамбль кантелистов Детской школы искусств (Лихославль). Ныне действует.

Яркое событие / Подгот. С. В. Позднякова // Наша жизнь (Лихославль). 2015. 30 янв. С. 6: фот. 15-летие ансамбля.

«Марьязэт», фольклорный коллектив Лихославльского педагогического училища

Дождина М. «Марьязэт» — мелодия карельской души // Тверская жизнь. 2002. 18 окт. С. 4.

Тверские цыганы

Собрание, изучение

Махотина И. Ю. Фразеология и малые жанры фольклора русских цыган // Фольклор в современной культуре: Материалы научно-практической конференции. Тверь: «СФК-Офис», 2010. С. 126—129. Публикация содержит опечатки в цыганских текстах.

Махотина И. Ю. Цыгане и русская культура. Литература и фольклор: Автореф. дис. ... кан-та филол. наук. Тверь: ТвГУ, 2012.

Махотина И. Ю. Современное состояние фольклора русских цыган Тверской области // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 16. Мультифольклорное пространство Поволжья: Сборник научных статей. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2014. С. 225—237.

Цыганские плутовские сказки и анекдоты / Вступ. ст., пер. с цыг. Е. Друца и А. Гесслера. М.: Агентство печати имени Сабашниковых, 1991. С. 24—25, 41, 42—45, 52, 66, 67, 70, 70, 75, 76. Литературные цыганские сказки и анекдоты Дж. Махотина на русском языке: «Медвежий „вожатый“ и „волшебная коряга“», «Домик для черта», «Чубучко», «Цыганская пицца», «Мужик на цыганской свадьбе», «Чужая бесхозяйственность», «Цыганская мова», «Что легче?», «Про подкову», «Непьющий кнут», «Случай на свадьбе» и проч. Составителями публикации не атрибутированы.

Золотые мониста: Сказки и песни цыган / Перевод с цыган. Е. Друца, А. Гесслера и В. Савельева. М.: Современник, 1992. Литературные переработки сказок и песен, записанных составителями в Твери и Калининском р-не, самозаписи цыганского фольклора и авторские сказки Дж. Махотина.

Исполнители, коллективы, фестивали

Областной смотр художественной самодеятельности // Пролетарская правда (Калинин). 1945. № 47 (7715). С. 2. Участие цыганского ансамбля П. Золоторева (пос. Васильевский Мох Калининского р-на) в областном смотре художественной самодеятельности].

Белугина Н. Цыганская подкова: О празднике национальной музыки и танца // Калининская правда (Калинин). 1989. 20 мая.

Звени, душа цыганская! // Смена (Тверь). 1991. № 6 (5420). С. 4.

Чумакова Н. Цыганский фестиваль // Вышневолоцкая правда. 1991. 2 февраля. № 19. С. 3.

Линина А. Две гитары, зазвенев... // Вече Твери (Тверь). 1993. 29 апреля. С. 3. 25-летие творческой деятельности Джуры Махотина.

Клуб цыганской культуры «Ромэнгро лав» (Цыганское слово). Ныне не действует

Сибиряков В. «Когда поет цыганский хор»: Беседа с председателем цыганского клуба «Ромэнгро лав» Д. Махотиным // Ленинское знамя (Калинин). 1989. 31 августа. № 104 (9494). С. 4.

Театр цыганской песни «Бахтори ромэн» (Цыганское счастье). Руководитель Джура Махотин. Ныне не действует.

Ехали цыгане... // Смена (Тверь). 1991. Сентябрь. № 28. Участие театра цыганской песни «Бахтори ромэн» в 3-м Международном фестивале профессионального искусства цыганских коллективов в г. Горжув Великопольский (Польша).

Махотин Дж. «Цыганское счастье» на польской сцене // Позиция (Тверь). 1991. № 32 (55).

«Лолудя» (Цветы), цыганский ансамбль. Руководитель Есения Мерцалова.

Мерцалова Е. Ах, как бурен цыганский танец! / Беседовала С. Привалихина // Вся Тверь. 1998. № 31. С. 13.

**МАТЕРИАЛЫ ПО НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ
НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «ОКТЯБРЬ»
ТОРОПЕЦКОГО РАЙОНА ВЕЛИКОЛУКСКОЙ ОБЛАСТИ 1948—
1962 ГОДЫ**

Составительница И. А. Трифаженкова (Тверь)

Газета «Октябрь» — печатный орган Торопецкого райкома ВКП(б) и районного совета депутатов трудящихся Великолульской области. Издавалась типографией облуправления издательств и полиграфии, находившейся в Торопце, с 1948—1962 гг. С 1962 г. район вошел в Калининскую область.

1. *Мукин В., худ. руководитель Дома культуры.* Смотр театральных коллективов сельской художественной самодеятельности // Октябрь. 1949. 29 января. С. 2.
2. *Мукин В.* Межрайонный семинар руководителей драматических кружков // Октябрь. 1949. 17 февраля. С. 2.
3. *Мельников И., директор Дома культуры.* Агитбригада Дома культуры // Октябрь. 1949. 18 августа. С. 2.
4. *Топильский Н.* В кружке по изучению «Краткого курса истории ВКП(б)» // Октябрь. 1951. 28 января. С. 2.
5. *Ветров М., секретарь парторганизации.* В кружке по изучению биографии И.В. Сталина // Октябрь. 1951. 18 октября. С. 2.
6. *Рутковская И.* «Бесприданница» на сцене Дома культуры // Октябрь. 1952. 28 февраля. С. 1.
7. *Наханович С.* Новая постановка Дома культуры // Октябрь. 1952. 28 августа. С. 1.
8. *Б. п.* Пою мое Отечество... Стихи молодых поэтов нашего района // Октябрь. 1953. 7 июня. С. 3.
9. *Валентинова Г.* Районный смотр художественной самодеятельности // Октябрь. 1953. 16 декабря. С. 4.
10. *Австрийская Т.* Вечера художественной самодеятельности (в Лужанской избе-читальне) // Октябрь. 1953. 7 января. С. 1.
11. *Б. п.* Члены литературной группы обсуждают свои произведения // Октябрь. 1955. 21 сентября. С. 4. *Литературная группа при редакции газеты «Октябрь».*
12. *Шевелёв Ф., член литературной группы.* Комбайнер // Октябрь. 1955. 16 октября. С. 2.
13. *Ивлева Н., инспектор отдела культуры.* Сегодня — районный смотр художественной самодеятельности // Октябрь. 1955. 20 марта. С. 4.
14. *Ладысев Г.* Творчеству трудящихся — широкий размах! Районный смотр художественной самодеятельности профсоюзов // Октябрь. 1955. 30 ноября. С. 3.

15. *Б. п.* Новый спектакль драматического кружка Дома культуры // Октябрь. 1955. 30 ноября. С. 4.
16. *Большакова М.* Смотр народных талантов // Октябрь. 1955. 27 марта. С. 2.
17. *Б. п.* Конкурс на лучшее произведение // Октябрь. 1956. 13 июня. С. 4. *Газета «Октябрь» объявила конкурс на рассказ, очерк, стихотворение, басню, частушки; обещаны премии.*
18. *Михайлов Н.* «Макар Дубрава». На сцене Дома культуры // Октябрь. 1957. 29 декабря. С. 4.
19. *Красная М., староста кружка.* По родному краю // Октябрь. 1958. 20 августа. С. 2. О походе туристического кружка Дома пионеров.
20. *Михайлов Л.* Творить, дерзать — идти вперед // Октябрь. 1958. 14 февраля. С. 2-3. *Сорокалетие драматического коллектива художественной самодеятельности Дома культуры.*
21. *Петренко В.* «Модернизированный» Островский // Октябрь. 1959. 7 января. С. 4. *Рецензия на спектакль драматического коллектива торопецкого Дома культуры.*
22. *Петренко В.* Новая творческая победа // Октябрь. 1959. 15 марта. С. 4. *Рецензия на новый спектакль драматического коллектива торопецкого Дома культуры.*
23. *Б. п.* Объявление об открытом литературном конкурсе редакции газеты «Октябрь» на лучший очерк, фельетон, рассказ // Октябрь. 1961. 5 мая. С. 4.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

А. К. Конёнкова. Образы странников в графике С. Т. Конёнкова
Рисунки из собрания семьи Конёнковых-Робиновых. Публикуются
впервые. Фото Ю. В. Робинова

1. Т. Я. Конёнкова (Коняева, Рукавишникова)
с сыном. 1907—1908 (?).
Б., кар., акв., белила. 31,5x25

2. Странники. 1907—1908 (?)
Б., гр. кар., цв. кар., акв.
34,6x22,8

3. Слепые с поводырем. 1940—1950 (?)
Б., гр. кар. 32,7x20,5

4. Три странника. 1940—1950 (?)
Б., гр. кар. 30x21,5

*И. Н. Некрасова. Народные исполнители из деревни Голузино
Кимрского района*

П. П. Денисов, И. И. Терехова, З. П. Зубкова,
Н. И. Денисова, Р. И. Ускова. Голузино, 2002

Н. И. Денисова. И я пошел.
Голузино, 2002

*С. Н. Лебедева. Хранители и сподвижники, по материалам выезда в
Рамешковский район в 2014 году*

А. А. Нечаева, д. Медведиха Рамешковского р-на

А. П. Монахова, Н. П. Константинова. Хвостатые (из тверских воспоминаний)

1. А. П. Монахова. Начало 1910-х

2. А. П. Монахова с матерью Юнусовой, 1913

3. А. П. Монахова с сыном, 1913

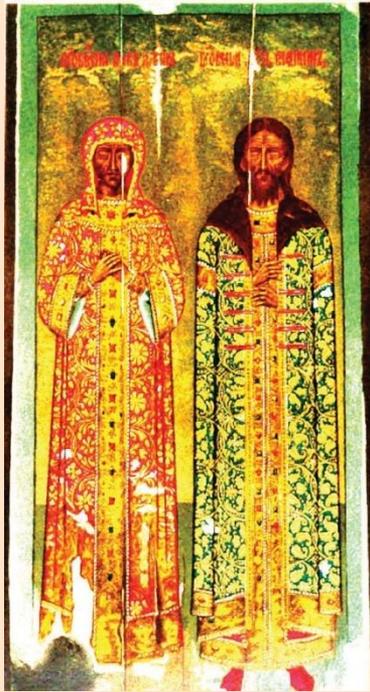

4. Н. П. Константинова, 1913

5. Н. П. Константинова с племянником, 1913

*В. В. Кузнецов. Князь Владимир Ржевский: историческая личность
— «народный» святой — фольклорный образ*

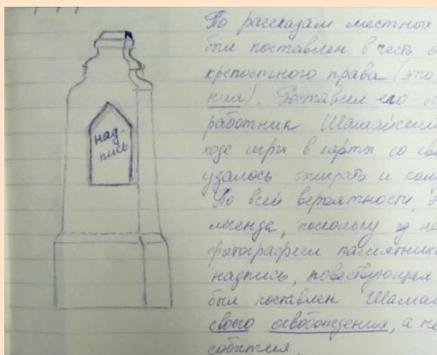

«Надгробная доска с изображением благоверных Ржевского князя Владимира и княгини Агрипины, местно чтимых в г. Ржеве. Эта доска до 1746 года находилась в тамошнем соборе над гробами князя Владимира и княгини Агрипины. Она сооружена в 1717 году усердием Ржевского воеводы Обернибесова. Величина доски в длину 3 аршина 10 ½ вершков, в ширину 1 аршин и 10 вершков» (*Жизневский А. К.* Описание Тверского музея. Археологический отдел. М.: Синодальная тип., 1888. С. 64. № 85).

*О. Л. Францев. Памятник отмене крепостного права деревни
Трубино Новоторжского района. История и легенды*

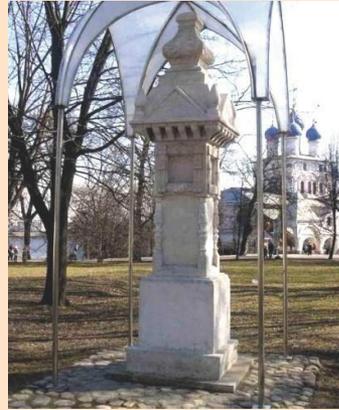
1. Материалы экспедиции ВИЭМ, 1999

2, 3, 4. Снятие текста с памятника

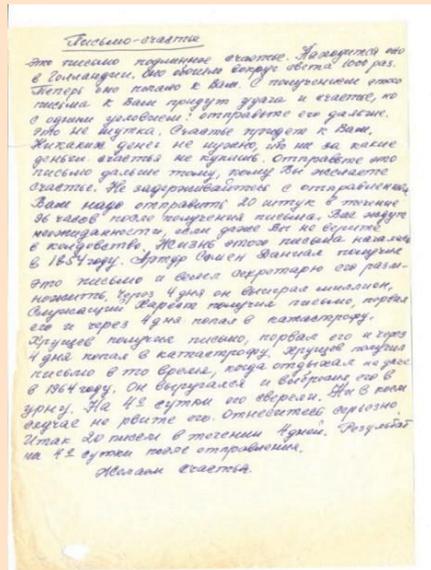
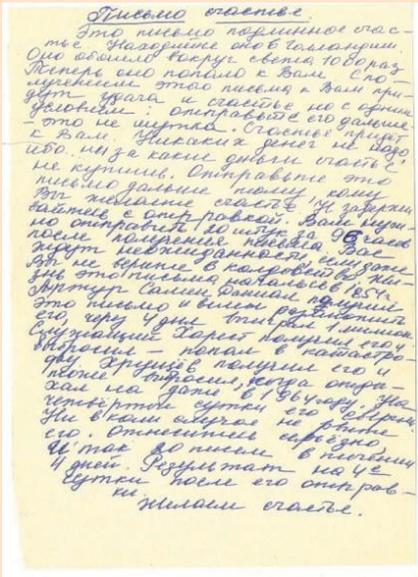

5. Часовня в честь Александра II, Полтава. Почтовая открытка

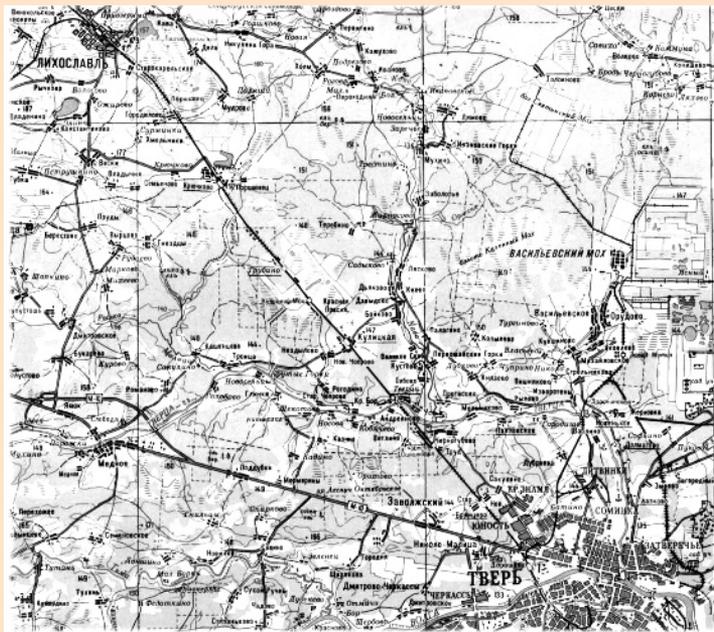
6. Памятник в честь Александра II, д. Шайдорovo Московской губ. 1980. Музей-заповедник Коломенское

О. Л. Францев. «Святые письма» и «письма счастья»
на территории Тверского края

1—2. Письма счастья. Торжок, лето 1991

Карта нижнего Поковья

М. Г. Весенкова. Гончарное ремесло в Оленинском районе

1, 1а. Кувшины. Конец XIX в.

1б. Кувшин с ручкой и носиком, начало XX в. 2. Кубышка для масла. Начало XX в.

3, 3а. Кубышка. XIX в.

4. Кружка. Конец XIX в.

5. Двойнята. XX в.

6. Горшок большой. 1920

7. Горшок. XX в.

8, 8а, 8б. Горлачи. XIX в.

8в. Горлачи, д. Новоселки. Конец XIX в.

9. Бутыль. Начало XX в.

9а. Миска. XIX в.

9б. Горлач с крышкой, Бельский у.,
конец XIX в.

9в. Рукомойник. XIX в.

К. В. Бабковская. Куклы Тверской области

1. Солдат из борщевика
д. Черногоубово Калининского р-на

2. Солдатики из сосновых шишек
д. Черногоубово Калининского р-на

3. Кукла из одуванчика. Тверь

4, 5. «Баран, баран, завей рога!» З. А. Кангро

6. М. И. Кричкина с портретом своей матери, кукольницы Е. А. Соломиной

А. Г. Кулешов. О современной авторской игрушке. Новоторжские расписные глиняные фигурки-свистульки

Перовская мурава

1. Л. А. Новикова. Сокольник

2. Г. А. Алешина. Грифон

3. О. Н. Шемягина. Лев

4. О. Н. Шемягина. Олени

5.

Л. А. Новикова. Полкан

Новоторжская игрушка. В. И. Ситников

6. Окарины

7. Окарины

8. Птичка-свистулька

9. Тетерев. Свистулька

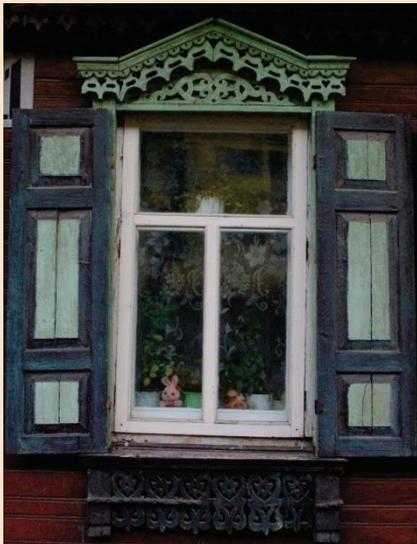

10. Олень. Окарина

В. И. Ситников. Традиции резного декора в Тверских деревянных жилых постройках

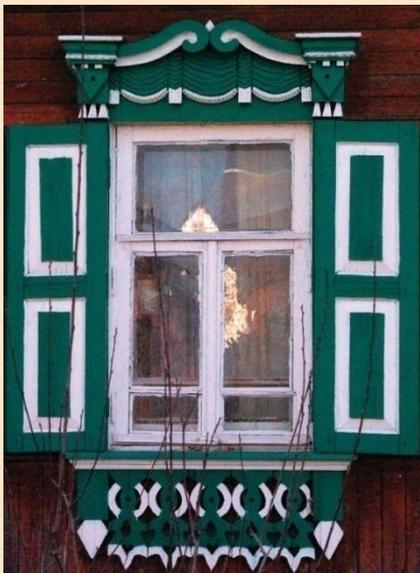
1. Дисгармония традиции и современности (дом на углу улиц Коробкова 36 и 5-я Пролетарская 2)

2. Домообразная карнизная доска

3. Прямая горизонтальная карнизная доска (7-я Пролетарская ул. 11)

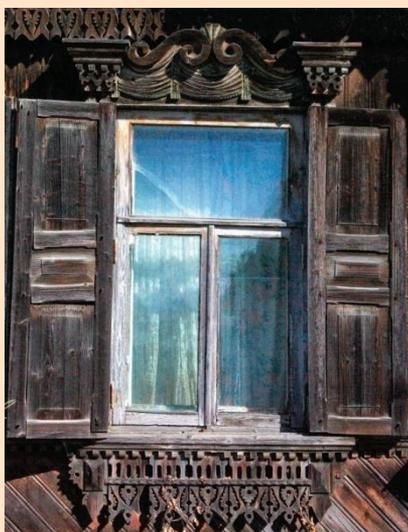
4. Волнообразное очелье
(ул. 5-я Пролетарская 32)

5. Дугообразная карнизная доска
(ул. Медниковская 21)

6. Плоскообъемный наличник фронтона
(ул. Пионерская 43)

7. Глухая и пропиленная резьба
(ул. Пионерская 12)

8, 8а. Городковая и накладная резьба (8 — 2-я Профинтерна ул. 21; 8а — ул. Гончаровой 32)

10, 10а. Пропильная резьба (10 — ул. Коробкова 32; 10а — ул. А. Степанова 34)

9. Накладная резьба (ул. 3-я Пролетарская 9) 11. Орнитоморфный орнамент (ул. 4-я Пролетарская 34)

12, 12a. Зооморфный орнамент (ул. 1-я Интернациональная)

13. Трехчастная композиция навершия
(дом между ул. 7-ая Пролетарская
13 и 6-ая Прлетаркая 12а)

14. Хтонический мотив в надкарнизной
части ул. 4-ая Проллетаркая 37

14а Хтонический мотив
в надкарнизной (дом после
ул. Маслова 27)

15. Наличник с «ушками»
(ул. 3-я Пролетаркая 21)

Государственное бюджетное учреждение культуры
Тверской области
«Тверской областной Дом народного творчества» 170100,
г. Тверь, площадь Святого Благоверного Князя Михаила
Тверского, 3
Тел./факс: 8 (4822) 34-25-16
e-mail: dnttver69@yandex.ru
www.odnt-tver.ru

